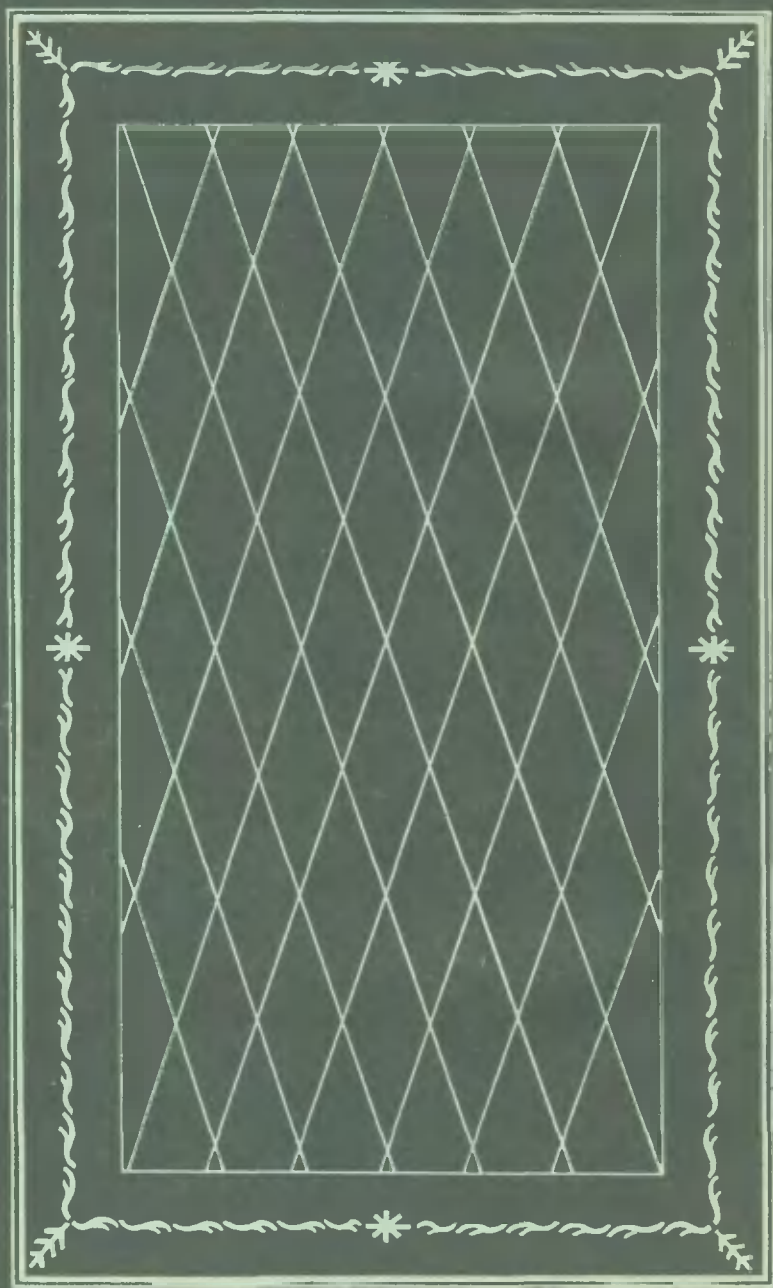

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

ТОМ ВТОРОЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
ВТОРОЙ

Д. МИНАЕВ,

В. БОГДАНОВ, Н. КУРОЧКИН, И. ВЕЙНБЕРГ, Г. ЖУЛЕВ,

В. БУРЕНИН, Н. ЛОМАН, А. СНИТКИН

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1987

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скотов, М. Танк

*Вступительные заметки, составление,
подготовка текста и примечания*

И. Г. ЯМПОЛЬСКОГО

Редактор Л. С. Гейро

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

Рассказывали, что однажды на волжском пароходе Минаев встретился с провинциальным любителем юмористической поэзии. Они разговорились. Провинциал стал расспрашивать Минаева о столичных писателях. Одобрительно отозвавшись о стихах, печатающихся под псевдонимом «Обличительный поэт», он спросил, не знает ли Минаев их автора. Минаев ответил, что автор этих стихотворений — он сам. Молодой человек очень обрадовался возможности побеседовать со знаменитым поэтом и попросил позволения пожать ему руку. Затем он поинтересовался, не знает ли его собеседник, кто такой «Отставной майор Михаил Бурбонов», и, услышав, что это тоже он, молодой человек уже с вызовом спросил: «А вот недавно новый какой-то объявился. Общий друг. Из молодых, должно быть... Пожалуй, и это вы?» Получив ответ: «Я, я! Представьте себе!», он окончательно решил, что его мистифицируют, и незаметно исчез.¹

Этот забавный анекдот — даже при неточности его отдельных деталей (Минаев не пользовался одновременно этими тремя псевдонимами) — свидетельствует о большой популярности Минаева. Об этом же говорит целый ряд мемуаров, статей, заметок, в которых приводятся по разным поводам его эпиграммы. «Минаева знала вся читающая публика... — пишет один из его современников. — Его пародии, экспромты, эпиграммы облетели всю Россию и повторялись и повторяются, переходя из уст в уста».²

Успех Минаева у современной ему читающей публики объясняется не только его исключительным остроумием и бесспорным поэтическим дарованием, но и идейным направлением его литературной деятельности, его позицией в литературно-общественной борьбе 1860—1870-х годов.

¹ Л и х а ч е в В. Из давнего и недавнего былого // «Слово». 1909, 13 мая. См. также заметку «Мимоходом» в «Новом времени». 1901, 30 окт.

² К р у г л о в. Факты и мысли // «День». 1889, 12 авг.

Дед Дмитрия Дмитриевича Минаева, Иван Матвеевич, в 1773 г., как значится в официальных документах, «вступил из солдатских детей в Рязанский карабинерский полк солдатом».¹ Постепенно продвигаясь в чинах, он получил потомственное дворянство.

Отец поэта, Дмитрий Иванович, тоже долгие годы провел на военной службе. Начав ее сразу же по окончании гимназии, он дослужился до чина подполковника. Сначала строевой офицер, Дмитрий Иванович стал затем военным чиновником; служил в Симбирской комиссариатской комиссии, был смотрителем Оренбургского военного госпиталя и т. п. У отца Д. Д. Минаева, как и у его деда, ни родового, ни благоприобретенного имения не было, а у матери (урожд. Зимнинской) было в Карсунском уезде Симбирской губернии небольшое имение с 44 крепостными.

Дмитрий Дмитриевич Минаев родился в Симбирске 21 октября 1835 г.

С раннего детства он жил в атмосфере литературных и художественных интересов. Его отец очень любил литературу и живопись, сам немного рисовал и писал стихи, о которых в 1839 г. с похвалой отозвался Белинский.² В 1846 г. вышло наиболее известное произведение Д. И. Минаева — «Слово о полку Игоря». Это не перевод, а скорее пересказ и отчасти вариации на мотивы «Слова», переключавшие его в план романтической поэмы. «Слово о полку Игоря» вызвало одобрительные отзывы ряда современников, и лишь один Белинский теперь уже сурово отнесся к нему, упрекнув Минаева за «разжижение довольно бойкими стихами довольно короткого и сжатого „Слова о полку Игоревом“, за «фразистость» и «риторику».³ Белинский недаром упрекал Д. И. Минаева за «фразистость» и «риторику». Человек начитанный и преданный литературным интересам, Д. И. Минаев по своим симпатиям примыкал к запоздалому романтизму 1830-х годов и неприязненно относился к Гоголю и «натуральной школе». «Он пишет одну только грязь. Что это такое! — кричал Минаев в азарте. — Его Плюшкин! Его заплата там, где-то ниже спины?...»⁴

В 1847 г. Д. И. Минаев был причислен к провиантскому департаменту и затем назначен смотрителем Измайловского провиантского магазина в Петербурге, куда и переехал вместе со своей семьей. В Петербурге

¹ Дело департамента герольдии Правительствующего сената о дворянстве недоросля Минаева (1823). Оп. 25, № 4092. Л. 2 // Центр. гос. исторический архив СССР в Ленинграде (далее: ЦГИА), ф. 1343, оп. 25.

² Рецензия на альманах «Новогодник» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 139.

³ «Взгляд на русскую литературу 1846 года» // Белинский В. Г. Т. 10. С. 34.

⁴ Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове // «Историч. вестник». 1903, № 4. С. 117.

Д. И. Минаев отдал сына в военно-учебное заведение — Дворянский полк, где будущий поэт одно время учился вместе с Василием Курочкиным (Минаев был моложе) и вместе с ним принимал участие в рукописном журнале. Здесь был помещен какой-то его рассказ. В Дворянском полку начал также писать стихи, но и они не дошли до нас. В эти годы Д. Д. Минаев сблизился и с Николаем Курочкиным.

Для характеристики той идейной атмосферы, в которой рос Минаев, следует отметить, что и отец его и Н. Курочкин, тогда еще студент первого курса Медико-хирургической академии, в связи с их знакомствами, привлекались к допросу по делу Петрашевского. У Д. И. Минаева бывали петрашевцы А. П. Баласогло и С. Ф. Дуров; он был знаком с А. И. Пальмом. Д. И. Минаев нередко бывал у известного переводчика и педагога Иринарха Введенского, преподававшего русскую литературу в Дворянском полку. Кружок Введенского, который посещали студенты Петербургского университета Н. Г. Чернышевский и Г. Е. Благосветлов, был идейно связан с петрашевцами. Политические настроения Д. И. Минаева достаточно ярко охарактеризованы в дневнике молодого Чернышевского. Так, в марте 1851 г. Чернышевский и Д. И. Минаев проделали вместе большой путь: Минаев возвращался в Симбирск, а Чернышевский — через Симбирск в Саратов. «Дорогою, — пишет Чернышевский, — всё рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше, — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями». ¹ Разумеется, настроения отца и его знакомства не могли не оказать существенного влияния на формирование взглядов Д. Д. Минаева. ²

В 1852 г. Минаев оставил Дворянский полк, по-видимому не окончив курса обучения. ³ Вернувшись вслед за отцом в Симбирск, он поступил на службу в губернскую казенную палату. Здесь он прослужил около трех лет, а в 1855 г. перевелся в Петербург, в земский отдел Министерства внутренних дел. В 1857 г. (в том же году, что и В. Курочкин) Минаев вышел в отставку и занялся исключительно литературной работой.

С конца 1850-х годов Минаев начал печататься во второстепенных

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. I. С. 402. См. еще с. 362, 371, 395, 400, а также письма Чернышевского к М. Л. Михайлову и к родителям 1851 г. (Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 14. С. 215—217).

² К 1860-м годам политические настроения Д. И. Минаева коренным образом изменились. Однако к этому времени Д. Д. Минаев был уже сложившимся человеком, и позднейшие взгляды его отца не могли оказать на него какого бы то ни было влияния.

³ Дело Гл. упр. цензуры, 1859, № 4939. Л. 9//ЦГИА, ф. 772.

петербургских журналах: «Иллюстрации», «Ласточке», «Светописи», «Русском мире», «Развлечении» и др., выступая и с оригинальными стихотворениями (первое время — преимущественно лирическими, а затем и сатирическими) и с переводами.

В 1859 г. Минаев издал сборник пародий «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. 1», а в следующем году напечатал в двух номерах журнала «Дамский вестник», под псевдонимом «Д. Свияжский», краткую биографию Белинского, выпущенную также отдельной брошюрой. Это был первый опыт биографии великого критика. В 1850—1860-е годы вокруг личности и идей Белинского велась упорная борьба. Имя Белинского было знаменем для всех передовых людей; представители же либеральных и консервативных кругов русского общества или резко нападали на него, или пытались выхолостить и «обезвредить» революционную сущность его мирозерцания. Они старались доказать, что современные критики демократического лагеря являются не настоящими продолжателями дела Белинского, а его «лжеучениками». Книга Минаева, восторженного почитателя Белинского, была проникнута стремлением восстановить подлинный облик «неистового Виссариона» и подлинный смысл его литературной деятельности.¹ Интересно, что значительная часть биографии является компиляцией, а иногда просто монтажом чуть-чуть измененных цитат из двух источников — из «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского и «О развитии революционных идей в России» Герцена. Таким образом, книга Минаева пропагандировала в русской читающей публике не только Белинского, но и Чернышевского и Герцена. Следует отметить, что сочинение Герцена еще не было в то время издано на русском языке. Русское литографированное издание, выпущенное революционным кружком Заичневского и Аргиропуло, вышло только в 1861 г. Между тем сопоставление текстов показывает, что Минаев пользовался этим переводом и, следовательно, он был ему известен в рукописи или в одном из списков.²

В 1859 г. Минаев сошелся с А. П. Милюковым, знакомым своего отца по кружку И. И. Введенского. Милюков был фактическим редактором затевавшегося тогда журнала «Светоч», поставившего своей целью примирить западников и славянофилов. В 1860—1861 гг. Минаев часто посещал «вторники» Милюкова, на которых бывали Ф. М. и М. М. Достоевские, Вс. Крестовский, А. Н. Майков и другие сотрудники «Светоча».

Н. Н. Страхов, тоже сотрудник «Светоча», впоследствии утверждал в своих воспоминаниях о Достоевском, что кружок Милюкова отличался

¹ Рукопись, представленная Минаевым в цензуру для отдельного издания в мае 1860 г., вызвала возражения, и от него потребовали каких-то исправлений; см.: Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1860, № 30. Л. 58 // ЦГИА, ф. 777.

² Подробнее об этом см. в моей статье «Первая биография В. Г. Белинского» («Науки. бюл. Ленингр. ун-та». 1945. № 3. С. 35—38).

«чисто публицистическим направлением»; «политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы». Страхов с осуждением писал об увлечении членов кружка французскими мыслителями и их теориями, в частности «теорией среды», и о равнодушии к немецкой идеалистической философии.¹

Минаев напечатал в «Светоче» и выходившем при нем «Карикатурном листке» ряд сатирических стихотворений, переводов и фельетонов «Петербургская летопись». Он принимал какое-то участие и в редакционной работе.

Когда в 1861 г. начал выходить журнал «Время», орган так называемого «почвенинчества» (один из вариантов славянофильской идеологии), Ф. М. Достоевский поручил Минаеву написать фельетон для первого номера. Однако фельетон Минаева не удовлетворил Достоевского, и он заменил его своим («Петербургские сновидения в стихах и прозе»), используя в нем стихотворные вставки Минаева.² В том же номере Минаев напечатал без подписи фельетон по поводу русских переводчиков Гейне. Но на этом его сотрудничество во «Времени» окончилось.

С начала 1860-х годов Минаев становится постоянным сотрудником трех журналов, занимавших левый фланг русской периодической печати: «Современника», «Русского слова» и «Искры».

В течение трех с половиною лет — начиная с февраля 1861 г., т. е. сейчас же после неосуществившегося сотрудничества во «Времени», до августа 1864 г. — Минаев вел в журнале «Русское слово» фельетонное обозрение «Дневник Темного человека», в котором зло высмеивал враждебные демократическому лагерю явления общественной и литературной жизни. Характерен самый псевдоним, заимствованный из «Писем темных людей», написанных Ульрихом фон Гуттенем и другими немецкими гуманистами и направленных против средневековой церкви и схоластики. В прозаический текст фельетонов Минаев включал отдельные стихотворения, стихотворные фрагменты, драматические сценки. Кроме того, Минаев напечатал в журнале ряд самостоятельных стихотворений, переводов и критических статей.

Он был одним из основных сотрудников «Русского слова». Уже летом 1861 г. фактический редактор журнала Г. Е. Благодетель писал своему приятелю — беллетристу и историку Д. Л. Мордовцеву: «Хорошо обставляется наш кружок. Писарев, молодой человек с отличной складкой ума, предан «Русскому слову»; Минаев — «Темный человек» кусается великолепно, весь наш... Еще две или три силы, и мы пойдем славно». И позже, делясь с Мордовцевым своими планами, надеждами и сомнениями, Благодетель снова пишет о Писареве и Минаеве: «Не будь около меня

¹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб., 1883. С. 172.

² Там же. С. 213.

Писарева и Минаева, я считал бы себя похороненным в любезном отечестве». ¹ О том же свидетельствует и Писарев. Летом 1862 г., после своего ареста, на вопрос следственной комиссии Писарев показал: «В Петербурге я знаком с графом Кушелевым-Безбородко, с г. Благодетелевым, с Поповым, с г. Минаевым, с г. Крестовским, составляющими ближайший круг редакции „Русского слова“». ²

В «Современнике» Минаев печатал преимущественно переводы (из Барбье, Байрона и др.). Член редакции журнала А. Н. Пыпин называет его в письме к И. А. Панаеву «одним из сотрудников, которыми журнал дорожит». ³

Во время известной полемики 1864—1865 гг. между «Современником» и «Русским словом» по философским, общественным и литературным вопросам Минаев был на стороне первого и прекратил сотрудничество в «Русском слове». Это случилось в августе 1864 г. (тогда же был напечатан и последний его фельетон в «Русском слове»), а в январе 1865 г. Минаев объявил о своем уходе из этого журнала письмом в редакцию «Современника». В «Современнике» Минаев сотрудничал вплоть до его запрещения в 1866 г.

Самое активное участие Минаев принимал в «Искре». Старый знакомый В. Курочкина, он начал сотрудничать в «Искре» с 1860 г., со второго года ее издания, и в течение четырнадцати лет, вплоть до прекращения журнала, поместил в нем огромное количество своих произведений. Его пародии, стихотворные фельетоны, фельетоны в прозе, иногда вперемежку со стихами, драматические сцены, эпиграммы, переводы и прочее появлялись в «Искре» из номера в номер. В «Искре» (а затем и в «Гудке») он выступил и как карикатурист. Один из самых деятельных сотрудников «Искры», Минаев принимал также участие и в редакционной работе. Почти ни одна кампания, организованная журналом, не обходилась без него.

В 1862 г. Минаев три месяца редактировал «Гудок», который был при нем боевым сатирическим журналом. В объявлении о подписке на журнал он следующим образом сформулировал свой взгляд на сатиру: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни — вот те начала, которыми будет руководствоваться редакция «Гудка»... Мы верим в смех и в сатиру не во имя искусства для

¹ Прохоров Г. Шестидесятые годы в письмах современника // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 435.

² Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. 2-е изд. М.; Пг., 1923. С. 559.

³ Евгеньев В. «Практичность» Н. А. Некрасова в освещении цифровых и документальных данных // «Вестник Европы». 1915, № 4. С. 139.

искусства», но во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех как в гражданскую силу».

Уже с первого номера читателям «Гудка» представилось совершенно необычное зрелище. На заглавной виньетке был изображен Герцен, произносящий речь перед жадно слушающей его толпой крестьян; в руках у него знамя, на котором написано: «Уничтожение крепостного права». Здесь же и группа молодых людей; они читают «Гудок», наблюдают за тем, что происходит на другой стороне виньетки, играют на дудочке, пишут сатирические заметки. А на другой стороне — представители крепостнической России: помещики, военщина, чиновники, с ненавистью смотрящие на Герцена, угрожающие ему, крестьянам и молодым людям нагайкой или ищущие спасения от страшной действительности в вине, любовных похождениях и пр. Помещение подобной виньетки было в ту пору большой смелостью; ведь самое имя Герцена было с начала 1850-х годов запретным для русской подцензурной печати до весны 1862 г., когда Катков открыл поход против него всей консервативной журналистики; тем более «крамольным» должно было казаться сочувственное отношение к Герцену. Виньетка была разрешена, конечно, по недосмотру. Она появилась в четырех номерах «Гудка». Но в публике начались разные толки; говорили, что на ней изображены члены царской семьи; журнал читался нарасхват, в цензуре произошел большой переполох, дело дошло до самого Александра II, и по его распоряжению виньетка была запрещена.¹

С 1865 г. Минаев сотрудничал в третьем сатирическом журнале демократического лагеря — «Будильнике», выходившем под редакцией ушедшего из «Искры» художника Н. А. Степанова.

Произведения Минаева эпизодически появлялись и в других изданиях: в конце 1850-х — начале 1860-х годов — в «Русской речи» и в тогда еще либеральном «Русском вестнике», позже в газете «Русь» (1864) и др.

Ближайший круг знакомых Минаева — это по преимуществу сотрудники журналов, в которых он постоянно печатался. В середине 1860-х годов поэт был в приятельских отношениях с И. Е. Репиным.

С самого начала 1860-х годов Минаев привлекает внимание полиции. В 1862 г. III Отделение было обеспокоено тем, что, по имевшимся у него агентурным сведениям, Минаев переписывался с Герценом.² В следующем, 1863 г. имя его фигурирует в доходе об образовавшемся будто бы в редакции «Искры» «клубе поморных»;³ в 1864 г. — в документах III Отделения по поводу «Зиаменской коммуны» В. А. Слепцова, которую посещал Минаев.⁴ С октября 1865 г. Минаев, как и многие другие представители радикальных общественных кругов, был отдан под постоянный

¹ О «Гудке» см. в моей книге «Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов» (Л., 1973. С. 44—64).

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Пб., 1920. Т. 15. С. 387.

³ Там же. Т. 16. С. 170.

⁴ «Лит. наследство». М., 1963. Т. 71. С. 447, 448, 491.

негласный и бдительный надзор полиции «по поводу заявления поименованными лицами учения своего о нигилизме».¹

После каракозовского выстрела, в конце апреля 1866 г., Минаев был арестован за сотрудничество в журналах, «известных своим вредным социалистическим направлением, в особенности „Современнике“ и „Русском слове“»,² и просидел в Петропавловской крепости около четырех месяцев. Имя Минаева встречается в доносах, в письмах разных «благонамеренных» лиц, относящихся к этому времени, где он характеризуется как «крайний либерал и нигилист».³

Таким же «нигилистом» Минаев был и в глазах представителей консервативной журналистики. Интересен в этом отношении один эпизод. В 1868 г. Минаев напечатал стихотворение «Моей Галатее», в котором говорится о том, как ожившая было Галатея снова окаменела «под северной мглой холодного крова» и вернулась «на покинутый свой пьедестал».⁴ Стихотворение это явно аллегорическое. Галатея — это, конечно, Россия; ее пробуждение — подъем революционного движения и общественной мысли в конце 1850-х — начале 1860-х годов, а снова охвативший ее сон — наступившая вслед за ним реакция. Так и рассматривал его фельетонист «Петербургской газеты», упрекнув поэта за симпатии к «недавнему царству отрицателей, царству безалаберного движения вперед» и за пессимистическую оценку современной России, которая, по его словам, не повернула назад и не спит, а «работает, действует, хотя и медленно, но богатырски».⁵

Сотрудничавший в «Современнике» вплоть до его прекращения, Минаев в 1866 г. резко выступил против Некрасова в связи с его «муравьевской одой». Когда после покушения Каракозова М. Н. Муравьев был назначен председателем следственной комиссии, стало ясно, что готовится разгром всей революционной и радикальной России, в том числе — разгром левой журналистики. Желая спасти «Современник», Некрасов решился на отчаянный шаг. Английский клуб давал торжественный обед в честь Муравьева. Некрасов явился туда и прочел ему хвалебное стихотворение. Этот поступок вызвал злорадство в реакционных кругах, боль и возмущение у многих соратников и почитателей Некрасова. Минаев написал несколько стихотворений («Муза» и др.), искренних и сильных, в

¹ Дело департамента полиции исполнительной о представляемых гг. губернаторами ведомостях о лицах, состоящих под надзором полиции за 1867 год. № 1250. Л. 655 об.—656 // ЦГИА, ф. 1286.

² Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О покушении на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г. 1866, № 163, т. 2. Л. 85—86 // ЦГАОР, ф. 95, оп. 1.

³ Производство... следственной комиссии. О заявлении разных лиц по поводу злодейского покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г. 1866, № 172. Л. 31 об. // ЦГАОР, ф. 95, оп. 1.

⁴ «Дело». 1868, № 3. С. 220.

⁵ В о л о д я. Фельетон // «Петербург. газета». 1868, 28 марта.

которых обличал поэта в измене. Разумеется, это была не измена, а ошибочный шаг, сделанный в порыве отчаяния и к тому же не спасший журнала. Скоро все убедились, что перешедшие в руки Некрасова «Отечественные записки» верны традициям «Современника», и «Искра» стала их ближайшим соратником, как прежде — «Современника». С середины 1868 г. Минаев стал систематически печататься в журнале Некрасова. Добрые отношения установились у него впоследствии со многими из основных сотрудников «Отечественных записок» — Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским, Н. А. Демертом (не говоря уже о старом приятеле Н. С. Курочкине).

Продолжая активно работать в «Искре», он, кроме того, возобновил в «Деле», выходявшем вместо «Русского слова», свой «Дневник Темного человека» под новым названием — «С неевского берега» и за новой подписью — «Аноним» (1868—1870). В конце 1860-х — начале 1870-х годов он поместил в «Деле» много других оригинальных и переводных произведений. Минаев сотрудничал также: в конце 1860-х годов в «Неделе», затем в «Маляре» (как карикатурист), в «Пчеле» Микешина, «Вестнике Европы», «Стрекозе», тифлисской «Фаланге» и других журналах. Но ни один журнал не мог предоставить Минаеву-сатирику столь широкого поля деятельности, как прекратившаяся в 1873 г. «Искра» или «Будильник» 1860-х годов. Последний хотя и продолжал выходить, но совсем измельчал, и Минаев лишь изредка помещал в нем свои стихотворения. Этим, равно как и некоторыми особенностями дарования Минаева, объясняется, что в конце 1870-х годов поэт перешел преимущественно к газетной работе; в газетах возможности были шире — фельетон становился непременной принадлежностью каждой большой газеты. В «Биржевых ведомостях», «Молве», «Петербургской газете», «Московском телеграфе» Минаев вел фельетонные обзоры «Чем хата богата» и «На часах (Из памятной книжки отставного майора Михаила Бурбонова)», как и раньше обильно включая в них свои сатиры и эпиграммы. Некоторое время он сотрудничал и в «Новостях» (фельетон «Телефон. Современные мотивы и отголоски» в 1878 г.).

В течение всей своей литературной деятельности Минаев уделял много внимания переводческой работе. Он перевел «Дон-Жуана» и «Чайльд-Гарольда», «Манфреда» и «Каина» Байрона, «Божественную комедию» Данте, «Германию» Гейне, «Дядю» Мицкевича, стихотворения и пьесы Гюго, произведения Мольера, Барбье, Мюссе, Шелли, Гавличка и многих других.

В 1870-е годы Минаев выступил и как драматург. Но его пьесы «Либерал» (1870) и «Разоренное гнездо» (1874) успеха на сцене не имели, хотя вторая пьеса и была награждена Уваровской премией.

В 1882 г. исполнилось двадцать пять лет литературной деятельности Минаева. В одном из приветственных стихотворений она была охарактеризована следующим образом:

Кто на Руси гроза хлыщей и шалопаев,
Судебных болтунов и думских попугаев,
Всех званий хищников, лгунов и негодяев,
Родных Кнт Кытычей, безжалостных хозяев,
Владельцев лавочек, подвалов и сараев,
Плутов, которые, всё честное облаяв,
Кадят тугой мошне, пред властью растаяв?..
Кого бояться так и сельский Разуваев,
И самобытный сброд Батыев и Мамаев —
Грабителей казны и земских караваев,
Ханжей, доносчиков, шпионов, разгильдяев?..
Всё он — сатирик иаш талантливый — Минаев!¹

В последние годы своей жизни Минаев много болел. За два года до смерти он вернулся в Симбирск — «лечиться воздухом родины». Местное «общество» встретило его неприветливо, даже враждебно, не забыв тех сатирических произведений (в первую очередь поэмы начала 1860-х годов «Губернская фотография», ходившей по рукам в многочисленных списках и частично напечатанной), в которых оно было зло высмеяно. Никто не водил с ним знакомства.

Несмотря на болезнь, Минаев продолжал внимательно следить за новыми явлениями в литературе. О К. М. Фофанове он говорил, что тот «при всем своем оригинальном даровании далеко не пойдет, так как тратит слишком много сил и чувства на воспевание чахлой столичной природы и уже и теперь начинает забираться в дебри поэтических сантименталистов».² Зато с большой теплотой поэт отзывался о Короленко и высоко ценил молодого Чехова. Минаев живо интересовался, чем живет подрастающая Россия, что волнует и увлекает ее.

Минаев был потрясен смертью Салтыкова. Когда он узнал о ней, с ним случился глубокий обморок, приведший к обострению болезни.

Вскоре после этого, 10 июля 1889 г., умер и сам Минаев.

Один из поклонников его поэзии, в то время симбирский семинарист, рассказывает, как он и два его товарища тайком от начальства наблюдали за похоронной процессией. За гробом Минаева шло всего несколько человек — знакомых, почитателей и нищих.³

¹ «Историч. вестник», 1889, № 9. С. 693.

² Коринфский А. Памяти Д. Д. Минаева//«Казанский бирж. листок». 1889, 19 июля.

³ Нормов Н. Памятка о Д. Д. Минаеве//«Биржевые ведомости». 1909, 10 июня; см. также статью А. Коринфского «Похороны Д. Д. Минаева» («Казанский бирж. листок». 1889, 18 июля).

156. В АЛЬБОМ РУССКОЙ БАРЫНЕ

Я люблю тебя во всем:

.....
 В бальном, газовом наряде,
 В море кружев, блонд и роз,
 В дымной кухне, на эстраде,
 В цирке, шумном маскараде,
 В зной и холод и мороз...
 За клавишами рояля,
 За тарелкой жирных щей,
 За романами Феваля,
 Дома, в людях, меж гостей.
 В каждом звуке, в каждом взоре,
 В яркой россыпи речей,
 В споре важном, милом вздоре
 О погоде, об узоре,
 Об игре без козырей.
 В преферансе, танце, пляске,
 В драке с девкой крепостной,
 В море слез, в потоках ласки,
 В сарафане и повязке —
 Ты всеильна надо мной.

⟨1859⟩

157. МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА В ДРАМЕ «ДЖУЛИАНО БЕРТИНИ,
ИЛИ ТЕРНОВЫЙ ВЕНОК ГЕНИЯ»

Я весь в жару, как в первый день признанья.
 Души моей натянутые струны
 Готовы вдруг одним певучим хором
 Ответить небесам мелодиею звуков.

Чело горит, струится в жилах пламень,
Я чувствую приливы вдохновенья
Во имя чистого великого искусства!..
Искусство!

(Падает на колени.)

Весь я твой — и ты мое, искусство!
Вот здесь, в груди, божественная искра
Горит огнем небесного веленья,
Тревожит, жжет меня, и я, небес избранник,
Весь трепещу под чарой вдохновенья.

(Быстро встает и начинает импровизировать.)

Я расторгнул жизни путы,
Вдохновенный без границ.
В те великие минуты,
Люди, люди-лилипуты,
Предо мной падите ниц.
На колени! песнопений,
Для грядущих поколений,
Я пролью за звуком звук.
Вы — толпа, я — светлый гений,
Я — рожден для вдохновений,
Вы — для мелких бед и мук.
Для детей погибших мира
Я пою,— смиряет лира
Горе, скорби и печаль.
С именами Гете, Данта
Имя нового гиганта
Люди впишут на скрижаль.
Душно, душно!.. мир мне тесен...

(Срывает с себя галстук и сюртук.)

Муза, муза! лиру мне!
Нужно звуков, рифм мне, песен —
Я горю, я весь в огне...

*(Обессиленный и облитый холодным потом, опускается
на ковер поддерживаемый музой.)*

(1860)

Залит бал волнами света;
 Благовонием нагрета,
 Зала млеет, как букет.
 Упоительно-небрежно,
 Зажигательно-мятежно
 Ноет скрипка и кларнет.
 В вихре звуков, в море жара,
 С сладострастием угара
 В вальс скользит за парой пара,
 Опьянения полна,
 В ураган огнепалящий,
 Душу пламенем мутящий,
 Волканически летящий,
 Грудь взрывающий до дна.
 Вот она, царица бала:
 Раздраженная смычком,
 Быстро сбросив покрывало,
 В танце бешеном летала,
 Припадая ко мне плечом.
 Кудри змеями сбегали,
 Волновались, трепетали
 И, играя предо мной,
 По щекам меня хлестали
 Ароматною волной.
 Мы неслись — мелькали люди,
 Ряд колонн и ряд гостей,
 Фермуары, плечи, груди,
 Лампы, люстры, блеск свечей,
 Косы, жемчуг, бриллианты,
 Дымки, кружева, атлас,
 Банты, франты, аксельбанты
 И алмаз горящих глаз.
 Мы неслись — кружилась зала,
 Я дрожал, как кровный конь,
 Весь был жар я, весь огонь,
 В жилах лава пробегала,
 И корсет ей прожигала
 Воспаленная ладонь.

⟨1860⟩

159. ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложах сидели пурпурных
В благодатной тени сикоморы;
Ароматы курились в урнах,
И гремели певучие хоры.
И Эллады живые напевы,
Как вино, нашу кровь разжигали,
На коврах ионийские девы
С негой южною нас щекотали.
Целовала меня Навзикая,
На груди волновался гиматий,
И, устами к устам приникая,
Ожидала ответных объятий;
Но ни ласка, ни песня, ни шутка
Мне немылы от девы Эллады:
Мальчик розовый — дивный малютка
Привлекал мои жадные взгляды;
Я внимал, как лились, не смолкая,
Его песни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустив свои смуглые руки.

⟨1860⟩

160. ПРОСЕЛКОМ

Раз проселочной дорогою
Ехал я — передо мной
Брел с котомкою убогою
Мужичок как лунь седой.

На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Верно, доля небогатая
Тебе выпала, бедняк!

Подпираясь палкой длинною —
Путь-то, верно, был далек,—
Брел он с песней заунывною.
«Дядя, сядь на облучок!»

Сел старик. Седую бороду
Только гладит. «Ты куда?»
— «Пробираюсь, барин, к городу,
Ждут оброка господа,

Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.

«Погоди, дед! С тяжелой болию
Ты не ляжешь умирать,
На отчизну божьей волею
Сходит мир и благодать;

После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда.

От его превосходительства
Слышал я,— а он мне зять,—
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать».

В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честное знаменье
С благочестьем сотворил.

⟨1860⟩

161. ГРОЗНЫЙ АКТ

У редактора газеты,
Злой противницы движенья,
Собрались друзья по зову
Для совета в воскресенье.

Уж давно редактор смелый
И сотрудники газеты
Встречу юного прогресса
Слали грозные ответы;

Уж давно они где можно
Порицали дружным хором
Наше время, век растленный —
И проклятьем и позором

Всё клеймили; в их «Беседе»
Дон-Кихоты тьмы кромешной
Проповедовали с жаром
Аскетизма путь безгрешный,

Дух терпенья и молчанья...
Но теории прекрасной
Тех новейших публицистов
Не внимал наш век ужасный.

И к редактору «Беседы»
Приглашенные собратья
Собрались, чтобы услышать
Акт торжественный проклятья,

Акт проклятья громогласный
Окаянному прогрессу,
Людам нового развития —
Всем служащим века бесу.

Собралось заседание
И внимало с умилением,
Как редактор, жрец премудрый,
Им читал акт отлученья.

Волоса назад отбросив,
Став с приличной сану позой,
Начал он, сверкнув очами,
Распаленными угрозой:

«Силой правды и закона,
Силой истин всемогущих
Всех, науки и прогресса
Власть открыто признающих,

Мы клянем и к мукам вечным
Абирона и Дафона
Обрекаем их для казни,
Горьких мук, и слез, и стона.

Мы клянем их именами
Ксенофонта и Фаддея,
И отныне и вовеки
Проклинаем, не жалея:

Всюду, где б их ни застали,
Дома, в клубе, в балагане,
За пером, смычком иль кистью,
В министерстве, в ресторане,

Спящих, бодрствующих, пьющих,
Трапезующих, *sacando*,¹
Недугующих, плененных,
Чуть живых... *flebotomando*.²

Проклинаем во всех членах,
В сердце, чреве и глазницах,
В волосах, ногтях и жилах,
В бакенбардах и ресницах...

Всюду их найдет проклятье
И предаст в жилище беса:
Так клянем детей мы блудных
Окаянного прогресса...»

И собратья с дружным плеском
«Так и будет» повторили,
И все подписью формальной
Акт проклятья закрепили.

1860

162. АХ, ГДЕ ТА СТОРОНА?..

Ах, где та сторона,
Где был нем сатана
Века?
Где знавал стар и млад
Наизусть «Аммалат-
Бека»?
Где наш ярый прогресс

¹ От лат. *sacare* — какать. — *Ред.*

² Изнемогающих от кровопускания (лат.). — *Ред.*

Был для всех темный лес,—
 Братцы,
 И всю Русь обучал
 Дед Кайданов, как знал —
 Вкратце;
 В одах ставил поэт
 Вместо Феба в куплет —
 Фебус,
 А князь Рюрик не мнил,
 Что в науке он был —
 Ребус;
 Не пугались мы мглы,
 Не стучали столы
 Юма,
 Гласность в люльке спала,
 Хоть и с гласным была
 Дума;
 Акций бурный поток
 Вырывать нам не мог
 Ямы,
 И на свой идеал
 Новый Нестор писал
 Драмы;
 Не смущались умы,
 Как пел Глинка псалмы
 Слезно,
 И нас трагик пленял,
 Как порой завывал
 Грозно;
 К преньям гласным суда
 Мы не были когда
 Падки,
 И с крестьян становой
 Драл весной и зимой
 Взятки;
 Взятки были в ходу,
 Жил исправник в ладу
 С роком,
 Зимний ветер не знал,
 Что Невой он гулял
 Боком;¹

¹ См. стихотворение Случевского:
 Ходит ветер избочась
 Вдоль Невы широкой...

Дни; когда нашу речь
Муж грамматики — Греч
Правил,
А Булгарин Фаддей
Сильных мира людей
Славил.
В этот век золотой
Наш смущали покой
Реже.
Где же та сторона?
Други! те времена
Где же?

1860

163. ПАРНАССКИЙ ПРИГОВОР

Шум, волнение на Парнасе,
На Парнасе все в тревоге,
И, смущенные, толпами,
На совет собирались боги.
С гор заоблачного Пинда
И с вершины Геликона
Боги мчатся в колесницах
По призыву Аполлона.

Для чего ж богов собрание
На заоблачном Парнасе?
Кто сей смертный, с тусклым взглядом,
Прилетевший на Пегасе?
Кто он — вялый и ленивый,
Неподвижный, как Обломов,
Стал безмолвно и угрюмо,
Окруженный тучей гномов?..

И божественные гости,
Полукругом став у трона,
С нетерпеньем ждали речи
От красавца Аполлона.
И сказал он: «Смертный! молви:
У богов чего ты просишь?
На земле своей далекой
Ты какое званье носишь?»
И ответил смертный: «Русский

Я писатель! На собрата
Приношу донос вам, боги,
И молю вас — в наказанье
С обвиненным будьте строги.
Он, как я, писатель старый,
Издавал он роман недавно,
Где сюжет и план рассказа
У меня украл бесславно...
У меня — герой в чахотке,
У него — портрет того же;
У меня — Елена имя,
У него — Елена тоже,
У него все лица также,
Как в моем романе, ходят,
Пьют, болтают, спят и любят...
Наглость эта превосходит
Меры всякие... Вы, боги,
Справедливы были вечно,
И за это преступленье
Вы накажете, конечно».

Смертный смолк... Вот спорят боги,
Шум и говор окрест трона,
Наконец громовый голос
Раздается Аполлона:
«Мы с сестрой своей Минервой
Так решили, смертный! Право
Твое дело, и наказан
Будет недруг твой лукавый.
И за то он, нашей властью,
На театре будет вскоре
Роль купца играть немую
Бессловесно в «Ревизоре».
Ты же — так как для романа
У тебя нет вновь сюжета —
На казенный счет поедешь
Путешествовать вокруг света.
Верно, лучшее творенье
Ты напишешь на дороге.
Так решаем на Парнасе
Я, Минерва и все боги».

1860

ВО СНЕ

В полдневный жар на даче Безбородко
С «Беседой Русскою» лежал недвижно я.
Был полдень жгуч, струился воздух кротко,
Баюкая меня.

Лежал один под тенью я балкона,
Немая тишь сковала всё кругом,
И солнце жгло отвесно с небосклона —
И спал я мертвым сном.

И снилось мне — большое заседание
Любителей Словесности в Москве,
В кафтанах, в охабнях — творящих заклинанье
Журналам на Неве.

Пред капищем славянских истуканов
Там Лонгинов могилу мрачно рыл:
Да лягут в ней Елагин, Селиванов —
Ликуй, славянофил!

Тогда зажглась в душе моей тревога,
И в полусне прозрела мысль моя,
И видел я, что за два некролога
Там в члены выбран я.

¹ Стихотворения эти присланы нам при следующем письме автора:
Гг. редакторы!

Надеюсь, что вы не откажетесь поместить письма моего на столбцах
вашей газеты.

В одном из последних №№ «Искры» была помещена статья о «Дилетантизме во всех его проявлениях», в которой не совсем благосклонно высказано мнение о московском Обществе любителей российской словесности.

При всем моем уважении к мнениям вашей газеты, я никак не мог вполне согласиться с взглядом «Искры» на Общество любителей. Общество, которое вырабатывает *завтрашние* мысли народа, слышит стон из сердца и *подоплека народной* и лишает г-на Селиванова звания своего члена за его мечты о благотворительности, — заслуживает большего внимания и удивления. Дела и заседания Общества любителей с некоторых пор сделались предметом моего жадного любопытства и наблюдения, и мне пришла в голову дерзкая мысль во что бы то ни стало сделаться членом Общества любителей российской словесности. Но как этого достигнуть? Каким путем? Путем заискивания, протекции мне не позволяет

2
НАЯВУ

Я трепетал,
Как говорил,
Явившись в зал,
Славянофил.
Я изнывал
От ног до плеч,
Как он читал
Собратьям речь.
Я тосковал
И тер свой лоб,
Как он строгал
Европе гроб,
Как Запад клял,
И мудр и строг,
И прославлял
Один Восток.
И тех идей
Водоворот
В душе моей
Переворот
Тогда свершил,
К Москве свой взор
Я устремил,
Поддевку сшил
И стал с тех пор
Славянофил!

идти мое глубокое уважение к строгим принципам этого Общества. Мне остается другая дорога, тернистая и трудная, — достигнуть этого собственными своими силами, положившись совершенно на беспристрастный суд гг. Любителей.

Не заявив в российской словесности еще ничем настолько своего имени, чтобы прямо просить своего выбора в члены Общества, я решился чрез посредство вашей газеты представить Обществу несколько своих стихотворений, из которых гг. Любители могут, во 1-х, узнать мой взгляд на вещи, а во 2-х — мою способность владеть российским словом — *этим мечом правды, который никогда не должен быть обращаем в кинжал клеветы*, и, наконец, решить: могу ли я надеяться удостоиться высокой чести быть выбранным в члены Общества любителей российской словесности.

Приводя здесь мои стихотворения, я с трепетом и робким чувством новичка буду ждать решения важного для меня вопроса: быть или не быть?

Обличительный поэт

МОСКОВСКАЯ ЛЕГЕНДА XIX ВЕКА

Друг друга любили они с бескорыстием оба;
Казалось — любви бы хватило с избытком до гроба!

Он был Славянин — и носил кучерскую поддевку,
А ей сарафан заменял и корсет, и шнуровку.

То платье обоим казалось и краше, и проще,
И в нем они вместе гуляли по Марьиной роще.

Читал он ей Гегеля, песни Якушкина, сказки,
Цалуй то в губки, то в щечки, то в синие глазки.

И в ней развивал он вражду к молодым либералам,
К прогрессу, к Европе, ко всем не московским журналам.

Он ей по-французски болтать запретил совершенно,
И с ней о народности он говорил вдохновенно.

Суровый завет для нее был тяжелой веригой,
Но Кирша Данилов у ней был настольною книгой.

Так дни проходили — их счастье всё шире да шире, —
Казалось, четы нет блаженней, довольнее в мире.

Но счастья лучи не всегда одинаково жарки.
Ужасную весть от соседней болтуни-кухарки

Узнал Славянин, весь исполнен грозы и испуга,
Что носит украдкой корсет с кринолином подруга!

Узнал — не спасла, не пошла, верно, впрок пропаганда, —
Что ночью Славянка... читает романы Жорж Занда.

Узнал он и, верный принципу московских собратий,
Любовь свою предал всей силе суровых проклятий.

Угрюмо и мрачно всегда проходил он Лубянкой,
Страшась повстречаться с коварною псевдославянкой.

Друг с другом навеки они так расстались оба,
А счастья, казалось, обоим хватило б до гроба!

1860

167. НАД УРНОЙ

Ах, неужель ты кинул свет,
Хозяин мой седой?
Таких людей уж больше нет
Под нашею луной.
Ты состояние с трудом
Всю жизнь свою копил,
У Покровá построил дом,
А в дом жильцов пустил.

С процентом скромным капитал
Пуская частно в рост,
Раз в год ты нищим помогал,
Ел постное весь пост.
Умел узнать ты стороной,
Кто деньги занимал,
И ежедневно на Сенной
Сам мясо покупал.

Хотя ты был не из числа
Чувствительных сердец,
Но от тебя не ведал зла
Домовый твой жилец.
До самой смерти неженат
И чужд семейных уз,
Носил ты ватошный халат
И плисовый картуз.

Ты сам себе приготавлил
Лукулловский обед:
Картофель с свеклою мешал
В роскошный винегрет.
Без темных дум, без тайных мук
Добрел до поздних лет;
Всегда с тобой был твой чубук
И вязаный кисет.

С чухонцем дворником был строг,
Журил его слегка;
Ходил ты изредка в раек
Смотреть «Жизнь игрока».
Порою, чтоб себя развлечь,
Ты почитать любил:

Тобой прочитан был весь Греч
И Зотов — Рафаил.

Я на потухший твой закат
Без слез смотреть не мог,
Как, сняв свой ватошный халат,
Ты в гроб сосновый лег.
С тех пор как ты покинул свет,
Я всё твержу с тоской:
«Таких людей уж больше нет
Под нашею луной!»

⟨1861⟩

168. ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ ФАМУСОВЫМ

Люди взгляда высшего,
Книг вы захотите ли!
Пусть для класса низшего
Пишут сочинители.
Для чего вам более
Всё людское знание?
Не того сословия —
Чтоб читать издания!

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обед, где — главное —
Угостят настойками.
То к родне отправишься,
С дворнею — мучение...
Ясно, что умаешься, —
Тут уж не до чтения.

Пусть зубрят приказные
Те статьи ученые,
Где идеи разные
Очень развращенные.
Мы ж, допив шампанское,
Спросим с удивлением:
Дело ли дворянское
Заниматься чтением?

⟨1861⟩

169. ДЕТЯМ

Розги необходимы как энергические мотивы жизни.

П. Юркевич

Розог не бойтесь, дети!
Знайте — ученым игривым
Прутья ужасные эти
Названы жизни мотивом.

Пусть вырастают березы,
Гибкие отпрыски ивы,—
Вы, улыбаясь сквозь слезы,
Молвите — это мотивы!

Если ж случится вам ныне
С плачем снести наказание.—
Что ж? и мотивы Россини
Будят порою рыданья.

Дети! отрите же слезы!
Можете строгость снести вы:
Прежде терпели ж вы лозы,
Так и стерпите *мотивы!*..

1860 или 1861

170. ПРАЗДНАЯ СУЕТА

СТИХОТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОСВЕТСКОГО ПОЭТА
ГРАФА ЧУЖЕЗЕМЦЕВА

(Посвящается автору «La nuit de st.-Sylvestre»¹
и «Истории двух калош»)

(Перевод с французского)

Был век славный, золотой,
Век журнальной знати,
Все склонялись перед той
Силой нашей рати.

Всё вельможи, важный тон...
Но смешались краски —
И пошли со всех сторон
Мошки свистопляски.

¹ «Ночь под Новый год» (франц.).— *Ред.*

Бородатый демократ
Норовит в Солоны;
Оскорбить, унижить рад
Светские салоны.

Грязь деревни, дымных сел
В повестях выводит,
Обличает кучу зол,
Гласность в моду вводит.

Свел с ума его — Прудон,
Чернышевский с Миллем,
А о нас повсюду он
Пишет грязным стилем.

А глядишь — о, века срам! —
Прогрессистов каста
Без перчаток по гостям
Ходит очень часто.

А глядишь — Прудона друг,
Сочиняя книжки,
Носит вытертый сюртук,
Грязные манишки.

Нас нигде он не щадит,
Отзываясь грубо,
Даже гения не чтит
Графа Соллогуба.

Им давно похоронен
Автор «Тарантаса»;
И не шлет ему поклон
Молодая раса.

Где же автор «Двух калош»
С грузом старой ноши?
Нет! теперь уж не найдешь
Ни одной калоши!

Что ж? быть может, Соллогуб
Уступил без бою?
Иль, как старый, мощный дуб,
Был спален грозою?

Нет, он в битвах не бывал,
Не угас в опале;
Но свой гений пробуждал
Вновь в «Пале-Рояле».

Что ж? быть может, наблюдал
Там он русских нравы
И себе готовя
Новый путь для славы?

Нет, ему российских муз
Лавры опостыли,
Он в Париже, как француз,
Ставил водевили.

Что ж? быть может, он стяжал
Лавры и на Сене
И Париж его встречал,
Павши на колени?

Нет, и там он как поэт
Не был запевала,
Хоть порой его куплет
Ригольбош певала...

Вот парадный, пышный зал,
Туш, финал из «Цампы»,
Кверху поднятый бокал,
Спичи, люстры, лампы,

И напудренный конгресс
Старичков зеленых,
И старушек — целый лес,
Пышных, набеленных,

Немец-гость, сказавший речь,
Звуки контрабаса
И маститый старец Г<реч>,
Автор «Тарантаса».

Дев прекрасных хоровод
В русских сарафанах
И гостей безмолвных взвод
Длинный на диванах.

На эстраде, все в цветах,
В виде панорамы,
С поздравленьем на устах
Дамы, дамы, дамы!

Всё вокруг стола,— гостям,
С гордостью сознания,
За столом внимает сам
Президент собранья.

Тут парижский виц-поэт
С расстановкой, басом
Спел хозяину куплет
Вслед за контрабасом:

«Не умрешь ты никогда,—
Пел он в длинной оде,—
Ты последняя звезда
На туманном своде,

Ты живой уликой стал
Века чахлым детям...»
И пошел, и распевал,
Верен мыслям этим.

Пел поэт. Весь замер зал...
Стоя за эстрадой,
Я, как все, ему внимал
С тайною отрадой.

О поэт! Ты тот же был
На Неве, на Сене!
И я мысленно твердил:
«Вепе, вепе, вепе!»¹

В наш немой, пустынный век,
Век без идеала,
Ты единый человек
Старого закала!

1861

¹ «Хорошо, хорошо, хорошо!» (Лат.) — *Ред.*

171. <РАЗГОВОР ТРЕХ ТЕНЕЙ>

На мрачном темном фоне появляются три угрожающие тени...
Затем следует страшная сцена, достойная Шекспира:

Тени сходятся и начинают погребальную пляску,
схватившись руками.

Тень 1 - я

Смерть идет,
Гром ревет!
Ночи мгла!
Смерть поет...

Тень 2 - я

Кто поет
Вести зла?

Тень 3 - я

Черный кот!

Тень 2 - я

Гром ревет!
Тучи рвет
Ветра стон...

Тень 3 - я

Сгинь и сгинь,
Пропади,
Фельетон!

Все вместе

Пропади, пропади, фельетон!

Танец прекращается.

Тень 1 - я

Беда идет, беда!
Летала я...

Тень 2 - я

Куда?

Тень 1 - я

В журнальный ад,
Где в каждом — грех

Казнит стократ
Мертвящий смех,
Где судят ложь
И злобы смрад,
Где новых лож
Открылся ряд.
От эпиграмм
Пощады нет...

Т е н ь 2 - я
О, срам! О, срам!..

Т е н ь 3 - я
Позор газет!..

Т е н ь 2 - я
Скорей собирайтесь дружно в ряд!
Казнить, казнить мы их должны:
Готовьте зелье им и яд...

Т е н ь 3 - я
А как зовут их?

Т е н ь 1 - я
Свистуны!

О б щ и й х о р
Мяукни, кот!
Сова, завой!
Свисток идет:
Готовьтесь в бой.
Мрак, свет гони,
Ломайся, лес!
Прогресс, прогресс
Похорони!

Тени исчезают.

172. НАШЕСТВИЕ СВИСТОПЛЯСКИ

(Легенда XIX ст.)

Что за волнение в рядах журналистики?
Жалкий, испуганный вид!
Жертвенник пуст, и журнальные мистики
Бросили скит.

Тунки смятые, лица печальные,
Очи тревогой горят,
Стонут и плачут витии журнальные
Все зауряд.

Хроники в трауре; сонная критика
К нам нагоняет тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолк и «Куку»...

Где же их жажда труда и опасности,
Где их походы за дам,
Даже погас перед статуей гласности
Вдруг фимиам.

Что ж их тревожит? игра ли фантазии?
Слава ли сводит с ума?
Или холера идет к ним из Азии,
Или чума?

Иль, наконец, им грозит наводнение,
Новый всемирный потоп?..
Нет! их иное пугает сомнение,
Хмурит их лоб.

Ужас наводит чума азиатская,
Страшен холеры возврат,
Но наказание послано адское
Хуже в стократ.

Враг их явился под гаерской маскою!
Нет от беды оборон...
Имя ж ее (хоть зовут свистопляскою)
Есть «Легион»!

Ходит она словно тень неотвязная
И, потешая народ,
Ловит всё пошлое, всё безобразное,—
Ловит и бьет.

Что б ни увидела, что б ни заметила,
Пусть лишь сфальшивит где звук,—
Так эпиграммою прямо и метила,
Дерзкая, вдруг!

Мысль, уж преданьем давно освященную,
Нужно, так, смотришь, казнит,
Даже Буслаева — личность ученую
Не пощадит.

Жрец журналистики пляской скандальною
Назвал ту пляску с тех пор,
И похоронную песнь погребальную
Пел хроникер.

Пел он протяжно,— жрецы ж, сняв сандалии,
Древних молили богов,
Чтоб не смущал этот свист вакханалии
Старческих снов.

1861

173. КУМУШКИ

«Эх! не плачь, кума!
Значит — дело земское!..»
— «Знаю и сама,
Да ведь сердце женское.
Врозь с ним — нет житья...»
— «Не вернешь Кондратьева,
Вышла, вишь, статья
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай! везде бедняк
(В умных книгах значит)
До могилы так
Всё с бедой маячится.
Мать на свет родит —
Нечем воспитать его,

И судьба спешит
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бедняки снесут —
Сладко ли, не сладко ли —
Всё: по шее ль бьют,
Лупят под лопатку ли.
Сирому — сна нет,
Давит зло, как тать, его,
И один ответ —
Гнать, и гнать, и гнать его.

Раз уйдет от зла —
Словно жизнь и ладится,
Глядь — из-за угла
Снова горе крадется.
Так не плачь, кума!
Позабудь Кондратьева:
Нужно из ума
Гнать, и гнать, и гнать его».

1861

174. ОТКРЫТИЕ

Все люди — скоты.

Бланк

Не гордись, о смертный,
Быстротой развития:
Господином Бланком
Сделано открытие.

Брось труды науки,
Ей ни в чем не веря:
Мир — *стадообразный*,
Люди — хуже зверя.

Всё встречай на свете
С чувством беззаботным:
Господином Бланком
Ты сравнен с животным.

Лишь один вопрос есть
В следующем роде:
Так к какой же Бланка
Отнести породе?

1861

175. 1-е ЯНВАРЯ

Нового года лишь вспыхнет денница,
С раннего часа проснется столица.

В праздничный день никого не смутит,
Стонет ли ветер иль выюга крутит,

Хлещет ли снегом в лицо непогода —
Всюду на улицах волны народа;

Мчатся кареты то взад, то вперед,
Смело шагает везде пешеход,

Словно с плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,

Словно сегодня — не то, что вчера...
Город проснулся и ожил с утра.

Хмурые лица — свежей и пригожей:
Барин в медведях, в тулупе прохожий,

Женщин головки в замерзшем окне...
Только невесело что-то всё мне...

Право, не знаю — от зависти, что ли, —
Только смотреть не могу я без боли

И без досады на праздный народ:
Что же вас тешит? что жизнь вам дает?

Что веселитесь, беснуетесь что вы?
Дай-ка взгляну я на ваши обновы

И, замешавшись в толпе без труда,
Ближе на вас погляжу, господа!

Вот вы скользите по гладкой панели:
Сколько ж обновок на вас, в самом деле!..

Золотом шитый швейцар у дверей,
Яркие канты потертых ливрей,

Кружева модниц, рубины булавок,—
Вот и герои Милютиных лавок,

Баловни счастья и щедрой судьбы...
Как металлически светят их лбы!

В лицах читаешь всю важность их целей:
«Устриц бы свежих, да свежих камелий!..»

Блеском нарядов смущается глаз —
Бархат, и соболь, и мягкий атлас,

Только ходи да записывай цены...
Моды столичной гуляют манкены,

И умирят капризный мой сплин
Выставка женщин, детей и мужчин.

Долго портные, модистки, торговки
Шили им к празднику эти обновки;

Жаль, что не шьют они новых идей —
Вот бы примерить на этих людей,

В мысли здоровой дать лучшую моду —
Как бы пристало-то к новому году!

Право, пристало бы... но, говорят:
Нам не к лицу незнакомый наряд...

Дальше смотрю я... фельдъегерь несется,
В ветхой шинельке чиновник плетется,

Тащит под мышкой старуха салоп,
Ванька, качаясь, заехал в сугроб,

И пред толпой разодетой, богатой
Тянет шарманка мотив «Травиаты»,

Плачет в сказанье каких-то потерь...
Вот и питейного здания дверь.

Дровни подъехали, словно украдкой,
Пар от мороза стоит над лошадкой,

Входит в питейный, с оглядкой, бедняк,
Чтоб, заложив свой последний армяк,

Выпить под праздник, забыться немного:
Завтра опять трудовая дорога,

Серые будни и ночи без сна.
Как не хватить зеленóва вина!..

Тут, одержим публицистики бесом,
Думал смутить бедняка я прогрессом,

Думал блестящий прочесть монолог:
«Пьянство-де страшный, великий порок,

Нового дела приспела минута...»
Но посмотрел — и замолк почему-то

И, как пристыженный школьник иной,
С новой досадой побрел я домой.

⟨1862⟩

176. ОТЦЫ ИЛИ ДЕТИ?

ПАРАЛЛЕЛЬ

Уж много лет без утомленья
Ведут войну два поколенья,
Кровавую войну;
И в наши дни в любой газете
Вступают в бой «Отцы» и «Дети»,
Разят друг друга те и эти,
Как прежде, в старину.

Мы проводили как умели
Двух поколений параллели
Сквозь мглу и сквозь туман.
Но разлетелся пар тумана:
Лишь от Тургенева Ивана
Дождáлись нового романа —
Наш спор решил роман.

И мы воскликнули в задоре:
«Кто устоит в неравном споре?»
Которое ж из двух?
Кто победил? кто лучших правил?
Кто уважать себя заставил:
Базаров ли, Кирсанов Павел,
Ласкающий наш слух?

В его лицо взгляните строже:
Какая нежность, тонкость кожи!
Как снег бела рука.
В речах, в приемах — такт и мера,
Величье лондонского «сэра», —
Ведь без духов, без несессера
И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О боги!
Он перед Феничкой, в тревоге,
Как гимназист, дрожит;
За мужика вступаясь в споре,
Он иногда, при всей конторе,
Рисуясь с братом в разговоре,
«Du calme, du calme!»¹ — твердит.

Свое воспитывая тело,
Он дело делает без дела,
Пленяя старых дам;
Садится в ванну, спать ложаясь,
Питает ужас к новой расе,
Как лев на Брюлевской террасе
Гуляя по утрам.

Вот старой прессы представитель.
Вы с ним Базарова сравните ль?
Едва ли, господа!
Героя видно по приметам,
А в нигилисте мрачном этом,
С его лекарствами, с ланцетом,
Геройства нет следа.

Он в красоте лишь видит формы,
Готов уснуть при звуках «Нормы»,

¹ Спокойствие, спокойствие! (Франц.) — *Ред.*

Он отрицает и...
Он ест и пьет, как все мы тоже,
С Петром беседует в прихожей,
И даже с горничной, о боже!
Играть готов идти.

Как циник самый образцовый,
Он стан madame де-Одинцовой
К своей груди прижал,
И даже — дерзость ведь какая, —
Гостеприимства прав не зная,
Однажды Феню, обнимая,
В саду поцеловал.

Кто ж нам милей: старик Кирсанов,
Любитель фесок и кальянов,
Российский Тогенбург?
Иль он, друг черни и базаров,
Переродившийся Инсаров —
Лягушек режущий Базаров,
Неряха и хирург?

Ответ готов: ведь мы недаром
Имеем слабость к русским барам —
Несите ж им венцы!
И мы, решая всё на свете,
Вопросы разрешили эти...
Кто нам милей — отцы иль дети?
Отцы! отцы! отцы!

1862

177. ПРОСЬБА

Я, жены севера, ныне с участием
К вам обращаюсь с благими советами,
Ваше развитие считая несчастьем,
Вашу ученость — дурными приметами.

Пусть перед мудростью женскою муж иной
Рад предаваться в душе умилению, —
Встретясь с Авдотьей Никитишной Кукшиной.
К новому я прихожу убеждению.

Женщины севера, в помыслах строгие,
Анны, Варвары, Лукерьи и Софии!
Бойтесь вы физики, эмбриологии,
И математики, и философии.

Бойтесь, как язвы, *якшаться* с студентами,
В Думе на лекциях, в аудитории;
Но развлекайтесь нарядами, лентами,
Вместо всеобщей и русской истории.

Лучше держитесь порядка вы старого!
Скучно ведь думать и чувствовать заново.
Замуж идите — но не за Базарова,
А уж скорее за Павла Кирсанова.

Знайте, о женщины: эмансипация
Лишь унижает сословье дворянское;
Вдруг в вас исчезнет опрятность и грация,
Будете пить вы коньяк и шампанское.

Сбросив наряды душистые, бальные,
Станете ногти носить безобразные,
Юбки, манишки, белье некрахмальное
И разговаривать точно приказные.

Нет, позабудьте все пренья бесплодные,
Будьте довольны, как прежде, рутиную;
Вечно нарядные, вечно свободные,
Бойтесь встретиться с мыслью единою.

Чем утомляться в ученых вам прениях,
Лучше хозяйкою быть полнокровною,
«Дамой, приятной во всех отношениях»
Или Коробочкой, Дарьей Петровною.

1862

178. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР

(ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Посреди огромной залы,
Где скользит вечерний свет,
Грамотей-радикалы
Собрались на совет.

Бродит мысль по лицам важным,
Хмуры брови, строгий вид,—
И лежал пред мужем каждым
Букв российских алфавит.
Час настал, звонок раздался,
И суровый, как закон,
Перед обществом поднялся
Председатель Паульсон.
Двери настежь, и квартальный
Вводит связанную рать —
Букв российских ряд печальный
Счетом ровно тридцать пять.
Для позора, для допросов
Привели на стыд и срам
Буквы те, что Ломоносов
Завещал когда-то нам.
Не скрывайте ж тайных мук вы,
Не сжимайте бледных губ;
Не одной прекрасной буквы
Мы увидим хладный труп.
Первый враг ваш есть Кадинский.
Он, о ужас! (*смех и крик*)
Думал шрифт ввести латинский
В благородный наш язык;
И, отвергнутый советом,
Чуть не пролил горьких слез...
Но постойте: в зале этом
Начинается допрос.
«Буква *Ять!*»

И мерным шагом,
Глаз не смея вверх поднять,
Перед всем ареопагом
Появилась буква *ять*.
Как преступница, поникла
И, предвидя свой позор,
От новейшего Перикла
Слышит смертный приговор:
«Буква жалкая! Бродягой
Ты явилась в наш язык,
Сам подьячий за бумагой
Проклинать тебя привык,
За тебя лишь называли
Нас безграмотными всех;
Там, где люди *ять* писали,

Е поставить было грех.
Даже избранную братью
Педагогов (*крики: вон!*)
Допекали буквой *ятью*
С незапамятных времен.
Так в тебе гермафродита
Мы признали,— и теперь
Выдти вон из алфавита
Приглашаем в эту дверь!»
Ниц склонясь, как хилый колос,
Ять уходит.

«На места!»

Раздается новый голос:
«Шаг вперед, мадам *Фита!*
Так как с русским человеком
Кровной связи нет у вас,
То ступайте к вашим грекам...»
Но *Фита* вдруг уперлась:
«Мир ко мне неблагодарен!»
Дама рвется, вся в поту:
«Даже сам Фаддей Булгарин
Век писался чрез *фиту*.
Вашу верную служанку
Не гоните ж...» (*резкий звон*).
И несчастную гречанку
На руках выносят вон.
Та же участь ожидала
Букву *Э* и *Ер* и *Ерь*:
Стража вывела из зала
Их в распахнутую дверь.
Потеряв красу и силу,
Всем им в гроб пришлось лечь,
И теперь на их могилу
Ходит тайно плакать Греч.

1862

179. ПОСЛЕДНИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ

(ЕЩЕ СВЕЖЕЕ ПРЕДАНИЕ)

Когда в челе своих дружин,
Победу празднуя заране,
Стоял Аксаков Константин,—
Мужали духом все славяне.

«Маяк», дремавший столько лет,
Вновь проявил свой голос смелый,
И «Москвитянина» скелет
Забыл в гробнице саван белый.

Пронесся клик: «О смелый вождь,
Пробей к народности ты трóпу,
Лишь прикажи: каменьев дождь
Задавит дряхлую Европу;

Иди, оставь свой дом и одр,—
Кричат славянские витии,—
И всё, что внес в Россию Петр,
Гони обратно из России.

Верь прозорливости друзей:
Назад, назад идти нам надо!
Для этих западных идей
Безумны милость и пощада».

И вождь им радостно внимал,
Бичуя Запада пороки.
«Мы постоим,— он восклицал,—
За честь «народной подоплеки»!»

В негодовании в те дни
Славяне фраки с плеч срывали,
И за Москвою жгли огни,
И на кострах их сожигали;

Славяне в мурмолках, в бобрах
Сидели, с злобою циклопа,
И ждали — скоро ли во прах
Падет разбитая Европа.

Но время шло. Редел их круг,
Не улыбалась им победа;
Среди усилий и потуг
Угасла «Русская беседа»;

Перун угрюмый, чтимый встарь,
Упал, крапивой зарастая,
И только «Светоча» фонарь
Чадил, кого-то примиряя.

Во тьме гробов своих немых
Лег за боярином боярин,
Осталось двое только их:
Иван Аксаков и Самарин.

Разбит славянский их кумир,
Едва мерцает «День» в тумане,
И одиноко в новый мир
Глядят последние славяне.

Они глядят — и взор их ждет:
Вот богатырь Илья очнется,
Перун поднимется,— вот-вот
Вся Русь старинная проснется.

Ответа нет. Тот век почил;
И вот, собрав остаток силы,
У позабытых двух могил
Сошлись на пир славянофилы.

Сошлись и молвили они:
«Вот здесь, средь дедовских угодий,
Нам близки только в эти дни —
Один Кирилл... один Мефодий».

Пируют... речи их мертвы,
Бессильны гневные угрозы;
На дно широкой енды
Они роняют только слезы.

И вдаль, угрюмо, сквозь туман
Глядят последние славяне,—
А им Погодин, как баян,
Читает спичи на кургане.

1862

180. СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХ ПОСЛАХ

Шлет нам гостинцы Восток
Вместе с посольством особым.
«Ну-ка, ве́ди, мужичок,
Их по родимым трущобам».

Ходят. Всё степи да лес,
Всё как дремотой одето...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

В села заходят. Вросли
В землю, согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дети в одной рубашонке;
Крытый соломой навес...
Голос рыдающий где-то...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Город пред ними. В умах
Мысль, как и в селах, дремала,
Шепчут о чем-то впотьмах
Два-три усталых журнала.
Ласки продажных метресс...
Грозные цифры бюджета...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже...
Голод, лохмотья — внутри,
Блеск и довольство — снаружи...
Шалости старых повес,
Тающих в креслах балета...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

«Где ж мы, скажи нам, вожак?
Эти зеленые зимы,
Голые степи и мрак...
Полно, туда ли зашли мы?
Ты нам скажи наотрез,
Ждем мы прямого ответа:
Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые это!..»

1862

181. ЮМОРИСТАМ

Юмористы! смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих.
Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог!..

Без насмешки, без иголок,
Весело для всех,
Смейтесь так, чтоб не был колок
Безобидный смех;
Чтоб ребенок в колыбели
Улыбнуться мог...
От иной гражданской цели
Сохрани вас бог!..

Смейтесь... ну хоть над природой —
Ей ведь нет вреда,
Над визитами, над модой
Смейтесь, господа;
Над ездой в телеге тряской
Средь больших дорог...
От знакомства с свистопляской
Сохрани вас бог!..

Пойте песнь о стройном фронте,
О ханже, хлыще,
Только личностей не троньте,
Смейтесь — *вообще*...
И от кар, от обличений
Вдоль и поперек,
От новейших всех учений —
Сохрани вас бог!..

1862 или 1863

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если дурен народ, если падает край,
 Зло проникло в него глубоко,
 Легкомысленно в том не тотчас обвиняй
 Учрежденья, законы его.
 Осторожно взглядишь, обсуди и тогда
 К убежденью, быть может, придешь,
 Что в народе самом затаилась беда,
 Что закон сам собою хорош.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если выйдет мужик из дверей кабака
 И его расшатает травник,
 Ты скажи, указав на него, мужика:
 «Утопает в разврате мужик».
 И тогда откупам сладко гимны запой:
 «Журналистика наша слепа:
 Ведь в народе самом затаился запой,
 Не виновны ни в чем откупа».

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если зол ты на свет, точно правду любя,
 То не тронь в нем порядка вещей,
 Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
 Отучи от неправды людей.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если ты по призванью совсем не поэт,
 Но его только носишь ты сан,
 Не сердись на людей, что твой каждый куплет
 Им ужасней, чем сам кукельван.

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если жидкость дурна, если скислось вино,
 То, куда ты его ни налей,
 Только каждый сосуд замарают оно,
 Но не будет, не станет светлей.¹

Стих(отворения) М. Розенгейма. 1858 г. СПб.

М и х а и л Б у р б о н о в

Если ты благороден, как истинный росс,—
Полицейских ни в чем не кори,
Но по улицам невским не жги папирос
И сигар никогда не кури.

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если сплав нехорош, если дурен металл,
То, какой ни придай ему вид,
В каждой форме, куда б отливать ты ни стал,
Он пороки свои сохранит.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если будешь журнал издавать на Руси,
Хоть у нас их порядочный рой,—
По кварталам билеты везде разноси
И при будках подписку открой.

М и х а и л Р о з е н г е й м

Ведь не случай один правит миром, о нет!
И застою не может в нем быть,
И дух века подаст в свое время совет,
Как и что в нем должно изменить.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если в жизни застой обличитель найдет,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?

⟨1863⟩

**183. ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ
ОТ МИХАИЛА БУРБОНОВА**

Любезный друг Шекспир, талантлив ты — не спорим,
Тебе соперников не часто я встречал,
Но всё же, признаюсь, с большим смотрю я горем,
Какую ложную дорогу ты избрал.

¹ Стих ⟨отворения⟩ М. Розенгейма. 1858 г. СПб.

Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы:
Тебе б всё древний мир, старинных хроник тьма,
Где лишь какие-то Отелло да Макбеты
Иль датский принц, прыгнувший вдруг с ума.

Дай лучше драму нам, без всяких дальних споров,
Военный быт рисуй, жизнь лагеря раскрой,
Где б на коне скакал великий наш Суворов
И манием руки за строем двигал строй.

Ты вместо Дездемон, Корделий и Офелий,
Без деклараторских ходулей и прикрас,
На сцену выведи Ефремовских камелий —
Тогда, тогда, Шекспир, почтут тебя у нас.

⟨1863⟩

184. СОВЕТ

В собственном сердце и уме
человека должна быть внутрен-
няя полиция...

Н. Павлов

От увлечений, ошибок горячего века
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,
Если в душе он откроет бессменный квартал.

Мысль, например, расшалится в тебе не на шутку —
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная блажь —
Пусть усмирит ее сердца недремлющий страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру —
С ней не стесняясь, прими полицейскую меру,

Стань обличителем собственной злобы и лжи
И на веревочке ум свой строптивый держи.

Знайте ж, российские люди, и старцы и дети:
Только «с полицией в сердце» есть счастье на свете.

⟨1863⟩

185. ФАНТЫ

СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ

(Посвящается детям, начинающим учиться российской азбуке)

Бросив газет беспорядки
И отрицания сети,
Будем играть хоть в загадки,
Милые дети!

Будем, вверяясь року,
Чужды задорного спора,
Всё понимать по намеку
Быстро и скоро.

Дети! в вас эти таланты
Крепки с самой колыбели...
Ну, так сыграемте в фанты
Мы, в самом деле!

Классную доску я вытер.
Слушать! займемся мы делом:
Азбуки тридцать шесть литер
Вывел я мелом.

Аз — первый фант, нас зовущий!
Кто же враг западных фраков,
Западной прессы гниющей?
Кто же? — А...¹

Кто о гибели края
С эманципацией женской
Воет, нам ад предрекая,
Кто? — А...

Новая литера: *Буки*!
Кто, русский эпос прославив,
Сделался дивом науки?
Кто же?.. — Б...

¹ Вот разгадки всех загадок по порядку: Аксаков, Асоченский, Буслаев, Безрылов, Водовозов, Громека, Глинка, Дьяченко, Дружинин, Катков, Касьянов, Краевский, Кори, Молинари, Погодин, Скарятин, Щербина, Юркевич. — *Ред.*

Кто в фельетонах (чуждаясь
Всяческих *истов* и *илов*)
В прессу явился, ругаясь?
Кто же?.. — Б...

Литера *Веди!* В народе
Кто для журнальных курьезов
Гейне терзал в переводе?
Кто? — В...

Вот подошли и к *Глаголю*.
Кто же над «бомбами» века
В жизни наплакался вволю?
Кто же? — Г...

В чьих песнопеньях, о дети!
Каждая строчка — слезинка?
Кто всех скучнее на свете?
Кто ж это? — Г...

Вот и *Добро* вам на смену.
Кто (и его ждет оценка)
Вывел животных на сцену?
Кто же? — Д...

Кто для российского мира
Вечно был скучен и длинен?
Кто обрусил нам Шекспира?
Кто же? — Д...

Кто
Пишет «заметки» сурово?
Дети все плачут, услыша
Имя?.. — К...

Кто земляков из Парижа
И из его ресторанов
Гонит?.. Малютка, пойми же —
Кто он? — К...

Кто постоянно рифмуем
С рифмой избитою: «невский»?
Кто свистунами волнуем?
Кто он? — К...

Кто одиноко и сирот,
В битвах ослабнувший вскоре,
Бросил свой жезл триумвира?
Кто ж это? — К...

Вот и *Мыслете*. О, кто ты,
Славивший в лютом угаре
Разные тяжкие льготы?
Кто? — М...

Кто под охраной *Покоя*
Стал для науки негоден?
Дети! шепну на ушко я —
Это... П...

Литера *Слово*. Загадки
Смысл, вероятно, понятен:
Ржет в постоянном припадке
Только... С...

Кто он, сорвавший гиматий
С музы афинской в час сплина,
Пост завещавший для братьев?
Кто он? — Щ...

Кто он, воспевший нам лозы,
В деле наук — Собакевич,
Бюхнеру славший угрозы?
Кто он? — Ю...

Здесь остановимся, дети!
Что ж, непонятно вам? или
Новые ребусы эти
Вы разрешили?

1863

186—187. ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ С ГРАЖДАНСКИМ
ОТЛИВОМ

(Посвящ^{ается} А. Фету)

1

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушение,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят,—
Посрамленье, гибель Руси.
И разврат, разврат!..

2

Солнце спряталось в тумане.
Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
Я не сплю один.
Летний вечер догорает,
В избах огоньки,
Майский воздух холодает —
Спите, мужички!

Этой ночью благовонной,
Не смыкая глаз,
Я придумал штраф законный
Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
Забредет ко мне,
Штраф платить вам будет надо...
Спите в тишине!

Если в поле встречу гуся,
То (и буду прав)
Я к закону обращуся
И возьму с вас штраф;
Буду с каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтоб стеречь свое добро вы
Стали, мужички...

1863

1

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю от любви:
Ум я теряю всегда,
Если сидим vis-à-vis.

Сядь же напротив меня
Или к себе подзови:
Будем мы молча сидеть
Целую ночь vis-à-vis.

2

Тихая звездная ночь.
Друг мой, чего я хочу?
Сладки в сметане грибы
В тихую звездную ночь.

Друг мой, тебя я люблю,
Чем же мне горю помочь?
Будем играть в «дурачки»
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,
Днем я — от смысла не прочь.
Лезет в меня ерунда
В теплую звездную ночь.

1863

190

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.

Грезит он, что в руки
Звук поймал,— и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
«Спой-ка нам куплет
О «звнящей дали»,
Афанасий Фет».

1863

191—192. ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Я не Пятковский, а другой
Еще неведомый избранник...

1

Солнце весны улыбается кротко.
В сердце усталом тоска:
Верно, когда-нибудь злая чахотка
Гонит долой с чердака.

В поле всех манит румяное лето —
Мысль моя бродит во тьме:
Где-нибудь, верно, без ласк, без привета
Узник томится в тюрьме.

Ветер осенний проносится, плача,—
Ужасом скорчен мой рот:
Бьет тебя палкой, несчастная кляча,
Грубый фургонщик-деспот.

Зимнею ночью скорблю я: дика ты,
Нашей планеты судьба!
Господи! скоро ли южные штаты
Снимут ошейник с раба?..

2

В глухую ночь я шел Коломной,
Дождь лил, и ветер с ног сбивал;
Один вопрос головомный
Меня дорогою смущал:

«Я так устал... идти далеко...
Но как извозчика найму,
Не заслужив за то упрека
В неуважении к нему?»

Иду. «Наймите, что ли, барин!
Возьму двугривенный один».
— «Нет, милый друг мой,— благодарен:
Как я — ты тоже гражданин.

Могу с тобой я покалякать!
Ты брат нам всем,— но для чего ж
В такую ночь, в такую слякоть
Меня ты, друг мой, повезешь?

Тебе, как мне, нужна свобода,
Ступай домой — ты весь продрог».
Проговорив такого рода
Красноречивый монолог,

Побрел я площадью пустынной;
Уныло Ванька крикнул вслед:
«Ну дайте хоть пятиалтынный!»
Но я шепнул гуманно: «Нет».

1863 или 1864

193. УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

1

В НАТУРЕ

1

В нашем городе жизнь улыбается
Прощелыгам одним да ворами;
Что ни шаг — то душа возмущается,
Как пойдешь по уездным дворам.

Залита грязью площадь базарная,
И разбитый гниет тротуар;
Здесь нередко команда пожарная
Прикатит без воды на пожар.

Всё начальство пропахло здесь взятками.
Всем берут — что кладут на весы:
Ситцем, сахаром, чаем, лошадаками
И, пожалуй, куском колбасы.

Здесь обычай такой городничего:
Если в лавку поедет жена —
Говорит: «Ты, смотри, не купи чего —
Лавка даром давать мне должна».

Наш исправник старинного норова,
Пьет за двух он тринадцатый год,
А уж грабит — так грабит он здорово
Да и ухом себе не ведет.

Не боясь обличенья столичного,
Лихоимством живет наш судья;
По словам стихотворца отличного:
«При колодце пустынь он бадья».

Сплетни, карты, баталии с женами,
Вот и всё, что встречаешь у нас;
С крючкотворами теми прожженными
Не зевай, попадешься как раз.

В нашем городе жизнь улыбается
 Прощельгам одним да ворам;
 Что ни шаг — то душа возмущается,
 Как пойдешь по уездным дворам.

В ГАЗЕТЕ

В нашем городе жизнь улыбается
 Всем, кто в городе только живет,
 И невольно слеза проливается,
 Если ступишь ногой из ворот.

Мостовой крыта площадь базарная,
 Тротуар, как картинка на вид,
 Аккуратна команда пожарная,
 В фонарях керосин здесь горит.

Здесь начальство гнушается взятками,
 И привычки такие давно
 Называют привычками гадкими:
 «Брать-де стыдно теперь и грешно».

Городничий у нас... городничего
 Мы такого не сыщем нигде
 (Не всегда лишь умеют постичь его) —
 Он любому поможет в беде.

Наш исправник без всякого норова,
 Ведь хмельного и в рот не берет,
 А поймает он вора которого —
 То его со слезами дерет.

Наш судья же не тронет и волоса,
Если видит, что прав человек,
И в статейках издания «Голоса»
Одобрят он нынешний век.

Сплетни, пьянство, с семейством баталии —
Их не знает у нас гражданин;
Здесь у женщин высокие талии
И высокая честь у мужчин.

В нашем городе жизнь улыбается
Всем, кто в городе только живет.
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой из ворот.
(1864)

Я, обожая панну Лизу,
Меж двух огней попал, как в ад:
Любовь — влечет меня на мызу,
Долг службы — тянет на парад.

О панна! вы меня зовете,
Я — подлетел бы к вам к крыльцу,
Но — служба ждет... (Фельдфебель, роте
Вели собираться на плацу.)

Любовью вся душа объята,
В груди, как в бане, горячо.
(Команды слушайся, ребята!
Равняйся! смирно! на пле-чо!)

Дождусь ли с панной встречи новой!
Как сабля, блещет панны взгляд!..
(Штык на себя, эй ты, фланговый!
Зарубкин! подтяни приклад!)

Она теперь, наверно, дома
И приготовила мне грог...
(Учебным шагом в три приема!
Носок вытягивать, носок!)

От нежных ласк ее тупею,
Готов ягненком кротким лечь!..
(Пучков! не чистил портупею!
За это буду больно сечь!)

Любовь и — подчиненье старшим!..
Нет, долг служебный верх берет!
(Равняйся! смирно! скорым маршем!
Глаза направо! грудь вперед!)

Довольно! Вижу я в окошке,
Платком мне панна машет там!
(Ребята, вольно! ружья в сошки
И расходитесь по домам.)

1864

195

Жизнь наша вроде плац-парада;
И в зной, и в холод на ветру
Маршировать тем плацем надо,
Как на инспекторском смотру.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи:
Похвалят — крикни: «рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок!..

1864

1

Лет... неизвестных он лет.
 Ясный как день, напوماженный,
 Ходит счастливый поэт,
 Словно амур переряженный;
 Смотрит на всех свысока...
 Барышни лет сорока
 Шлют ему с краской девической
 Вздохи любви платонической.

2

Кудри отбросив назад,
 В песне искусственно пламенной
 В каждой гостинной он рад
 Бросить свой стих отчеканенный,
 Нежа и сердце, и слух
 Пудрой затертых старух,
 Фатов, без дела скучающих,
 И старичков отцветающих.

3

Льется блестящий каскад,
 Звуки холодные, лживые...
 Блеском подобным горят
 Все бриллианты фальшивые.
 В зале молчанье царит,
 Только поэт говорит,
 Как он однажды в Неаполе
 С нимфой беседовал на поле...

4

Чуждый житейских тревог,
 Бредит он небом Италии,
 В песне не скажет — сапог,
 Скажет, наверно, — сандалии.
 В Рим переносит нас он:
 Образы римских матрон,
 Лес кипарисный и тополи...
 Все мы неистово топали —

В зале, когда он читал
 Стансы свои вдохновенные.
 Даже, я сам замечал,
 Лысины очень почтенные,
 В сани влезая с крыльца,
 Вслух поощряли певца:
 Скрыть не могли одобрения
 После публичного чтения.

Кончен парадный обед...
 Общество всё дожидается...
 Вот наконец сам поэт
 Из-за стола поднимается,
 Сделал классический жест
 (Публика больше не ест)
 И с грациозной свободой
 Вдруг разрешается одою.

Жалок отпетый творец...
 В прессе над ним насмеваются,
 Но не робеет певец:
 Им и теперь увлекаются —
 Барышни лет сорока,
 Два-три седых старика...
 И меж своими знакомыми
 Он осаждаем альбомами.

⟨1865⟩

197—201. МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир — это шайка мародеров,
 Где что ни шаг, то лжец иль тать:
 Мне одному такой дан нор,ов,
 Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia cara! ¹
«Ночной зефир струит эфир»,
Но, как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться —
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

2

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

¹ Моя дорогая! (Итал.) — *Ред.*

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

3

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
Сел я на траву,—
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу.
В летний день, в затишьи сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.
Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous¹ во рву,
Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

4

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ,
И спячка длилась год за годом...
*(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)*

¹ Свиданием (франц.).— Ред.

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
*(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)*

Тогда *(обеденный певец
Встает в порыве вдохновенья)*
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
*(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)*

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
*(Певец хватает свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)*

5

МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и смяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

<1865>

202. НА УЛИЦЕ
(ЧЕТЫРЕ МГНОВЕНИЯ)

1

Утро. Весь город от сна просыпается...
Люди рабочие всюду бегут.
Гул и движение... Кто-то ругается
И... непременно кого-нибудь бьют.

2

Полдень. Столица как будто наряднее,
Взад и вперед экипажи снуют...
Треск: на передних наехали задние
И... непременно кого-нибудь бьют.

3

Вечер. По улицам газ зажигается,
Речи свободней слетают, и кнут
Как-то живее в руке поднимается
И... непременно кого-нибудь бьют.

4

Ночь. Люди спят уже. Время пришло им
Кончить поденный свой труд,
Если же шаг мы по улице сделаем —
Там непременно кого-нибудь бьют.

〈1865〉

203. КТО ОН?

1

Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ...
Говорит немного,
Больше *да* и *нет*,
Сядет молча, строго,
С кипю газет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

Все его встречали,
 Но не знал никто,
 В театральной зале,
 В клубе у лото.
 Для него дорога
 Не закрыта в свет...
 Кто он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

В дверь у Доминика
 Входит, «Весть» берет...
 «Вот он! посмотри-ка!...» —
 Кто-нибудь шепнет.
 Общая тревога...
 Опустел буфет...
 Кто он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

Утром в день приемный
 Журналисту он
 С рукописью скромной
 Отдавал поклон,
 Корчил демагога,
 Порицал бюджет...
 Кто он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

В зале Бенардаки
 Чтение... народ...
 Он уж в черном фраке
 Пробрался вперед
 Слушать прелесть слога
 И живой куплет...
 Кто он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

Ночью в час урочный
 Начался шпиг-бал,—
 Как депеша точный,
 Он уж там — и взял
 В кассе у порога
 Даровой билет...
 Кто он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

Тучи вокруг нависли...
 В слякоть через мост
 Труженика мысли
 Тащат на погост...
 Поотстав немного,
 Он бредет вослед...
 Кто ж он? Ради бога,
 Дайте нам ответ.

〈1865〉

От германского поэта
 Перенять не в силах гений,
 Могут наши стихотворцы
 Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку
 Современный русский Гейне,
 А в воде подобных песен
 Можно плавать, как в бассейне.

Я стихом владею плохо,
 Но — клянусь здесь перед всеми —
 Напишу я тем размером
 Каждый вечер по поэме,

Каждый вечер по поэме,
 Без усидчивой работы,
 Где сплетутся через строку
 Вместе с рифмами остроты.

Начинающим поэтам
Я могу давать уроки,
Как писать стихотворенья
В незначительные сроки,

Как писать такие песни
(Изучил я ту науку),
Чтоб читатель был доволен
И редактор сжал вам руку.

Превосходная манера!..
Учит нас прием готовый
Вместо шляпы Циммермана
Надевать венок лавровый.

Я постиг отлично тайну,
Как писать оригинально:
Стих начну высокопарно,
А окончу — тривиально.

Запою я песню звездам,
Вспомню лилий, незабудок,
А потом замечу *кстати*,
Что расстроил я желудок.

Расскажу я в песне «к деве»,
Как мои объятья жарки,—
И при этом ей напомним
Про горячие припарки.

Фимиа́м ку́ря природе,
Я воскликну вдруг: о россы!
Все по улицам столицы
Ку́рят ны́нче папи́росы.

Заведу я речь о неграх,
О Жюль Си́моне, Жюль Фавре,
А потом перескачу я
Хоть к своей кухарке Мавре.

Неожиданно сближая
Всевозможные предметы,
Я уверен — о читатель! —
Что талант найдешь во мне ты!..

А затем, чтоб журналисты
Поднесли мне лист похвальный,
Оскорблять я их не стану
Эпиграммою нахальной.

Мимоходом не надену
Я на них колпак дурацкий,
Чтоб они меня не звали
«Голью нравственной кабацкой».

Целый ряд живых событий
Обходя небрежно мимо,
Буду брать сюжет из мифов
Древней Аттики иль Рима.

И тогда согласным хором
Посреди журнальной свалки
Запоют мне песню славы
Все скворцы, стрижи и галки.

1865

205

В кругу друзей у камелька
Уселся старичок,
И льются речи старика,
Как в поле ручеек.
О прошлых днях он вспоминал,
Скрывая тайный вздох:
«Друзья! людей я умных знал,
Хоть сам был очень плох.
Карамзина я знал, как вас,—
Не счесть его услуг,
Хоть Николай Михайлыч раз
Сказал: «ты глуп, мой друг».
В те дни, скажу без дальних слов,
Известность я стяжал:
В карикатурах сам Брюллов
Меня изображал.
Я сам ходил к Ростопчиной,
Хотя меня потом
Она — нельзя ж мешать больной! —
И не пускала в дом.

В одном приятельском кругу
С Жуковским говорил:
Меня он принял за слугу
И квасу попросил.
Меня почтил своим стихом
Сам Пушкин, наш певец:
«Люблю тебя, сосед Пахом»...¹
Я позабыл конец.
Меня обедать Дельвиг ждал
И всех смешил до слез:
Из хлеба шарики катал
И их бросал мне в нос.
Я с Соколовским² вместе пил.
Отличный был пиит!
Меня однажды он прибил —
Ну, бог его простит.
Булгарин! С ним я до зари
Играл однажды в вист...
Булгарин, что ни говори,
Был честный публицист.
Сам Грибоедов мне сказал,
Вот так же у огня,
Что он Молчалина списал
С меня, друзья, с меня!
Барон Брамбеус, как родной,
Снимал мне свой картуз
И хоть смеялся надо мной,
Но этим я горжусь.
Я был и с Гоголем знаком,
Ценю такую роль:
Он как-то в цирке каблуком
Мне отдал мозоль.
Когда, хилея день от дня,
Я ездил на Кавказ,
Там встретил Лермонтов меня,
Обрызгал грязью раз;
Любил трунить и Полевой,
Застав меня врасплох...

¹ Известная эпиграмма Пушкина, которая кончается так:
Люблю тебя, сосед Пахом:

Ты просто глуп — и слава богу!

² Покойный автор «Мироздания».

Всё это люди с головой,
И я пред ними — плох.
Панаев был мой ученик,
Хоть говорят враги,
Он осмеял и мой парик
И с скрипом сапоги.
Теперь иные времена,
Куда ни погляжу —
Везде иные имена
В журналах нахожу,
Но я уж стар, почти без ног,
Знакомых новых нет —
И даже я достать не мог
Хоть Лейкина портрет.

1865

206. ЛУННАЯ НОЧЬ

1

Полночный мрак!.. Лишь лунным светом
В моей тюрьме озарена
С ночного неба, теплым летом,
Решетка узкого окна.
О, сколько раз, с ночного крова,
В иные дни, с закатом дня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

2

Я был дитя. Вскочив с кровати,
Прижавшись к няне в поздний час,
Я слушал, словно в лихорадке,
О змей-горыныче рассказ.
Всё в страшной сказке было ново,
А в детской тёмно, нет огня...
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

Я помню ночь. Все в доме спали,
 Лишь мы в аллее, милый друг,
 Как дети, в трепете дрожали
 За каждый шелест, каждый звук...
 Руки пожатые... полуслово...
 И, мягким светом осеня,
 Вот так же с неба голубого
 Луна смотрела на меня.

Осенний вечер. Тускло зала
 Освещена, а впереди,
 В гробу, в цветах она лежала,
 Сложивши руки на груди.
 В углу от горя рокового
 Рыдал я, жизнь свою кляня,
 И так же с неба голубого
 Луна смотрела на меня.

Метель, сугробы... С диким воем
 Кругом меня стонала степь.
 Я шел закованный, с конвоем,
 В ногах звучала мерно цепь.
 Повсюду снег блестел, и снова,
 Как будто путника вина,
 Сквозь иней с неба голубого
 Луна смотрела на меня.

Свидетель жизни неудачной,
 Мне ненавистна ты, луна!..
 Так не смотри в мой угол мрачный
 Сквозь раму тусклого окна
 И не буди того нескромно,
 Что улеглось во мне давно...
 Пусть лучше в небе будет тёмно,
 Как на душе моей темно.

⟨1866⟩

207. ДОБРЫЙ ПЕС

Басня

К тяжелой конуре привязан,
Рвался, метался пес:
«За что, за что я так наказан?»
Его хозяин тронут был до слез
И наконец, смягчившись как-то, раз он
От цепи пса освободил.
Ну что же пес? На шаг не отходил
От конуры и на цепь вновь просился,
Как будто с ней спокойствия лишился.

Так ты, газета «Голос»... но едва ль
Здесь нужно пояснять мою мораль.

Между 1865 и 1867

208. ДВОЕ

Я слушал беседу двух старцев в гостиной,
Мой бас превратился в дискант:
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Внимая речам их, забился я в угол
И дергал на галстук бант...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Профессор мой мудрый! Припомнил тебя я,
Но ты перед ними педант...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Они порицали наш век развращенный,
«Что делать?», Прудона, Жорж Занд...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

И думал я, слушая старцев беседу:
Что, люди, ваш ум и талант?
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

1866

Муза, прочь от меня!
 Я с тобой разрываю все узы...
 Право честного слова ценя,
 В мир хочу я явиться без музыки.
 Прочь, развратница! Твой Геликон
 Шарлатанам стал местом базара,
 Лучезарный твой бог Аполлон
 Нарядился в ливрею швейцара;
 Опозоренный, дряхлый старик
 Мелкой лестью сменил вдохновенье
 И в прихожих, в грязи униженья,
 От речей неподкупных отвык.

Муза, прочь!.. не нужна
 Мне опора твоя ненавистная.
 Ты порой, как весталка, скромна,
 То нагла, как блудница корыстная.
 Перед юным и честным певцом
 Ты свой умысел гнусный скрывала,
 Подходила с невинным лицом,
 Как невеста пред брачным венцом,
 Целомудренно взор опускала.
 Ты водила поэта в поля,
 В наши грустные, русские степи;
 Ты рыдала, кляня
 Крепостничества ржавые цепи,
 Ты на вопли народные воплем своим отвечала,
 И могучая песня стонала,
 Как стонала родная земля.
 Время шло... На мотивы гражданские мода
 Обратилась в плохое фиглярство;
 Спали цепи с народа
 На глазах изумленного барства;
 На вчерашние темы напев
 Что ни шаг представлял неудобства,
 И свободная муза свой гнев
 Променяла на лиру холопства.
 А ты, поэт, спокойней путь избрав,
 Не постыдился жалкого юродства:
 За чечевичную похлебку, как Исав,
 Ты продал на обедах первородство.
 Нет, муза,— прочь!..

1866 или 1867

Его удел — смешить нас всех.

Блажен такой удел!..

Ведь в наши дни мы ценим смех —

Лишь только б он не ставил в грех

Нам наших собственных прорех

И наших темных дел.

Он шутит мило и легко...

Угрюмейший педант,

Ценя в нем юмор высоко,

С ним разопьет стакан клнко,

О нем шепнув вам на ушко:

«Талант, большой талант!»

Едва он в комнату вошел,

Едва раскроет рот —

Веселья общего посол,—

Все гости покидают стол;

Смеется весь «прекрасный пол»,

Смеется весь народ:

Смеется жирная вдова,

Смеется тощий франт;

Не смотрит барышня на льва

И может смех скрывать едва,

И все твердят одни слова:

«Талант, большой талант!»

Пусть у других в насмешке — яд,

Но он одним смешит:

Как две старухи говорят,

Как раз напился пьян солдат,

Купцы на ярмарке кутят,

А в этом нет обид.

Без соли весел и остер,

Мишенью для потех

Он изберет мужицкий спор,

Ничем нас не введет в задор —

И слышишь общий приговор:

«Вот настоящий смех!»

Зевают в клубе от статей

Угрюмого чтеца,

Глаза смыкает нам Морфей,

Но вышел клубный корифей —

И у старух и невских фей
Забились вдруг сердца...
Все чутко слушают рассказ,
Хотя столичный шут
Его читал уже сто раз...
Дрожит вся зала в этот час,
От смеха тухнет в люстре газ,
Перчатки дамы рвут...

Кутит богатый самодур —
И шут, в главе льстецов,
Всех забавляет чересчур —
И за дешевый каламбур
Он награжден визжаньем дур
И хохотом глупцов.
Без остановки круглый год
Кривляться он готов,
Смеша лакеев и господ
Дождем копеечных острот,
Не замечая в свой черед,
Что шут он из шутов.

Теперь шутам везде привет
За их бесценный дар
Шутить, хоть в шутках смысла нет...
— Молчи ж, озлобленный поэт!
Займет твой пост на много лет
Общественный фигляр...
Твои насмешки нас язвят
Сильнее клеветы...
Нам нужен смех на старый лад,
На жизнь веселый, светлый взгляд,
Нам нужен гаера наряд...
Да здравствуют шуты!..

⟨1867⟩

211. НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

Г р а ж д а н и н

Молчи, толпа!.. Твой детский ропот
Тревожит мирный сон граждáн.
Ужели был напрасно дан
Тебе на свете долгий опыт?..

Тебя, капризную толпу,
Ведем мы к истине, к науке,
И, яркий светоч взявши в руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряем блеском знанья.
Среди блестящего собрания
Мы проливаем много слез,
Слагая речь за бедных братьев,
За всех, кто много перенес
Обид, гонений и проклятий.
Твои невзгоды и тоску
Мы чтим в созданиях поэта,
И среди земского совета
Даем мы место мужичку;
Всему, что сиротливо и убого,
Мы сострадали столько раз,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому из вас.
Чего ж вам надо? Не робей,
Вкушайте знанья сладкий сок:
Сплетем лавровый мы венок
Для гениального плебея,
И — будь он селянин простой —
Пред ним преклонимся мы дружно.
Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите?..

Т о л п а

Хлеба! Хлеба!..

⟨1868⟩

212

На борзом коне воевода скакал
Домой с своим верным слугою;
Он три года ровно детей не видал,
Расстался с женой дорогою.

И в синюю даль он упорно глядит;
Глядит и вздыхает глубоко...
«Далеко ль еще?» — он слуге говорит.
Слуга отвечает: «Далеко!»

Уж стар воевода; скакать на коне,
Как прежде, он долго не может,
Но хочет узнать поскорей о жене,
Его нетерпение гложет.

Слуге говорит он: «Скачи ты вперед,
Узнай ты, всё ль дома здорово,
С коня не слезая, у самых ворот,
И мчись ко мне с весточкой снова».

И скачет без усталы верный слуга...
Скорее ему доскакать бы...
Вот видит знакомой реки берега
И сад воеводской усадьбы.

Узнал обо всем он у барских ворот,
И вот как опущенный в воду
Печальные вести назад он везет,
И жалко ему воеводу.

«Ну, что?» — воевода скрывает свой вздох
И ждет. «Всё в усадьбе исправно, —
Слуга отвечает, — лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

«Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
— «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

«Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»
— «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

«Что слышу? Скажи мне, мой терем спален,
Мой терем, где рос я, женился?

Но как то случилось?» — «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился»...

«О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» — И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

⟨1868⟩

213. ПРАЗДНИЧНАЯ ДУМА

Христос воскрес! Я помню времена:
Мы этот день с волнением невозвратным
Встречали кружкой доброго вина
И честным поцелуем троекратным.
Пылал румянец юношеских лиц,
В речах срывались искренность и сила,
И общее лобзание свято было,
Как чистый поцелуй отроковиц.
Но шли года. Редел кружок наш тесный,
Жар юности в друзьях моих исчез,
И не с кем встретить праздник наш воскресный
И некому сказать: Христос воскрес!..

Христос воскрес! Напрасно ждать ответа...
Одних уж нет, другие далеко,
Среди снегов, где северное лето
Так сумрачно, так грустно-коротко.
К другим же, изменившим нам собратьям
Я только сожаленье сохраню
И грязным их циническим пожатьем
Своей руки теперь не оскверню.
Их воздух — заразительней больницы...
Скорей пойду я в степь иль в темный лес,
Где песнями ответят только птицы
На громкий мой привет: Христос воскрес!..

За всех, убитых пошлостью житейской,
Ничтожных честолюбцев, медных лбов,
За всех льстецов в сиятельной лакейской,
Забивших в грязь с усердием рабов
Их благородной молодости грезы

И честную, как молодость, любовь,—
Не раз во мне вскипала гневно кровь,
А на глазах наворачивались слезы.
Круг бескорыстных, пламенных повес
Погиб в среде ничтожной и развратной,
И не с кем встретить праздник благодатный
И некому сказать: Христос воскрес!..

Как после битвы, в сказке древней, витязь
Меж трупам живых бойцов искал,
Я звал своих: «Кто жив еще? проснитесь!»
Но мне никто на зов не отвечал.
Лишь от бойцов, любимых мной когда-то,
В мой уголок неслось издалика
Шипящее проклятье ренегата
Иль купленный донос клеветника...
Никто связей с прошедшим уж не ценит,
И недоверчиво смотрю теперь вокруг:
Цинически предаст вчерашний друг,
И женщина любимая изменит.
Куда зовут наука и прогресс,
Никто нейдет... Напрасно ожиданье!..
И некому сказать: Христос воскрес!
И нет людей... Вкруг — мертвое молчанье.

Но, стойте... Чу! мы слышим детский крик:
Ведь это наши собственные дети;
Их лепет и ребяческий язык
Вещуют возрождение на свете.
Они растут близ вырытых могил,
Они детьми уж лучше нас по виду...
Признаем же всю немощь наших сил
И по себе отслужим панихиду...
А ты, под сводом северных небес
Растущее, иное поколение,—
Прими в священный праздник воскресенья
Мой праздничный привет: Христос воскрес!

30 марта 1868

214. ВОЙНА И МИР¹

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ («БОРОДИНО»)
И ГРАФУ ЛЬВУ ТОЛСТОМУ («ВОЙНА И МИР»)

— Скажи-ка, дядя, без утайки,
Как из Москвы французов шайки,
Одетых в женские фуфайки,
Вы гнали на ходу.
Ведь если верить Льву Толстому,
Переходя от тома к тому
Его романа,— никакому
Не подвергались мы погрому
В двенадцатом году.

Какой был дух в Наполеоне
И были ль мы при нем в загоне,
Нам показал как на ладони
В романе Лев Толстой.
Тогда славяне жили тихо,
Постилась каждая купчиха...
Но чтоб крестьян пороли лихо,
Застенки были, Салтычиха...²
Всё это слух пустой.

— Да, были люди в наши годы,
Не мелкой нынешней породы:
В дни мира — гордые Немвроды,
Богатыри в войне...
Ростов — звезда всей молодежи,
Андрей Болконский — диво тоже,
Безухой — член масонской ложи,
Денисов, Долохов...³ О боже,
Их вспомнить любо мне!..

¹ Последний роман графа Л. Толстого привел меня к печальному соображению, что стихотворение Лермонтова «Бородино» не лишено больших погрешностей, почему я осмелился, так сказать, реставрировать сие стихотворение по сочинению «Война и мир», сочинению неоспоримо художественному и правдивому. Пусть мою смелость извинят только одною любовью к истине. М(ихаил) Б(урбонов).

² «Ужасы крепостного права того времени, которое я описываю, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п.— я не считаю верным и не желал выразить...» («Русский архив», № 3, стр. 516. Заметка графа Льва Толстого).

³ Вероятно, всем читателям известны эти имена главных героев в сочинении «Война и мир».

Нам Бонапарт грозил сурово,
А мы кутили образцово,
Влюблялись в барышень Ростова,
Сводили их с ума...
Безухой прочь погнал супругу,
Послал картельный вызов другу
И, друга ранивши, с испугу
Едва совсем не спился с кругу...
Но вот пришла зима.

Войска французов шли в тумане.
Мы отступали... Ведь заране,
Как говорится в алкоране,
Наш рок определен.
Бояться ль нам Наполеона?
Что значат званья, оборона?..
Лежит над миром, как попона,
Лишь «*власть стихийного закона*»...¹
Так что Наполеон?

Но вот и войско Бонапарты:
«Посмотрим мы, какой в вас жар-то!..»
(Того сражения ландкарта
В «Войне и мире» есть...)
Безухой, главный член романа,
Явился в поле утром рано
И стал смотреть из шарабана:²
Полна французами поляна,
И всех врагов не счесть...

Под ранним солнцем блещут ружья...
С *Безухим* не было оружия.
Подумал он: «И так ведь дюж я,
Неустрашим, как слон...»
Пред ним, как пестрый ряд игрушек,
Мелькали в поле сотни пушек,
Палаток множество верхушек:
В одной палатке, средь подушек,
Лежал Наполеон.

¹ Совершенно справедливо говорит граф Л. Толстой, что миром управляют не гении, не наука, но «*стихийный зоологический закон*», что историею управляет закон предопределения («Русский архив», № 3, стр. 525—528).

² Прошу припомнить, что граф Безухий выехал на Бородинское поле как на прогулку, с одной тросточкой и лорнетом.

Нетерпеливость обнаружа,
Он мыслил: «Русских угощу же!..
Лишь только б насморк не был хуже,¹
Я тотчас двину рать,
Мюрата с конницею ходкой,
И будет мне Москва находкой...»
И корсиканец этот кроткий
Себе всю спину жесткой щеткой
Велел вдруг растирать.²

Два дня мы были в перестрелке,
С врагом играли, как в горелки;
Стрелки шныряли, словно белки,
И прятались во рву.
Денисов так вошел в охоту:
«О, дайте мне одну лишь роту,
И всю французскую пехоту
Я разобью сейчас с налету,
На части перерву...»³

Французский лагерь был в тревоге,
Что промочил в ненастье ноги,
Ступивши в лужу на дороге,
Их «маленький капрал»...
У нас же в войске — смех и шутки,
Да раздавались прибаутки:
«Французы вымокли, как утки,
И Бонапарт раз двести в сутки
Чихать от страха стал!..»

На третий день сошлись два стана.
Раздался грохот барабана...
Взглянуло солнце из тумана
На Бородинский бой.
Безухой был в сраженьи этом
Одет легко, как будто летом:
Вооружась одним лорнетом,
Он любовался, как балетом,
Военною стрельбой.

¹ У Наполеона, говорит граф Л. Толстой, был насморк во время Бородинской битвы, и насморком объясняет его неудачу в этот день. Что ж? Сам Наполеон говаривал: «От великого до смешного — один шаг».

² См. «Война и мир», том 4-й.

³ Там же.

Средь пушек, касок, пик, фуражек,
Блестящих блях, стволов и пряжек:
«Вот так веселенький пейзажик! —

Сказал Безухой Пьер.—

Стрелки французские не метки
(*Шасспо* не знали наши предки),
Но всё ж годятся для виньетки
В иллюстрированной газетке,
Хоть в «Искре», например...»¹

Ну ж был денек!.. В дыму сраженья,
Конечно, общего движенья,
Победы или пораженья

Нам рассмотреть нет сил².

Война свирепа, как Медуза;
Ее описывать — обуза,
И здесь моя робеет муза...
Лишь видно было, как француза
Безухой князь душил,

Как, распростертый у лафета,
Лежал солдат один да где-то,
На возвышеньи, у пикета,

Чихал Наполеон...

Как в бенефис к ногам актера
Летят букеты для фурора,
Летели ядра очень скоро,
Но все кричали вместо «фора»
«Ура!» со всех сторон.

Так бились, верно, только в Трое.

Но уцелели в русском строе

Романа славные герои,

Не смяли их враги.

Себя для «пятой части»³ холя,

¹ Если граф Л. Толстой (да и многие другие сочинители, как, напр., автор «Смерти Грозного») не стесняется в своем сочинении анахронизма и то, что думал или делал Наполеон на острове Св. Елены, заставляет его говорить и делать в двенадцатом году, то, следуя его примеру, и я не стесняюсь хронологией и героя Бородинской битвы заставляю упомянуть о журнале «Искра».

² См. «Война и мир», том 4-й.

³ Кто же из нас не ожидает теперь с нетерпением выхода 5-й части «Война и мир»?

Они в Москву вернулись с поля,
Лишь только князя Анатоля
Постигла в битве злая доля:
Лишился он ноги.

Вот смерклось... Тел кровавых груду
Наполеон встречал повсюду
И проклинал свою простуду:
«Мой насморк ввел в беду!»
Горнисты громко затрубили,
И — басурманы отступили...
Так, по сказанью новой были,
Мы неприятеля разбили
В двенадцатом году.

Да, были люди в наши годы!..
И будут помнить все народы,
Что от одной дурной погоды,
Ниспосланной судьбой,
Пал Бонапарт, не вставши снова,
И пал от насморка пустого...
Не будь романа Льва Толстого,
Мы не судили б так толково
Про Бородинский бой!

1868

215. РЕНЕГАТ

По недовольной, кислой мине,
По безобидной воркотне,
По отвращенью к новизне
Мы узнаем тебя доныне,
Крикун сороковых годов!..
Когда-то, с смелостью неожиданной,
Среди российских городов,—
Теоретически-гуманный,
Ты развивал перед толпой,
Из первой книжки иностранной,
Либерализм еще туманный,
Радикализм еще слепой.

Каратель крепостного ига,
Ты рабство презирал тогда,

Желал свободного труда;
Ты говорил красно, как книга,
О пользе гласного суда.
Предвестник лучшего удела,
Такую речь бросал ты в свет:
«И слово самое есть дело,
Когда у всех нас дела нет!..»
Глашатай будущей свободы,
Ты в дни печали и невзгод
Сидел у моря — ждал погоды
И нам указывал вперед.

Но вот пришло иное время,
Свободней стала наша речь,
И рабства тягостное бремя
Свалилось с крепких русских плеч.
Открытый суд с толпой «присяжных»
К нам перешел из чуждых стран;
Но сонм ораторов отважных
Вдруг отошел на задний план.
Защитник слабых, подневольных,
Переменив свой взгляд, свой вид,
Теперь в разряде «недовольных»,
Порядки новые бранит.

Как промотавшийся повеса,
Смолк либеральный лицемер
В толпе друзей полупрогресса,
Полусвободы, полумер...
Движеньем новым сбитый с толку,
Везде чужой, где нужен труд,
Корит он прессу втихомолку
И порицает гласный суд;
Из-за угла и не без страха
Бросает камни в молодежь,
И оперетки Оффенбаха
В нем возбуждают злости дрожь.
Зато порой, по крайней мере,
Отводит душу он: готов
Отхлопать руки все в партере,
Когда дают «Говорунов».

О ренегаты! Вам укоров
Мы не пошлем... Казнить к чему ж

Давно расстриженных фразеров,
Сороковых годов кликуш!..
Их гнев и старческая злоба
Уже бессильны в наши дни,—
Так пусть у собственного гроба
Теперь беснуются они!

1868

216. ИНТИМНАЯ БЕСЕДА

«Ваш начальник нрава, говорят, крутого?»
— «Тише, тише, тише! Что вы!.. Что за слухи!..
В мире человека не найти такого:
Добр и справедлив он, честное вам слово,
Он не только ближних, не обидит мухи».
— «Он в отставку подал...»

— «Да? Что ж вы
молчите!

Лучше всех подарков весть такого сорта...
Коли правду точно вы узнать хотите —
Это человек был даже хуже черта,
И в его прошедшем есть такие пятна...»
— «Он свою отставку взял на днях обратно...»
— «Взял назад?.. А я-то... Впрочем, что ж такое:
Только ради шутки несколько легко я
Говорил о графе... Вот вам бог свидетель:
Наш начальник — общий друг и благодетель;
Мы души не чаем в нашем генерале!..»
— «Да вчера он умер. Разве вы не знали?»
— «Умер. Полно, так ли?.. Вы не лжете если,
Я готов издохнуть, сидя здесь на кресле,
Коль соврु пред вами, да и врать к чему же? —
В мире человека не бывало хуже:
Зол, сварлив, развратен, и — того не скрою —
Жил он перед смертью с собственной сестрою,—
Но должна казаться для судебной власти
Смерть его, однако, истинной потерей:
Мне сказал недавно пристав нашей части,
Что замешан даже он в подделке серий».

<1869>

Sic transit gloria mundi.¹

С расстройством в голове
 Давно — лет десять будет —
 Доносит, рядит, судит
 Фискал один в Москве.
 Он мечется в припадке
 Безумства, — но ни в ком,
 Однако, нет догадки,
 Что он в бреду таком
 Шалее с каждым разом...
 В рассудке кутерьма...
 Перо макая в разум,
 Фискал сошел с ума.

Фискалом *con amore*²
 Начав карьеру, стал
 Работать как фискал
 Из выгоды он вскоре,
 И, тронувшись умом,
 Он так вошел в фискальство,
 Что даже и начальство
 Решило: «В желтый дом
 Он годен по проказам;
 Бог весть, творить что стал!...»
 Перо макая в разум,
 С ума сошел фискал.

Забившись где-то в угол,
 Он видит на Руси
 (Господь его спаси!)
 Каких-то красных пугал.
 Он чует всюду там
 Маратов, Робеспьеров...
 (Не первый из примеров:
 «Чай, пил не по летам!»)
 Фискал кричит с экстазом:
 «Позор для них, тюрьма!...»

¹ Так проходит земная слава (лат.).— *Ред.*

² Из любви к делу (итал.).— *Ред.*

Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

Когда подчас на бале
Явившийся фискал
Увидит, что тот бал
Мазуркой заключали,
Он крикнет, став на стул
(Дрожи, танцоров лига!):
«Здесь польская интрига!..
Измена! Караул!..
Мигни-ка кто тут глазом,
Он стражу бы позвал...
Перо макая в разум,
С ума сошел фискал.

Скажи-ка кто печатно,
Что «давит мух паук»,
Он разразится вдруг
Доносом, вероятно.
«Смысл этой фразы взвесь! —
Взревет фискал беспутный. —
Над властью абсолютной
Насмешка скрыта здесь!»
К невинным самым фразам
Пристанет, как чума...
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

Для всех великоруссов
Отличный в нем урок:
Московский наш Видок,
Сводя с ума всех трусов,
Рехнулся сам теперь;
В своем недуге злейшем,
Рыча, как лютый зверь,
Он равен стал с Корейшем.
Нам жаль его весьма,
Хоть он и был пролазом...
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

⟨1870⟩

Я уснул, и в каком-то безумном бреду
Мне приснился волшебный,
невиданный свет:

Будто в дивном саду
По цветам я иду,
И бессмертные птицы поют мне привет,
И кивают цветы мне головками вслед.
Вот селенья людей: лица — кровь с молоком,
Я не встретил убогой избы ни одной,
С нищетой селянин лишь по сказкам
знаком...

Что за дикие сны снятся людям весной!..

Из-за рощ поднимались, росли города:
Пышной роскоши в них не найти и следов,
Но порок и нужда
Не свивали гнезда,
Под тяжелым ярмом непосильных трудов,
В самых дальних и темных углах городов.
О свободе гражданской, о братской любви
Споров нет там, как здесь, на планете земной,
Но свобода и братство у всех есть в крови...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Не мрачит чистых душ преступления тьма,
И железные цепи для ног и для рук,
Эшафот и тюрьма
Для людского ума
Там еще — непонятный, неслыханный звук.
Речи, странные мне, раздаются вокруг:
Как про зверский разбой, о войне говорят,
И нигде, проносясь над счастливой страной,
Я нигде не видал ни штыков, ни солдат...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Это вечное счастье в волшебной стране,
Вечный блеск незакатного дня
В заколдованном сне
Были тягостны мне
И в бреду бесконечно смущали меня.
Грешный мир наш земной, мир печали и слез,
Так сжился, так сроднился со мной,

Что шептал я невольно, очнувшись от грез:
Что за дикие сны прилетают весной!..

⟨1870⟩

219. ДВЕ СУДЬБЫ

Завидуя когда-то
Их счастью бесконечно,
Не мог я знать, конечно,
Что сгибнут без возврата
Они для света оба:
Она — под крышей гроба,
Оплакана чужими,
А он — под небесами
Такими... а какими,
Поймете вы и сами.

Сперва о них тужили,
Сперва их вспоминали,
Но новые печали,
Как тучи, плыли, плыли,
И скоро все забыли
Обоих их невольно...
И нас всех жизнь томила.
Летели дни за днями...
Ее взяла — могила,
Его взяла... Довольно!..
Досказывать как больно —
Поймете вы и сами.

⟨1870⟩

220

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебе каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;

Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растёт от нашей прозы,
Не дешевеет от стихов.

⟨1870⟩

221. (Н. П. Р—П—ВУ)

Когда-то, милые друзья,
Среди студенческого пенья
С сознанием вторил вам и я:
«Вперед без страха и сомненья!»

Я снова петь готов «вперед!»
Иным, грядущим поколениям,
Но страх в груди моей живет,
И мысль отравлена сомненьем.

⟨1870⟩

222. СВОЙ СВОЕМУ ВОВСЕ НЕ БРАТ

(СОВРЕМЕННАЯ ПОСЛОВИЦА)

Стремясь к сближению с народом,
Сошелся барин с мужиком
И разговор с ним мимоходом
Подобным начал языком.

Б а р и н

Дай руку, пахарь! По принципам
Я демократ и радикал...
Но как же звать тебя?

М у ж и к

Антипом.

Б а р и н

Я твой гражданский идеал
Желал бы знать хотя отчасти.
Защитник ты какой же власти:
Консервативной или нет?

В свои «дорожные наброски»
Вписать хочу я твой ответ.

М у ж и к

Ты это баишь по-каковски?

Б а р и н

Чего ж боишься ты, хитрец,
Мне отвечать категорично?
Сообрази же наконец:
Друг друга мы пойдем отлично
При полном тождестве идей.
«Свободу совести» людей
Ты признаешь и понимаешь?

М у ж и к

Чаво?

Б а р и н

Ну, то есть... отрицаешь
Ты право каждого иметь
Свою религию, любезный?
Вопрос весьма не бесполезный,
Чтоб нам сообща его решить...
Мир старины приходит в гнилость...

М у ж и к

Да что вам нужно, ваша милость?
Вы тёмно говорите так,
Что вас понять мне трудновато...

Б а р и н

Да ты не бойся же, чудак!
На том стоим мы, чтоб как брата
Теперь встречали мужика;
Мы все на том стоим пока,
Чтоб реставрировать картину
Всей вашей жизни бытовой
И вековую кручину
Сменить на праздник вековой...
А ты на чем стоишь, друг мой?

М у ж и к

На чем? Да на земле, известно!..

Б а р и н

Ах, всё не то! Ну как тут честно
К ним относиться! Нас поймут
Скорей колбасники из Риги...

М у ж и к

Что хлеба мало в нашей риге —
Могу сказать...

Б а р и н

(наставительно)

Хлеб там, где труд,
И вас, поверь, топ чер,¹ спасут
От вашей бедности и спячки
Ассоциации и стачки.
Я без ума от них!..

М у ж и к

Эх-ма!

Признался сам, что без ума!..

Б а р и н

Читал ли ты хотя Жорж Занда?

М у ж и к

Да я, кормилец, не учен.

Б а р и н

Возможна ль с ними пропаганда!
Нам нужно лень забыть и сон,
Вступить в борьбу открыто, смело,
Нам нужно всем, карая зло,
Чтобы в руках горело дело...

М у ж и к

У нас сгорело всё село,
Так не поможешь ли мне, барин?

Б а р и н

Ну как тут будешь солидарен
С подобным скифом? Как его
Встряхнуть, чтоб он от сна проснулся?

¹ Мой милый (франц.). — *Ред.*

М у ж и к

(тихо)

Мой барин, кажется... того...
Немножко головой рехнулся.

Смущенный странным языком,
Мужик пришел в недоуменье,
И прогрессиста с мужиком
На этом кончилось сближенье.
Один из них пошел *домой*,
Себя беседой растревожа,
Другой домой побрел бы тоже,
Да дом его сгорел зимой.

⟨1871⟩

223. ПОЛУСЛОВА

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке — обломок лиры,
В другой же — красный карандаш.
Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих процензируешь,
И, дрогнув порванной струной,
Твой голос слух на миг встревожит,
Но только смех один больной
Наружу вырвется, быть может.
К чему ж нам петь?

И я едва
Расслушал, затаив дыханье,
Ее ответ: «Полуслова
Всё ж лучше вечного молчанья...»

⟨1871⟩

224. ПРОБУЖДЕНИЕ

Зачем его мы разбудили?
Зачем обманывали мы?
В глубоком сне он, как в могиле,
Не отличал от света тьмы,
Любви от вечного гоненья,
Отвык желать и думать он
И тем был счастлив в сновиденьи,
Что наяву считал за сон.
И этот сон вы разогнали,
Вы разбудили бедняка
И вместо хлеба камень дали,
Когда дрожащая рука
За подаяньем потянулась.
Но берегитесь, чтобы в нем
Негодование не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем;
Тогда, стряхнувши унижение,
Он сам себе не будет рад,
И те же самые каменья
На вас обратно полетят.

⟨1872⟩

225. ЗОЛОТОЙ ВЕК

Октавы

1

Немало развелось теперь людей
Всем недовольных — холодом и зноем,
Печатью, сценой, множеством идей,
Нарядами с нескромным их покроем,
Решеньями присяжных и судей,
И стариной и новой жизни строем,
И русскою сатирой, наконец...
Вступишь же, сатирический певец,

2

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,

Но в этом не видать еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем ближних только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет,

3

Как может быть сатира наша зла?
Какие сокрушительные ямбы
Придут на ум, когда одна хвала
Сама собой ложится в дифирамбы,
Когда поэт, как из цветка пчела,
Отвсюду мед собирает, и не вам бы,
Друзья мои, скорбеть, что этот мед
Сатире нашей пищи не дает.

4

Живем мы в век «отчетностей» и съездов,
Общественных, обеденных речей,
Манифестаций шумных у подъездов
И экономной топки для печей,
Прогресса всех губерний и уездов,
Где что ни шаг, то всюду для очей —
«Отрадное и светлое явление»,
Достойное похвал и умиления.

5

Сегодня — где-нибудь народный пир,
А завтра шумный праздник юбилея
И торжество на целый русский мир,
Где, от вина и счастья алея,
Сливаемся мы в сладкозвучный клир,
И никогда такая ассамблея
Насмешки злой — о, боже сохрани! —
Не вызовет в печати в наши дни.

6

Кто ж явится с сатирою бесстыдной
Среди торжеств, веселья и утех

Смущать в толпе покой ее завидный?
Нет, на такой мы неспособны грех.
У нас есть только юмор безобидный
И цензурованный самими нами смех,
Без всякого ехидства и протеста:
В Аркадии сатирикам нет места.

7

Но все-таки мы смелы чересчур
И говорим с известною свободой;
Без страха наш развязный балагур
Трунит над бедной финскою природой,
На «чернь» рисует ряд карикатур
(Над «чернью» смех похвальною стал модой),
А иногда, как гражданин-пиит,
Городовых и дворников казнит.

8

До колик мы смеемся иногда,
С эстрады клубной слыша анекдоты
О плутовстве одесского жида,
О мужичке, который до икоты
Напился пьян... Всё это без вреда
Нас развлекает в клубе в день *субботы*;
Тот смех лишь возбуждает аппетит
И нашему веселью не вредит.

9

Наш юмор безобиден. Скуки ради
Стишки запретные мы любим почитать,
Мы подтруним над «сильным мира» сзади,
Чтоб льстить в глаза и стулья подавать,
И наши черновые все тетради
Наполнены — коль правду вам сказать —
Хвалебными посланьями к вельможам...
Мы никого сатирой не тревожим.

10

И это ли не признак, что настал
Век золотой? Смех горький затаился

В груди людей, и каждый думать стал
Теперь: «И я в Аркадии родился!»
И потому российский Ювенал
В Полонского у нас преобразился
И начал славить умственный застой,
Как делает граф Алексей Толстой,

11

Который некогда так весел был и боек...
— Да, век прошел проселочных дорог,
Валдайских колокольчиков и троек,
Исчез и крепостник и демагог;
Цыганок нет, нет ухарских попоек,
А вместе с тем почил на долгий срок,
Похороненный с прочими грехами,
Наш прежний смех — и в прозе и стихами.

12

По рельсам чинно ездим мы теперь,
Цыганок заменили оперетки,
И прогрессистом смотрит прежний зверь;
Безумные попойки стали редки,
Крепостники, смирившись от потерь,
Не могут жить, как прежде жили предки,
Повсюду тишь да божья благодать...
Откуда же сатиры ожидать?

13

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг «всё обстоит благополучно»,
И, искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея.

1872

1

Жил да был виконт Сыр-Бри,
 Жил на воле, в полной холе,
 От зари и до зари
 То гоняя зайцев в поле,
 То из дома в каждый дом
 Распуская массу сплетен,
 И на Невском был замечен,
 Всем известен и знаком.
 На столичном горизонте
 Он считал себя звездой,
 И молвы вполне худой
 Не ходило о виконте.
 Кто там что ни говори
 Про его умозатменье,
 Но в гостиных уваженье
 Возбуждал виконт Сыр-Бри.

2

Вот однажды в небе звезды
 Лишь зажглись, как фонари,—
 В близлежащие уезды
 Собрался виконт Сыр-Бри.
 Чтоб в пути не сбиться с толку,
 Взял с собою он компас,
 Патронташ, рожок, двустволку
 И мешчерский сыр в запас.
 Шел он долго ль, коротко ли
 Под ночною тьмой небес —
 Наконец, из поля в поле,
 Забрался в дремучий лес.
 Вкруг себя глядит он в оба,
 Зги не видно, хоть смотри:
 Настоящая трущоба!..
 И струхнул виконт Сыр-Бри.

3

Задрожал, и вдруг из мрака,
 Словно волк голодный зла,

Одичавшая собака,
Лая, вышла и легла.
Взвел курок он, приложился,
Снял двустволку из-за плеч,
Вдруг лай пса преобразился
В человеческую речь:
«Господин виконт, не троньте!
Не ровен на свете час:
Я припомню о виконте,
Помогу ему не раз,
Услужу без всякой фальши!..»
Постояв минуты три,
Вновь путем-дорогой дальше
Зашагал виконт Сыр-Бри.

4

Вновь идет чрез темный бор он,
Тайным страхом одержим;
С мшистой ели черный ворон
Вдруг закаркал перед ним.
«Что ты каркнул из тумана
Мне, проклятый вестник зла?» —
И навел виконт на врана
Роковые два ствола.
«Эй, виконт, меня не троньте!
Там, на невском берегу,
Я припомню о виконте
И помочь ему могу».
— «Хорошо же! Это слово
Не забудь же ты, смотри!» —
И путем-дорогой снова
Зашагал виконт Сыр-Бри.

5

Неудачно шла охота...
Уж за ночью день спешит;
Вот пред путником болото,
А с болота дичь летит.
Разом вырвался из груди
У стрелка невольный крик,
Но лесная дичь, как люди,
Закричала в этот миг:

«Господин виконт, не троньте,
Не стреляйте лучше в нас!
Мы припомним о виконте,
Угодим ему не раз...
Пригодится дичь — не трогай!»
— «Ну, так черт вас побери!» —
И вперед путем-дорогой
Вновь побрел виконт Сыр-Бри.

6

Год прошел. Свою газету
Издавать стал наш виконт,
Но, создав затею эту,
Потерпел везде афронт.
Ждет, а пользы нет, однако;
Вдруг пред ним, как пред травой
Лист, является собака:
«Мой совет, виконт, усвой:
Лай и вой в своем журнале,
Лай на солнце, лай на свет;
В том собачьем идеале
Скрыт успех таких газет.
Люди глупы; похвала им
В прок нейдет, так ты схитри...»
И тогда собачьим лаем
Занялся виконт Сыр-Бри.

7

Лай издание спас в ту пору,
Но потом всем надоел,
И к виконту раз в контору
Ночью ворон прилетел.
«Ты полемикою жаркой,—
Начал вран,— журнал спаси;
Как зловещий ворон, каркай
Постоянно на Руси;
Предвещай беды и горе,
Попридерживай прогресс,
И тогда в журнальном хоре
Будешь брать ты перевес.
За совет мой благотворный
Ты меня благодари!..»

И с тех пор, как ворон черный,
Каркать стал виконт Сыр-Бри.

8

Процветает орган новый,
Но, исполненный забот,
Думать стал виконт суровый:
Дичи мне недостает!
И тогда свершилось чудо:
Только мысль ему пришла,
Дичь взялась бог весть откуда
И журнал весь заняла.
С этих пор в нем раздаются
Лай, и карканье, и дичь,
И хоть в обществе смеются,
Но — как нрав людской постичь? —
Всё же орган тот читают
И в Якутске и в Твери,
И ташкентцы восклицают:
«Молодец, виконт Сыр-Бри!»

1872 или 1873

227

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листья,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

⟨1873⟩

228. СОН ВЕЛИКАНА

В степи, на кургане склонясь,
Спит старый, седой великан;
Спит старый, седой великан,
И стаями птицы, кружась,
Глядят с высоты на курган.

В кольчуге, в стальном шишаке
Он спит, в мертвый сон погружен;
Он спит, в мертвый сон погружен,
Меч стиснув в железной руке,
Сыпучим песком занесен.

Он долгие годы проспал,
В недвижности самой могуч;
В недвижности самой могуч,
Он бурь над собой не слышал,
Не жег его солнечный луч.

Над ним разрасталась трава,
Песком занесен он до плеч;
Песком занесен он до плеч,
И только одна голова
Осталась открытой да меч.

Сном скованный много веков,
Однажды раскрыл он глаза;
Однажды раскрыл он глаза,
И в них, как во тьме облаков,
Казалось, сверкнула гроза.

Казалось, один поворот —
И вспрянет опять великан;
И вспрянет опять великан,
Насевшую землю стряхнет,
Покинет песчаный курган.

Дохнул он, и — дрогнула степь,
Неведомых звуков полна;
Неведомых звуков полна...
Как будто рассыпалась цепь
Волшебного долгого сна.

Но вежды сомкнулись опять,
И — спит великан прежним сном;
И спит великан прежним сном,
И снова его засыпать
Стал ветер сыпучим песком.

1873

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья,
Смех честный — живой проводник
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, как дитя,
Как мать — многолюбящий, нежный,
Он мудрости учит шутя,
Смягчает удел безнадежный.

Струясь, как по камням вода,
Как чистый фонтан водоема,
Торжественный смех иногда
Доходит до грохота грома,

Сливаясь в густых облаках
В немолчное, грозное эхо,
И тот, кто забыл всякий страх,
Дрожал от подобного смеха.

Смирняя рыданья порыв
И гордую скорбь гражданина
Под маской шута затаив,
Запятав под плащ арлекина,

Стремление к лучшей судьбе
Родит он в груди всего мира
И с гидрой пороков в борьбе
Сверкает и бьет, как секира;

Он сонную мысль шевелит
И будит во мраке глубоко:
Плясал вокруг ковчега Давид,
Но был и царем и пророком.

1875

230. ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давнишних пор:
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,
Крупный вор — наверно, где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сцапал и пропал,
Крупный тоже сцапал — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог,
Крупному же вору — впору всё и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...
Там, где шмель прорвется, берегись комар!..

⟨1878⟩

231. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВОРОВСТВУ

1

Не рожден я ликующим лириком,
Я не склонен к хвалебным речам,
К юбилейным стихам, к панегирикам,
Не пишу мадригалов «очам»,
Алым щечкам и губкам коралловым,
Не хвалю я маститых ослов
(Без меня, господа, разве мало вам
На Руси всяких спичей и «слов»).
Исповедую дух отрицания,
Хоть и слышу за то порицания
Я, как русский реальный певец;
Но теперь долг гражданский молчание
Мне нарушить велит наконец.
Часто в жизни молчанье обидное
Хуже всяких крикливых обид,
И всеобщая робость постыдная
Мне подняться за правду велит.
Тон для песни избрав соответственный,
Я похвальную оду спою.
На возвышенный лад и торжественный
Перестроивши лиру свою,

У державинской музыки сообщества
Я прошу, чтоб бесстрашно сказать
То, что смутно в сознании общества
Уже бродит давно, что печать
Лишь по трусости жалкой, ей свойственной,
Громогласно не смела почитать...
Публицист наш, с натурою двойственной,
Любит торной дорожкой ходить.
Мысль, которая в воздухе носится,
Чтоб облечься в горячую речь,
И у всех с языка точно просится,
Я попробую в звуки облечь.

2

Я пою воровство!.. Брать не смело ли,
Скажут мне, столь опасный сюжет?
Но какой бы вопрос мне ни делали,
У меня есть готовый ответ.
Воровство на Руси оклеветано.
В массе всяких общественных бед оно,
Став давно «очищенья козлом»,
Самым меньшим является злом.
Зло — понятие коварно-тягучее...
Если в виде лишь частного случая
Заявляет себя воровство,
Если деньги, толпы божество,
Оставаясь в пределах отечества,
Из кармана, положим, купечества
Переходят в карманы мещан,
А от них к плутократам в карман,
От погонцев к дельцам и так далее,
То какая же в том аномалия
И какой для отечества вред?
Патриот русский, дай мне ответ!..
От домашней такой операции
Не скудеют богатые нации;
Так и наша страна не бедна,
Хоть кишит вся ворами она,
Хоть идут грабежи в ней повальные,
По размерам своим колоссальные,
Хоть орда жадных хищников ждет
Только случая грабить народ.

Велика их орда разноликая;
Отличить невозможно патриция
От червонных валетов порой,
А иной биллиардный герой,
Спавший некогда вместе с маркёрами,
На своих рысаках кровных, с шорами,
Выезжает, живет как набоб,
Вверх закинув свой бронзовый лоб.

3

Но за что же пред целой отчизною
Будем в них мы бросать укоризною,
Надоевшею всем одинаково?
Без того уж о них вздору всякого
Много молото и перемолото...
Если нашего русского золота
Не швыряют они в Баден-Бадене
(Больше любят Москву, Петроград они),
По Парижу теперь не мотаются
(Парижанки к ним сами съезжаются)
И те деньги, которые сцапали,
Не бегут тратить в Риме, в Неаполе,—
То решимся ли, быв патриотами,
Подстрекаемы личными счетами,
В них бросать обличенья камнями,
С жаждой мести, со злобой нервической,
И считать их дела преступленьями?
Кто знаком хоть слегка с *политической*
Экономией и хотя нá слово
Верит знанью Вернадского, Маслова,
Тот на свежую голову в утренний
Час придет к мысли той, что наш «внутренний
Вор» — явление совсем не опасное,
А подчас — говорю беспристрастно я —
Есть явление такое полезное,
Что смягчить может сердце железное.

4

Русский вор — честный рыцарски мот,
Сам ворует, другим жить дает,
Поощряет в отчизне коммерцию,
Нарушает торговли инерцию,

Рассыпает свой дождь золотой,
Оживляя фабричный застой,
Наживаться дает окружающим,
От щедрот его дань получающим,
Рестораторам, погребщикам,
Поварам и голодным приятелям,
Всевозможных сортов прихлебателям,
Фигуранткам, портным, игрокам
И кокоткам последней формации...
Тот, кто жжет на огне ассигнации,
Тот, кто нажил легко капитал
Или попросту смело украл,
Для него наше золото дешево,
Может сделать немало хорошего
При посредстве различных даров,—
И немало «почтенных воров»,
Обирая чужого и ближнего
Без смущенья до платья их нижнего,
Жить дают в то же время другим,
Поправляя зло делом благим,
Нас подобною честностью трогая...
Пусть же наша юстиция строгая
Привлекает к суду их, громит,
Отдаленною ссылкой грозит,
Но все мы, став на точку особую,
Укорять их не будем со злобою;
Я же, лиру настроив свою,
Им похвальное слово пою.

⟨1879⟩

232. ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Баллада

I

Утро позднее. Небо туманное
Над столицей как саван висит,
И движенье кругом беспрестанное —
Шум, и говор, и звон от копыт.
Всё торопится, с ног всё сбивается,
Словно времени каждому нет,

Но столица не той представляется,
Как назад тому двадцать пять лет.
Вновь проложены улицы многие,
Омнибусы бегут на парах;
Репортеры, как мухи двуногие,
На воздушных летают шарах.
Электричеством весь освещается
Петроград... Каждый день, например,
Домонтович, чтоб в Думу отправиться,
Приготовить велит монгольфьер.
Посмотрите — кругом не Европа ли?
Питер с Лондоном спорить готов.
Обессмертили Струве в Петрополе
Чрез Неву пять висящих мостов.
Телефоны связали все здания,
Все жилища: при помощи их
Композиторов новых создания
Можно слушать в квартирах своих
И, забыв суматоху напрасную,
В зимний или в осенний сезон
Чтоб не бегать в погоду ненастную,
Можно сплетничать чрез телефон,
Разболтавшись при этой okazji
С «дамой сердца» удобно весьма...
Две-три лишних явилось гимназии
И чрез пятый-шестой дом — тюрьма.
Словом, всюду прогресса знамения,
И хоть два миллиона людей —
Невских жителей, стало всё ж менее
Завирательных прежних идей.
Перестроилось общество заново,
Места нет в нем реальным творцам;
Пять домов генерала Мартьянова
Отдаются бесплатно жильцам.

2

На Неву из Усолья далекого
Прикатил коммерсант-сибиряк;
От казны был тяжел кошелек его,
Сам он был далеко не из скряг.
Новичком он явился в Петрополе,
И при виде различных чудес
Не однажды глаза его хлопали:

Восхищал его неевский прогресс.
Всё его возбуждало внимание,
Так что с раннего часто утра,
Свой восторг предвкушая заранее,
Он чуть свет покидал номера
И по городу рыскал богатому,
Где смущал его грохот и гул...
Раз — знаком уже был Петроград ему —
В лавку книжную он завернул.
«Подписаться хочу на газету я,
А притом и на толстый журнал.
Укажите, по правде советуя,
Чтобы сам я впросак не попал,
Чьи издания в ходу теперь более?»
— «Господина Суворина. Он,
Знать такая далась монополия,
Всю печать нынче забрал в полон.
Да-с, один завладел прессой целою,
И других соиздателей нет.
Все журналы — я список вам сделаю —
«Огонек», «Голос», «Слово» и «Свет»,
«Время новое», «Речь», «Иллюстрация»,
«Нива», «Вестник Европы» и «Сын»
(Чтоб в руках была целая нация)
Издавать стал Суворин один,
Чем ужасно была раззадорена
Отставных журналистов толпа...»
— «А вот эта чья лавка?» — «Суворина.
В книжном деле нет выше столпа:
Он убил магазины все книжные,
И бороться нельзя с ним никак.
Верьте в слово мое необлыжное...»
Лишь руками развел сибиряк,
Речь приказчика важного слушая,
И, покинувши лавку, шептал:
«Видно, бил лишь в Сибири баклуши я,
Если дива такого не знал...»

3

Суэта на проспекте обычная.
Сибиряк по панели бредет,
Погружен в размышленья различные,
И, лицо свое пряча в енот,

Чтоб от ветра избавиться резкого
(Петербургский неласков зефир),
До угла дотащился он Невского
И Владимирской; видит — трактир
С освещенной парадною лестницей.
К ней стремятся в обеденный час
Туз-делец с рыжекудрой прелестницей,
Правовед, только кинувший класс,
Аферисты, валеты червонные,
Бюрократы, шагистики цвет,
И татары, как бы окрыленные,
Их в особый ведут «кабинет»
Или в общую залу громадную...
Увлеченный толпой, наконец
В ту же залу трактирно-нарядную
Пробрался и сибирский купец.
Заказавши уху со стерлядкою,
Блюдо редкое очень зимой,
Он спросил у слуги с миной сладкою:
«А чей это трактир, милый мой?»
И, вопросом смущенный сильнее, чем
Всякой грубостью, молвил слуга:
«Куплен он Алексеем Сергеичем
Был у Палкина втридорога».
— «Куплен кем? Человеку нездешнему
Ты толковее должен сказать:
Алексея Сергеича где ж ему
По единому имени знать.
Кто такой он?» Татарин куражится,
Посмотрел на купца, словно зверь:
«Господина Суворина, кажется,
Знает каждый младенец теперь».

4

Вечер. Прежнего сада Демидова
Не узнать. В нем огромный вокзал,
И каскадно-заманчивый вид его
Всех невольно к себе привлекал.
А в вокзал так и ломится публика
Торопливо с различных сторон:
Ей знакома газетная рубрика,
Что гласит: «Вновь открыт Демидрон».

Можно здесь позабыть важность чинную,
Все дневные заботы и труд,—
И валит, и валит в залу длинную
Петербургский скучающий люд.
На эстраде — певицы французские,
Знаменитостей целый реестр;
Музыканты приезжие, прусские,
Занимают огромный оркестр;
Плясуны и плясуньи канатные,
Много клоунов, «Новый Боско»,
Шансонетки клубнично-приятные
И игривые, точно клико;
Блеск и шум, гул толпы прибывающей,
Полусвета отборный цветник,
Самый воздух слегка одуряющий —
Всё влечет в Демидрон в этот миг.
Сибиряк сбросил шубу тяжелую,
Занял кресло в четвертом ряду
И певицу в трико, полуголую,
Созерцает в каком-то чаду,
То краснеет, то, жмурясь, волнуется
(Он недаром родился в избе),
А сосед его просто беснуется
И отхлопал все руки себе.
Атмосфера такая уж жгучая,
Быть нельзя хладнокровным никак...
Вот, дождавшись удобного случая,
Речь с соседом завел сибиряк:
«Превеселое здесь заведение,
И пьянит оно, словно вино,
Только думаю — на поведение
Может действовать дурно оно».
— «Почему же?» — взглянул вопросительно
На купца еще юный сосед.
— «Да уж очень здесь всё соблазнительно
И обычной пристойности нет».
— «Отсталое у вас очень мнение...»
— «Чей же, сударь, теперь Демидрон?»
— «Лишь на днях перешел во владение
Алексея Суворина он».
— «Как, и здесь он поспел?» — «Воротилоу
Стал он первым у нас на Неве,
Стал финансовой нашею силою,
Да и в прессе стоит во главе.

Хоть в идеях дошел до убожества,
Но барыш от изданья таков,
Что имеет он портерных множество
И четыреста шесть кабаков»

5

День субботний. Погода суровая,
Жмется каждый столичный жилец,
Но отправился в бани торговые
По привычке сибирский купец,
Взял фуфайку, в дороге полезную,
И с бельем небольшой узелок,
Занят думой одной разлюбезною:
«Поскорей бы залезть на полок!»
Вот и баня. Дверь настежь растворена.
Но уж сам порешил сибиряк:
«Вероятно, здесь бани Суворина?»
И швейцар отвечал: «Точно так...»

1879

233—234. НАРОДНЫЕ МОТИВЫ

1

«Ты куда бежишь?» — «Купаться», —
Крикнул сын из-за угла,
И старуха-мать ругаться
По привычке начала:
«Попадись-ка мне, парнишка,
Встрепка будет, — погоди!..
А утонешь если, Мишка,
То домой и не ходи».

2

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

По селу идет с котомкой
Отставной солдат.
В небе светит полный месяц,
Звездочки горят.

Всюду тихо; только где-то
Лает сонный пес.
Вдруг солдат остановился,
В землю словно врос.

«Что за диво! Тучки малой
Нет в выси небес;
Надо мной сейчас плыл месяц,
Плыл и вдруг исчез.

Про затмение толковали,
Помню, господа,
Но его мне не случилось
Видеть никогда».

В этот миг ему навстречу
Мужичок. «Земляк,
Что вдруг с месяцем случилось?
Не пойму никак.

Не успел набить я трубки,
Месяц с неба — прыг...»
— «Я, голубчик мой, нездешний»,—
Отвечал мужик.

⟨1880⟩

235. БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Когда пред нами в образах поэта
Под серым небом бедных деревень
Встает народ, несущий ночь и день
Тяжелый крест,— до слез картина эта
Нас трогает... Дивит нас, сельский люд,
Порою доводя до умиления,
Твое неистощимое терпенье,
Безропотность и бесконечный труд,
И сердце в нас становится моложе
От грустных нот певца, и наконец,
Отзывчивые нервы растревожа,
Мы сами плачем, как певец,
И чувствуем, что связаны судьбою
С тобой, народ, что кровна эта связь...
Потом, вполне довольные собою,
Чувствительностью собственной гордясь,

Как практики сухие по природе,
Среди забот и наших личных нужд
Позабываем скоро о народе,
Который нам на самом деле чужд.
Так блудный сын, усталый от разврата,
В минуту светлую, чтоб успокоить мать,
Клянется всем, что дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на коленях он, с рыданием —
Загладить прошлое бесславие и стыд...
Потом, очистив совесть покаяньем,
Опять на оргию полночную бежит.

〈1880〉

236. 6 АВГУСТА 1880

(РАЗДУМЬЕ РЕТРОГРАДА)

Про порядки новые
Подтвердились слухи:
Августа шестого я
Был совсем не в духе,
И меня коробили
Ликованья в прессе:
Ей *perpetuum mobile*¹
Грезится в прогрессе...
Плача от уныния
И по той причине
Окуляры синие
Надевая ныне,
С чувством содрогания
Я убит был просто
Упраздненьем здания
У Цепного моста.

Учрежденья старые —
Их ломать мы падки —
Возбуждают ярые
Общие нападки
Лишь по малодушию
Либеральной клики,

¹ Вечное движение (лат.). — *Ред.*

И с тоской я слушаю
Радостные крики,
Толки суемудрые...
Всюду лица блещут,
Даже среброкудрые
Старцы рукоплещут;
Но без колебания
Нравственного роста
Можно ль жить без здания
У Цепного моста?

Истина давнишняя
Есть в подобном роде:
Пугало — не лишняя
Штука в огороде.
Пугало единое
Держит в вечном страхе
Царство воробьиное.
Люди ж — вертопрахи,
С воробьями схожие.
В страхе — их спасенье;
А теперь прохожие
Без сердцебиенья
И без трепетания,
Как в саду у Роста,
Ходят мимо здания
У Цепного моста.

А давно ль — не надо ли
Повторять нам детям! —
Сами шапки падали
Перед зданьем этим;
Мысли нецензурные
Прорывались редко;
Радикалы бурные —
И у них есть сметка —
Фразу их любимую
Повторяли людям
С резкой пантомимой:
«Все, дескать, там будем!»
Я же в назидание
Внукам до погоста
Буду славить здание
У Цепного моста.

Днем иль в ночи звездные
По Фонтанке еду,—
Здание мне любезное
Увидав, беседу
Завожу с ним нежную,
Не реву едва я,
С грустью безнадежною
Головой кивая.
Сердце разрывается
У меня на части,
Дух же возмущается...
Впрочем, хоть отчасти,
Два иль три издания,
Стоящие тоста,
Заменяют здание
У Цепного моста.

1880

237. ЗАГОВОР В ЛЕСНОМ

Баллада

Редакция журнала «Полярная
звезда» помещается за городом
в Лесном.

Газетное известие

С волками жить — по-волчьи выть.

Пословица

Ночь, мороз трещит. На сонный
Парк льет бледный свет луна.
Там и здесь — сугроб саженный,
Холод, глушь и тишина.

Запушились снегом елки...
Непробудно-поздний час...
В парке только рыщут волки
И издатель Салиас.

«Братцы-волки! Не простая
У меня есть просьба к вам...»
И волков сбежалась стая,
Удивясь таким словам.

«Позадумал издавать я
Здесь «Полярную звезду»
И от вас, о волки-братья,
Дорогой услуги жду.

Для издания не барашки
Нужны мне, а волчья рать,
Чтоб за икры и за ляжки
Либералов всех кусать.

Помогите — вы мне любы —
Издавать в Лесном журнал:
Пусть узнает волчьи зубы
Современный радикал.

Волчий стиль мы все усвоим...
Не жалейте же клыков»...
И свое согласие с воем
Изъявило сто волков.

М о р а л ь

Не советую на тройке,
Господа, скакать в Лесной:
Могут кончиться попойки
Там катастрофой одной.

Либералов вкусно мясо,—
Нынче ж кто не либерал? —
Так что волки Салиаса
Вас съедят и — кончен бал.

1881

238. КОРОЛЬ И ШУТ

Король негодует, то взад, то вперед
По зале пустынной шагая;
Как раненый зверь, он и мечет и рвет,
Суровые брови сдвигая.

Король негодует: «Что день, то беда!
Отвсюду зловещие вести.
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести...

Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
Иуда сидит на Иуде...»
Король обратился к шуту: «О, скажи:
Куда делись честные люди?»

И шут засмеялся: «Ах ты, чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И — сам поднимаешь тревогу!»

⟨1882⟩

239. ИЗ И. АКСАКОВА

(СМ. ПОСЛЕДНИЙ № «РУСИ»)

Ш к о л ь н и к

Еду. Спереди и сзади
Лишь поля одни встают.
«Ну, пошел же, бога ради!
Покажи лошадам кнут».

Полетела птицей тройка...
Шел с котомкой за спиной
Впереди мальчишка бойко.
«Стой, ямщик! Куда, родной,

Пробираешься?» — «Не близко:
В город...» — «Этакий сверчок
И один идет! Садись-ка
Ты ко мне на облучок.

Подвезу». Присел парнишка.
«Что в котомке ты несешь?»
— «Две рубашки в ней да книжка.
Я иду учиться». — «Что ж,

Будешь писарем, быть может». —
«Поучившись шесть-семь лет,
Попаду, коль бог поможет,
Даже в университет».

«Что-о? Как? В университете
Хочешь быть ты, мальчуган?..

Вот о чем мечтают дети
Добрых наших поселян!..

Боже, это уже слишком!..
У меня зудит рука...
Помогать таким мальчишкам
Не хочу... Прочь с облучка

И ступай пешком... Проселки
Каковы у нас?.. Разврат!..
Погоняй, ямщик! Хоть волки
Пусть его здесь заедят».

1883

240—241. ПЕСНИ О РОЗГАХ

1

Во поле березынька стояла,
Во поле кудрявая стонала:
«Некому кудрявой защитити,
Не к кому прибегнуть мне к защите;
Вновь на каждом листике березы
Выступают, словно жемчуг, слезы
От беды — невзгоды неминучей,
И опять зовут меня «плакучей».
Тошно мне! Настали дни иные.
Публицисты — люди озорные,
Соблазнившись строгостью острогов,
Уськают российских педагогов
И, назад указывая путь им,
Голосят: „Вернитесь снова к прутьям,
Прибегайте — и почаще — к розгам:
Только розги могут детским мозгом
Управлять, как руль, в житейском море,—
А не то с детьми вам будет горе.
Им нужна «березовая каша»;
Эта каша — мать родная наша...
Вырубайте же березки по проселкам
И детей порите с чувством, с толком,
С расстановкою, приличной делу:

Всё, что больно молодому телу,
То смиряет детский ум строптивый,
Так что мальчик резвый и ленивый,
Только из боязни жгучей боли,
Даст зарок не баловаться боле“».

Так береза во поле стонала
И, роняя слезы, причитала;
Смысл речей был жалобен и горек,
А Суворин, в руку взяв топорик,
Подрубал «плакучие» березки
И, отправив в собственной повозке
В город их, в своей конторе даже
Выставил для розничной продажи.

2

О Незнакомец! Вы учеников-птенцов
Сечь предлагаете с развязностью привычной
И пользы ждете необычной
От розог и от их классических рубцов.
О Незнакомец! Вам поэму в сотню тысяч
Строк посвящу... Да что! Поэма — вздор...
Я с удовольствием готов бы был вас высечь...
Из мрамора, когда б я был скульптёр.

1883

242. ПОВЕТРИЕ

Имея пломбу от Европы,
Нетрудно гением прослыть;
Всегда найдутся остолопы,
Чтоб приговор такой скрепить.

«Он человек великий!» — часто
Мы слышим их табунный крик.
Глупцы решили так, и — баста!
Он потому для них велик,

Что, на колени ставши, снизу
Вверх на него они глядят,
Но если рабскому капризу
Они служить не захотят,

То, вставши на ноги и просто
Взглянув, узнают в миг один,
Что незначительного роста
Их изумлявший господин.

Теперь же обратили в идол
Они его, плетут венки,—
Но аттестат единый выдал
Им, верно, сам он: «Дураки!»

⟨1884⟩

243. НАПРАСНЫЕ ОПАСЕНИЯ

Мы, люди старого закала,
Смотря, как мир идет вперед,
Скорбим и сетуем немало,
Что обновился жизни ход,
Что изменились люди, нравы,
Черты нет прежней ни одной,—
Но в этом мы, друзья, не правы:
Всё тот же он, наш край родной.

Как старовер журнальной лиги,
Смотрю кругом я без забот:
У жизни, как у старой книги,
Лишь обновился переплет.
Под неизменным зодиаком
Живет и дышит божья тварь,
И под блестящим, новым лаком
Еще сквозит родная старь.

В столицах и в глуши уезда
Всё те же блага старины,
Лишь не с парадного подъезда,
А с заднего крыльца должны
Мы в бытовые наши гнезда
Вступать в родимой стороне,
Где все мы рано или поздно
Вернемся к прошлому вполне.

Прогресса ширмы лишь для виду
Скрывают наш старинный быт,
Но он не даст себя в обиду,
За дело предков постоит,

Не променяет идеала,
Которому служил века,
И — поскобливши либерала,
Мы в нем найдем крепостника.

Держась за старые порядки,
Мы противу рожна не прем;
Где нужно, предлагаем взятки,
Где можно, сами их берем;
Не отрицая просвещенья,
Имеем в сердце божий страх
И выставляем в день крещенья
Кресты на всех своих дверях.

Любая пришлая химера
У нас мутит одних детей;
Мы любим почитать Вольтера
И верим в леших и в чертей;
Заботясь о домашнем мире,
Просыпав соль, скрываем вздох
И изумляемся, в квартире
Не находя клопов и блох.

Идеи западные с толку
Не сбили нашу «соль земли»,
И ту же «Северную пчелку»
Мы в «Новом времени» нашли.
В его любой заглянешь нумер
И крикнешь радостно всегда:
«Булгарин жив, и Греч не умер!»
Чего ж еще вам, господа?!

⟨1885⟩

244. НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Баллада

В виду океана ревел, как борей,
Джон Буль, находясь в ажитации:
«Явись, о Фетида, богиня морей,
Защитница английской нации,
Явись и скажи мне, кто может со мной
Соперничать в силе и в славе земной?..

На двух полушариях английский флаг
Всевластно теперь развевается;
Пред золотом нашим как друг, так и враг
Почтительно ныне склоняется;
Где меч не проложит дорогу себе,
Там деньги осияют в неравной борьбе.

Весь мир — мой!» Тогда из пучины морской,
Где стихло волнение шумное,
Ему отвечала Фетида с тоской:
«Какая кичливость безумная!
О смертный, скажу, справедливость любя,
Заносчивость эта погубит тебя.

Как ты, был заносчив мой сын Ахиллес
И боя искал рукопашного;
Однако, к несчастью, по воле небес,
Пята Ахиллеса бесстрашного
Была уязвима, и пал он в бою,
Наполнивши скорбью всю душу мою.

Британский твой лев так же грозен на взгляд,
Кичливость за ним та же водится,
Но всё же своих «ахиллесовых пят»
Ему забывать не приходится.
Египет — Ирландия — Индия: ты
Сперва залечи-ка три эти пяты».

⟨1886⟩

245. СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ

К о л у п а е в
(подходя к Обломову)
Здравствуй, барин!

Обломов отворачивается.

Р а з у в а е в
Видишь, кланяться
Не желает нам гордец.

К о л у п а е в

(Обломову)

Эй, не плюй в колодец! Чваниться
Переставши наконец,
Сам к колодцу за водицею
Непременно ты придешь
И вокруг нас сам лисицею
Увиваться ты начнешь.
Ныне властные хозяева
Кто, скажи-ка, на Руси?
Ты об этом Разуваева,
Колупаева спроси.
Ту двойную, всем знакомую,
Кличку знает русский люд.
Величают вас — *соломою*,
Нас же — *силою* зовут.
Барство прежнее умело ли
Так хозяйничать? Поверь,
Даже климат переделали
Мы в родном краю теперь;
С той поры, как вкруг да около
Истребляем мы леса,
А у вас всех сердце ёкало, —
Совершились чудеса:
Климат сделался суровее,
Юг на север стал похож
И, скажу без празднословия,
Молотить мы можем рожь
На обухе... Не сторонятся
Нас, кому нужны гроши...

О б л о м о в

Дайте руку. Познакомиться
С вами рад я от души.

⟨1887⟩

246. ГАЗЕТЕ «ДЕНЬ»

«Дню» мадригала лучше нет:
«Ни *день*, ни ночь, ни мрак, ни свет».

1861 или 1862

247. ЗАГАДКА

Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?
В веке прогресса, скажи, кто казаков угадал?
Кто Славянин молодой, Греч мощью, а духом Булгарин?
Вот загадка моя: хитрый свистун, разреши.

1862

248—249. НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ

1

НИЩИЕ (г. ГАУГЕРА)

В этих нищих мы напрасно
Бедняков несчастных ищем:
Мне, смотря на них, ужасно
Быть таким хотелось нищим.

1862

2

К КАРТИНЕ «БИТАЯ ДИЧЬ» г. ГРАВЕРТА

Здесь в указатель глядеть не приходится,
Можно здесь разом постичь,
Что на картинах пред нами находится
Дичь, господа, только *дичь*!..

1863

**250. НАДПИСЬ К РОМАНУ г. БОБОРЫКИНА
«В ПУТЬ-ДОРОГУ!»**

«В путь-дорогу!» — новейший роман!
Для какой же он публики дан?
Да спасут Боборыкина боги:
Сбился он и *с пути* и *с дороги*.

1862 или 1863

251. К ПЬЕСЕ «ЧУЖАЯ ВИНА» г. УСТРЯЛОВА

Эта драма назваться должна,
Чтоб избежать скандала немалого,
Уж совсем не «Чужая вина»,
А вина — господина Устрялова.

1863 или 1864

252. БОБОРЫКИНУ В РОЛИ ЧАЦКОГО

Карету мне, карету!

«Горе от ума», акт IV

На сцене видя пьесу эту,
Я об одном лишь плакал факте,
Что Боборыкину карету
Не предложили в первом акте.

1864

253. АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.

Согласен в том:

Поэт Британии был хром,
А ты — в стихах своих хромаешь.

⟨1865⟩

**254. ПРИ ПОСЫЛКЕ РОМАНА
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»**

Доктора в леченьи странны.
Все они — не смело ли? —
Говорят: морские ванны
Многим пользу делали.

Эта книга тоже «море
Взбаламученное»,
Встретит в ней большое горе
Грудь измученная.

И теперь пред целым светом
Я на ванны эти сетую,
И купаться в море этом
Вам я не советую.

Между 1863 и 1865

255. ПО ПРОЧТЕНИИ ДРАМЫ «МАМАЕВО ПОВОИЩЕ»

Своею драмой донимая,
Ты удивил весь Петербург:
Лишь только в свите у Мама
Мог быть подобный драматург.

1864 или 1865

**256. А. МАЙКОВУ И Ф. БЕРГУ,
СТАВШИМ ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ
ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «ДЕЛО И ОТДЫХ»**

Вы правы, милые певцы!
Всё изменяется на свете:
Не признавали вас *отцы*,
Так, может быть, признают *дети*.

1865

257. ПУШКИНУ, ПОСЛЕ ВТОРИЧНОЙ ЕГО СМЕРТИ

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:

Явился Писарев Дантесом
И вновь поэта расстрелял.

1865

258. Н. ЩЕРБИНЕ,
ИЗДАВШЕМУ СБОРНИК «ПЧЕЛА»

Поэт! к единственной я склонен похвале:
«Пчела» Булгарина сродни твоей «Пчеле».

1865

259

В ресторане ел суп сидя я,
Суп был сладок, как субсидия,
О которой сплю и думаю,
Соблазняем круглой суммою.

1865 (?)

260—261. ЗАМЕТКИ

(ПОДРАЖАНИЕ МОСКОВСКОМУ ПОЭТУ)

1

«На нашей почве урожайной
Растит и тупость семена...» —
Так молвил в злобе чрезвычайной
Поэт, воспрянувший от сна.
Вы правы, злобою алея:
В одни и те же времена
Взросли — ведь нет насмешки злее —
Таланта Пушкина лилея
И вашей музыки белена.

2

Проснулась в нем страстей игра,
За то, что мысль не сходит к барду,
И вместо прежнего пера
Схватился он за алебарду.

Напрасно, будочника вид
Приняв, он ею машет гордо,
Но на Парнасе Держиморда
Уж никого не устрашит.

1866

262. У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина». — «Назад!
В вас наша пресса не нуждается». —
«Я честность!» — «Вон!» — «Я
разум!» — «Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается». —
«Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров. Я — субсидия!..» —
«А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

⟨1867⟩

263. БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилия,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

⟨1868⟩

264

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один.
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.

1868

Каков талант? И где ж его
 Поймет простой народ?
 Он сам напишет «Лешего»
 И сам его споет...

Слез много нами вылито,
 Что он в певцы пошел...
 Иван Сергеич! Вы ль это?
 Вас *Леший* обошел.

1868

266. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Чтоб утонуть в реке, в нем сердце слишком робко,
 К тому же, господа, в воде не тонет пробка.

⟨1870⟩

267. КЛЕВЕТА

Не верьте клевете, что мы стоим на месте,
 Хоть злые языки про это и звонят...
 Нет, нет, мы не стоим недвижно, но все вместе
 И дружно подвигаемся... назад.

⟨1870⟩

268

Нельзя довериться надежде,
 Она ужасно часто лжет:
 Он подавал надежды прежде,
 Теперь доносы подает.

⟨1870⟩

269

Я не гожусь, конечно, в судьи,
 Но не смущен твоим вопросом.
 Пусть Тамберлик берет до грудью,
 А ты, мой друг, берешь до — носом.

⟨1870⟩

Пусть твой зоил тебя не признает,
Мы верим в твой успех блистательный и скорый:
Лишь «нива» та дает хороший плод,
Навоза не жалеют для которой.

1870

271. ПРОТЕСТ

Я Марса одного недавно назвал Марсом...
Ну, кажется, скромней не может быть печать,
Но Марс обиделся и просто лютым барсом
Хотел меня на части разорвать.
Ведь после этого житья нет в божьем мире,
Ведь после этого, отбросив всякий фарс,
Нельзя хулить «картофеля в мундире»,
Чтоб не обиделся иной мундирный Марс.

⟨1871⟩

272. ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНИСТА

Коротенькие мысли, коротенькие строчки,
Клубничные намеки от точки и до точки,
Широкие замашки и взгляд мещански узкий,
Язык преобладающий — не русский,
а французский;
Легко всё очень пишется и без труда читается,
И из голов читателей тотчас же испаряется.

⟨1871⟩

273. ВОПРОС

Послушать вас — вам все сродни на свете.
Заговорят случайно о Гамбетте —
Окажется Гамбетта ваш *compère*¹;
Рошфор — ваш кум, граф Бисмарк — друг
завятый,
Гюго — земляк, и однокашник — Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.

¹ Собрат (франц.). — *Ред.*

Везде у вас друзья — их сорок сороков —
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий — Хлестаков?

⟨1871⟩

274. АРТИСТУ-ЛЮБИТЕЛЮ

«Служителем искусства» постоянно
Ты, милый мой, привык себя считать.
Что ты «служитель» — это мне не странно,
Но об искусстве-то зачем упоминать?..

⟨1871⟩

275. М. О. М(ИКЕШИ)НУ

Художник смелый наш, Орфей в карикатуре!
Таланта твоего нельзя не оценить:
Ты камни заставляешь говорить...
О собственном бессилии в скульптуре.

⟨1871⟩

276. Я. ПОЛОНСКОМУ, ПО ПОВОДУ ЕГО КНИГИ «СНОПЫ»

В поэте этом скромность мне знакома,
Но все-таки я очень поражен:
Свои стихи «Снопам» назвал он.
А где снопы, там и солома.

1871

277. ПРИ ЧТЕНИИ РОМАНА «ПРИ ПЕТРЕ I» СОЧ. КЛЮШНИКОВА И КЕЛЬСИЕВА

По паре ног у них двоих,
Теперь же видя вкупе их,
Два автора, на удивленье многим,
Являются одним четвероногим.

1871

⟨1⟩

ПЕРЕД ДОМОМ ВЯЗЕМСКОГО

(НА КАМЕННООСТРОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ)

«Какой прелестный дом! Всё, до пустых безделиц,
Изящно в здании. Сказать могу вперед,
Что множество людей живет в нем...» — «В нем живет
Всего один домовладелец».

⟨2⟩

ПЕРЕД ДОМОМ ВЯЗЕМСКОГО

(НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ)

«Что за развалины! Скажите, мой любезный:
Тут разве крысы могут только жить!»
— «В нем столько жителей, что городок уездный
Не в состоянии всех их поместить».

⟨1872⟩

**279. ПО ПРОЧТЕНИИ РОМАНА И. ТУРГЕНЕВА
«ВЕШНИЕ ВОДЫ»**

Недаром он в родной стране
Слывет «талантом»... по преданьям;
Заглавье вяжется вполне
В его романе с содержанием.
При чтеньи этих «Вешних вод»
И их окончивши, невольно
Читатель скажет в свой черед:
«Воды действительно довольно...»

1872

280. ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЫИГРЫШ

«Я дом купил!» — «Ах, очень рад!»
— «Постойте радоваться: вскоре
Он за долги мои был взят».
— «О боже мой, какое горе!»
— «Но адвокат вернул назад
Мне этот дом». — «Вот так удача!»
— «Ну, нет большой удачи в том:
Мой адвокат взглянул иначе
И за «защиту» взял мой дом».

⟨1873⟩

281. <ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА>

Кислая осень в окошко врывается.
Дома сидеть невозможно никак:
Выйдешь на улицу—злость разыграется:
Сырость и грязь отравят каждый шаг.
Целые сутки льет дождь с неба хмурого,
Некуда деться от сонной тоски,
Будто бы ты все статьи Гайдебурова
Перечитал от доски до доски.

⟨1873⟩

282. НА СОЮЗ Ф. ДОСТОЕВСКОГО С КН. МЕЩЕРСКИМ

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.

1873

За что — никак не разберу я —
 Ты лютым нашим стал врагом.
 Ты издавал стихи в Карлсруэ,
 Мы — их в России издаем.
 Мы шевелить старались вместе
 Ты — мозг спинной, мы — головной;
 Читает нас жених невесте,
 Тебя же муж перед женой
 Читать, наверно, побоится,
 И только, может быть, хмельной
 Иным стихом проговорится.
 За что ж накладывать на нас
 Ты любишь цензорскую лапу?
 За то ль, что новый наш Парнас
 Не служит более Приапу?
 Иль, наконец, твоя вражда
 В различьи наших свойств таится?
 Так мать-блудница иногда
 На дочь невинную косится.

Первая половина 1870-х годов

284. В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм — моя стихия,
 И легко пишу стихи я;
 Без раздумья, без отсрочки
 Я бегу к строке от строчки,
 Даже к финским скалам бурым
 Обращаясь с каламбуром.

(1876)

285—286. ТРЕЛИ И СИГНАЛЫ ОТСТАВНОГО МАЙОРА М. БУРБОНОВА

1

Мой булочник стал дурно булки печь,
 За что его я поспешил распечь:
 «Я гласности предаю дурное ваше тесто!»
 А он мне отвечал: «Ну что ж, держите речь,
 „Про тесто“ не было у нас еще „протеста“».

Два бедняка из лавки угловой
 Стащили колбасу, поели и — попались.
 Известно, к мировому... Мировой
 Спросил их, не входя в особенный анализ:
 «Скажите: да иль нет —
 На колбасу вы в лавке *покушались?*»
 — «Покушали-с!» — наивный был ответ.
 (1876)

287

«Какого мнения вы об С.?» — «Да о котором?»
 — «О fils'e: ведь на сцене только fils!»¹
 — «Он — я о нем замечу не с укором:
 Актера сын, племянник трех актрис,
 Но самого его кто ж назовет актером?..»
 (1877)

288. В. ЯКОБИЙ

ПОРТРЕТ Г-ЖИ Р — СОЙ.

Так много таланта и чувства
 Потрачено, *но*, скажем прямо:
 Атласному платью реклама
 Едва ли есть дело искусства.
 1877

289. ЖУРНАЛУ,
ПЕРЕМЕНИВШЕМУ РЕДАКТОРА

Мы перемены в нем дождались,
 Но пользы нет и нет пока:
 Переменили ящика,
 А клячи прежние остались.
 1877

¹ Сын (франц.). — *Ред.*

290. КН. В. МЕЩЕРСКОМУ

«Я внук Карамзина!» —
Изрек в исходе года
Мещерский. — «Вот-те-на!»
Пошел такого рода
Гул посреди народа:
«При чем же тут порода?
И в наши времена —
В семье не без урода».

1877

291. АЛЕКСАНДРИНСКОМУ ТЕАТРУ

Мировой судья Трофимов за известные деянья
Скоро будет вместо штрафа иль другого наказанья
Приговаривать виновных всех спектакля на два, на три,
Чтоб виновный до конца их в этом высидел театре.

⟨1878⟩

292. ЧИНОВНЫМ НЕМЦАМ

В России немец каждый,
Чинов страдая жаждой,
За них себя раз пять
Позволит нам распять.
По этой-то причине
Перед тобою, росс,
Он задирает нос
При ордене, при чине:
Для немца ведь чины
Вкуснее ветчины.

⟨1879⟩

293. НЕОБХОДИМАЯ ОГОВОРКА

Текущей журналистику назвать,
Конечно, можем мы, и это правда сущая:
Она поистине «текущая»,
Но только вспять.

⟨1879⟩

294. ОДНОМУ ИЗ МНОГИХ

Он всюду тут как тут, живет во весь карьер,
Он новости до их рожденья слышит,
Он за два месяца уж чует, например,
Кто женится и кто на ладан дышит...
À livre ouvert¹ играет он и пишет,
И даже врет à livre ouvert.

⟨1879⟩

295. ЗОИЛУ

Ведя журнальные дебаты,
Страшись одной ужасной казни:
Того гляди, из неприязни
Укусишь самого себя ты
И сгинешь от водобоязни.

⟨1879⟩

296. ХАПАЛОВ

«ПОРТРЕТ СТАРУШКИ»

Хапалов даровит, быть может, только дар-то
Особый у него, и в наши времена
«Морщин топографическая карта»
Портретом называться не должна.

1879

¹ Без подготовки (франц.). — *Ред.*

«Чья же пьеса нынче шла?»
 — «Александрова». — «Была
 С шиком сыграна, без шика ли?»
 — «С шиком, с шиком: громко шикали».

1879

Что ж, чокнемся в последний раз
 И будем ждать ответа:
 Весна чем разутешит нас,
 Чем огорошит лето,
 Каких ждать осенью тревог,
 Чья уцелеет шкурка —
 Об этом знает только бог
 Да губернатор Гурко.

1879 или 1880

299. Б. М(АРКЕВИ)ЧУ

На днях, влача с собой огромных два портсака,
 Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
 «Ему не донести!» — вкруг сожалел народ,
 И только лишь какой-то забияка
 Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет!..*»

1879 или 1880

Едва ль придет художнику охота
 Когда-нибудь писать его портрет:
 На свете прозябая много лет,
 Он сам похож на копию с кого-то.

〈1880〉

301. ХЛЕБ И СОЛЬ

Хлеб с солью дружен... Так подчас
Болтаем мы иль просто мелем;
Но часто «*соль* земли» у нас
Сидит без *хлеба* — по неделям.

⟨1880⟩

302. Ю. ЛЕМАН

«ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ»

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему «Дама,
Из комнаты ушедшая».

1880

303. И. КРАМСКОЙ

«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И. ШИШКИНА»

Когда к портрету только подойдешь,
То крикнешь, в пафосе хохол свой теребя,
Что более портрет на Шишкина похож,
Чем сам оригинал на самого себя.

1880

304. ЛИБЕРАЛ ОТ «ПОРЯДКА»

Либерал от ног до темени,
Возвещал он иногда:
«До поры лишь и до времени
Я молчу, — но, господа,
Будет случай, и могучее
Слово я скажу, клянусь!»
И — того дождался случая:
«Говорите, сударь, ну-с!»
И, прищуря глазки карие,
На свой фрак роняя пот,
Из времен Гистаспа Дария
Рассказал он анекдот.

1880

**305. В АЛЬБОМ. КРУППУ-МЛАДШЕМУ,
ПРИЕХАВШЕМУ В ПЕТЕРБУРГ**

Ем ли суп из манных круп
Или конский вижу круп —
Мне на ум приходит Крупп,
А за ним — большая масса,
Груда «пушечного мяса»...
Ах, да будет не тернист
Путь такого человека:
Он великий гуманист
Девятнадцатого века!

1880

306. <М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ>

Как член российской нации,
Привык к субординации...

Ввиду ж порядка строгого
Мы просим, граф, немногого:
Вы дайте конституцию,
На первый раз хоть куцую!

1880

307—308. М. Н. К<АТКО>ВУ

1

С толпой журнальных кунаков
Своим изданием, без сомненья,
С успехом заменил Катков
В России Третье отделение.

2

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас,
То на себя донос напишет.

1880 или 1881

1

О Зевс! Под тьмой родного крова
 Ты дал нам множество даров,
 Уничтожая их сурово,
 Дал людям мысль при даре слова
 И в то же время — цензоров!!

⟨1881⟩

2

В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА

Здесь над статьями совершают
 Вдвойне убийственный обряд:
 Как православных — их крестят
 И как евреев — обрезают.

⟨1873⟩

311

Понемножку назад да назад,
 На такую придем мы дорожку,
 Что загонят нас всех, как телят,
 За Уральский хребет понемножку.
 Мы воздвигнем себе монумент,
 Монументов всех выше и краше,
 И в один колоссальный Ташкент
 Обратится отечество наше.

⟨1881⟩

312. НА КОМ ШАПКА ГОРИТ?

Имея многие таланты,
 К несчастью, наши интенданты
 Преподозрительный народ.
 Иной, слыша слово «ворон»,
 Решает, что сказали: «вор он!» —
 И на его, конечно, счет;

А если кто проговорится
Невинным словом «воробей»,
Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «вора бей!»

⟨1881⟩

313. НОВАЯ НОВИНКА

Украсился журнальный огород,
И новая в нем появилась грядка,
Но скукою «порядочной» несет
От первого же нумера «Порядка»,
Хоть даже сам Тургенев очерк дал,
Чтоб оживить хоть несколько издание.
Так в дом купца, в день бракосочетанья,
Зовется свадебный, парадный генерал.

1881

314. «ЛЕС»

(И. ШИШКИНА)

Правдиво так написан лес,
Что все невольнo изумляются.
В таком лесу насмешки бес
И эпиграмма заплутаются.

1881

315. «САПОЖНИК»

(КОЧЕТОВА)

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

1881

316. «ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ»

Сплин нагоняющий, усердный, как пчела,
Об аккуратности единой он хлопочет,
Всегда выходит первого числа,
Но век опередить на час один не хочет.

⟨1883⟩

317. ЗАКУЛИСНЫЙ СЛУХ

«Увидавши Росси в «Лире»
И взглянув на дело шире,
Нильский сам имеет честь
Взять роль Лира...» — «Вот так ново!
В «Лире» шут один уж есть,
Для чего ж шута другого?»

⟨1883⟩

318. СПРАВЕДЛИВОЕ ОПАСЕНИЕ

Непризнанный пророк,
Воспламеняясь часто,
Аверкиев изрек:
«Писать не стану: баста!»
И невская печать
Теперь в большой тревоге:
А ну, как он опять
Строчить начнет, о боги!

1883

319. ⟨Е. М. ФЕОКТИСТОВУ⟩

Островский Феокистову
На то рога и дал,
Чтоб ими он неистово
Писателей бодал.

1883

320. МАДРИГАЛ

Она останется всегда
Артисткой нужною для сцены,
И хоть не очень молода,
Но всё ж моложе Мельпомены.

⟨1884⟩

321. ЖИЖИЛЕНКО

Он пейзажист такого рода,
Что кисть его дивить должна.
Решив однажды, что природа
Хотя, конечно, недурна,
Не без красот, но в смысле строгом
Поправок требует во многом,
Художник начал исправлять
Природы этой недостатки,
Подкрашивать и подвигать,
Заштопывать и класть заплатки,
Этюдам дал конфетный смак,
Обсахарил природу так,
Что сомневаться начал Питер:
Он пейзажист или кондитер?

⟨1884⟩

322. В. КОКОРЕВ

Вот имя славное. С дней откупов известно
Оно у нас,— весь край в свидетели зову;
В те дни и петухи кричали повсеместно:
Ко-ко-ре-ву!!.

1884

323. NN

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит всё во мраке
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.

⟨1887⟩

324. ОДНОМУ ИЗ ЛЕКТОРОВ

Не диво, что клонил всех слушателей сон
На лекциях его, но то одно, что он
Сам не заснул от собственного чтенья,
Гораздо большего достойно удивленья.

⟨1888⟩

325. ВИК. КРЫЛОВУ

Обзавестись в преклонные года
Ты можешь внуками, но всё же никогда
Не будешь *дедушкой Крыловым*. Перемены
Такой не жди, покорствуя судьбе,
Придется целый век прожить тебе
В племянниках... у невской Мельпомены.

1887 или 1888

326. <В. П. БУРЕНИНУ>

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

327. АД

ПОЭМА В ТРЕХ ПЕСНЯХ

(Подражание Данте)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Едва ли стих, которым пишут оды,
Послання «к ней», к трем звездочкам, к луне,
Стих, мелкий льстец и раб вчерашней моды,

Сумеет людям передать вполне
Картину ада, нынешнего ада,
Куда спуститься вздумалось мне.

Певучих рифм для этого не надо;
Тут воплями и скрежетом зубов,
Шипением раздраженного гада

Откликнуться в рассказе будь готов...
О муза робкая! хоть на минуту
Забудь свой пол, стыдливости покров,

И загляни со мною в глубину ту,
Где не один знакомый нам земляк
Стал осужден гореть подобно труту.

Я неся в ад, и неся быстро так,
Держась рукой за крылья Люцифера,
Что не видал, как вдруг исчезнул мрак,

И предо мной разверзлася пещера,
За ней другая, третья... целый ряд.
Метнулась в нос струей зловонной сера,

А под ногами огненный каскад
Ревел и прыгал. Далее, спустились
Мы в глубину, центральный самый ад,

Где жар такой, что волоса дымились
И щеки трескались на части. Вдруг
Передо мною тени закружились,

И я увидел сотни чьих-то рук,
Простертых вверх. Я смело крикнул: «Кто вы?»
И повторило эхо этот звук;

В огне кружась, завывли дико совы,
И вопль теней, крутящихся в смоле,
Меня смутил. Картины были новы.

Палим огнем в кровавой этой мгле,
Где что ни шаг — то тень, то стон собрата,
Я прислонился с ужасом к скале,

А вокруг меня скакали чертенята,
Дрались, кувыркались на голове,
Прозя хоть «грош на бедность». Так когда-то

За мной гонялись нищие в Москве,
С припевом старым: «дайте медный грошик
Убогой сироте или вдове...»

И стало жаль мне этих адских крошек,
Но им едва я горсть монет швырнул,
Они слились в визжаныи диких кошек

И вскрыли пасть, как тысяча акул;
За дележом рассыпанной монеты
Уж свалка началась, но Вельзевул,

С которым в ад низвергся я с планеты,
Махнул жезлом—и эта сволочь вмиг
Рассыпалась и спряталась где-то.

Вдруг долетели к нам — ужасный крик,
Ругательства и треск славянской брани.
«Иди вперед,— сказал мне проводник,—

В пещеру ту посажены славяне...»
— «О, к ним скорей!..» И, к землякам спеша,
Я много встреч сулил себе заране.

Вошли. Едва шагнул я, чуть дыша,
В огне, в дыму, как где-то близко, рядом,
Завыла чья-то падшая душа.

При встрече с ней попятился я задом:
Погружена в шипящий кипяток,
Бранилась тень и задыхалась смрадом,

А с вышины ей в рот лился поток
Прозрачной влаги, внутренность сжигая.
Кто был тот грешник — я признать не мог,

Но на меня, проклятья изрыгая,
Он бросил взгляд — и взгляд был зол и дик,
Как будто представлял ему врага я.

«Прочь от меня! я — русский откупщик!
Пью голый спирт, питаюсь скипидаром,
Мой рот сожжен, изорван мой язык,

Мне в чрево льют напиток адский — даром,
Но если б в мир я вырвался опять —
Поил бы вас всё прежним полугаром».

И голый спирт он начал вновь глотать
С гримасой отвратительной и зверской...
Я далее стал ад обозревать

И подошел к какой-то яме мерзкой,
Откуда грешник звал меня: «сюда!» —
И вдруг за плащ схватил рукою дерзкой.

Увы! я в нем узнал не без труда
Известного мне прежде бюрократа,
Для женщин труд бросавшего всегда,

В рінсе-пез, в бобрах, по Невскому когда-то
Искавшего то устриц, то интриг,
С Борелем бывшего всю жизнь запанибрата!..

Ты в ад попал, изящный мой старик,
Где устриц нет, где нет белья и фрака!..
Хоть за душу хватал мне старца крик,

Но так силен был запах аммиака,
Такая вонь из ямы поднялась,
Что мимо я бежал, и гений мрака

Мне указал на тень: она вилась
И ползала, влача на плечах груды
Тяжелых слитков золота, рвалась,

Но, ношею приплюснутая в слюду,
В почтовый лист, опять стиралась в прах.
«Тень грешника! тебя я не забуду!

Пусть злая казнь твоя пробудит страх
Корыстолюбца, жадного к аферам,
Всегда, как ты, тонувшего в долгах

И лезшего в карман акционерам.
Сиди же тут и золото лижи!!..»
И я пустился вслед за Люцифером.

Вдруг гнусный призрак вырос. «О, скажи,
Кто ты, ужасный грешник, и откуда?
Но стой! Свой лоб закрытый покажи!

На лбу написано: «предатель и Иуда».
Кто ж ты такой? смолою залит рот,
Чтобы донос не выползал оттуда,

И уши срезаны...» Стонал Искарот,
Сжав кулаки и топая ногами.
С его лица бежал кровавый пот,

Но он не мог пошевелить устами.
«Кто ж ты?» — я вновь допрашивал. В тот миг
Он начал знаки делать мне руками;

Я отскочил, я лишь тогда постиг,
Что встретился с знакомым лицемером,
И вслед ему проклятья бросил крик:

«Будь проклят ты! пусть станет всем примером
Казнь лютая! терзайся и лежи!»
И я опять пошел за Люцифером.

А вокруг меня вставало царство лжи
В дыму костров, которые не гасли...
Там плавали распухшие ханжи

Одной семьей в килучем постном масле;
Там в грудь певца вселился наглый бес
И заставлял — из злости ль, из проказ ли —

Его тянуть всю вечность *ut diez*;
Без отдыха трагический ломака
Ревел, как Лир, попавший ночью в лес;

Там, рук лишен, кулачный забияка,
Скрипя зубами, в пламени скакал:
Ему везде мерещились — то драка,

То уличный классический скандал;
Там лихоимцев мучались орды,
Там корчился мишурный либерал,

Которым все мы прежде были горды;
Там в рубище скорбел парадный фат,
И скромностью страдали Держиморды...

И с трепетом блуждал вокруг мой взгляд:
Везде с бичом стоял незримый мститель.
«Но тут еще не весь славянский ад,—

Докладывал мне мой путеводитель.—
Здесь есть отдел «Литературный мир»,
И на него взглянуть вы не хотите ль.

Там звук цитат, бряцанье русских лир,
Занятие ученых, журналистов
Даст тему вам на несколько сатир...»

И тут мой бес, как адский частный пристав,
Открыл мне вход, и я увидел вдруг
Пристанище родных экс-нигилистов.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О муза! выдумай особый звук,
Чтоб ад чадил сквозь каждую чертину,
Чтоб каждый стих был криком тяжких мук

И передал, хоть в очерках, картину,
Которая в аду открылась мне,
Когда явился я на половину

Писателей, томящихся в огне,
Под сводом тартара. В минуты эти
В моем мозгу мелькнул, как в смутном сне,

Картонный ад, ад Роллера в балете,
Где бес наряженный выделяет па,
Где чертенят, приехавших в карете,

По сцене бегают неловкая толпа
И вверх летит по блоку, на веревке,
Звезда танцовщиц русских Петипа —

В короткой юбочке, в классической шнуровке...
Тот детский ад стал для меня смешон,
Как платье королевы на торговке...

Я чуть дышал. Был воздух раскален
И — как сургуч растопленный — жег тело;
Поток огней бежал со всех сторон,

И я едва вперед шагнул несмело,
Вдруг чьи-то зубы в ногу мне впились,
Так, что нога от боли посинела;

Передо мной два трупа поднялись
И стукнулись затылками: их спины
(Мысль адская!) между собой срослись.

Конечно, бес нашел к тому причины,
Недаром он логичнее людей...
Один из двух был стар; его седины

Торчали вверх, как чёлки лошадей.
То был творец покойных «всяких всячин»,
Землей давно оплаканный Фаддей.

Но кто ж другой? Приземист и невзрачен,
Он так взглянул, оскалась, на меня,
Так рот раскрыл, что был я озадачен.

Людей, и дьявола, и смрадный ад кляня,
Он возопил: «Земля и ад — всё то же,
И в полымя попал я из огня.¹

Как на земле, меж адской молодежи
Я нигилизм, Базаровых нашел,
Волненья здешние с людскими так же схожи,

Пожары те ж, и тот же есть раскол...
Но лишь одним земля мне краше ада,
Одна беда здесь хуже всяких зол —

Здесь клеветать нельзя... Одна отрада
Была мне в жизни: это клевета,
Язвившая смертельным жалом гада,—

И у меня та сила отнята!..»
И взвыла тень, с рыканием шакала,
И пена показалась вокруг рта,

А рядом группа новая вставала:
В чаду зловещих, красных облаков,
Где бездна пасть широко разевала,

На берегу одном стоял — Катков,
А на другом — Леонтьев. Вскинув руки,
Они рвались друг к другу через ров

«Для пользы просвещения и науки»,
Но пропасть, разлучая навсегда,
Дразнила в них и раздражала муки.

Я крикнул им обоим: «Господа,
Вам кланяюсь!..» — и начал делать знаки,
Они же враз откликнулись: «Сюда

¹ В аду об этом грешнике ходит предание, что он когда-то сильно пострадал на земле от пожара. Его собственные слова наводят на ту же мысль. *Примеч. автора.*

Зачем пришел? Не нужно нам кривляки!..
Смерть свистунам, залезшим на канат,
Смеющимся и пляшущим во мраке!»

«Смерть свистунам!» От воя дрогнул ад,
Отозвались московские кликуши,
Когда-то заселявшие Арбат,

Все «Вестником» пленившиеся души;
И, криком тем застигнутый врасплох,
Я с ужасом заткнул скорее уши,

Иначе непременно бы оглох.
Но замер рев. Я подошел к утесу,
И — странный вид! — вокруг его, как мох,

Лепясь и извиваясь по откосу,
Сидел партер из кровных бесенят,
Всегда везде сующихся без спросу,

А наверху — там был утес так сжат,
Что негде поместить одной ладони,—
Сидел старик. «Сто лет тому назад,—

Так объяснил мой адский чичероне,—
Посажен здесь ваш русский Цицерон;
Чтоб прежний жар не гаснул в Цицероне,

Он в тартаре навеки обречен
Не сдерживать порывы красноречья,
И не молчит уж с давних он времен...»

Я слушать стал. Ах, знаю эту речь я,
Которая разила наповал,
Противника ломая до увечья!..

В ораторе я Павлова узнал.
Измученный ораторским припадком,
Уж много лет он уст не закрывал

И говорил, бросаясь то ко взяткам,
То к юности, провравшейся не раз,
То к митингам, то к разным беспорядкам,

И речь текла, и мысль его неслась
В Париж и в Рим, на Волгу и на Неман...
Когда ж порой, устав от пышных фраз,

Хотя на миг вдруг становился нем он,
Опять в нем возбуждал витийства жар
Безжалостный, неумолимый демон,

И снова им овладевал кошмар
Ораторства,— и слушал я памфлеты.
Вдруг кто-то крикнул сзади: «Bonsoir,

Je vais vous dire...»¹ И кто ж мне слал приветы
На языке Феваля и Дюма?
О дух славян, скажи мне: где ты, где ты?

Москва, Рязань, Орел и Кострома!
Друзья кокошника и сарафана,
Узнайте, с кем сыграла шутку тьма,—

Там я узрел Аксакова Ивана,
Завитого, одетого в пиджак,
С брелоками, под шляпой Циммермана,

В чулках и башмаках à la Жан-Жак...
Ужасней казни для славянофила
Не изобрел бы самый лютей враг,

В котором злость всё сердце иссушила;
Но сатана отлично знал славян —
Напрасно тень Аксакова молила:

«Отдайте мне поддевку и кафтан,
Мою Москву и гул ее трезвона!..»
Но черти перед ним, собравшись в караван,

Читали вслух творения Прудона.

¹ Здравствуйте, я скажу вам... (франц.).— Ред.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Меж тем как в тартаре Иван Аксаков,
Услуг чтецов нисколько не ценя,
Входил в азарт при виде шляп и фраков,

Тень новая скользнула из огня,
Которой грудь от вздохов раскололась;
Когда ж она взглянула на меня,

На голове моей встал дыбом волос —
Той встречею так был я поражен.
Ужели в ад попал и самый «Голос»,

И тот, которым был он сотворен?
«Кто ты? — я призрак спросил несмело.—
Краевский жив, еще не умер он...»

«Я — дух его!» — «Ты отвечай мне дело!
Он на земле, и нет Краевских двух».
— «Там, на земле, мое встречал ты тело,

А дух мой здесь... давно в аду мой дух!!»
И тяжкий вздох из груди вновь прорвался,
Болезненно мой поразивши слух.

И призрак продолжал: «С землей расстался
Я в восемьсот сороковом году,
Но на земле никто не догадался,

Что я давно переменял среду.
И вот теперь я ваш обман нарушу:
Скажи ты всем, что повстречал в аду

Андрея Александровича душу
И что, хоть здесь доходов вовсе нет,
Я дьявола решительно не трушу

И с ним насчет издания двух газет
Хочу войти в прямое соглашение.
Сотрудников моих — здесь лучший цвет,

К ним самый бес питает уваженье.
Сергей Громека здесь от сатаны
Особое имеет порученье —

Чтоб черти были тихи и скромны.
А Небольсин? Хоть он не всем приятен,
Статьи его немножко и скучны

И тяжелы... но в ком не сыщешь пятен?..
Но, чтоб врагов туманить и сражать,
Со мною в ад посажен сам Скарятин.

Он нервы всем умеет раздражать,
И тартар весь приходит в содроганье,
Когда Скарятин начинает ржать

(Он сатаною осужден на ржанье!!)».
— «Но чем же ты наказан?» — я спросил.
«Карман мой пуст — нет злее наказания:

Ад отнял всё, что в жизни я любил,
И золото, добытое годами,
В кипучую он лаву растопил...»

И тень такими плакала слезами,
Что сжалился б, наверно, и Харон.
Я сам слезу почуял под глазами...

Вдруг музыкой был слух мой поражен.
«В аду ли мы,— я крикнул,— иль в танцклассе,
Что слышу здесь я звуки «фолишон»?

Пристало ли веселье к адской расе?»
Смотрю и вижу: десять чертенят,
На скрипках кто, а кто на контрабасе,

Смычком своим неистово пилят,
Так что в ушах трещала перепонка,—
В середине ж круг, где с тенью, падшей в ад,

С визжанием плясали два чертенка;
Когда ж в лицо я грешника взглянул:
«Аскóченский!..» — не мог не крикнуть звонко.

«Он осужден,— шепнул мне Вельзевул,—
Быть нашим первым адским канканером
И в тартаре поддерживать разгул...»

И в этот миг Аскоченский с задором
Такое па в канкане сотворил,
Что зрители рукоплескали хором:

«Он Фокин наш! Он Фокина убил...»
Но я меж тем, в усталости, в тревоге,
Уже терял запас последних сил

И брел, едва передвигая ноги.
«О проводник! неси меня к земле,—
Я утомлен, измучен от дороги!..»

Но мы наверх всё лезли по скале,
Скользя по крутизне ее мохнатой,
Где всюду искры бегали в золе.

«Смотри вперед,— сказал мне мой вожатый,
Когда мы на вершину взобрались,—
Отсюда виден тартар весь проклятый».

И я глядел с невольным страхом вниз.
Там, под скалой, где цербер адский лаял,
Измученные призраки вились

(От зноя там и самый камень таял);
Те призраки знакомы были мне.
Я узнаю: вот Розенгейм Михáил,

Не в силах рифмы приискать к «луне»,
Зовет к себе на помощь Кушнерева;
Вот Бланка тень мяукнула в огне,

Вот тихо стонет призрак Гончарова:
«Отдайте мне удобства и комфорт!
Здесь спать нельзя, здесь пища нездорова»;

Там о театре плачет Раппопорт,
Там ищет Фукс со штемпелем конверта —
В контору «Почты» переслать рапорт.

А вот и тень Старчевского Альберта,
В разлуке с «Сыном», проклиная рок
(Издатели! какой для вас пример-то!..);

Там под собой, исполненный тревог,
Жрец «Времени» всё ищет почвы прочной,
Но только пламя вьется из-под ног

И пятки жжет ему; там ад порочный
Камбека вызывает на протест,
Там о полиции соскучился Заочный,

Арсеньева желание славы ест,
Там далее... но там, в парах тумана,
Я не видал, что делалось окрест.

Весь смрадный ад, как вскрывшаяся рана,
Слился в пятно... проклятия и стон!..
И я опять, держась за великана,

Понесся вверх... в ушах и треск и звон...
Кровь бьет в виски, подобно адской лаве...
Но миг один — я был перенесен

В свой кабинет, в квартиру дома Граве.
Я на земле. Что это: сон иль явь?
В минуты те решать я был не вправе.

1862

328. МОСКВИЧИ НА ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ В ОДНОЙ СЦЕНЕ

Большая освещенная зала; несколько рядов стульев и кресел.
На возвышении стоит кафедра. В зале собирается публика.

ЯВЛЕНИЕ I

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна
Горичевы.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Платоша, душечка! не будь такой тюфяк,
Иди же поскорей: боюсь, что опоздали,
Дружочек, слышишь ли...

П л а т о н М и х а й л о в и ч

А что, хотя б и так:
Ну опоздали бы — не много потеряли.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Mon dieu, mon dieu! ¹ как ты во всем отстал!
За веком не следишь, журналов не брал в руки,
И дела нет тебе до выводов науки.

П л а т о н М и х а й л о в и ч

Ах, матушка! Ей-богу, я устал
С тобой на лекции таскаться да на чтение...
За пищей, видишь ты, для сердца и ума.

Да что таить! ведь к лекциям сама
Большое ты питаешь отвращенье:
Сидишь, хоть слушаешь, а не поймешь двух слов,
А едешь... ну, затем что нынче тон таков.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Несносный! замолчи... представь, услышат если...

П л а т о н М и х а й л о в и ч

Молчу, молчу, пойдем дремать на кресле.

ЯВЛЕНИЕ 2

Т е ж е и З а г о р е ц к и й.

З а г о р е ц к и й

Наталья Дмитриевна, Платон Михайлыч, вас
На этих лекциях я вижу каждый раз.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Движением научных всех вопросов
Интересуюсь я...

З а г о р е ц к и й

Вы женщина-философ.

Я занят сам теперь, тружусь, что просто страх:

Кант, Фихте, Молешотт и Фейербах —

Всех изучил — и вижу — небылица;

Так всё поверхностно, верхушек набрались,

И, верите ль, из них мне по сердцу пришлось

Лишь Страхов да Косица.

¹ Боже мой, боже мой! (Фраиц.) — *Ред.*

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

А вы не знаете, о чем сегодня нам
Читать профессор будет?

З а г о р е ц к и й

Дам

Наталье Дмитриевне ответ весьма подробный:
Предмет для лекции он выбрал бесподобный
И постарается публично доказать,

Как дважды два — четыре, а не пять,
Что человек, в котором мóзгу нету,
Быть может мудрецом с громаднейшим умом.

Представьте же: мысль ту же, мысль вот эту
Имел я сам,— клянусь вам честью в том.

П л а т о н М и х а й л о в и ч

И клятва не нужна. Ты служишь сам примером:

Живешь весь век без мóзгу в голове,
А умником слывешь и «ловким кавалером»
Для всех старух на матушке Москве.

З а г о р е ц к и й

По-прежнему чудак, а в сердце добрый малый.

ЯВЛЕНИЕ 3

Т е ж е и с т а р у х а Х л е с т о в а .

Х л е с т о в а

Куда же тут идти? Шум, давка, толкотня...
Антон Антоныч! а! ты человек бывалый;
Голубчик, хоть бы ты здесь проводил меня.
Мой нумерок, вот видишь, сорок пятый.

(Отдает ему билет.)

Дай на тебя немножко обопрись;
Устала я, да ревматизм проклятый.

З а г о р е ц к и й

(берет Хлестову за руку)

Позвольте; усадить на место вас берусь
И проведу назад, как опытный вожатый.

Х л е с т о в а

Уж я раскаялась, что забралась сюда,
Народ теперь стал дерзок и нахален...
Нет, не поехала б,— да вот вчера Молчалин
Привез билетик мне — услужлив он всегда —
Да рассказал, что здесь мудрец — ума палата,
Всей молодежи-то, ну, как их там зовут...
Ну, нигилистам-то задумал дать капут,—
Не выдержала я и приплелась с Арбата.
Уж, думаю, пускай устану, расклеюсь,
Но уж послушаю, как распекут мальчишек,
А после вечером с соседом посмеюсь;
Мне Лонгинов сосед; охотник до картишек,
Заходит иногда сыграть со мной в пикет.

З а г о р е ц к и й

Вот ваше кресло здесь...

Х л е с т о в а

Благодарю, мой свет.

Теперь ступай, спасибо за услугу,
А вечер кончится — опять меня сведи,
Да отыщи, родной, в сенях мою прислугу.

Загорецкий отходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, князь Тугоуховский и княгиня
с 6-ю дочерьми.

К н я г и н я

Князь, князь, постой! сюда иди.

К н я з ь

Огм!..

К н я г и н я

Ох, этот князь, впал просто в возраст детский.
Что б дома посидеть! Нет, тоже прискакал.

З а г о р е ц к и й

Княгиня и княжны! Сто лет вас не видал.

Антон Антоныч Загорецкий!..

Первая княжна

Антон Антоныч, нам должны вы рассказать,
Что будет вечером?

Вторая княжна

Кто будет здесь читать?

Загорецкий

Юркевич — педагог, философ и писатель,
Известный всем...

Четвертая княжна

А вы знакомы с ним?

Загорецкий

С Юркевичем, mesdames? Он лучший мой
приятель
И в доме у меня считается своим.

Пятая княжна

Скажите, он брюнет?

Шестая княжна

Он холост?

Вторая княжна

Он военный?

Третья княжна

Хорош собой?

Четвертая княжна

Богат?

Первая княжна

Он молод или нет?

Загорецкий

Я вам, mesdames, одно скажу в ответ:

Он выше похвалы обыкновенной.
Однажды в Кіеве, я помню, сорок дам,
Пленившись им, все с горя утопились.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Фамусов.

Фамусов

О чем он тут рассказывает вам?

Загорецкий

О философии мы толковать пустились.

Я нахожу, что Бюхнер...

(Смотрит в потолок.)

Фамусов

Просто глуп.

Отлично говорит полковник Скалозуб,
Что всех философов, витийствующих ныне,
Не худо б приучить немножко к дисциплине.
А вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Скалозуб.

Загорецкий

(раскланиваясь)

Вы лёгки на помине.

Скалозуб

Зато вот на руку всегда я был тяжел.
Случилось мне в полку ударить вестового:
Он лег в постель, там в госпиталь пошел
И навсегда оглох, вот честное вам слово.

Раздается звонок. Все садятся по местам. На кафедре появился профессор.

ЯВЛЕНИЕ 7

Профессор

(сказав несколько предварительных слов и прочтя перед публикой анонимное письмо)

Мне, господа, теперь осталось

Здесь повторить опять для вас
Всё то, что мною развивалось
На лекции в последний раз.
А вот с письмом, где так грозитя
Мой неизвестный аноним,
Защитник Бюхнера...

(с улыбкой)

так с ним
Я знаю, как распорядиться...

(Прячет письмо в карман.)

Единодушный хохот публики, аплодисменты.

С к а л о з у б

(хлопая)

Брависсимо! ура! ударил пулей в лоб!
Профессор — молодец, из храброго десятка.

Ф а м у с о в

(хлопая)

Я со смеху умру... Ну, услужил по гроб...
Я буду хохотать до нервного припадка.

(Хохочет.)

З а г о р е ц к и й

Преострый человек! я помню, в школе нас
С Аскóченским вдвоем — прелюбопытно было —
Он со смеху морил...

Х л е с т о в а

(обращаясь к соседу)

Спросить позвольте вас,
О чем он толковал? Мне уши заложило,
Вишь, публика-то как кругом заголосила.

Редактор почтенной московской газеты

(аплодируя)

Отщелкал свистунов.

Х л е с т о в а

Ну, им и поделом.

Есть внучек у меня, из новых, из студентов,
Свистун отъявленный — Владимир Монументов;
В родню не верует: на смех поднял мой дом,
Меня совсем не чтит и не подходит к ручке,
Да разные стихи читать приходит внучке.
Нет, пусть он свистунов покрепче разберит.
Прекрасный человек, дай бог ему здоровья,
Он сердце старое невольно молодит...
Ах, жаль, что не со мной теперь сестра Прасковья.

Профессор продолжает читать лекцию. Первые ряды слушают,
в остальных идет тихий говор. Там только иногда прислушиваются
к словам профессора.

Г о л о с п р о ф е с с о р а
Затем скажу я наконец,
Что этот Бюхнер пресловутый
Есть только дикий и надутый
Недоучившийся глупец.

Взрыв рукоплесканий.
Лекция оканчивается. Стулья гремят, и в зале начинается
движение.

П л а т о н М и х а й л о в и ч
Наташа, матушка, теперь пора до дому.
От этой чепухи, от этого содома
Весь вечер у меня трещала голова.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а
Платоша, не кричи.

(Тихо.)

Ведь я сама едва
Не задремала здесь — хоть совестно признаться...

П л а т о н М и х а й л о в и ч
А кто неволит нас по лекциям таскаться?
Поедем-ка скорей.

(Уходят.)

Ф а м у с о в, Л о н г и н о в и С к а л о з у б.

Ф а м у с о в

(Лонгинову)

Согласен с вами я:

Ученые Бюхнера — одна галиматья.
Сергей Сергееч вот таких же точно мнений.

С к а л о з у б

Не очень я люблю ученых рассуждений.
Лишь их послушаешь — и станешь нездоров;
Но вот чему дивлюсь: ученый есть Лавров,
Военный, говорят, — и как досель нет жалоб:
Ведь философия к мундиру не пристала б.

(Уходят.)

Х л е с т о в а

(опираясь на руку Загорецкого)

Отец мой, ты сказал, что каждый нигилист...

З а г о р е ц к и й

Пьянчуга, мот, картежник, забулдыга
И на руку, случается, нечист;
О них написана особенная книга,
Тургенев сочинил...

Х л е с т о в а

Слыхала я, да, да, —
Вот нужно бы прочесть, принес бы ты когда.
Сыщи ж Петрушку мне — я подожду покуда.
Загорецкий уходит.

Я В Л Е Н И Е 8

Хлестова и Репетилов.

Х л е с т о в а

Кого я вижу здесь? Ты? мой родной, откуда?
Зачем пожаловал к разъезду в поздний час?
Ведь не мешало бы отвыкнуть от проказ.

Р е п е т и л о в

Анфиса Ниловна! голубушка! Сон в руку!
Пускай я враль, пусть все не верят мне,
Но нынче в ночь я видел вас во сне.
В том голову свою готов отдать в поруку.

Х л е с т о в а

Зачем же к ночи-то сюда ты прикатил?

Р е п е т и л о в

Анфиса Ниловна, на фокусы спешил...

Х л е с т о в а

Да ты в своем уме находишься едва ли:
Ведь здесь не фокусы, здесь лекцию читали,
Где нигилисты все глупцами назвались.
Прощай же, батюшка; пора: перебесись.

(Уходит.)

Р е п е т и л о в

(один)

Так, стало быть, я здесь не нужен.
Куда ж теперь на этот раз?
К Каткову ехать мне на ужин
Иль уж отправиться в танцкласс?

(Стоит в раздумье.)

1863

329. НИГИЛИСТ

Поэма

ГЛАВА ВТОРАЯ¹

Не в свой «тарантас» не
садись.

Новая поговорка

Какую выберу я тему —
Того пока не знаю сам.

Гр. Соллогуб

1

Подобно графу Соллогубу,
Кой-как взобравшись на Парнас,

¹ В малоизвестном московском сборнике «Утро» помещена *первая глава* поэмы гр. Соллогуба «Нигилист». Так как, по всем вероятностям, второй выпуск «Утра» выйдет никак не ранее 1966 года, то я взял на себя смелость продолжать начатую поэму гр. Соллогуба и довести ее до конца, оставаясь верным плану и характеру начатого произведения. Я уверен, что все поклонники поэтического дарования гр. Соллогуба будут мне признательны за мою смелую литературную попытку — продолжать нить, вероятно, надолго, если не навсегда, порванного рассказа.

Не знаю сам, кусая губу,
Чем я начну теперь рассказ,—
Но, как ему, мне так же любо
Писать на тему — нигилист,
И я, хоть это, впрочем, грубо,
Бледнея, словно в книге лист,
К поэме графа Соллогуба
Приделать смело пожелал
И продолжение и финал.

2

Моя услуга, если взвесить,
Должна возрадовать славян:
Поэт, наверно, лет чрез десять
Успеет кончить свой роман
И *«тайну старческой работы»*
Отдаст Погодину, а тот,
Не получивши с «Утра» льготы,
Положит рукопись в комод
И, может быть, лишь лет чрез двести,
Для услажденья разных каст,
С трудами собственными вместе
Поэму графскую издаст.
А я — мне вечер только нужен,
Чтоб в горе выручить певца,
Я сяду весело за ужин,
Сведя поэму до конца.

3

Поэмы план исполню свято
И ничего не искажу;
Ее героя-демократа,
Как Соллогуб, изображу
Я той же самой черной краской;
Его в безбожьи обвиню
И даже стих, немного тряский,
Для колорита сохранию.
Ведь, в самом деле, есть причины
Такие фразы мне сберечь:

«В душе прорезались морщины»
Иль «ум его широкоплеч».
От фраз поэта цепenea,
Я им подобных не слышал
С «сухих туманов» «Атенея»...
Но, чу! уж мой Пегас заржал
(Старинной верен я системе —
Пегаса вспомнить при поэме),
И я, как опытный ездок,
Путь начинаю без печали.

4

Герой — Белин. Его так звали.
Его портрет в короткий срок
Я очерчу, и по контуру
Увидят все — я убежден, —
Что из себя карикатуру
Изображал в природе он;
Что все певцы в преклонных летах
(Я сам как лунь, к несчастью, сед)
В его типических приметах
Найдут все язвы поздних лет,
Найдут, что он был очень странен,
Трихином века заражен,
Эгоистически-гуманен
И отвратительно умен.

5

Итак, он был, во-первых, молод,
А этот факт на стариков
Нагнать повсюду может холод;
Потом, он был из бедняков,
Имел долги и не платил их,
Носил в заплатках сапоги
(У богачей кровь стынет в жилах:
— Как? он, бедняк, — имел долги?!),
Был, разумеется, нечесан,
Неловок, грязен, неотесан...
«Весть» всем студентам зауряд
Дала сей яркий аттестат,
И без подобного патента

Нельзя описывать студента,—
К тому ж и мало тут хлопот:
Прием известный — спорит грубо,
Волос не чешет круглый год,
Как волк голодный ест и пьет
И — не читает Соллогуба.
Лишь подвяжи такой ярлык —
Герой готов в единый миг.

6

Дарвина, Фогта, Мошотта
Белин прочел уже давно,
Но пропадала в нем охота
Читать Погодина, Михно,
Каткова, Вяземского, Фета,
Замоскворецких мудрецов,
Заголосивших не под лета,
Лихих обеденных певцов,
Жизнь отравивших многим россам,—
И, как Москвы ленивый сын,
Не занят вовсе был вопросом:
«Когда родился Карамзин?»
Любил он спорить за обедом,
Что жизнь без знания — детский бред,
Что без труда жить — цели нет,
Короче — был он людоедом,
Как выражается поэт.

7

Чтоб жизнь не кончить со скандалом
(Смотрите первую главу),
Белин вдруг стал провинциалом
И бросил шумную Неву.
Благодаря различным шашням
Ему в столице не везло,
И он учителем домашним
Попал к помещику в село
И обитателей усадьбы
Стал изучать, ворча не раз:
«Вот если всех вас описать бы —
Отличный вышел бы рассказ».

Аристократом по преданью
 В то время слыл помещик N;
 Богат был только по названью,
 Хоть пил вино высоких цен,
 Курил гаванские сигары,
 Себя, как куклу, наряжал
 И на уездные базары
 На кровной тройке выезжал.
 Но так балуясь, год за годом,
 Он не мирил приход с расходом,
 А впереди... Он думал: вот,
 Быть может, бабушка умрет!
 Но бабушка не умирала...
 Отживший лев не унывал,
 На съездах корчил либерала
 И всюду деньги занимал.

Любил теперь он в час досуга
 Провозгласить пред всеми вдруг:
 «Меня Жуковский чтит как друга,
 И даже Пушкин был мне друг...»
 Когда-то в юности далекой
 (Он вспоминал о той поре)
 Посланья «к девице черноокой»
 Писал он в «Утренней заре».
 В Париже ставил водевили,
 В России драму написал,
 И в Баден-Бадене ходили
 Толпой смотреть, как он играл
 И ставил золото в рулетку...
 Но он не тот уже теперь,
 Он точно зверь, попавший в клетку,
 С когтями сломанными зверь.
 Теперь он более не рвется,
 Как прежде, в дальние края,
 В его груди уже не бьется
Стихожурчащая струя.
 Лениво «Голос» он читает,
 Питает ненависть к перу
 И лишь поноске обучает

Щенков лягавых поутру,
Новейший век ругает круто,
Всю журналистику хуля
За отрицанье... Вот к нему-то
Белин попал в учителя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В огромном барском кабинете,
Где двадцать лет без перемен
Стояло всё, помещик Н
Ходил, поднявшись на рассвете,
Уже причесан и одет
И вспрыснут нежными духами...
Но здесь мне хочется стихами
Воспеть сей барский кабинет,
Покой полу-аристократа,
Полупсаря, полупевца,
Полуфранцузика с лица,
В Париже жившего когда-то,
Полупомещика степей,
Полугероя в старом стиле,
Тех дней, когда еще носили
Парик, камзолы и тупей.

2

Всем понемножку в этом свете
Хотел быть русский сибарит,
И обстановка в кабинете
Носила тот же самый вид:
Диваны, мягкие подушки,
Седло казацкое в углу,
Галантерейные игрушки
Меж книг и счетов по столу;
Карамзина изображение,
Портрет любимого коня —
Внизу же было изречение:
«Жил восемь лет, четыре дня»,
Устав дворянского собрания,
Нагайки, ружья, мундштуки,
Крылова «полное издание»,

Размеров разных чубуки;
На полках книги меж диванов:
«Маяк», «Онегин», «Новый псарь»,
Ростопчина и ты, Курганов,
Настольной книгой бывший встарь,
Французских несколько романов
И без обертки календарь,
Да в переплетах разнородных
И привлекательных для глаз
На всех столах и полках модных
Лежал известный «Тарантас».

3

Помещик был с утра не в духе
И скрыть ворчливости не мог.
Бесило всё его — и мухи,
И сладкий чай, и скрип сапог,
И платье сельского покроя,
И прыщ, вскочивший на щеке,—
Забыл он даже о щенке
Своем возлюбленном Медоре.
Так утро шло. Устав шагать,
Он сел к столу в большом зазоре,
Раскрыв огромную тетрадь;
На ней же тщательно наклеен
Был с краткой надписью ярлык:
«Год двадцать третий. Мой дневник».
Привычку старую в селе он
Еще сберег и по утрам
Вносил в дневник свой без системы
Отрывки сельских эпиграмм,
Воспоминанья, «мысли», темы,
Послання, стансы в честь кузин,
Заметок мелких ряд летучий,
Стихотворения на случай:
«В день похорон» иль «в день крестин»,
На смерть собачки или дяди...
Прелюбопытная тетрадь,—
И кое-что из той тетради
Теперь мы можем прочитать.

1

Тоска и глушь!.. Здесь, как номады,
Живут дворяне, бросив свет...
Нигде хорошей нет помады,
И куаферов вовсе нет.
Иным здесь славно жить, но я ли
Так прост, как эти чудаки?..
Кто долго жил в Пале-Рояле,
Тот здесь удавится с тоски.
Здесь всё выходит вон из нормы —
Грязь, неопрятность, грубость, смрад,
Притом же новые реформы...
Плебей на шею к нам сесть рад.
О боже мой! Во время оно
Мы не знавали этих бед
И на работника Семена
Тогда не жаловался Фет.

2

Повсюду злиться есть причина
И хоть в могилу впору лечь:
Нельзя крестьянина посечь
И выдрать собственного сына,
Как будто в этом есть вина...
Жить так нельзя нам, воля ваша,
С тех пор, когда упразднена
О ты, березовая каша!

3

Учитель новый наш, Белин —
Прямой образчик демократа:
Со мною горд, как властелин,
А со слугой — запанибрата.
Со мною спорит без затей
И очень рад перед соседом,
Перед глазами всех детей
Поднять хоть нá смех за обедом.
Ну так и смотрит *людоедом*...
Положим, точно он умен,
И образован, и начитан,
Но всё ж мужик... При мне кричит он,

Что век наш после похорон
Напрасно рвется из могилы,
Что мы, отцы, мозгами хилы,
Что нам повсюду, здесь и тут,
Везде отходную поют
И что для чтения негоден
Ученый Грот и сам Погодин.

4

Просил главу из «Тарантаса»
Прочесть при детях Белина,
И — вот новейшая-то раса! —
Он мне ответил: «Вот-те на!
К чему такая старина?
Найдем мы книжку посвежее,
Чем ваш любезный «Тарантас»!»
— «Вы, сударь, грубы... таранта-с...», —
Ему воскликнул в кураже я.
Mon dieu! ¹ Могу ль я уважать
Таких набитых дуралеев!

5

«А вы стишки для юбилеев
Всё продолжаете писать? —
Белин спросил меня за чаем... —
Стишки такие любы мне.
Мы этот род предпочитаем
Всем гимнам к солнцу и луне.
Принадлежать весьма солидно
К числу обеденных певцов!..»
Ну как подобных наглецов
Могу выслушивать?.. Обидно...

6

Белин за прожитое время
Хотел взять деньги. Подождешь!..
Всё это нищенское племя
Дрожит за каждый медный грош.
Когда б не этот долг проклятый,
Я не терпел бы в доме зла,
И мой назойливый глашатай
Давно б был прогнан из села.

¹ Боже мой! (Франц.) — *Ред.*

В то утро, рано встав с постели,
 Помещик N занес в дневник:
 «Что ж это будет в самом деле?
 Повелевать здесь всем привык
 Недоучившийся мальчишка,
 Ученьем новым умудрен,
 И носит ветхий сюртучишко
 Как тогу цезарскую он...
 Ну нет, сегодня будет трепка...»
 Тут он закрыл свою тетрадь
 И закричал: «Эй, кто там! Степка!
 Ко мне учителя позвать!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

1

Меж тем как гнев аристократа
 От раздраженья вырастал
 И кистью шитого халата
 Лев в нетерпении играл,
 Меж тем как чай был на пол пролит,
 Забыт черешневый чубук
 И в доме все узнали вдруг,
 Что «барин гневаться изволит», —
 В соседнем флигеле один,
 С пером в руке, между двух окон,
 Перед столом сидел Белин.
 Уж написал немало строк он,
 В письме добравшись до конца,
 И даже вставил *Nota bene*,
 Как вдруг услышал, что с крыльца
 К нему стучится кто-то в сени...
 Но здесь, по прихоти певца,
 Приличья света проклиная
 (Я — каюсь — их давно не чту),
 Письмо студента Белина я
 Без позволенья перечту.
 Пускай мне скажут: экой срам-то!
 Но я не вижу в том вины:
 Права чиновников почтамта
 Давно поэтам всем даны.
 Певец в желаньях независим,

И для него, с былых времен,
Нераспечатанных нет писем,
Как для любовниц и для жен.
Белин писал:

2

«Занес же леший
Меня в проклятый уголок!..
Ушей, пожалуйста, не вешай,
Не жди, что юный демагог
Тебе опишет пышным слогом,
Как он шлифует дураков
И просвещает по берлогам
Лесных медведей и волков.
Здесь, право, к подвигам великим
У всех охота пропадет;
Здесь, милый друг, в единый год,
Того гляди — сам станешь диким,
Забудешь совесть, смысл и стыд
И станешь мелким, грязным плутом
И на Петропольский гранит
Потом «вернешься алеутом»,
Как Грибоедов говорит.
Тружусь я здесь для высших целей:
Оклад имею годовой,
Уча двух юных пустомелей
С клинообразной головой,
Которым знания — вериги,
Которых тешит мысль одна,
Что в золотой дворянской книге
Стоять их будут имена;
Которым герб рассудка краше...
Ждут с детства эти делибаши,
Когда отца уложат в гроб,
Хоть перейдет им от папаша
Одно наследство — медный лоб.
А сам папаша... в денди оном
Различных свойств явилась смесь:
Он весь пропах одеколоном,
Пропитан чванством пошлым весь.
Плохой певец без дарованья,
Деспот под бабьим башмаком,
Аристократ без состоянья,

Богач с иссякшим кошельком,
Романтик, грабивший реально
Своих дворовых и крестьян,
В себе явивший специально
Тип славный «русских парижан».
Он, весь уезд переполоша,
Всех мотовством своим дивил,
А мне, наставнику, ни гроша
Пока еще не заплатил
И говорит, что тот вульгарен,
Кто не умеет долго ждать...»

3

«Кто там?» — «К себе вас просит барин...»
— «Зачем бы это — нужно знать?..
Не о движении ли науки
Прослушать хочет он урок,
Иль просто от лягавой суки
Родился новенький щенок,
И о событии этом важном
Он известить желал меня...»
Так думал, голову склоня,
Белин пред домом двухэтажным
И чрез парадное крыльцо
Дошел до двери кабинета.
Увидя хмурое лицо
Степного франта и поэта,
Белин улыбки скрыть не мог,
Спросил его: что вам угодно?
Затем домашний педагог
Сел в кресла мягкие свободно.

4

Минуты три любимец муз
Ходил по комнате сурово,
Но наконец так начал: «Ну-с,
Я вам хочу сказать два слова».
— «Хоть целый спич». — «Нельзя ль остроу
Вам не пускать на время в ход..
Я вами, сударь, недоволен».
— «Благодарю за комплимент».
— «Я болен, слышите ли, болен

Чрез вас лишь, господин студент».
— «Больны, так нужен, значит, лекарь:
Болезнь как раз прогонит прочь,
А я не медик, не аптекарь,
И вам едва ль могу помочь».
— «Вы, сударь, держите не строго
Моих детей,— веду я речь...»
— «Что ж, мне прикажете их сечь?
Хожалым стать из педагога?»
— «М-г Белин! Дурной пример
Моим вы детям подаете...»
— «Пример дурной... Гм! Например?»
— «Хоть о крестьянстве, о работе,
О тунеядстве высших сфер,
О пользе всех ассоциаций
Ведете с ними разговор,
А я подобных демонстраций
Не признаю уж с давних пор.
Потом... хоть это вздор... однако
Вас нужно мне предостеречь:
У вас приличного нет фрака
И — волоса до самых плеч.
Что мне — священно, вам — потеха,
И много, много есть причин...»
Но здесь, скрывать не в силах смеха,
Расхохотался вдруг Белин.
Тут барин, мрачен, словно ворон,
Трясаясь от злобы, вышел в зал,
Шататься стал, и на ковер он
В изнеможении упал.

5

Прибавлю вместо эпилога,
Нисколько в правде не греша:
Прогнал помещик педагога,
Не заплативши ни гроша,
А сам задумал он для света
Писать поэму «Людоед»,
И, говорят, поэма эта
Должна на днях явиться в свет.

1866

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

1

Печальный демон, дух изгнания,
К земле направил свой полет,
Печальный демон, но не тот,
Что у Ефремова в издании
Прошел без пропусков в народ.
То был не лермонтовский демон,
Не мефистофель из гусар,
И в мире занят был не тем он,
Чтоб в нем отыскивать Тamar.
В дела людей он не мешался,
Но, как турист из англичан,
По свету белому скитался
От теплых до полярных стран,
Без антипатий и симпатий,
К тому, что в мире он встречал;
Не знал любви, не знал проклятий,
Для адских каверз адских братьей
Досугов он не посвящал,
И всё, что на земле он видел,
Он не любил, не ненавидел,
А хладнокровно изучал...
Наверно б он не изумился,
Когда бы солнца шар разбился,
Все звезды рухнули с небес,
Плутон на небе очутился
И провалился в ад Зевес.
На свет взирая без ехидства,
Он в нем не думал сеять зла,
И цель пути его была —
Одно простое любопытство.

2

Таких героев меж людей
Всегда встречается немало.
Без чувств, без собственных идей,
Без цели и без идеала,
Они на жизнь свою глядят,

Как смотрим мы на представление;
В партере вечер весь сидят
И ждут развязки, заключенья.
Но спущен занавес — финал,—
Стесняться больше не под силу,
И едет сонный театрал,
Зевнув в последний раз,— в могилу...

3

Бес мчится. Никаких помех
Не видит он в ночном эфире:
На голубом его мундире
Сверкают звезды рангов всех,
И бездна в трепетном их свете
Тайн неразгаданных полна,
А на незримом минарете
Серпом прорезалась луна.
Меж тем внизу туман клубится,
Туманом дальний остров скрыт,
Им, словно саваном, обвит;
Но демон ниже опустился,
И наконец пред ним открылся,
Когда рассеялся туман,
Огромный остров англичан.

4

Пред ним страна свободы, братства
И тиранической пяты,
Великолепного богатства,
Невыносимой нищеты,
Парламентизма, эгоизма,
Край олигархов, торгашей,
Приличий, полных деспотизма,
Край боксов, скачек и дендизма
И кровью политых грошей,
Угрюмых сквайров, деревянных,
Надутых леди, чинных мисс...
Косился бес на этих странных,
Несимпатичных, негуманных
Людей. Куда ни оглянись —
На всех гражданах без различий
Печать особая лежит:

Недвижность их, язык их птичий,
Надменный, чопорный их вид,
Их тип двуногого бульдога
И страсть их к золоту, вполне
Им заменяющему бога,—
Всё чуждо бесу в этой строго
Цивилизованной стране,
Где всем известный на чужбине
Был Милль рожден и погребен,
Где в то же время есть закон,
Не уничтоженный доньше
И всем мужьям дающий власть
Жен продавать на главном рынке;
Бес рисковал в сплин мрачный впасть
В стране, где бритты любят всласть,
Красноречиво, без запинки,
В живой парламентской борьбе,
С трибун и в прессе их свободной
Излиться речью благородной
О том, что бедность — бич народный,
И — забывают о судьбе
Своей Ирландии голодной!..

5

Вот Лондон. Гул над ним стоит,
Ряд пышных улиц блещет ярко,
И бес, взглянув на Риджент-стрит,
Взглянув на общий вид Гайд-парка,
Остановил свой грустный взор
На тех кварталах отдаленных,
Зловонной гнилью зараженных,
Где по ночам из грязных нор,
Вертепов полуразоренных
Толпа голодных, истомленных
Продажных женщин и бродяг
На мостовую выползает
В своих лохмотьях и не знает,
Окончить ночь ей где и как;
Где не однажды с преступленьем
Дружились голь и нищета
И, обессилена бореньем,
В разврате грязла чистота,

И гибли в Темзе не однажды
Все эти парии нужды,
Продукт и голода и жажды,
Цивилизации плоды.

6

Но Лондон назади остался...
Вот мирный Числьгёрст — уголок,
Куда шум лондонский не мог
Достичь и в зелени терялся.
Вот дом и парк. Его аллея
Пустынный вид тоску наводит...
Но чей же это мавзолей?
Чья это тень к нему подходит?
Поникла долу голова,
Грудь поднимается от стона...
То саркофаг Наполеона,
То одинокая вдова.
Припомнив поздних лет обиды,
Она стоит с немой мольбой,
И словно хохот Немезиды
Вдовица слышит за собой.

7

Но бес уже на континенте.
Подобно серебристой ленте
Струится Сена в берегах.
Вот и Париж, в своих бедах,
В своих несчастьях великий.
Но отдохнул ли он от бед?
В нем Бонапарта уже нет,
Но он сменен продажной кликой
Из бонапартовских солдат,
Удобных только для парадов
И для военных ретирад, —
Из сотни проходимцев разных
И промотавшихся вралей,
Из личных видов, темных, грязных,
Готовых мир родных полей,
Удобной пользуясь минутой,
Смутить раздорами и лютой
Междоусобною враждой.

Бес мчится дальше. Чередой
 Идут равнины боевые,
 Где были схватки роковые
 И битвы двух соседних стран.
 Вот словно точка на Маасе
 Мелькнул прославленный Седан,
 А там, в отторженном Эльзасе,
 И Страсбург встал. Его собор,
 Ордой расстрелянный германской,
 Еще хранит до этих пор
 Следы их бойни тамерланской.

А бес всё дальше... На пути
 Чей это замок одинокий?
 Ему травую зарости
 Придется скоро. Тьмой глубокой
 Одеты окна; лишь одно
 Его окно освещено.
 А в замке пусто... В нем, объятый
 Тоской, скрывая в сердце боль,
 Живет, надеждами богатый,
 Проектированный король,
 Столь пресловутый Генрих Пятый.
 Его советников с ним нет,
 Его покинули клеветы,
 И он садится за обед
 Один. Где прежние банкеты,
 Собраний смелость и задор?
 Уж не стремясь к заветным целям,
 От скуки с некоторых пор
 На биллиарде с метрдотелем
 Играет грустный граф Шамбор.

Но дальше, дальше... Бес за Рейном.
 И нужно с бесом поскорей нам
 Подняться выше от земли:
 До нас уж запахи дошли
 Цикорной гуши и сосисок,

Капусты кислой и колбас,
Дух габер-супа, грязных мисок,
Дух диких буршеских проказ,
Дух ветчины и филистерства,
И педантизма чад, и жар
Цивилизованного зверства
С букетом пива и сигар.

11

Заткнувши нос, глаза зажмуря,
Спешит бес дальше, и нигде
Нет мысли отдыха: везде
Под тишиной таится буря.
Хотя тайком, в любой стране
Вражда растет всё шире, шире:
Все говорят об общем мире,
И все готовятся к войне,
Щедры на тонкие уловки
И — ждут повальной потасовки.

12

Бес волю наблюденью дал
И — что ж! — обманутый в надежде,
Кругом всё то же увидал,
Что на земле он видел прежде:
Всё те же громкие слова
И бред несбыточных утопий
(К ним не чутка уже молва),
И копировка старых копий,
Которых участь не нова;
Всё тот же блеск штыков и копий,
Мир так же немощен и глуп,
И целым миром правит — Крупп.

13

Всё те же партии карлистов,
Дипломатических ужей,
Бонапартистов и папистов,
Легитимистов и ханжей.
Там папа мир клянет в азарте,
Здесь подкупной грохочет бард:

«Скончался *третий* Бонапарте,
Но жив *четвертый* Бонапарт!»
Всё то же море перебранок,
Микроскопической возни;
Всё то же царство куртизанок,
Всё те ж бенгальские огни
Продажной иль пустой печати;
Всё те же толки, елки, Патти,
Заботы о текущем дне;
Всё те же истины одне
О том, что солнце наше с неба
Равно для всех бросает свет,
Что оставлять нельзя без хлеба
Тех, у которых хлеба нет;
Что голод людям ненавистен,
Что беднякам дать нужно труд, —
Но только мир от этих истин
Еще не сыт и не обут.
От дедов отшатнулись внуки,
Отцы от лучших их детей,
И светоч знанья и науки
Бледнеет в хаосе страстей.
И в этом хаосе разврата,
Интриги, лжи и клеветы
Не отличишь врага от брата,
От безобразья — красоты,
Микадо от его солдата,
Продажных ласк от чистоты,
Ума от глупости мишурной —
Дороже нам ее лучи —
И всякой тли литературной
От полицейской саранчи.

14

Прогресса начатое зданье
Из вековых, гранитных плит
Уже колеблется, дрожит,
И, чуя это колебанье,
Оставив спячку многих лет,
Как змеи, дряхлые преданья
Из-под камней ползут на свет.

⟨1874, 1879⟩

331. ДВЕ ЭПОХИ

Поэма

Печален будет мой рассказ.

А. Пушкин

1

Не всё ж смеяться нам... Находит иногда
На каждого из нас стих грустный, господа,

А не найдет, так жизнь сама тот стих подскажет,
Его с каким-нибудь печальным фактом свяжет

И если вырвет смех, то не веселый, злой,
Как в осень ветра стон, под непроглядной мглой

Тоскливо ноющий, нам в душу проникая...
Печальный свой рассказ начну издалека я.

В те дни, когда от сел до шумных городов
Очнулась наша Русь от сна, в конце годов

Пятидесятых, вдруг в кружках литературных
И в двух-трех органах, в то время подцензурных,

Но смелых,— с цензором в ладу жила печать,—
Писатель молодой внимание обращать

Стал на себя. Ему успех сулили верный
Журналы тех времен, и — случай беспримерный! —

Сам Гончаров Иван, на похвалы скупой,
К нему благоволил. Закон судьбы слепой,

Однако, подшутил над бедняком жестоко,
И не сбылись слова газетного пророка,

Сплетавшего ему заранее венки
Лавровый. С климатом Невы бороться мог

Недолго молодой приятель мой Рахимов
(Я выбрал для него один из псевдонимов)

И, раздражительный до крайности, больной,
В хандре был принужден уехать в край иной

За новым воздухом живительным и светом.
Как жил, что делал там два года он — об этом

Не знал никто из нас. Как в воду канул он
И без вести пропал. Был сильно поражен

Печальной вестью я уже гораздо после,
Что он сошел с ума в Испании. Нашлось ли

Там несколько друзей у юноши? Какой
Отравой нравственной с безумною тоской

Он был сражен? Не мог о том сказать никто нам;
Узнали только мы, что там, под небосклоном

Толедо, он попал в больницу, как в тюрьму,
Где, верно, суждено окончить дни ему,

И что надежды нет уже на возвращенье
Рассудка. От души и полны сожаленья,

На родине друзья скорбели о судьбе
Собрата своего, но в будничной борьбе,

Где бьемся день за днем мы все теперь тревожно,
Воспоминаньями жить долго невозможно,

И постепенно был забыт и погребен
В гробнице памяти друзей живущих он.

2

Так два десятка лет промчались... Разве мало?
Достаточно нас всех помяла, истрепала

Жизнь, полная тревог, падений, горьких слез,
Обманутых надежд и оскверненных грез.

Ко многому привык наш мозг, наш глаз и ухо,
И старость, гадкая, развратная старуха,

Неумолимая, как голод, как нужда,
Уже подходит к нам... «Жизнь вечно молода!»

Но отвлеченное понятие такое
Иронии полно и не вернет покоя,

Когда при этом я — не правда ли, *mesdames*? —
Вам по наружности лет сорок с лишним дам,

Наживши в вас врага ужаснейшего сразу...
Однако возвращусь я к своему рассказу.

Рахимов был забыт, как я уже сказал,
Но вдруг случилось то, чего никто не ждал

И меньше всех врачи испанские в Толедо...
Где было знание бессильно, там победа

Осталась за одной природой. Прав Шекспир,
Что многое есть в ней, чего не может клир

Всех мудрецов понять. Больной, приговоренный
К безумью навсегда, при жизни погребенный

В больнице, ожил вдруг, и разом спала тьма,
Как пелена, с его дремавшего ума.

То было чудо, но все стихотворцы с жаром
Испанию зовут «страной чудес» недаром,

А факт вам налицо. Давно забытый друг
На родину спешил и, словно с неба вдруг

Иль, правильней сказать, как выходец из гроба,
Явился предо мной, но мы друг друга оба

Едва могли узнать, и радость встречи той
Смутила грусти тень. «О милый мой, постой,—

Твердил невольно я.— Да это, полно, ты ли?
Прощаясь, разве мы с тобой такими были?»

И в этом старике усталом и худом
Живого юношу я мог признать с трудом,

И только лишь глаза, хотя глубоко впали,
Нередко у него, как в юности, сверкали.

Но драма впереди еще его ждала,
Чего не мог тогда предвидеть я. Была

Большая разница меж им и всеми нами,
Которых он нашел покрытых сединами.

Мы шаг за шагом шли все эти двадцать лет,
Оставив за собой утрат печальный след;

Судьба не сразу нас, но исподволь ломала,
Нас жизнь по мелочам со многим примиряла,

И мы не делали в ней бешеных скачков,
А он слетел в наш мир как будто с облаков,

С мечтами прежними, с студенческим экстазом,
Все эти двадцать лет перешагнувши разом,

Начавши с лозунга: «Курган Малахов сдан!»
И кончив новостью: «Взят Карс и Ардаган».

Тогда его пришлось знакомить год за годом
С неведомым ему огромным периодом,

Сжав повесть длинную, состарившую нас,
В один эпический и бытовой рассказ.

Друг слушал, голову склонив и хмуря брови,
Всё делался бледней — в лице ни капли крови —

И наконец сказал: «Но было в наши дни
Немало крупных сил, талантов... Где ж они?

Да, где они, скажи? Не все же изменили
Прошедшему, не все еще лежат в могиле?

Я веру сохранил в людей, мне дорогих,
И, прежде чем спрошу тебя я о других,

Дай Добролюбова и Писарева адрес».

— «Они отправились...» — «Куда, зачем?» — «Ad patres.¹

¹ К праотцам (т. е. умерли) (лат.). — Ред.

Оплакали мы их, но в мире нет потерь
Незабываемых, и их у нас теперь

С успехом заменить успел Евгений Марков,
Пересиявший всех, как посреди огарков

Друммондов яркий свет». — «Бессмертье заслужив,
Великий комик наш Мартынов, верно, жив?»

— «Жив... в памяти своих поклонников, дружище.
А сам давно лежит на городском кладбище

С Максимовым рядком, с Сосницким... Многих нет,
Которых он увел с собою в лучший свет

И никого взамен себя нам не оставил...
Но, впрочем, нет, у нас еще есть Вейнберг Павел,

При общем хохоте всех русских городов
Способный мастерски изобразить жидов».

— «Некрасов как живет, что пишет? В полной силе,
Надеюсь я, талант его богатый, или...

Боюсь спросить о том...» — «Он умер тоже, брат,
И уж о нем у нас почти не говорят.

Забыв и Курочкин покойный вместе с Меем.
Мы духу времени противиться не смеем

И в век промышленный биржевиков, дельцов
Совсем уже не чтим лирических певцов,

Давно их заменив продуктами грошовых
Стихотерзателей каких-то Барышевых,

Мартьяновых... имен не помню даже всех,
Чего, конечно, мне ты не поставишь в грех».

— «Да, почва невская, я вижу, нездорова...
Хоть Даргомыжского найду ли я, Серова?»

— «Увы, их тоже нет, но вздох свой затаи:
Маэстро Лазарев есть с Цезарем Кюи,

Который так у нас не терпит итальянцев,
Что со столбцов газет привык, как из-за шанцев,

Их грозно сокрушать как музыкальный страж».
— «Так кем же полон мир интеллигентный ваш?

Порадуй чем-нибудь меня хорошим, новым,
Дай «Современник» мне последний с „Русским
словом“».

— «Тебе их дать, мой друг, никак я не могу.
Вот «Берег» почитай... Нет, нет, поберегу

Тебя на первый раз... Два толстые журнала,
Где прежде мы с тобой работали немало,

Уж стали редкостью, и их библиоман
Хранит в своем шкафу и переплел в сафьян.

Вот «Русский вестник» ты везде найдешь покуда
И купишь дешево на рынке на вес, с пуда;

Но сам Катков сказать мог смело бы весьма:
«Теперь я, брат, не тот!» как в «Горе от ума»,

И лишь с Цитовичем — судьба такая вышла —
Он вправе нынче стать под пару прямо в дышло».

— «А Помяловский где, Левитов и Слепцов?»
— «Всё там же, где и все,— у дедов и отцов.

Зато за шестерых, день каждый, без отдышки,
Стал Лейкин печь то очерки, то книжки

И так пришелся всласть, что уже с давних пор,
Поджав животики, ржет целый Щукин двор

От разных сцен его и очерков...» — «Довольно!
Пощады я прошу, тебя мне слушать больно...»

И быстро он ушел... Теперь он очень плох.
Смутил его контраст различных двух эпох,

Поставленных пред ним так беспощадно рядом,
И старый юноша, идеалист по взглядам,

Не ужился в среде, совсем чужой ему,
Дичиться начал всех, не ходит ни к кому

И часто, позабыв об отдыхе и пище,
Проводит целый день на Волковом кладбище,

Читая надписи крестов, могильных плит
И, потрясенный вновь, как доктор говорит,

От ломки нравственной поправится едва ли
И перейдет опять к безумью от печали.

1880

Генрих Гейне

332. ИЗ ПОЭМЫ «ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА»

〈Глава〉 3

В старом Ахене в старой гробнице лежит
 Карл Великий... Я верен надежде,
Что с ним Мейера Карла не будут мешать;
 Этот «карлик» жил в Швабии прежде.

В императорском гробе во храме лежать
 Не желал бы я трупом отпетым;
В этом случае лучше бы я предпочел
 Жить в Штутгарте безвестным поэтом.

Даже псы в древнем Ахене были с тоски
 И просили такого привета:
Чужестранец! Пожалуйста, дай нам пинка,
 Может быть, развлечет нас хоть это.

Целый час я бродил в этом скучном гнезде,
 С прусским воинством встретился снова,
И, его наблюдая, я в нем не нашел
 Измененья почти никакого.

На шинелях всё тот же пришит воротник,
 С ярко-красным, воинственным цветом:
Красный цвет знаменует французскую кровь —
 Кернер нам сообщил под секретом.

А народ всё такой же солдат и педант,
 В каждом жесте — углов переломы;
Заморожено чванством холодным лицо,
 Деревянные те же приемы.

Эти бревна в мундирах с ходулей глядят,
 Словно все они вдруг проглотили
Те же самые палки, которыми их
 Так недавно еще колотили.

Да! для них фухтеля не исчезли вполне...
Но, внутри себя их сберегая,
Знают верно они, что без тех фухтелей
Жить не может страна дорогая.

Нынче носят, положим, большие усы,
Но что ж нового в том, в самом деле?
В старину прежде сзади носили косу,
Нынче — под носом косы надели.

Вот мне новая форма пришлась по душе —
Стоят, право, похвальной огласки
Шишаки с их булатным, большим острием,
Наподобие рыцарской каски.

Старину с романтизмом напомним опять
Этот шлем, заостренный как пика,
Он напомним баронские замки, пиры,
И Фуке, и Уланда, и Тика;

Он напомним рассказы из средних веков,
Знаменосцев в их пышном наряде,
Как они свою верность носили в груди,
А гербы золоченые — сзади.

Он напомним крестовых походов года,
Меченосцев, турниры, обеты,
Дни, когда ядовитый печатный станок
Не печатал для мира газеты.

Да, на каску я, право, с восторгом глядел.
Ведь, ей-богу, придумано мило:
Королевская выдумка эта для всех
Остроумье свое заявила.

Я боюсь одного: если вспыхнет гроза
И метать свои молнии станет,
То, пожалуй, ваш острый булатный шишак
На себя гром народа притянет.

Каской новой и легкой на случай войны
Вам придется тогда запастись:
Ведь под тяжкими шлемами средних веков
Мудрено будет бегством спастись.

На почтамтской стене, я увидел опять,
Ненавистная птица сидела,
И своими глазами она на меня
Ядовито и злобно смотрела.

О! проклятая птица! Когда я тебя
Наконец в свои руки поймаю —
Я из крыльев все перья твои отщиплю
И все когти твои обломаю.

На высоком шесте я тебя посажу,
И, чтоб разом покончить с тобою,
Созову непременно я рейнских стрелков
Развлекаться веселой стрельбою.

И чья пуля зловещую птицу собьет,
Я невольный восторг обнаружу,
И корону и скиптр королевский вручу
Я тому благородному мужу.

⟨1867⟩

Томас Гуд

333. ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея, и всё поет она,
И песня та звучит болезненною нотой.

Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая:

«Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока петух вдали кричать не станет;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока хор звезд сквозь крышу не проглянет.
О, лучше б быть рабой у турков мне
И от работы тяжелой задохнуться:

Ведь в их нехристианской стороне
Язычники о душах не пекутся!..

Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока твой мозг больной не станет расплываться;

Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока глаза твои совсем не помутятся.

Переходи от ластовицы к шву...

Швы, складки, пуговики и строчки...
Работу сон сменил, но словно наяву
Я и в тревожном сне всё вижу шов сорочки.

О вы, которых жизнь тепла так и легка,
Вы, грязной нищеты не ведавшие люди,—

Вы не бельем прикрыли ваши груди,
Нет, не бельем, но жизнью бедняка.

Во тьме и холоде, чужая людям, свету,

Сиди и шей с склоненной головой...

Когда-нибудь, как и рубашку эту,
Сошью сама себе я саван гробовой.

Но для чего теперь я вспомнила о смерти?

Она ли устрасит рассудок бедный мой?

Ведь я сама похожа так — поверьте —

На этот призрак страшный и немой.

Да, я сама на эту смерть похожа.

Всегда голодная, ведь я едва жива...

Зачем же хлеб так дорог, правый боже,

А кровь людей повсюду дешева?

Работай, нищая, не ведая истомы,

Работай без конца! Твой труд всегда с тобой,

Твой труд вознагражден: кровать есть из соломы,

Лохмотья грязные да черствый хлеб с водой,

Прогнивший ветхий пол и потолок с дырою,

Разбитый стул, подобие стола

Да стены голые; казалось мне порою —

С них даже тень моя свалиться бы могла...

Сиди и шей и спину гни,

С работы не своди взор тусклый, утомленный

Сиди и шей и спину гни,

Как спину гнет в тюрьме преступник заключенный.

Сиди и шей — работа нелегка,—
Работай — день, работай — ночь настанет,
Пока разбитый мозг бесчувственным не станет,
Как и моя усталая рука.

Работай в зимний день без солнечного света,
Не покидай иглы, когда настанут дни,
Дни благовонного, ликующего лета...

Сиди и шей и спину гни,
Когда на зелени появятся росинки,
И гнезда ласточки свивают у окна,
И блещут при лучах их радужные спинки,
И в угол твой врывается весна.

О, если б я могла вон там, над головою,
Увидеть небеса без темных облаков,
Увидеть пышный луг с зеленою травою,
Могла упиться запахом цветов —
И белой буквицы и розы белоснежной,—
То этот краткий час я помнила б всегда,
Узнала бы вполне я цену скорби прежней,
Узнала б, как горька бессменная нужда.

За час один, за отдых самый краткий
Неблагодарною остаться я могла ль?
Ведь мне, истерзанной холодной лихорадкой,
Понятна лишь одна безмолвная печаль.
Рыданье, говорят, нам сердце облегчает,
Но будьте сухи вы, усталые глаза,
Не проливайте слез: работе помешает
Мной каждая пролитая слеза...»

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея, и всё поет она,
И песня та звучит болезненною нотой.

Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая.

⟨1865⟩

334. КАИН И АВЕЛЬ

Племя Авеля, будь сыто и одето,
Феи добрые покой твой охранят;

Племя Каина, без пищи и без света
Умирай, как пресмыкающийся гад.

Племя Авеля, твоим счастливым внукам
Небеса цветами усыпают путь;

Племя Каина, твоим жестоким мукам
В мире будет ли конец когда-нибудь?

Племя Авеля, довольство — манной с неба
На твое потомство будет нисходить;

Племя Каина, бездомное, без хлеба,
Ты голодную собакой станешь выть.

Племя Авеля, сиди и грейся дома,
Где очаг семейный ярко запылал;

Племя Каина, постель твоя — солома,
В стужу зимнюю дрожишь ты, как шакал.

Племя Авеля, плодишься ты по свету,
Песню счастья поют тебе с пелен;

Племя Каина лишь знает песню эту:
Вопль детей своих и стоны чахлых жен.

Племя Авеля! Светло твое бывшее,
Но грядущего загадка нам темна...

Племя Каина! Терпи, и иго злое
Грозно сбросишь ты в иные времена.

Племя Авеля! Слабея от разврата,
Измельчает род твой, старчески больной...

Племя Каина! Ты встанешь — и тогда-то
Под твоим напором дрогнет шар земной.

(1870)

335. ВО МРАКЕ

С т а р ы й м и р

Волна, остановись, отпрянь назад. Довольно!
Прилив твой никогда так дерзко-произвольно
Вверх не взлетал... И отчего, волна,
Ты так сурова, мрачно-холодна?
Зачем весь этот рев, и ливень беспрерывный,
И ветра дикий вой в час полночи отзывной?
Как чудо грозное, твой вал вперед бежит...
Так стой же, говорю. Здесь твой предел лежит.

Не сокрушай в своих набегах ярых
Законов старины и предрассудков старых,
Безумья нищеты и тяжкого ярма,
Ничтожества давно уснувшего ума,
Где стихли навсегда желанья с их тревогой;
Цепей, наложенных на женщину, не трогай,
Оставь великий пир, где нищим места нет,
И пусть предания боготворит весь свет.
Не трогай их и стой: они для нас святыни.

Те сильные, громадные твердыни
Вкруг человечества я строил и воздвиг...
Но ты вперед бежишь, всё выше каждый миг,
Всё унося в неистовом напоре:
Вот старый манускрипт, вот древний кодекс в море
Ты унесла, и в массе буйных вод
Умчался далеко кровавый эшафот.
Вот королевский трон. Оставь его... О боже,
Низвергнут он. Низвергнуты с ним тоже
Последних месс последние жрецы.
Вот судьи,— стой! Стой — это чернецы...
Довольно — стой! Не поднимайся выше,
Соленая вода, покойней будь и тише...
Но до колен моих ты поднялась,
Меня залить ты хочешь... ворвалась
В приют мой, вечно тихий и обширный.

В о л н а

Ты думал, я — прилив, а я — потоп всемирный.
(1875)

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

Василий Иванович Богданов родился 12 января 1837 г. в городе Лихвине Калужской губернии, в семье священника.

По окончании калужской гимназии он поступил на медицинский факультет Московского университета. Будучи студентом, Богданов некоторое время давал уроки в семействе Берсов (провел у них в Покровском-Стрешневе, под Москвой, лето 1860 г.). В воспоминаниях жены Л. Н. Толстого, урожденной Берс, сохранилась колоритная страница, рисующая его облик в студенческие годы. «Это был живой, способный малый, интересовавшийся всем на свете,— пишет С. А. Толстая,— прекрасный студент, умелый учитель и ловкий стихотворец. Он первый, как говорится, *развивал* нас трех сестер. Он так умел интересно преподавать, что пристрастил прямо меня, ленивую девочку, например, к алгебре и русской литературе, особенно к писанию сочинений. Эта форма самостоятельного изложения впечатлений, фактов, мыслей до того мне нравилась, что я писала длиннейшие сочинения с страшным увлечением. Раз он задал мне тему чрезвычайно трудную: „Влияние местности на развитие человека“». Позже, по свидетельству Толстой, Богданов приносил ей «философские книги материалистов: Бюхнера, Фейербаха и других»; вместо урока «он горячо толковал мне, что бога нет, что весь мир состоит из атомов и тому подобное».¹

В 1861 г. Богданов окончил университет, а в 1862 г. переехал в Петербург. Сначала он служил в больнице для чернорабочих и в родильне воспитательного дома, а затем перешел в морские ведомства и в течение двадцати лет служил врачом в Балтийском флоте: в Кронштадте и Петербурге, в морском госпитале, флотских экипажах и пр.² В 1865—1867 гг. Богданов совершил кругосветное плавание на клипере «Изумруд». Литературным результатом этого путешествия явилась статья

¹ Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 4. По словам П. С. Попова, Богданов послужил прототипом студента Дмитрия Ивановича — героя повести С. А. Толстой «По поводу „Крейцеровой сонаты“» (там же. С. XII). См. также: Кузьминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 3-е изд. Тула, 1959. С. 53, 75, 85, 471.

² Сведения о врачебной деятельности Богданова приведены в библиографическом словаре Л. Ф. Змеева «Русские врачи-писатели», тетр. 4, Спб., 1888. С. 33.

«Корабельный медицинский журнал винтового клипера „Изумруд“» («Медицинские прибавления к „Морскому сборнику“», вып. 10, Спб., 1870) и путевые очерки (не все они напечатаны), в которых отразились его впечатления от разных стран, его демократические симпатии и ненависть ко всякому гнету, в частности враждебное отношение к порядкам, господствовавшим в английских и голландских колониях.

После переезда в Петербург Богданов, по-видимому, довольно скоро сблизился с искровцами. Во всяком случае, уже 22 марта 1863 г. в III Отделение поступил донос бывшего студента Технологического института Волгина, исключенного во время студенческих беспорядков 1861 г., в котором он упоминает и о Богданове. «После падения Шахматного клуба,— писал Волгин, в доносах которого, правда, много вздора,— образовался клуб поморных в редакции журнала «Искра». Инициатива этого клуба принадлежит г-ну Василию Степановичу Курочкину. В его клубе собирались и собираются постоянно большею частью члены крайней партии и иногда и члены бывшего Шахматного клуба, в ожидании открытия нового публичного клуба. Состав его уже известен: Курочкин, Преображенский,¹ Минаев, Храповицкий, Зиновьев, Лев Камбек, Николай Наумов, Стопановский и многие другие. В последнее время в этот клуб поступили два новые лица: Александр Венецкий и доктор Василий Богданов; обе эти личности из Московского университета, из кружка деркачевского.² В настоящее время в этом клубе поморных идет решение вопроса о том: 1) каким образом открыть новый публичный клуб (вроде Шахматного) и 2) каким образом открыть подписку денег на расходы, которые окажутся необходимыми при первой удобной минуте к революции».³

Богданов был тесно связан с «Искрой» вплоть до ее прекращения в 1873 г. и был одним из тех сотрудников журнала, которые определяли его идейную физиономию.

Главным героем первых стихотворений Власа Точечкина (основной псевдоним Богданова в эти годы) является трудовой люд большого города, преимущественно бедняк-разночинец, задавленный нищетой и несправедливостью: лекарь, который думал — «жить буду честным человеком», но опустил и стал взяточником («Лекарь»);⁴ провинциальный семинарист, пешком добравшийся до Петербурга, поступивший в университет, но не имевший возможности учиться, спившийся и умирающий с голоду («Наш

¹ Псевдоним Н. С. Курочкина.

² Вероятно, речь идет о революционном кружке Ивана Деркача, уволенного в 1858 г. из Харьковского университета, переехавшего в Москву и сблизившегося со студентами Московского университета; см. статью Г. И. Ионовой «Воскресные школы в годы первой революционной ситуации» («Историч. записки», 1956. Т. 57. С. 204—205). Не исключено, впрочем, что имеется в виду Илья Петрович Деркачев, впоследствии известный педагог.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч., Пб., 1920. Т. 16. С. 170.

⁴ «Искра». 1863, № 40. С. 566.

пролетарий»); выгнанный со службы мелкий чиновник, заливающий свою несчастную долю водкой («Песня дяде Хмелю»),¹ и т. д. Высмеивая оторванную от реальной жизни, игнорирующую ее темные стороны «чистую поэзию», Богданов в программном стихотворении «Беседа с музою» демонстративно подчеркивает, что его героями являются бедняки, труженики, работающие до изнурения и живущие в ужасных условиях.

Многие стихотворения этого и более позднего времени являются своеобразными стихотворными очерками, зарисовками, сценками, портретами. Богданов, как и другие искровцы, обращается к куплету с рефреном. При этом он, по удачному выражению одного критика, старался приспособить рефрен «не только на русский, но и на мужицкий лад».² Явственно чувствуется в стихотворениях Богданова с первых лет его литературной деятельности идейно-художественное воздействие Некрасова, его образов, поэтических интонаций.

В середине 1860-х годов в творчестве Богданова намечается известный перелом. Вехой этого перелома является его «Дубинушка» («Много песен слышал я в родной стороне...»), которая, в позднейшей переделке А. А. Олехина, стала одной из самых популярных революционных песен. Естественно, что замечательная революционная песня заслонила собою первоначальный, легальный текст «Дубинушки», который был совершенно забыт и до 1933 г. ни разу не перепечатывался, а между тем не только в творчестве Богданова, но и в истории русской революционной песни его «Дубинушка» представляет собою заметное явление.

Судьба крестьянина оттесняет в поэзии Богданова на задний план образ задавленного нуждою демократа-разночинца. В то же время наряду с лирикой существенное, даже преобладающее место занимает в ней сатира, а безнадежные настроения, психологическая подавленность сменяются бодрым, мажорным тоном. Ко второй половине 1860-х годов относятся стихотворения «Химеры» и «*Erriug si tuove!*», полные веры в светлое будущее человечества, причем в первом из них явственно чувствуются социалистические симпатии Богданова.

«Героем времени», с наибольшим постоянством и язвительностью преследовавшимся в сатире Богданова, является пореформенный крепостник. Многие его стихотворения воссоздают яркий сатирический образ помещика, тоскующего о блаженных временах крепостного права, жалующегося на лень и грубость «хамова отродья» и взывающего к правительству о сохранении всех сословных привилегий дворянства. Он не прочь несколько «улучшить быт простолюдин», но отнюдь не из любви к нему, а вследствие убеждения, что более или менее сытый, здоровый и грамотный мужик будет ему гораздо полезней («Свой идеал»). Вместе с тем он «кладет дома с батраками Кулаками» («Подводный камень современного

¹ «Искра». 1865, № 20. С. 288.

² А м ф и т е а т р о в А. В. Забытый смех. М., (1914). Сб. 1. С. 360.

прогресса»¹). В стихотворении «Мы — особь статья!», написанном, как и некоторые другие, от имени «одного из могижан» крепостнической России, говорится о постепенном оттеснении от социально-политической жизни родовитого дворянства и высмеиваются претензии аристократии на первую роль в государстве. Не только в революционных идеях, но даже в постепенном проникновении в русскую жизнь капиталистических начал и весьма умеренных реформ герой стихотворения видит посягательство на неотъемлемые права своего класса.

Резко антидворянский характер имеет стихотворение «Из автобиографии щенка».² Иронизируя над дворянством, кичащимся своим древним происхождением, Богданов обличает его тунеядство, угодливость и подобострастие перед особами царствующего дома, презрение к народу и как бы мимоходом упоминает о французской революции XVIII в. («От революции бежали С поджатым между ног хвостом»). Таким образом, антидворянские тенденции выражены здесь на западноевропейском материале. Стихотворение интересно и по своим художественным приемам. По словам автора, оно является «переводом с собачьего языка на русский». Герой стихотворения взят из мира животных, и оно в какой-то степени перекликается со сказками Шедрина.

Как видим, сатира Богданова касается не только русских, но и иностранных дел. В течение нескольких лет он вел в «Искре» (а когда в 1869 г. «Искра» несколько месяцев не выходила, то в «Будильнике», где он вообще активно сотрудничал) обозрение иностранной политической жизни «Заметки со всех концов света». В них рассыпано много интересных образцов политической поэзии, стихотворных отрывков, которые нередко почти невозможно изъять из прозаического контекста. Но и по своим художественным, жанровым признакам это преимущественно фрагменты, фиксирующие и оценивающие отдельные стороны и события текущей политической жизни. В них много злых насмешек над милитаризмом, клерикализмом, над притеснителями рабочего класса, предпринимавшими поход на заработную плату, разгонявшими демонстрации и сходки, над соперничеством английского и французского империализма в колониях, Наполеоном III, Бисмарком, Тьером, ряд явно сочувственных высказываний об активизации западного пролетариата, об испанской революции, Парижской коммуне и т. д. Стихотворение о Парижской коммуне, построенное в форме диалога парижского и версальского хоров, т. е. сторонников и врагов Коммуны, кончается столь же выразительной, сколь лаконичной репликой парижан: «Ну так пусть все прения порешат штыки».³ Сквозь иностранные события нередко просвечивают русские

¹ «Будильник». 1865, № 35. С. 137.

² «Искра». 1871, № 6. С. 170—173.

³ Несколько позже, в «Новостях и заметках», напечатанных в «Азиатском вестнике», Богданов писал о зверствах версальцев (1872, № 1. С. 88).

социальные отношения (см., напр., стихотворение «Плантаторам рабов отдали напоследках»). Очень часто Богданов приписывал свои стихи какому-нибудь французскому или немецкому сатирическому журналу, а самого себя выдавал лишь за скромного переводчика, но читатели-друзья понимали, конечно, что это делается для цензуры.

После прекращения «Искры» Богданов вряд ли перестал писать, но он потерял широкую читательскую аудиторию, которая у него была во время сотрудничества в журнале Курочкина; оборвались, по-видимому, и его тесные связи с литературной средой.

Во время своей службы в Кронштадте Богданов принимал близкое участие в работе местного общества морских врачей, а в 1874—1875 гг. состоял его секретарем. В «Протоколах» общества он напечатал две медицинские статьи. В 1878 г. Богданов выпустил брошюры: «Таблицы для измерения влажности воздуха на судах» и «Житье-бытье на море: Беседы из морского и приморского быта». Он задумал целую серию популярных брошюр-бесед о «житье-бытье на море», но дальше первой, в которой говорится «о том, как люди начали плавать по морю», дело не пошло.

В 1884—1885 гг. Богданов много печатался в «Осколках», но помещенные там стихотворения, за исключением двух-трех политически острых вещей, не возвышаются над уровнем непритязательного и поверхностного юмора этого журнала. В значительной степени это объясняется, вероятно, цензурными условиями и крайней осторожностью редактора «Осколков» Н. А. Лейкина. Ряд стихотворений Богданов напечатал также в театральной газете «Суфлер», но лишь одна из появившихся в «Суфлере» вещей заслуживает внимания. Это — перевод «Марсельезы», из которого, правда, были изъяты — без сомнения, по цензурным причинам — наиболее резкие места о тиранах и деспотах. Переводу было предпослано краткое предисловие («Два слова о „Марсельезе“»), где Богданов писал, что «Марсельеза» — не «чисто революционная песня, разжигающая народные страсти», а «просто патриотический гимн», в котором нет «ровно ничего возмутительного».¹ Разумеется, все это вовсе не выражает подлинных взглядов Богданова и является «защитным цветом», ширмой, которыми часто приходилось пользоваться писателям демократического лагеря. Только таким образом можно было провести в печать — хотя бы в урезанном виде — знаменитую революционную песню. Следует подчеркнуть, что и в таком виде появление «Марсельезы» в легальной печати было весьма небезразличным фактом, напоминавшим русской читающей публике о вдохновенной песне, с которой шли на борьбу за родину и революцию против отечественной реакции и иностранных интервентов французские революционеры и патриоты XVIII в. и которая звуча-

¹ «Суфлер». 1885, № 22. С. 2.

ла как призыв к революционному действию для многих поколений не только французского, но и русского народа.¹

В 1885 г. Богданов перевелся в Черноморский флот, был назначен в Николаевский морской госпиталь. Умер он 5 августа 1886 г.

Только в 1959 г. стихотворения Богданова вышли отдельной книгой: Богданов В. И. Собрание стихотворений. Собрал и подготовил проф. А. В. Кокорев. Здесь появилось немало ценных фактических сведений и неизвестных стихотворений Богданова, однако текстологическая сторона издания и примечания изобилуют ошибками.

¹ Иначе — как сознательное и «грубо тенденциозное, реакционное искажение гимна революции» — оценивает богдановский перевод «Марсельезы» и «Два слова» о ней А. Л. Дымшиц («Литература и фольклор». М., 1938. С. 162—163), совершенно не учитывающий при этом условия русской печати 1880-х годов.

336. БЕСЕДА С МУЗОЮ

(В ЧИСТО КЛАССИЧЕСКОМ РОДЕ)

Как-то муза мне сказала,
Потрепав меня рукой:
«Влас, мой друг, ты пишешь мало,
Пой! пой! пой!»

И ответил я сестрице:
«Я спою тебе, изволь,
Как живет у нас в столице
Голь, голь, голь

В тех углах, где близ заборов
Мостовых, панелей нет,
Где чуть теплится Шандоров
Свет! свет! свет!

Где лачужки длинным строем
Догнивают, искосясь,
Где лежит глубоким слоєм
Грязь, грязь, грязь;

Где всю жизнь одни лишенья
Жалких тружеников ждут,
Где тяжел до изнуренья
Труд, труд, труд...»

«Стой! — прервала муза. — Вникнет
В эту песнь сонм важных лиц,
И как раз тебе он крикнет:
Цыц! цыц! цыц!

Скажут: песня не из лестных...
Навлечешь как раз их гнев,
Лучше пой, брат, про прелестных
Дев, дев, дев.

Обратись к луне, к природе
Пой утех юных лет —
Ведь поет же в этом роде
Фет, Фет, Фет.

Если ж жизнь тебя прельстила,
То ты можешь воспевать,
Как живет изящно, мило
Знать, знать, знать;

Как столица ослепляет
Непривычный к блеску глаз,
Как по улице блистает
Газ, газ, газ;

Как весь год жилося славно,
Что в балете ты видал.
Как Ефремов дал недавно
Бал, бал, бал;

Как... да ну, бери же лиру
И скорей про край родной
Песню сладенькую миру
Пой! пой! пой!»

⟨1863⟩

337. ПРИТЧА

Пировал Барыш средь своих хором,
Угощал он Знать дорогим вином,
Не жалел рублей, не щадил труда...
В этот час к окну подошла Нужда.
Говорит: «Барыш! Не оставь меня,
Голодаю я уж четыре дня».
— «Видно, пьянствуешь,— ей Барыш сказал,
Черствый хлеба край ей в окошко дал
И, смеясь, кричит:— Пир так пир горой!
Эй, жена, на стол поскорей накрой,

Подавай пирог, подавай нам щи,
Всё, что есть в печи, всё на стол мечи!»
Поплелась Нужда от окошка прочь...
На дворе метель и глухая ночь,
На дворе мороз, в стороне ж кабак,
И в него Нужда доплелась кой-как.
В кабаке Нужде уголок был дан,
За лохмотья ж ей поднесен стакан.
Пропила зипун — стали гнать Нужду,
И пошла Нужда, позабыв беду,
Прямо в темный лес, улеглась под ель,
Хлеб жуёт она... а над ней метель...
Засыпай, Нужда, — и чего тут? — знай,
Что «коль хлеба край, так под елью рай».

⟨1864⟩

338. ПРОЕЗЖИМ

(РАЗДУМЬЕ ГОРЕМЫКИ)

Что вы смотрите так подозрительно
На заплаты одежды моей?
Или прихоть пришла снисходительно
Бросить мне пару медных грошей?
Вы сегодня добры изумительно,
Благодарен я вам от души! —

Только знайте:

Не помогут мне ваши гроши —
Проезжайте!

Было время: с какою охотою
За работой я грудь надрывал,
Всё боролся с нуждой да с заботою,
Но не мог устоять — и упал.
А теперь я почти не работаю,
Что добуду — тащу всё в кабак...

Что ж? Ну знайте,

Что я пьяница, нищий, — итак,
Проезжайте!

Было время: рукою несмелою
Я стучался у ваших дверей...
Да! я с матерью жил престарелою
И с несчастной сестрою моей.

Но теперь я к вам шагу не сделаю,
Миновала невзгоды пора,
Поздно! — Знайте,
Что уж мать умерла, а сестра...
Проезжайте!

⟨1864⟩

339. НАШ ПРОЛЕТАРИЙ

Смотрите, вот наш пролетарий!
Он не успел окончить курс
В одной из наших семинарий,
В одной из наших бурс.

Из бурсы с скверным аттестатом
Начальством был он исключен;
Хотел быть по найму солдатом,
Да плох здоровьем он.

Потом читал он и учился...
Больной, собрав остаток сил,
Пешком в столицу притащился,
В студенты поступил.

Терпел нужду, терпел лишения —
Нет сил трудиться, нечем жить...
Бедняга вышел из терпенья —
И с горя начал пить.

Тут посещать не стал он лекций,
На службу поступить хотел,
Но не имел знакомств, протекций,
Прав по рожденью не имел.

А время шло и дни летели;
Он, обнищать успев кругом,
Стал в рваной фризовой шинели
Ходить в питейный дом.

Чем он живет, он сам не знает:
То настрочит прошение он,
То с днем рожденья поздравляет,
То сходит на поклон.

Бедняге пьянице не стыдно
Просить дрожащею рукой —
Всё человеческое, видно,
Убито в нем нуждой.

И вот, помаявшись в столице,
Он станет чахнуть и умрет,
И купят для него в <больнице>
Гроб на казенный счет.

<1864>

340. ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,
Это — песня рабочей артели:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!...»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину...
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут
И, крихтя, запевают дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!...»

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,
Вспоминаем родную дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!...»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки,
Где работа дружней и усердней нужна,
Там у нас, знать, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!...»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружнее прорубалось в Европу окно,—
И гремело по финскому флоту:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух!...»

Прорубили окно... Да, могуч был напор
Бессознательной силы... Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор...
 Наши ж деды одно напевали:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух!...»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству;
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
 Прибегаем как к верному средству:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух!...»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело
И при тяжком труде утомленных людей
 Монотонно б у нас не гудело:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух!...»

⟨1865⟩

341. ХИМЕРЫ

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что время настанет, когда у людей
Помчатся стрелою по рельсам подводы
 Без лошадей;
Что станут повсюду работать машины,
Что по морю плавать без ветра начнем...
 О боже! какой бы содом
Все подняли тотчас в защиту рутины:

ФЕВРАЛЯ 26

1860 ГОДА.

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

Учпра

Рэч-пантэоні кампримувані.

Губернскі савет. — А лому ад'ягання' нона
санарыдэр ногтху' адальчэнт на рэд
скабача 1000 руб., з'ясадаваці — а чна про
д'укаці. З'ясаці а'ясаці ад'ясаці? — 18 руб.
а'ясаці, а ад'ясаці? — а'ясаці ад'ясаці? —
Промышлені д'ясаці. — А'ясаці ад'ясаці? — (ноч)
а'ясаці, а'ясаці ад'ясаці д'ясаці 19 ад'ясаці? —
а'ясаці! — а'ясаці ад'ясаці? — а'ясаці
а'ясаці; а'ясаці ад'ясаці? — а'ясаці
а'ясаці? — а'ясаці ад'ясаці? — а'ясаці
а'ясаці ад'ясаці? — а'ясаці ад'ясаці...

Укра.

- За згоду мах ббдх. нел. нолс-
комуче
- К. б. правохореніе 30 адр, на
одного адр нел. нахлече на
мрочути, ну а меншїх кол. ака
бгмгмгмгм бг елюа праба, кол.
одвечуєт 2/3 мах праба.

- Но крайней штрѣ, теперь вы чувствуете себя свободнѣе.
- Нѣтъ, родимый, не чувствую.
- Ну ужъ это прихоть—привычка быть всегда несознательнѣе.

Либералъ-эквилибристъ, лодко колеблющійся во всѣ стороны и
отыскивающій благоразумную средину.

(А. Родкина.)

Грав. Н. Курочкин

Новый Демосзень, утражняющийся въ краснорѣчїи

— Фразеръ!... Кричалка-а-а!...

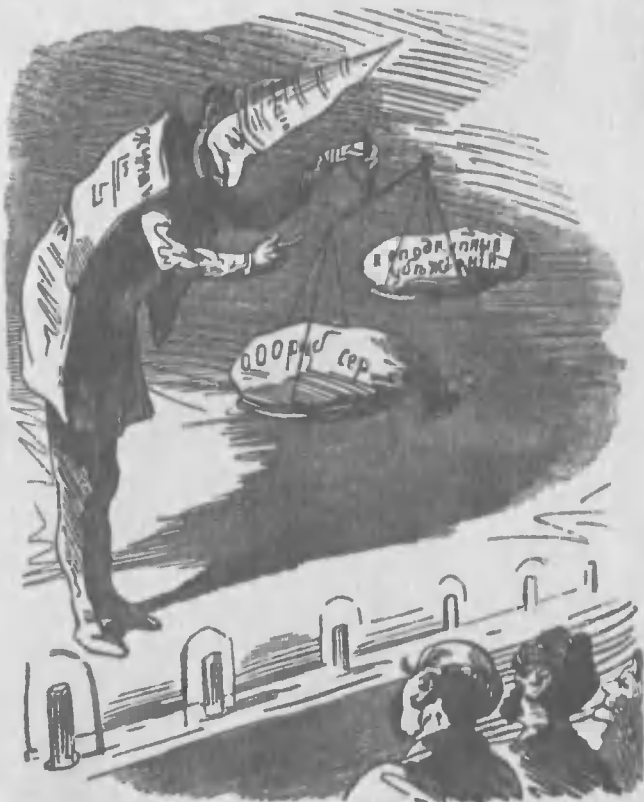
НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ безобразнѣ часѣхъ по починѣ
 Скорѣе встаетъ по тревогѣ
 И публичнѣ пишетъ репортъ.
 Что ладно жилось имъ, слава Богу

Въ безобразнѣ часѣхъ по починѣ
 Съ оруженъ Громоу находить,
 Бѣснотѣ похвалить — и снѣтъ
 Позовалъ редакторъ и кончить. —

И ходятъ оны пещу вышедъ —
 Громи радость публициста.
 Пароль ихъ - *Родимые Андрей.*
 А лозунгъ ихъ - *Смерть политическая!*

Грав. Н. Куренковъ.

— ... Теперь, г-да, позвольте доказать вамъ нагляднымъ образомъ, что убѣжденія наши стоятъ всегда выше подкупа.

(Аполлона Б.)

Статьи до предела псевдурия.

Грав. И. Курманов.

Статьи прецизионизма.

ПРИЕМЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЪ РЕКРУТЫ.

— Не подходить: цѣлой головой выше мѣрки.

(А. Р — 80).

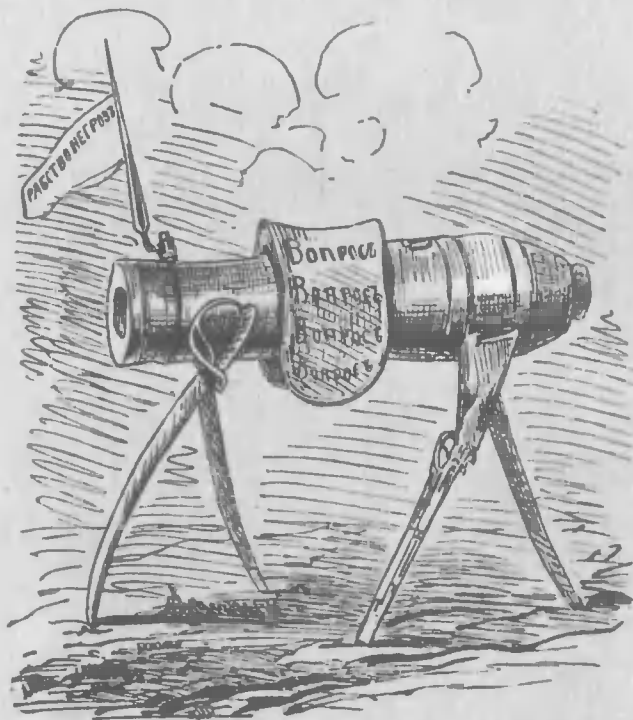
— Хорошо-ли сидеть?
— Не извольте беспокоиться!

— Хорошо-ли сидеть?
— Не извольте беспокоиться!

Гр. Н. Курляков.

(А. Р — на)

Конь прогресса.

ПОЛИТИКА ДВУХ ПЕРВООЧЕРНЫХ ГАЗЕТ ВСТУПИЛА В ПОСЛЕД ОДНУЮ, КЪ ОБЩЕМУ УДОВЛЕТВОРЕНІЮ ДОБРОВОЛНЫХЪ ДАТЕЛЕЙ.

Наступила эпоха классицизма. Я греческий поэт и берусь звучить
российское множество одинъ, всѣхъ наукамъ — древней Элады.

Въ Петербургѣ данъ будетъ, въ одной изъ „Славяно-сербскихъ кухмистерскихъ, большой обѣдъ въ память годовщины прибытія къ намъ славянскихъ братій.—Общимъ, разговорнымъ языкомъ будетъ нѣмецкій, на которомъ и будутъ, запивая рейнвейномъ, ругать нѣмцевъ.

Ап. Коляскинъ, какъ прежде, будетъ читать куплеты.

ОТЦЫ И ДѢТИ

(А. Н. Волков)

эпизодъ

Гросс, Фридрих.

«Из дна моего сердца люблю» говорил Базаровъ при жизни; но заветный другъ покойного, недоумкавший и тѣмъ правды въ его словахъ, предупреждая осуществленіе его пророчаній, уславно выдалъ зловазвѣщенію жизни: на погребъ Базарова родолюбивы, вѣстели и амаши. дабы не пробѣла между ними неважнѣйшій вѣстель-документъ.

Въ Дрезденѣ, на Врандлицкой террасѣ, между двумя и четырьмя часами, въ самомъ фотоскопическомъ время для пружины, имъ встрѣчалъ автора романа съ Павломъ Петровичемъ, являющійся мальбурунъ и шуралея (ошъ, горько) и дружки разговаривающіе.

— Какъ вы развесели Базарова-те ильбачесть Павелъ Петровичъ.

Нѣкого мѣста, которъ «Отецъ и Дѣти» таждовоиселенно (мелъ) риль сипару и вывустиль «Домо».

«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что люди со временем так будут жить,
Что им и перуны небесного свода
Станут служить;
Что сила, которой пугают нас грозы,
Покорно депеши мчать станет потом...
В ответ бы раздались кругом
И крик, и проклятья, и брань, и угрозы:
«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что станет вдруг солнечный луч рисовать,
Что мы и портреты, и горы, и воды
Станем писать
Не кистью, а пользуясь солнечным светом,
Что кисть и палитру заменит во всем
Нам свет, покоренный умом...
В ответ что за крик бы раздался при этом:
«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что в обществе вовсе не будет рабов,
Что время настанет, и снимет свобода
Бремя оков,
И новый склад жизни, склад жизни свободной
Заставит всё делать свободным трудом...
Сказать бы всё это — кругом

Раздался б немедленно крик всенародный:
«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в наши хоть годы,
Что время настанет такое, когда
На свете не будет страданий, невзгоды
С гнетом труда,
Что люди устроят склад жизни примерно,
Что с голодом бедный не будет знаком...
Скажите-ка это — кругом
Поднимутся громкие крики, наверно:
«Он рехнулся! В желтый дом,
На цепь сумасброда!
Ведь волнует у народа
Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

⟨1868⟩

342

Французы в Суэце, как видно,
Канал не на шутку ведут,—
Ну, это немножко обидно:
Дорога ведь в Индию тут...

Джон Буль заламаншского друга
Так любит, так им дорожит,
Что стать в Абиссинии с юга
С почетною стражей спешит.

1868

Был близок взрыв народных масс,
 Все ждали меры радикальной,—
 Взамен ее на этот раз
 Кладут лишь пластырь либеральный.

Отсрочат час святой борьбы,
 Отсрочат час освобождения,—
 И долго не найдут рабы
 Путей спастись от угнетенья.

1868

Красный принц в стенах Стамбула
 Наблюдает, чтобы ловко
 Всё скрутила, всё стянула
 Либеральная веревка.

Даст приличный вид разбою,
 И окажется в остатке —
 Гнет с железною рукою
 В бархатной перчатке.

1868

345. EPPUR SI MUOVE!

Страх пытки и тюрьма вынудили Галилея отречься от убеждения в движении земли. После торжественно принятой очистительной присяги Галилей, топнув ногою, сказал: *Eppur si muove!* (А все-таки движется!)

*Примечание для не пошедших
 далее классического ликея*

Вот в черных рясах сонм судей,
 Сонм инквизиторов собрался;
 Пред ним, в оковах, Галилей
 От убеждений отрекался.

Он говорил: «Я сатаной
Был одержим! мое ученье —
Безбожно, каюсь!.. Шар земной
Стоит от века без движенья...»
Крест Галилей поцеловал,
Но вслед за тем, нахмутив брови
И топнувши ногой, вскричал:
«Errur si muove!»

Мысль Галилея понял свет:
Земли движенье стало ясным;
Замолк ханжа, затих аскет...
Но свет ученьем был опасным
Взволнован... Стали толковать
И про движенье в сфере мнений:
Что как, мол, всё на веру брать?
Нужна свобода убеждений...
Рим проклял ересь... Взят был бич,
Зажглись костры, но в каждом слове
Страдальцев слышался всё клич:
«Errur si muove!»

Гоненья вызвали борьбу,
Кровь полилась, бой долго длился;
Рим наконец, кляня судьбу,
От протестантов отступился.
Слагаться начал новый быт,
Снимались старые вериги,
И тщетно хитрый иезуит
Стал в ход пускать свои интриги.
Опутав в сети целый свет,
Ряд тормозов был наготове...
Жизнь шла вперед, твердя в ответ:
«Errur si muove!»

Напрасно сила, власть и гнет
В союз вступали с иезуитом,
Жизнь не стояла — шла вперед...
В народе сдавленном, забитом
Явилась мощь: был страшен взрыв
Ожесточенья вместо стонов,
Когда отчаянья порыв
Рождал Маратов и Дантонов,
Когда равнял всех эшафот,

Когда среди потоков крови
Кричал неистово народ:
«Errur si muove!»

Прошли года; утих взрыв масс,
Освоясь с мыслию простою,
Что всё в движении у нас,
Что в жизни места нет застою,
Что жизнь не в силах подавить
Ни Чингисханы, ни Аттилы,
Что силу жизни не сломить,
Что нет плотин от этой силы
И что пора простор ей дать,
Чтоб в каждой мысли, в каждом слове
Могло торжественно звучать:
«Errur si muove!»

1868

346

Очень грозен горизонта
Политического вид,
От Кале до Геллеспонта
Всё с смущением твердит:
«Близок взрыв! близка невзгода!»
Шовинисты ж тешат нас:
«Для защиты, мол, народа,
Для блаженства целых масс
Нам война нужна и слава...»
Ах, отстаньте! Полно, право,
Вам нести всю эту ложь —
Нужен вам грабеж!

Там, над Сеной, в кабинете
Сидя, думают порой:
«Чем бы это нам на свете
Отличиться пред толпой?
Рейн бы взять... Тогда в народе
Не желали б перемен...»
И тотчас же в этом роде
Речь заводит Жирарден:
«Рейн нужней, мол, чем свобода,
Для французского народа!»

Что ж, ведь это, чай, не ложь —
Любят там грабеж!

План затеяв исполинский,
Бисмарк думает тайком:
«Всю Германию — берлинской
Нужно сделать!.. Всех прижмем,
Вырвем с силой молодецкой
Лотарингию, Эльзас...
Где звучит язык немецкий —
Там добыча есть для нас».
И толкует он народу:
«Эй, народ, свою свободу
Ты в единстве лишь найдешь —
Надобен грабеж!»

В одряхлевшем Ватикане
Тоже думают, кряхтят,
Совещаются о плане
Старину вернуть назад,
Чтоб в провинциях свободных
Снова папа править стал,
«Много там статей доходных!» —
Шепчет каждый кардинал.
А вокруг них уже в народе
В Риме крики о свободе...
Ватикану невтерпеж —
Он вопит: «Грабеж!»

Больше чем четыре века
Занят турками Босфор;
За «больного человека»
Турка знают с давних пор.
Доконать его есть средство,
И вопрос теперь весь в том,
Как начать делить наследство,
Что кому отдать потом.
Так на этом стало дело...
И теперь кричат все смело,
Чуть о турке речь начнешь:
«Караул! Грабеж!»

1868

Для грозной силы неприятно,
 Когда подавленным понятно,
 Что больше нечего терять,
 Когда рождается убеждение,
 Что смерть отраднее мученья,
 Что с жизнью нечего терять,
 Когда всё массою восстанет
 И грозный крик повсюду грянет:
 «Нам больше нечего терять!»

1868

О свободе громких фраз
 Много слышится у нас,
 Но сознаться хоть обидно,
 А свободы всё не видно...
 Так же бедствует народ,
 Так же всё стесняет,
 Словом, по усам течет,
 В рот не попадает.

Много нам реформ и льгот
 Обещали каждый год,
 Мы всё ждали, ждали, ждали...
 Наконец нам льготы дали,
 Только впрок нам не пошло,
 Толку вышло мало:
 По усам-то потекло,
 В рот же не попало.

Власть твердит народу: жди,
 Лучше будет впереди,
 Но народ уж плохо верит,
 На аршин он старый мерит
 И, о льготах слыша речь,
 Говорит: «Смотрите,
 По усам-то будет течь,
 В рот же — и не ждите».

〈1869〉

349. СВОЙ ИДЕАЛ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДНОГО ИЗ «НЕДОВОЛЬНЫХ»
ПО ПРОЧТЕНИИ «ВЕСТИ»)

Глаз видит, да зуб неймет.

Пословица

Упрекают все меня в застое,
Говорят, что я б, вишь, не желал
Улучшений в быте масс... Пустое!
Создан мной давно свой идеал.

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшить быт простонародья
До известной степени желал.

Пусть мужик у нас не ест мякины,
Хлеб всегда пусть будет у него,
Даже в праздник щи из солонины
Пусть себе он варит... Ничего!

Я кормлю охотно попугая,
Я кормлю собаку и коня,
Рад рабочего кормить я, зная,
Что он тратит силы для меня.

Пусть тепло одет крестьянин будет:
Пусть сермягу толстого сукна
И тулуп он сам себе добудет,
Шапка тоже для него нужна,

Ну и лапти не должны быть худы
У рабочего — не то беда!
Может слечь мужик мой от простуды,
Я лишусь рабочих рук тогда.

Я совсем не враг и просвещенью —
Пусть заводят школы мужики,
Пусть детей их и письму и чтенью
Обучают сельские дьячки.

Мне рабочий грамотный полезней...
Я беречь согласен мужиков,
И в селе на случай их болезней
Разрешить больницу я готов!

Но затем, устроив быт рабочих,
Я б смотреть за ними строго стал,
И чтоб власть иметь тут, я бы прочих
Вольнодумств в реформах не желал.

Улучшенья быта — не свобода,
С улучшением быта мужики
Дать должны нам более дохода,
А не шлаться вечно в кабаки.

Даже пусть считается свободным
Наш мужик — но только на словах,
Ведь тогда лишь будет он мне годным,
Если он вполне в моих руках,

Если всё, что труд его приносит,
Собирать возможность мне дадут.
Пусть мужик мой пашет, сеет, косит —
На себя беру я тоже труд.

Труд большой, мне с ним хлопот немало:
Нужно мне доходы собирать;
Назначение для капитала
Нужно мне приличное искать.

Я б зимой поехал жить в столицу,
Роскошью торговлю поощрять,
А потом махнул и за границу
Честь России с шиком поддержать.

Подражая рабски иностранцам,
Я б усвоил речь их, нравы, вкус —
В Лондоне б был истинным британцем,
Жить в Париже стал бы как француз.

Иль, чтоб сказкой стать молвы стоустой,
Патриота б корчил я подчас:
Стал бы есть в Париже щи с капустой,
Стал бы в Лондоне пить русский квас.

Жил везде б я пышно и богато,
И, во славу родины моей,
Чисто русский тип аристократа
Я в себе б осуществил, ей-ей!

А таких, как я, у нас немало —
Жаль, реформы губят нас вполне...
Эх, когда б их все начать сначала
Да побольше бы дать воли мне!

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшил быт простонародья
И осуществил свой идеал.

⟨1869⟩

350

Орел французский встарь вносил
Свободу, братство и равенство,
И вдруг теперь он поступил
В распоряжение духовенства.
Он защищает мрак и гнет,
Он с иезуитом, он с прелатом...
Не прав ли тот, кто назовет
Орла французов — ренегатом?

1869

351

Плантаторам рабов отдали напоследках,
Чтоб из рабов они сок выжали пока...
Рабов же, как зверей, запертых в тесных клетках,
Дразнить свободой хотят издалека.
Но если раб, как зверь сорвавшись с цепи, смело
По трупам палачей себе проложит путь —
Кто в этом виноват? Чье это будет дело?
Кого за сотни жертв придется упрекнуть?

1869

352. ТРИ СЫНА

У отца три сына было...

Старший говорит:

«В вицмундире очень мило,
И я буду сыт».

Вот другой промолвил смело:

«Я же — на коня!..

Бить врагов — святое дело,
Отпусти меня!»

«Ну а ты,— спросил родитель

Третьего,— куда?»

— «Мир велик, я сочинитель,—
Вот моя звезда!»

Старший служит, есть уж дети,

Сам солидным стал;

Генерал второй, а третий...

Без вести пропал.

〈1870〉

353. 〈Э. ШНЕЙДЕРУ〉

У вас в Крезе теперь волненья,

Там прав рабочие хотят,

Для вас большое затрудненье

При этом вышло, говорят.

Как президент права народа

Должны вы свято охранять,

А как заводчик вы дохода

Себя не любите лишать.

Но вы... вы сладили с скандалом:

Бригаде войска с генералом

Так беспристрастно вами тут

Был поручен третейский суд.

1870

У министров буржуазных
 Много планов, мыслей разных,
 Много есть затей;
 У простых людей —
 Только баррикады,
 Рады иль не рады...
 Да пришла пора —
 Ça ira!

1870

355. МЫ — ОСОБЬ СТАТЬЯ!¹

(ИЕРЕМИАДА ОДНОГО ИЗ ПОСЛЕДНИХ МОГИКАН
 НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ)

C'est vrai, mon cher!² И спесь и чванство
 Не в духе нынешних идей,
 Но наше *старое* дворянство
 Не грех бы поддержать, ей-ей!
 Ведь что ж нибудь да значат предки?
 Ведь что ж нибудь да значит кровь?
 У нас же *столбовые* редки,
 Дворян пекли так много вновь:
 Крапивным семенем врывались
 В наш круг аршинники, кутья;
 Но всё же мы еще остались,
 И всё же мы — особь статья!

Наш род богат был, был звездою
 Екатеринина двора,
 Ее щедроты к нам рекою
 Лились — блаженная пора!

¹ Мы получили это стихотворение при следующем письме автора: «М. г., прилагаемое при сем стихотворение «Мы — особь статья» предназначалось мною для газеты «Весть», как для органа тех немногих представителей *столбовых*, к числу которых принадлежу и я — автор этого стихотворения и к которому, как я слышал, принадлежите и вы, м. г., принявшие на себя редакторство «Искры». Но «Весть», несмотря на поддержку ее *нами*, прекратилась за истощением средств; поэтому я решился обратиться к вам с просьбою дать место моему стихотворению в вашем журнале, на который у нас, *столбовых*, теперь единственная надежда. Положитесь на нас — мы вас поддержим. Примите и проч.»

² Это так, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Нас сам Державин в одах славил,
Но вдруг — переменялся взгляд,
Перевернул всё круто Павел,
Пустив в ход гатчинских солдат.
С тех пор простора стало мало
Для нашего житья-бытья
И вся Россия забывала,
Что мы у ней — особь статья.

Стеснен был ход родам дворянским,
И *parvenus*¹ презренных рой
Полз за кутейником Сперанским
Бюрократической стезей.
Был век подьячих, век лакеев,
Век кантонистов и ханжей,
И во главе всех Аракчеев...
Затем предания свежей
Давайте вспомним: плац-парадом
Русь увлеклась до забытья
И к нам совсем уж стала задом,
Забыв, что мы — особь статья.

Фельдфебеля, не *gentil'homme*'а,²
Успех на службе ждал тогда,
И тихим шагом в три приема
Шли люди в люди в те года.
Нам не везло в эпоху эту,
Пришлось именья заложить,
Долг опекунскому совету
Возрос, нам нечем стало жить...
Как вдруг — реформы... Стало жутко,
Но, ободрившись, думал я:
Всё это так... всё это — шутка,
Нас вспомнят... Мы — особь статья!

Но нет! Крестьянам очень ловко
Отрезан был от нас надел,
Сословных прав нивелировка
Пошла, и глядь — мы «не у дел».
В суде мы — нуль, и в земстве тоже
Наш голос часто очень слаб...

¹ Выскочек (франц.).— *Ред.*

² Дворянина (франц.).— *Ред.*

Что ж, неужели же, о боже,
И впредь так будет?.. О, когда б
За наше право крепостное,
За роскошь барского житья
Нам дать хоть что-нибудь такое,
Чтоб были б мы — особь статья.

Пусть даже в формах либеральных
В отчизне ход нам будет дан,
Взамен традиций феодальных
Пусть воскресят боярский сан,
Дадут нам власть, значение лорда.
Нам не по сердцу было б, что ль,
И право так держаться гордо,
И политическая роль,
И средства жить полуцарями?
Нет! ряд реформ — галиматья,
Коль прежде не займутся нами,
Ragbleu!¹ Ведь мы — особь статья!

1870

356. <ДИАЛОГ ВЕРСАЛЬСКОГО И ПАРИЖСКОГО ХОРА>

Хор версальский

Мы — домовладельцы, мы — владельцы ренты.

Хор парижский

Ваши квартиранты мы, мы — рабочий класс.

Хор версальский

Нет, вы — коммунисты, воры, инсургенты...

Хор парижский

Вы ж — эксплуататоры обнищавших масс.

Хор версальский

В нас все средства Франции, мы — ее богатство.

Хор парижский

В нас вся сила Франции, мы — ее весь труд.

¹ Черт возьми! (Фраиц.) — *Ред.*

Хор версальский

Не платить по векселю — это святотатство.

Хор парижский

Грех долги там требовать, с голоду где мрут.

Хор версальский

Плата за квартиру — это долг священный!

Хор парижский

Без квартир прикажете околеть, что ль, нам?

Хор версальский

Нет, платить вы можете; смолк ведь гром
военный.

Хор парижский

А найти мы можем ли сбыт своим трудам?

Хор версальский

Мы не виноваты, если вы фортуною
Несколько обижены... божья воля тут.

Хор парижский

Нет, пускай обсудится городской коммуною
Всё, как капитал заедает тяжкий труд.
Пусть решит сомнения голос всей столицы.

Хор версальский

Голос массы уличной? Это пустяки!
Вас в Париже тысячи, нас же единицы...

Хор парижский

Ну так пусть все прения порешат штыки.

1871

Развивать он бойко стал
 Прежние традиции,
Он всю Францию отдал
 Под надзор полиции,
Прихоть он свою зовет
 Волею народною,
А республикою — гнет
 Над страной свободною.

1871

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

Николай Степанович Курочкин, старший брат редактора «Искры» В. С. Курочкина, родился в Петербурге 2 июня 1830 г.

В 1848—1854 гг. он учился в Медико-хирургической академии. По окончании академии служил некоторое время окружным врачом пяти уездов Петербургской губернии, врачом Ораниенбаумского госпиталя, а затем отправился в Крым в действующую армию. После войны, выйдя в отставку, занялся частной практикой и принимал больных в Максимилиановской больнице. В 1858—1859 гг. служил врачом в Русском обществе пароходства и торговли и в связи с этим много путешествовал: побывал в Западной Европе, на Кавказе, в Сирии и Египте.

Литературой Курочкин стал заниматься на школьной скамье. Сохранился листок из гимназического журнала, выходившего под его редакцией.¹ Еще гимназистом, в 1847 г., Курочкин поместил в «Репертуаре и пантеоне» (№ 9—10) перевод романа А. Гуссе «Три сестры», в студенческие годы сотрудничал в «Сыне отечества» (повесть «Недоразумение» — 1850, № 12, стихи, переводы, фельетоны), а в начале 1860 г., вернувшись в Петербург, совсем бросил медицину и посвятил себя исключительно литературе.

Курочкин был деятельным сотрудником «Искры» с первого же года ее существования. Он печатался в «Искре» под многочисленными псевдонимами (Пр. Преображенский, Хрисанф Тюптетьев, Илья Чичервинкин и др.²). Курочкин принадлежал к руководящему ядру «Искры»; он принимал близкое участие в редакционной работе, в борьбе журнала со всеми устоями самодержавно-бюрократического государства, с реакционной журналистикой и литературой, с идеалистической философией (борьба Курочкина за материалистическое мировоззрение нашла свое выражение в большом цикле его фельетонов «Житейские выводы и измышления», печатавшемся в «Искре» на протяжении двух лет, и в ряде других произведений). Из произведений Курочкина совершенно ясно его отношение

¹ Рукоп. отд. Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, собр. П. Я. Дашкова.

² Не принадлежат Курочкину приписывавшиеся ему ранее псевдонимы: Пр. Владимирский и Пр. Вознесенский.

к реформам 1860-х годов (см., напр., отклик на судебную реформу — «Утешение в разлуке»), в том числе к крестьянской реформе 1861 г. Об этом имеется также не вызывающее никаких сомнений свидетельство современника. «Странно,— говорил Курочкин в 1864 или 1865 г.,— что до сих пор так ликуют и утешают себя настоящими и будущими реформами, которых ждет та же участь, что и крестьянскую реформу. Обкорнают, урежут, сократят, объяснят каждую из них так, что все новое совершенно сведут на нет».¹

Курочкин печатал в «Искре» и публицистические статьи, и фельетоны, и драматические сцены (в прозе и стихах), и переводы, и оригинальные стихотворения. Лирика занимает сравнительно небольшое место в его поэтическом творчестве этих лет; стихи Курочкина разнообразны, но тяготеют по преимуществу к жанру сатирического фельетона. К 1862—1863 гг. относится цикл путевых впечатлений, корреспонденций в стихах, из которых в настоящий сборник включены «Ода на Него» и «Ода на современное состояние Франции». В них ненависти к режиму Наполеона III сопутствует преклонение перед революционным прошлым Франции. У Курочкина, как и у других искровцев, неоднократно встречаются стихотворения, написанные в форме монолога, вложенные в уста сатирического персонажа, имитирующие его образ мыслей и фразеологию. Хотя Николай Курочкин и не владел стихом столь виртуозно, как его брат Василий или Д. Д. Минаев, стих его подчас бывал тяжеловат и даже неуклюж, многие его стихотворения отличаются не только политической остротой, но и тонкой художественной формой; так, в сценке «Утешение в разлуке» весело и умело использованы популярные романсные размеры и интонации.

Журнальная и редакционная работа Курочкина не ограничивалась «Искрой». В 1861—1862 гг. он несколько месяцев редактировал журнал «Иллюстрация»,² в 1865—1867 гг.— «Книжный вестник», который превратил в боевой журнал демократического направления. По его собственному свидетельству, в «Книжном вестнике» рассеяно много его рецензий и небольших статей, напечатанных без подписи.³ Официальным редактором «Книжного вестника» Курочкина не утвердили, так как, по отзыву III Отделения, он «не представляет достаточных ручательств в благонадежности».⁴ В 1867 г. под редакцией Курочкина вышел также

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни. 1964. Т. 2. С. 339.

² См.: Бушканец Е. Г. Н. С. Курочкин — редактор «Иллюстрации» // «Революционная ситуация в России в середине XIX века». М., 1986.

³ См. анкету Курочкина из собрания библиографа Н. Я. Агафонова («Лит. наследство». М., 1949. Т. 51/52. С. 342).

⁴ В и н е р Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник». Л., 1950. С. 132. Больше чем через десять лет, в 1876 г., по поводу ходатайства о разрешении журнала «Библиографический листок», III Отделение писало, что несколько петербургских литераторов иамереваются возобно-

«Невский сборник». В разное время Курочкин сотрудничал, кроме того, в «Московской медицинской газете», журналах «Век», «Гудок» 1862 г., «Время», «Русский мир», «Дело», в газетах «Очерки», «Современное слово»,¹ «Гласный суд»; в последней он заведовал отделом иностранной политики.

Еще в 1849 г., студентом I-го курса Медико-хирургической академии, Курочкин посещал кружок петрашевца С. Ф. Дурова и в связи с этим привлекался к допросу следственной комиссии по делу петрашевцев.² Через двенадцать лет, в 1861 г., он вступил в революционное общество «Земля и воля», а в 1862 г. был избран кандидатом в члены его центрального комитета.³

В 1862 и 1863 гг. Курочкин был за границей, в том числе в Лондоне, и, без сомнения, встречался с Герценом, хотя и утверждал на допросе в следственной комиссии по делу Каракозова, что видел Герцена только на всемирной выставке, но ни в какие сношения с ним не входил.⁴ То, что Курочкин был в дружеских отношениях с Герценом (правда, в более поздние годы), засвидетельствовано рядом современников, да и самим Герценом. «К(урочкину),— писал он А. П. Пятковскому 5 марта 1869 г.,— кланяйтесь дружески. Скажите ему, что сын мой женился» и т. д.⁵ К Герцену, сообщает в своих воспоминаниях Пятковский, Курочкин, «кроме уважения, питал еще какую-то сердечную нежность, как к человеку рыцарского характера, с которым он познакомился лично во время своих заграничных путешествий».⁶ Курочкин был в близких отношениях и с другими представителями революционной эмиграции. Летом 1864 г., в связи с планами реорганизации «Колокола», выдвигавшимися «молодой эмиграцией», Н. И. Утин писал Огареву, что в реорганизованном «Колоколе», кроме него, могли бы сотрудничать В. И. Касаткин, М. С. Гулевич, Л. И. Мечников «и даже Курочкин мог бы кое-что писать,

вить «Книжный вестник», выходивший под редакцией Курочкина и других и имевший «крайне вредное влияние на литературные вкусы публики» (Дело 3-й экспедиции III Отделения, 1876, № 16, ч. 1 // Центр. гос. архив Октябрьской революции (далее: ЦГАОР), ф. 109.

¹ Сохранились интересные письма к Курочкину редактора «Современного слова» Н. Г. Писаревского, дающие возможность установить принадлежащие ему корреспонденции из-за границы // ЦГАОР, ф. 95, оп. 2. Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, 1866, № 155. Л. 18—21 об.

² Петрашевцы. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 360; «Дело петрашевцев». М.; Л., 1951. С. 205, 248, 279—280.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч., Пб., 1920. Т. 16. С. 74, 85.

⁴ Производство... следственной комиссии, 1866, № 203. Л. 43// //ЦГАОР, ф. 95, оп. 1.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1964. Т. 30, кн. 1. С. 52.

⁶ Пятковский А. Две встречи с А. И. Герценом // «Наблюдатель». 1900, № 2. С. 294—295. О своем знакомстве с Герценом Курочкин рассказывал и П. Д. Боборыкину; см.: Боборыкин П. Д. Воспоминания. 1965. Т. 2. С. 137.

ибо личность талантливая».¹ Другом Герцена и Мадзини, Лаврова и Бакунина называет Курочкина В. В. Тимофеева.² С 1862 г. в связи со сведениями о его сношениях с «лондонскими пропагандистами», т. е. Герценом и Огаревым, Курочкин состоял под секретным наблюдением полицейских органов.³ В 1865 г. Курочкин был охарактеризован ими как «давно известный своим вредным направлением».⁴

В 1863 г. во Флоренции Курочкин сблизился с кружком русской революционной молодежи, и особенно с Н. Д. Ножиным. Здесь был и его старый знакомый гарибальдиец Л. И. Мечников. Ножин был впоследствии тесно связан с петербургским революционным подпольем. Был связан с ним и Курочкин. Курочкин встречался с его главными деятелями, в том числе с И. А. Худяковым, был осведомлен о том, что там делалось, знал, по-видимому, о готовящемся покушении на Александра II.⁵ После каракозовского выстрела Курочкин не только был арестован, наряду с другими «неблагонадежными» литераторами, за сотрудничество в журналах «крайнего направления», но, кроме того, был привлечен к следствию по каракозовскому делу. Четыре месяца он просидел в Петропавловской крепости и по освобождении был подчинен полицейскому надзору.

По отзывам многих современников, Курочкин был глубоко преданным литературе, умным и остроумным, разносторонне образованным человеком, прекрасным собеседником. Курочкин «имел огромное влияние на мое развитие,— писал Н. А. Лейкин.— ...Благодаря ему я приохотился к серьезному чтению и расширил свой кругозор. Он натолкнул меня на чтение книг естественнонаучного и философского содержания».⁶ Он тепло относился к молодым, начинающим писателям и оказывал им всяческую поддержку. Н. К. Михайловский называет Курочкина своим «литературным крестным отцом»: «Он приютил и кормил меня в трудное время, никогда ничем не давал мне почувствовать, что делает одолжение».⁷ «Он

¹ «Лит. наследство». М., 1955. Т. 62. С. 657—658.

² То — ва В. (Починковская). Г. И. и А. В. Успенские // «Минувшие годы». 1908, № 2. С. 278.

³ Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб., 1908. С. 116. Подозрения о связях Курочкина с Герценом зафиксированы и в ряде более поздних документов, 1866 и 1870 гг.— см.: Производство... следственной комиссии, 1866, № 163. Т. 2. Л. 88; № 203, Л. 58 и 58 об. (ЦГАОР, ф. 95, оп. 1). В 1870 г. Курочкину на этом основании было отказано в выдаче заграничного паспорта.

⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Пб., 1922. Т. 17. С. 363—364.

⁵ О знакомстве Курочкина с Ножиным и его революционных связях середины 1860-х годов см. статью Е. Колосова «Н. К. Михайловский в деле Каракозова» («Былое». 1924, № 23) и книгу Е. Л. Рудницкой «Шестидесятник Николай Ножин» (М., 1975, по указ.).

⁶ «Н. А. Лейкин в его переписке и воспоминаниях». Спб., 1907. С. 169.

⁷ Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. Спб., 1905. Т. 1. С. 49.

же меня впоследствии и в «Отечественные записки» ввел».¹ Многие другие писатели с уважением вспоминали о Курочкине, об интересных встречах и разговорах с ним. Так, в 1886 г., прочитав «Пестрые письма» Щедрина, Н. И. Наумов писал А. М. Скабичевскому: «Целый день я ходил как ошалелый под влиянием их, и окружающая мерзость показалась, наконец, до того мерзостной, что хоть в гроб ложись... и припомнились мне слова покойного Николая Курочкина: „Мало того, что в гроб положили, еще и свинцовой крышкой прихлопнули!“»²

Разностороннее образование сказалось в ряде статей Курочкина. Он писал по вопросам литературы (о Минаеве, А. К. Толстом, Берне, Эркман-Шатриане) и медицины; ему принадлежат статьи о современном положении Франции, о тюрьмах, о съезде естествоиспытателей, об ассоциациях, о Прудоне, о Рошфоре,— и обо всем он писал дельно, толково и вместе с тем политически остро. Он принимал участие в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1863—1864). Знание французского и итальянского языков определяло круг его переводческой деятельности. Он переводил Джустини, Порта, Альфиери, Гюго, Бодлера, Набо, Коппе и др.; перевел несколько пьес, которые неоднократно ставились на сцене столичных и провинциальных театров («За монастырской стеной» Л. Камолетти и др.). Кроме того, под его редакцией были переведены книги Прудона «Искусство, его основания и общественное значение» и Макиавелли «„Государь“ и „Рассуждения на первые три книги Тита Ливия“».

С 1868 г. основной становится для Курочкина работа в «Отечественных записках», перешедших в руки Некрасова. В течение четырех лет он заведовал библиографическим отделом журнала и заменял Некрасова и Салтыкова, когда они уезжали из Петербурга. Курочкин печатал в «Отечественных записках» стихи, критические и публицистические статьи, рецензии, переводил иностранные корреспонденции и романы. В конце 1860-х годов он принимал также близкое участие в редакционном кружке газеты «Неделя», где благодаря ему был напечатан цикл фельетонов Герцена «Скуки ради».

С начала 1870-х годов Курочкин тяжело болел, а последние несколько лет своей жизни был прикован к постели, не оставляя, однако, литературной деятельности. В 1870—1880-х годах Курочкин кроме «Отечественных записок» печатался в «Пчеле» Микешина, «Устоях», «Русском богатстве» (он был членом артели «Русского богатства»), «Слове», «Наблюдателе».

Имеются указания на сотрудничество Курочкина в газете «Вперед» П. Л. Лаврова.³

¹ Там же. С. 17.

² Наумов Н. И. Собр. соч. Новосибирск, 1940. Т. 1. С. 356.

³ Голицын Н. Н. История социально-революционного движения в России. 1861—1881. Глава десятая. Спб., 1887. С. 61.

По инициативе Курочкина и Гл. Успенского, с которым он был в дружеских отношениях, в 1875 г. во французской газете «Le harpet» была помещена статья парижского корреспондента «Отечественных записок» Л. Шассена о Чернышевском.¹

До конца жизни Курочкин не изменил своим убеждениям. Годы реакции не привели его, как многих, к теории «малых дел». В его лирике появляются, правда, мотивы подавленности, безнадежности, но зато его сатира по-прежнему звучит язвительно. Уже в последние годы своей жизни он напечатал в «Наблюдателе» ряд сатирических стихотворений, создав литературную маску поэта — околоточного надзирателя Ефима Скорпионова.

Курочкин умер 2 декабря 1884 г.

¹ Тверттингов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Спб., 1906. С. 75.

358. ПОСЛАНИЕ К Н. Л. ГНУТУ

(ПОДРАЖАНИЕ ЯЗЫКОВУ С ЧЕТЫРЬМЯ
БЛАГОПРИБРЕТЕННЫМИ У НЕГО СТИХАМИ)

Плохих певцов плеяде бледной
Тебе судил могучий рок
Нравоучительно-победный,
Хоть жесткий преподать урок!
Чад незаконных Аполлона
Хоть и невесело колоть —
Но сорных трав и с Геликона
Не запрещается полоть.
Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков.
*Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки!*

1860

359. ДУРНЫЕ ВЕСТИ

Тяжесть какая-то жить не дает...
Каждый день вести дурные несет...
Умер один, застрелился другой,
Этот во гробе одною ногой,
Этот исчез. А ведь нет и недели,
Как и еще одного мы отпели
И опустили на вечный покой...
Что ж это? воздух ли нынче такой?..

Время ль такое для нас подошло?
Стало ли жить всем невмочь тяжело,

И от страданий и слез пролитых
Даже нет силы дышать у живых?..
Просто не веришь, на самом ли деле!
И утешаешь себя: не во сне ли...
Только нет мочи от горьких вестей,
Да и кругом всё пустей и пустей!..

Или всегда уж на свете так было,
Или так нужно, чтоб юность и сила,
Жажда свободы и творческий труд
В ранних гробах находили приют?
Что ж?.. покоряясь бесстрастной судьбе,
Тихо угаснем в неравной борьбе...
С верой, что вызовут наши гробы
Новое племя для новой борьбы.
(1862)

360. ДЕВА И ЖРЕЦЫ

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ВРЕМЕН ДОИСТОРИЧЕСКИХ)

Действие — в капище, посвященном Эскулапу.

Д е в а

Отцы-целители и столпники науки,
Пред сонм ваш жреческий предстать дерзаю я
И с кроткою мольбой к вам простираю руки...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Post hoc¹ поведай нам, о чем мольба твоя...

Д е в а

Надежда робкая и твердое желанье
Направили, отцы, мои стопы сюда.
Сознала я в себе высокое призванье,
Мне тяжело жизнь влачить без пользы и труда!
С младенчества глядеть я не могла без муки
На горе страждущих, на бедствия людей
И просветить хочу свой разум днем науки,
Чтоб быть полезною им помощью моей...
Хочу, целители, учиться медицине.
Хочу трудиться я... и после быть врачом...

¹ После этого, затем (лат.). — *Ред.*

В е р х о в н ы й ж р е ц

(строго)

Держите вашу речь в сем храме по-латыни,
По-русски не пойму, вы просите о чем...

Д е в а

Увы! я языком Галена не владею,
Но просьба так моя понятна и проста...
Я в жизнь хочу внести известную идею,
Что дверь научная напрасно закрыта
Для женщины рукой обычая фатальной...
Пора, давно пора рассеять этот мрак!..

В е р х о в н ы й ж р е ц

Ты хочешь бабкою быть, верно, повивальной,
Иначе речь твою я не пойму никак...
Что ж? смело хоть сейчас беритесь за работу,
Диплом экзамена у нас бывает мздой,
Экзамен в капище сем каждую субботу
Во весь учебный год идет своей чредой...

Д е в а

Нет, смысл мольбы моей понять вы не хотите.
Я знания ишу — хочу природу знать,
Меня на лекции вы только допустите,
А лекарский диплом от вас зависит дать,
Когда, окончив курс науки человека,
Своими знаньями его я заслужу...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Таких безумных слов я не слыхал от века,
И смысла здравого я в них не нахожу...
Смешно опровергать нам просьбу вашу, право...
Для женщин нет еще у нас врачебных мест...
Лечить, сударыня, больных — мужское право!..

(Обращаясь к жрецам.)

Nos verbum virginis, Eheu! absurdum est!

О д и н и з ж р е ц о в

Eheu!

Второй жрец
Me Hercule! ¹

Третий жрец
Scandala medicinae! ²
Какого зрелища свидетелем я ныне!..

Общие рыдания.

Верховный жрец
(звонит для произведения спокойствия)

Не время вздохами и жалкими словами
Нам гнев свой выражать на деву, о жрецы!
Рассудим обо всем спокойно, между нами,
Составимте совет... и пусть во все концы
Молва народная несет решение наше...
Пусть в даль грядущую веков оно пройдет...
Скажите, например, Бомбастус, мнение ваше,
А после прочие сочлены в свой черед...

Бомбастус
Я, с ясностью своей взглянув обыкновенной,
В словах бесхитростных то мнение изложу:
В мольбе бессмысленной сей девы дерзновенной
Злоумышление я прямо нахожу...
Сим наглым стимулом, невиданным афронтом,
Собратья! поражен я более вас всех...
Клянусь Фалесом я, Драконом и Гельмонтом:
На нашу практику свершается набег!
Не верьте в женщинах стремлению к науке!
И если деву мы допустим быть врачом,
Погибнем с голоду и мы и наши внуки...
Без славы, без больных, оставшись ни при чем...

Хор жрецов
В словах Бомбастуса высокой правды много.
Pro Dei pomini ³ — сомненья в этом нет...

¹ — Увы! слова девы бессмысленны! — Увы! — Клянусь Геркулесом! (Лат.) — *Ред.*

² Скандал для медицины! (Лат.) — *Ред.*

³ Во имя бога (лат.) — *Ред.*

Верховный жрец

Итак, о женщина! иди своей дорогой...
Вот на мольбу твою единственный ответ...
Скорее удались!..

Деву уносят из храма.

А мы об этом диве
Еще недели три подумаем слегка,
Составим протокол — и *tabulae votivae*¹
Его перенесут в грядущие века!

1862

361. УТЕШЕНИЕ В РАЗЛУКЕ

(ДУЭТ НА ГОЛОС: «ПЛОВЦЫ»)

По реке вниз по широкой
(Говорить не нужно где)
Взятку гонят в край далекой
Изменения в суде.

Река шумит
Река ревет,
Власы чиновник
На бреге рвет:
Сердит, и страшен,
И злобы полн,
Глядит, как взятку
Уносит челн!..

Чиновник

(тенор)

О друг души моей, прощай!..

Взятка

(дискант)

Дитя! утешься, не рыдай!
Не верь в беду, пока прогресс
Еще для многих — темный лес...

¹ *Tabula votiva* (лат.) — табличка с надписью или изображением, которую в древности вывешивали в храме — в исполнение обета и в благодарность божеству за избавление от смертельной опасности.— *Ред.*

Ч и н о в н и к

Ах! как не верить мне, когда
Нет больше старого суда...
И чтоб тебя увидеть вновь...

В з я т к а

Уменье нужно и любовь:
Умей в суде
Найтись в беде
Всех — провести,
Меня — ввести!..

Ч и н о в н и к

Но как?.. Но как?..

В з я т к а

Ты не дурак...

Ч и н о в н и к

Совет подай...

В з я т к а

Изобретай!!!

—

Река шумит,
Река ревет —
Но уж чиновник
Волос не рвет...

Ч и н о в н и к

Помедли, друг! не уезжай!..

В з я т к а

Довольно выть! домой ступай!
Уже тебе сказала я:
Найтись умей — я вновь твоя.

Ч и н о в н и к

Но как найтись?..

В з я т к а

Лишь не ленись...
И вновь вдвоем
Мы в жизнь войдем...

Ч и н о в н и к

Войдем?.. прости...

В з я т к а

Войдем!.. прощай!..

Ч и н о в н и к

Изобрести?!!!..

В з я т к а

Изобретай!!!..

1862

362—363. ПАРИЖСКИЕ ОДЫ

1

ОДА НА «НЕГО»

Lui, toujours lui!..¹

«Он! всюду Он!» — как тот Наполеон,
Собой Гюго когда-то вдохновивший,
Во всем, везде, повсюду виден Он,
На всё, на всех свой гений наложивший!
Во всем Его с восторгом тайным зрю,
Везде Его я мыслью прозреваю...—
На новые ль казармы посмотрю,
Зуава ли на улице встречаю...
Дивлюся ли бульваров широте,
Заслышу ль звук знакомый барабана,
Шевара ли замечу в тесноте,
Следящего глазами Жан Вальжана!
Услышу ли случайно, как Сенат
Любой вопрос в стенах своих решает,
Войду ль порою в Люксембургский сад,
Где тишь да гладь... Его напоминает!

¹ Он, всегда он!.. (Франц.) — *Ред.*

Сижу ль в кафе с газетою в руке
И новый в ней «авертисман»¹ замечу
Иль, господи прости, соттипикé²
В одном столбце два раза сряду встречу,—
Он, всюду Он, опять и снова Он,
Французам ум и волю заменивший...
Он, наглухо, на всё, со всех сторон,
Как бандероль, свой гений наклеивший!..

2

ОДА НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ

Ты ль это, Франция, о коей с юных лет
Наслушался я столько разных страхов
(В те дни, когда еще о жителях планет
Своих словес не изрекал нам Страхов)?
Ты ль предо мною, буйная страна,
С конвентами, народом, гильотиной,
Европы вождь... будивший ото сна
Всё, что кругом баюкалось рутиной!
Где без боязни гражданин-герой
На плаху шел за мысль свою когда-то,—
Мой детский сон смущавшая порой
Неотразимым образом Марата!..
Где после дважды черни страстный крик
На баррикадах грозно раздавался,
А дряхлый мир — глухой, слепой старик,
Дрожа за жизнь, от ужаса терялся!..
Ты ль предо мной!.. иль прошлой славы сон
Навеки свеян чутким аквилонном...
И сам Париж — сей буйный Вавилон —
Стал в наши дни — *клубничным Вавилоном!*..
Канкан, канкан, опять и вновь канкан,
Горят огнем *широкие* бульвары,
Весь день гремит и стонет барабан,
Снуют толпой усердные мушары...³
И сладко мне! я вижу, победил
Рассудок — черни дикие мечтанья.

¹ Avertissement (франц.) — уведомление, объявление, предупреждение.— *Ред.*

² Правительственное сообщение (франц.) — *Ред.*

³ Mouchards (франц.) — шпионы.— *Ред.*

И буржуа надежно оградил
На долгий ряд годов свои стяжания...
Так пусть прошедшее французов в наши дни
Шальной поэт на жалкой лире славит...
Его мальчишки слушают одни!
Солидный взгляд — его мечты раздавит!
Пускай поет!.. что было — то прошло...
Утопий вздорных не вернуть стихами,
Прошедшего все ужасы и зло
Давно Скарятин доказал статьями,
Ему поверь... бессилье тщетных слов
Он жизненным узнал экспериментом...
И в оны дни за это сам Катков
Его держал своим корреспондентом!

1863

364. В РЕСТОРАНЕ

(в прошлом году)

Мальчик! карту! два прибора,
Джину, пирожков...
Ну-с, так вновь для разговора
С вами я готов.
Увеличивать напрасно
Незачем беду;
Верьте, жрут они прекрасно
Мох и лебеду...
Дай сюда!.. составлен глупо
Нынче ваш обед,
Дайте просто: устриц, супу,
С зеленью котлет,
Да пулярку пожирнее
Или... каплуна...
Каплуна!.. каплун вернее.
Карточку вина!

Вы напрасно всё поете,
Что мужик забит...
Вот и карта... что вы пьете —
Нью или лафит?
Или белого хотите?
Если всё равно,

Так лафиту... но смотрите,
Подогреть вино.
В три рубли! зачем? оставьте:
Moi, je paus¹ весь счет,
Да бутылки две поставьте
Редереру в лед!
Finissez donc² ваши речи,
Вас я не хочу
Разорять для нашей встречи
И за всё плачу...

Вот и джин... царапнем, что ли?
Настоящий он...
Не от голода, от воли
По России стон!
Я проездом видел, точно,
Есть кой-где беда,
Но зато ведь как порочна
Грубая среда!
Пьянство, буйство, лень повсюду,
Лишь на злое прыть;
Как же, спрашиваю, худу
В наши дни не быть?
Изленились — так за это
Кое-где и мрут,
Остальное всё газеты
Из злорадства врут.
Franchement,³ я враг до смерти
Мнений через край,
И у нас не голод, верьте,
А неурожай...

1868

365

Честным я прожил певцом,
Жил я для слова родного.
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

¹ Я плачú (франц.).— *Ред.*

² Кончайте же (франц.).— *Ред.*

³ Откровенно говоря (франц.).— *Ред.*

Пел и боролся со злом
Силой я смеха живого...
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

1875 или 1876

366. НЕКРАСОВ

«Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ,
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет!» —
Так о себе в час скорбного волненья
И тягостной борьбы с самим собой
Сказал поэт народного терпенья,
Теперь уже отшедший в мир иной,
Когда просил, сознав, что непогодам
Противиться в нем силы сломлены,
За каплю крови, общую с народом,
Он родину простить его вины.
И — он свершил вполне свое призванье,
Он к страждущим — сочувствие привлек,
Расслушал стон народный и рыданья
И в звуки их могучие облек,
И осветил народа путь тернистый
Сознания лучами... этот свет
В грядущем мрак рассеет ночи мгlistой,
Всё сбудется, о чем мечтал поэт!
Недаром с музой мести и печали
Он пережил всю скорбь страны родной,
Недаром песни все его звучали
Такой глубокой правдой и тоской!
Да почиет же в мире!.. Увлеченья
Все музою его искуплены,
И не зачтет, поняв его значенье,
Никто за ним и никакой вины.

5 января 1878

Тарас Шевченко

367. К МУЗЕ

И ты, прекрасная, святая,
Подруга Феба молодая,
Меня в объятия взяла
И, с колыбелью разлучая,
Далеко в поле отнесла!
Там на могилу положила,
Туманом сизым обвила...
И на раздольи ворожила
И петь и плакать начала!..
То были чары... чаровницы!
Везде и всюду с этих пор,
Как светлый день, как луч денницы,
Горит на мне твой дружный взор!

В степи безлюдной, вдалеке
Блистала ты в моей неволе
В моем страдальческом венке,
Как пышный цвет сияет в поле!
В казарме душной... надо мной
Ты легким призраком носилась,
И мысль тревожно за тобой
На волю милую просилась!
Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила,
И душу мне — живой водой
Ты благотворно окропила!

Пока живу я — надо мною
Своей небесною красою
Свети же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! В ночи,
И ясным днем, и вечерами
Ты людям истину учи
Вещать нелживыми устами.

За край любимый, край родной
Мне помоги сложить молитву
И в самый час последний мой,
Как я закончу жизни битву,
Не покидай меня — пока
Последний свет в очах не сгинет,
Поплачь о мне хотя слегка,
И пусть тогда твоя ж рука
И горсть земли на гроб мой кинет!..

1860

Д ж у з е п п е Д ж у с т и

368. ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вот в красе своей всецелой
Допотопный идиот,
Экземпляр окаменелый
Исчезающих пород.
Он в безделье и досуге
Дни проводит напролет
И, вращаясь в светском круге,
Пьет и курит, ест и врет.

Пуст душой, но сложен плотно,
По подобию быка,
Он десятки лет охотно
Роль играет мотылька.
Вечно с дамами любезно
Светский вздор им городит
И бесплодно, бесполезно
Только землю тяготит.

Умирая сам от скуки,
Он — стране своей чужой,
Презирует он науки,
Называя их чумой;
Но за это без умолку
По часам толкует он,
Не без чувства, не без толку,
О покрое панталон.

За любовное свиданье
Он отдать бывает рад
Совесть, честь и состоянье
И идти хоть в самый ад.
Пусть кипит и жизнь и пресса
В вечном шуме вокруг него —
В них нисколько интереса
Он не видит своего.

Только в лени, только в неге
Да в обжорстве он силен
И в невежества ковчеге
От житейских зол спасен;
Но хотя от древа знанья
Не отведал он плода,
Жизнью разные познанья
Приобрел он без труда.

В удовольствиях охоты
Зоологию узнал
И, уплачивая счета,
Математиком он стал;
В ресторанах титул лестный
Гастронома заслужил
И практически-известный
Ряд рецептов изучил...

Он искусства мир в балете
Изучил со всех сторон;
Королей начтет в пикете
До четырнадцати он.
С географией немало
Он трущоб ночных знаком
И в истории... скандала
Всеми признан знатоком.

⟨1866⟩

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

Петр Исаевич Вейнберг родился 16 июня 1831 г. в Николаеве, в семье нотариуса. В том же году семья переехала в Одессу. Вейнбергу не было и пяти лет, когда его отдали в пансион известного впоследствии педагога В. А. Золотова; затем он учился в гимназии при Ришельевском лицее и на юридическом факультете лицея. В отличие от пансиона, о котором у Вейнберга сохранились прекрасные воспоминания,¹ в лицее господствовали рутина и формализм. В 1850 г. Вейнберг перевелся на историко-филологический факультет Харьковского университета, который и окончил через четыре года.

После окончания университета он попал в Тамбов, где служил чиновником особых поручений при губернаторе К. К. Данзасе и редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей». «Здесь пробыл я три года, — писал Вейнберг в автобиографии, — и до сих пор не могу вспомнить без содрогания об этом времени глупого, праздного и бесцельного существования, которое совсем бы засосало меня, если бы я не вырвался из него».²

Началом своей литературной деятельности он считал перевод драмы Жорж Санд «Клоди», напечатанной в декабре 1851 г. в журнале «Пантеон и репертуар» без имени переводчика. В 1854 г. в Одессе вышла небольшая книжка «Стихотворения Петра Вейнберга», в которой были собраны переводы из Горация, А. Шенье, Гюго, Байрона и несколько оригинальных стихотворений. Наконец, в 1856 г. Вейнберг впервые выступил в большом столичном журнале; он послал М. Н. Каткову несколько своих стихотворений, а тот, приняв их за переводы, напечатал в «Русском вестнике» под заглавием «Из Гейне».

В 1858 г. Вейнберг переехал в Петербург и быстро сблизился с литературными кругами. Он стал активно сотрудничать в «Библиотеке для чтения» (причем во время редакторства А. В. Дружинина был его помощником), «Современнике», «Сыне отечества», «С.-Петербургских ведомостях», где печатались его стихи, переводы, статьи и фельетоны. Сразу же после переезда в Петербург Вейнберг выступил и как юморист — в журнале «Весельчак» появились его большой стихотворный цикл

¹ См.: Вейнберг П. Из моих школьных воспоминаний // «Рус. школа». 1890, № 8.

² «Минувшие годы». 1908, № 8. С. 173.

«Мелодии серого цвета» и серия фельетонов «Жизнь и ее странности».

В 1860 г. в «Колоколе» Герцена (№ 77—78) появилось (разумеется, без указания имени автора) стихотворение Вейнберга «Гибкий человек» — сатира на М. И. Топильского, ближайшего сотрудника одного из столпов реакции, министра юстиции и председателя редакционных комиссий В. Н. Панина.¹

В 1861 г. Вейнберг редактировал еженедельный журнал «Век», который издавался при участии А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и В. П. Безобразова. Журнал был весьма умеренным по своему политическому направлению, не имел успеха и доставил Вейнбергу немало огорчений. Он напечатал в «Веке» бестактный фельетон о некоей Е. Э. Толмачевой, которая-де, нарушив все правила благопристойности и нравственности, прочитала на литературном вечере в Перми «Египетские ночи» Пушкина. Фельетон этот вызвал резкие нарекания со стороны радикальной журналистики. Уже в старости Вейнберг сделал попытку оправдаться — этому эпизоду посвящены его воспоминания «Безобразный поступок „Века“»².

«Век» не принес Вейнбергу ничего, кроме долгов, и для их ликвидации он принужден был поступить на службу в Главное интендантское управление. «Здесь тяжелый литературный труд в разных журналах, — читаем в его автобиографии, — который я должен был нести и для существования и для уплаты долгов, чередовался у меня с докладами о заготовлении фуража для разных пехотных и кавалерийских полков и о тому подобных предметах».

С самого возникновения «Искры», с ее первого номера, вплоть до 1866 г. Вейнберг активно сотрудничал в ней. Он печатал в «Искре» оригинальные стихи — преимущественно юмористические, переводы, обличительные фельетоны против откупщиков, цикл фельетонов «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений „Искры“» и т. д. и т. д. В первые годы существования «Искры» Вейнберг не только принадлежал к числу ее ближайших сотрудников, но и принимал участие в редакционной работе. О своем сотрудничестве в «Искре» Вейнберг тепло вспоминает в упомянутой выше статье «Безобразный поступок „Века“». Уже одно из первых его стихотворений, появившихся в «Искре», — «На Невском проспекте» — вызвало негодование властей предержащих. И впоследствии его произведения не раз привлекали к себе внимание цензуры.

¹ См.: Бушканец Е. Г. О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена // «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка». 1959, вып. 1. С. 61—64. До этой статьи считалось, что Вейнберг является автором другого стихотворения, напечатанного в «Колоколе», — «Иакову Ростовцеву в день его юбилея».

² «Историч. вестник». 1900, № 5.

Кроме указанных выше журналов Вейнберг в 1860-е годы сотрудничал в «Русском слове» (редактировал некоторое время библиографический отдел), в «Гудке» 1862 г., «Иллюстрации» и др.

Большинство своих юмористических стихотворений Вейнберг печатал под псевдонимом «Гейне из Тамбова». В 1863 г. он издал их отдельным сборником «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова».

В 1866—1867 гг., после ухода из «Искры», Вейнберг заведовал литературным отделом другого сатирического журнала — «Будильник». В середине 1860-х годов он предпринял также издание полного собрания сочинений Гейне в переводах русских писателей и такое же издание сочинений Гете.

Хотя и в 1860-е годы демократические взгляды Вейнберга не отличались глубиной и последовательностью и он примыкал к наиболее умеренному крылу искровцев, однако подъем общественного движения оказал на него существенное воздействие. В дальнейшем Вейнберг быстро эволюционировал к либерализму. О нем довольно язвительно сказал И. И. Ясинский: «Как были утопические социалисты, так были и утопические либералы. Петр Исаич был певцом такой утопической свободы».¹

Годы 1868—1874 Вейнберг провел в Варшаве, заведывая кафедрой русской литературы в Варшавской главной школе, а затем, когда она была преобразована в университет, и в университете. В годы своего пребывания в Варшаве он, по-видимому из материальных соображений, редактировал официозный «Варшавский дневник», что вызвало ряд сатирических откликов в «Искре».² В Варшаве Вейнберг написал ценное исследование «Исторические песни об Иване Грозном».

Вернувшись в Петербург, Вейнберг продолжал вести и литературную, и педагогическую работу. В течение пятнадцати лет он читал историю русской и всеобщей литературы на женских педагогических курсах, с 1887 г. состоял приват-доцентом Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, преподавал на драматических курсах театрального училища, читал публичные лекции на литературные темы в Петербурге и в провинции.

Вейнберг активно сотрудничал в «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина, а также в «Деле», «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Стрекозе» и других журналах и газетах.

¹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 252.

² См.: «Загробное послание Генриха Гейне» (1871, № 5); «Варшавский Коирад Лилиеншвагер» (1871, № 40). См. также резкую «справку» П. А. Ефремова об общественном поведении Вейнберга (Арх. Литературного фонда в ПД, 1875. Л. 376).

В 1883—1885 гг. он издавал журнал «Изящная литература», посвященный преимущественно переводам лучших произведений иностранной литературы, и в разные годы составил несколько сборников для школы и самообразования: «Европейский театр», «Русские писатели в классе», «Русская история в русской поэзии», «Европейские классики» и пр.

В последние десятилетия своей жизни Вейнберг был широко известен как литературно-общественный деятель: он был председателем Союза взаимопомощи русских писателей вплоть до его закрытия правительством в 1901 г. за протест против разгона студенческой демонстрации на Казанской площади, председателем Литературного фонда, организатором литературных чтений, юбилейных чествований и пр. В 1905 г. он был избран почетным академиком. Умер Вейнберг 3 июля 1908 г.

Вейнберг был одним из лучших и плодovitых переводчиков XIX века. Из немецких писателей он переводил Гейне, Берне, Гете, Шиллера, Шамиссо, Фрейлиграта, Гервега, Гуцкова, Лессинга, Ленау, Фаллерслебена, из французских — Гюго, Барбье, Коппе, из английских — Шекспира, Байрона, Шелли, Шеридана, из американских — Лонгфелло и многих других, способствуя ознакомлению с ними русских читателей. Той же задаче служили и его статьи, собранные в книге «Страницы из истории западной литературы» (1907).¹

Из оригинального творчества Вейнберга наименее интересна и самостоятельна лирика, лишь немногие образцы которой отличаются подлинным поэтическим чувством. Зато остроумные сатирические и юмористические стихотворения пользовались в свое время успехом, а лучшие из них и до сих пор не потеряли известной ценности. Одни из них представляют собою отклики на злободневные факты общественной и литературной жизни, другие затрагивают те или иные общие явления современной русской действительности: социальные контрасты большого города, спекулятивный ажиотаж, верноподданническую проповедь постепенного и медленного развития, фразерство, пресмыкательство и т. д. По преимуществу им свойственна не беспощадная бичующая сатира, а легкая насмешка и ирония. Следует особо сказать о стихотворении «Он был титулярный советник...», которое приобрело большую популярность благодаря романсу А. С. Даргомыжского. Это стихотворение, нередко оценивающееся как чисто юмористическое, написано в духе натуральной школы — гоголевской «Шинели» и «Бедных людей» Достоевского. Многие стихотворения и переводы Вейнберга были также положены на музыку Ц. А. Кюи, А. Т. Гречаниновым, М. М. Ипполитовым-Ивановым и другими композиторами.

¹ Характеристика переводческой деятельности Вейнберга, с ее сильными и слабыми сторонами, дана в книге Ю. Д. Левина «Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода». Л., 1985.

Ах ты, плут мальчишка,
Сын мой ненаглядный!
На тебя гляжу я
С нежностью жадной.

Ты идешь, каналья,
Тоже вслед за веком,
Будешь ты, я вижу,
Дельным человеком!

Полон я блаженства
И надежды сладкой,
Глядя, как ты часто
Подбежишь украдкой

К моему комоду,
Ловко ключ приладишь
И оттуда быстро
Гривенник украдешь;

И потом слежу я
В чистом наслажденьи,
Как ты эти деньги
Пустишь в обращение,

Как сестру родную
Ими ты ссужаешь
И потом с нее же
Вдвое получаешь...

Как не восхищаться,
Глядя, как порою
Ты перед вельможей
Гнешься запятою;

Как ты понимаешь,
Кто богат и знатен,
Как в делах ты ловок,
Тонок, аккуратен!

Бестия мальчишка,
Сын мой несравненный,
Ах, какой ты будешь
Рыцарь современный!

〈1858〉

370—371. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ

1

Перед стройною девицей,
Наклонившись к ней красиво,
Долговязый франтик что-то
Шепчет ей красноречиво.

Страстно девушка внимает,
Будто слышит диво-сказки,
И огнем желаний пылких
Блещут черненькие глазки.

Что же франтик долговязый
Шепчет этой деве милой?
О любви ли пылкой, вечной,
Неизменной за могилой?

О блаженстве ли высоком
Жизнь пройти одной дорогой
И любовью упиваться
Вместе в хижине убогой?

Нет, не эти речи льются
К деве франтом долговязым...
Он ей шепчет, что сегодня
Взял он триста акций разом;

Что, судя по всем расчетам,
Это чудо, а не дело
И на верных семь процентов
Положиться можно смело.

Страстно девушка внимает,
Блещут черненькие глазки,
И на франта упадает
Взор участия и ласки.

«Вот кто послан мне судьбою! —
Шепчет юное созданье...—
Семь процентов, семь процентов!
Это рай, очарованье!»

На других она не смотрит,
И не слышит комплиментов,
И, забывшись, только шепчет:
«Семь процентов! Семь процентов!»

2

Меня зовут Амур... Не тот, что в дни былые
У рыцарей сердца так сладко волновал;
Не тот, во славу чью, за очи голубые
Унылый трубадур песнь томную слагал;
Не тот, кто говорил, что «злато вещь пустая»;
Не тот, кто о чинах не думал никогда
И под окном вздыхал, меж тем как *дева рая*
Храпела у себя, бесстрастна и горда.
Нет, нет! Другой Амур — серьезный,
современный,
Холодный, как Сибирь, богатый, как она;
Амур, куда народ бежит, как оглашенный,
Где акции шумят, как бурная волна!
Не вздохи глупые, не сны, не идеалы
Амура прежнего в мечтаниях моих —
Нет, нет, в ушах звучат полуимпериалы,
И сладко я дышу, внимая звону их!

⟨1859⟩

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

⟨1859⟩

373. НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Прочь! пади с дороги!.. мчатся, словно черти,
В щегольских колясках чудо-рысаки;
Эй, посторонитесь — зашибут до смерти...
Прочь вы, пешеходы, горе-бедняки!..

Вот хватили дышлом в шею старушонку,
Вот мальчишку сшибли быстрым колесом,
Вот перевернули тощую клячонку
С Ванькой-горемыкой, с бедным седоком.

Ну, куда суетесь?.. что вам за охота
Между экипажей проходить, спеша?
— «Да нужда припала, выгнала забота,
Дети просят хлеба, денег ни гроша.

Надо ж заработать, надо же разжиться,
Ждать не будут... много нас таких живет...
Тут уж поневоле станешь суетиться;
Страшно — опоздаешь — дело пропадет!»

Полно! — это горе, эти все тревоги,
Деньги, хлеб насущный — это пустяки!
Место, горемыки, место!.. Прочь с дороги!
А не то раздавят разом рысаки.

Им вот, этим франтам, выбритым отлично,
Этим шеголихам, пышным, молодым,
Ехать тише, ждать вас вовсе неприлично,
Да и невозможно... много дела им!

Этот нынче утром должен быть с визитом
У графини Лумпе, у княгини Крак,
У Дюссо котлетку скушать с аппетитом,
Заказать портному самый модный фрак.

Этот мчит подарки к пышной Вильгельмине,
Цвету всех камелий, с кучею связей;
Этих ждут мантильи в модном магазине,
Тех — свиданья тайно от седых мужей...

Шибче, шибче мчитесь! Щедро раздавайте
Дышлами ушибы, вывихи, толчки...
Место этим барам! Место им давайте
Все вы, пешеходы, горе-бедняки!..

⟨1859⟩

374. НЕГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

Родитель мой, готовясь кинуть
Сей свет,
Мне дал такой благоразумный
Совет:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри
И всё, что только брать возможно,
Бери».

С тех пор храню я свято мудрый
Приказ,
На всё глядит с участием теплым
Мой глаз.
Не мучась в гордой, бесполезной
Борьбе,
Я всё, что можно, прибираю
К себе.
Увижу ль где галоши лучше
Моих —

Беру без спеси безрассудной
И их.
Платок увижу ли хороший —
Возьму.
Кто может денег дать — нет спуска
Тому.
Мне дали раз отличный перстень —
Чужой,
Чтоб передать его особе
Другой;
Я рассудил, что буду глупый
Педант,
Когда отдам такой отличный
Брильянт.
Другой бы брезгать стал, стыдиться,
А я
Не знаю спеси, и вещица —
Моя.
Как птица божия, не сею,
Но жну,
И помню заповедь благую
Одну:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри
И всё, что только брать возможно,
Бери!»

⟨1859⟩

375. ТРОСТНИК И СПИНА

Басня для детей

«Как гибок я! как гнусь я превосходно! —
Сказал молодой тростник, с тщеславьем на челе.—
Когда ни захочу, свободно
Склоняюся к земле.
Кто в гибкости со мной осмелится сравниться?
Кто обогнать меня решится?»
— «Я!» — вдруг раздался крик,
И видит наш тростник —
Чудовище глазам его явилось.
«Кто ты? — тростник спросил, тряхнувши головой.—
Какое существо решилось
Померяться со мной

И в гибкости со мною потягаться?»
— «Я,— говорит чудовище,— спина,
Которая затем лишь создана,
Чтоб кланяться и до полу сгибаться;
Затем что знаю я,
Что, чем моя порода
Способнее к сгибанию, тем у ней
Почету более, дохода,
И силы, и связей...
Конечно, и меж нами
Такие спины есть,
Которые стоять какими-то шестами
Считают за большую честь;
Но эти спины —
Какие-то дубины,
И им за то на свете нет житья.
Перед такими же, как я,
Ты, о тростник, ничто; в способности согнуться
И думать нечего со мною потянуться.
Притом сгибание твое
Тебе копейки не приносит,
Ну, а мое
Обогащает и возносит!»

Тут понял истину тростник
И головой в смущении поник...

Мораль сей басни такова:
Нам гибкая спина нужней, чем голова.

⟨1860⟩

376. ⟨ПЕСНЯ СУМАСШЕДШЕГО АКЦИОНЕРА⟩

Моего вы знали ль друга?..

Офелия

Вы знавали ль Колиньюна?
Он был бравый кавалер,
Горделивый, важный барин
И французский инженер!

Там, далеко, за морями,
В пышной он сидит квартире,

Перед ним — сундук тяжелый,
В нем — всё русские рубли.

Колиньон! Назад три года
Мы пришли к тебе толпой:
«Потрудись-ка для народа
И дороги нам построй.

Мы с тобою разных наций,
Но у нас найдешь ты рай,
А уж русских ассигнаций
Сколько хочешь забирай!»

Он поспешно снаряжался,
Все контракты заключил,
Всё построить страшно клялся...
Обманул — и укатил!

Колиньону мы сказали:
«Ты контракты позабыл:
Твой карман мы наполняли,
Ты до дна наш осушил!»

Он с усмешкой отвечает:
«Я контрактов не забыл;
Разве Общество не знает?
Я шутил! ведь я шутил!»

Отпустили его мы с тугим кошельком,
Проводили с смиренным поклоном,
И горячие слезы струились ручьем,
Как прощались мы с Колиньоном!

Он не придет! он не придет!
Сей славный гость земли российской,
И на чужбине не вздохнет
О линии феодосийской!

Он не придет! он не придет!
И там, среди французских граций,
Во славу русских ассигнаций
Рассказ заманчивый пойдет...
Он не придет, он не придет!

⟨1862⟩

377. ЭЛЕГИЯ

(ОДИН ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОПРОСОВ
С ПОЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

Я любил ее так нежно,
Так высоко, поэтично;
Всё в ней было так эфирно,
Так небесно, гармонично...
Но вчера, о боги, боги,
Приключение какое!..
Ту, которая являлась
Мне как нечто неземное,
Окруженная цветами,
В обстановке идеальной,—
Ту красавицу увидел
Я в палате госпитальной!
С инструментом возле труп
Дева милая стояла
И, по правилам науки,
Труп спокойно рассекала.
Я отпрянул в изумленьи
От невиданного дела...
А она в глаза мне прямо
И учено посмотрела;
Протянула мне спокойно
Окровавленные руки
И сказала: «Друг, ты видишь
Здесь служителя науки!»
И опять припала к трупу...
Я стоял, глотая слезы;
Черной пылью рассыпались
Поэтические грезы;
Их, как молния, сменяли
Медицинские картины,
И шептал я: «Дева рая —
Доктор, доктор медицины!..»

⟨1862⟩

378. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, редактор знаменитый,
Баюшки-баю!

Я тебе, старик маститый,
Песенку спою;
Пусть нелепейшие сказки
Жизнь срамят твою —
Ты пиши из-под указки...
Баюшки-баю!

Ходит всюду слух нелестный,
Ходит резкий свист,
Будто ты не слишком честный,
Ловкий журналист;
Плюнь на слухи! Тискай смело
Нужную статью...
Это выгодное дело...
Баюшки-баю!

Помогло тебе лихое
Перышко твое:
Ты забыл свое плохое
Прежнее житье;
Зажил ты богато, шибко,
Как в земном раю,—
Вот что значит гнуться гибко...
Баюшки-баю!

Продолжай такое семя
В землю ты кидать...
Видишь, может наше время
Труд вознаграждать.
Пусть клеймят тебя зоилы —
Ты силен в бою,
Будешь крепок до могилы...
Баюшки-баю!

⟨1862⟩

379. ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ

(РУССКАЯ МЕЛОДИЯ)

Я люблю смотреть на звезды —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны;
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слушать шелест —
Но не вязов, не акаций;
Мне милее шелест крупных
Всероссийских ассигнаций.

Я люблю смотреть, как гнется —
Но не ива в роще темной;
Мне милей сгибание тела
У начальника в приемной.

И люблю внимать я реву —
Но не ветра над волнами;
Мне милее рев *особы*
Над мельчайшими чинами.

Я люблю ключи большие —
Но не в скалах и пещерах;
Мне милее те, что блещут
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —
Но не стран благословенных;
Мне милей теплынь родная
Мест гражданских и военных.

⟨1862⟩

380. ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

Ах ты, русская, русская гласность!
Сколько важных вопросов ты в ясность
Из тумана на свет привела!
И какая ты чудная сила,
И какие ты, право, свершила
Величаво-благие дела!
Если взятки еще не пропали,
Так теперь получать-то их стали
Осторожно, без грубых манер;

Если женщин еще оскорбляют,
Так ведь это уж дети свершают,
Как случилось в Твери, например;
Если мы дикарями богаты,
Если мы на словах тороваты,
Если лупит слугу либерал,
Если многие спины так гибки,
Если подлостью пахнут улыбки,
Если силу имеет нахал —
Так ведь это одни исключенья,
И бледнеют они от сравненья
С тем, что ты нам так щедро дала,
О великая русская гласность,
Всё приведшая в яркую ясность...
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!

1862

381. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

(В НОВОМ РОДЕ)

Говорят, водопроводы
 Попросили Думу
Отпустить им на расходы
 Тысяч в двести сумму.

Говорят, услышав это,
 Дума городская
Вместо всякого ответа —
 Странная такая —

На бассейн, громаду-зданье,
 Едко указала
И Правленье в назиданье
 Басенку сказала:

Попрыгунья стрекоза,
Акведукная компанья,
Погрузилась в труд копанья...
Вдруг, глядит — пришла гроза:
В кассе чисто, словно в поле,
Нет уж дней тех светлых боле,

Как добряк акционер,
Шедрый выше всяких мер,
Под директорские сказки
Спал, закрывши сладко глазки,
И давать свой капитал
Чистым счастьем считал.
Дни блаженства пролетели...
И Палибины, и Пели,
И Овсянников, и Крон
Чуют время похорон.
Труб печальнейшая груда
На Сенатской площади;
А далеко позади
Башня смотрит, как Иуда...
Тут компания с тоской
Лезет к Думе городской:
«Не оставь меня приветом,
Не срами пред целым светом,
Одолжи для спуска вод
Тысяч двести на расход...»
— «Кумушка, мне это странно!
Ты брала ведь беспрестанно
Деньги будто за труды,
А ни капельки воды
В наши трубы не пустила...»
— «До того ль, сестрица, было!
Ведь в Правлении у нас
Схватки, споры — каждый час,
Так что воду я забыла...
А притом, я без ума
Рыла ямы ежечасно...»
— «Рыла ямы! И прекрасно;
Так заройся в них сама!»

1862

382. УТЕШЕНИЕ

Верьте мне, о россияне,
Верьте — прав во всем Скарятин:
Всё изменится как должно,
Всё очистится от пятен.

Нигилисты-забияки,
Консерваторы-тупицы —
Все исчезнут безвозвратно
Из провинций и столицы.

Жизнь свободную не будет
Жать ярмо антагонизма,
Оттого что очень много
В нас живет либерализма.

Ни реакции не будет,
Ни тревоги грустно-шумной...
«Тише едешь, дальше будешь» —
Наш девиз благоразумный.

Безмятежны, как младенцы,
Выбрав гладкую дорожку,
Мы когда-нибудь до цели
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго
Нам дожить тысячелетья —
Оперимся мы отлично
В эти новые столетья.

Ко второму юбилею
Будет русский мир утешен —
И какой тогда воздвигнет
Новый памятник Микешин!

Подождите, потерпите!
Всё очистится от пятен:
В этом нам залогом служит
Зорковидящий Скарятин!

1862

383. МИШУРА

Проносясь на коне наблюдений
По арене общественных дел,
Я на множество светлых явлений
С умильным чувством глядел.
Говорил я: «В Нью-Йорке, в Париже,
В Альбионе нет столько добра»...

А как только взгляделся поближе —
Мишура, мишура, мишура!

О краса бюрократии новой!
С беспредельным восторгом не раз
Я внимал твоей речи громовой
О вреде стародавних зараз
И о том, что теперь-то приспела
Для реформ радикальных пора...
А как только коснулось до дела —
Мишура, мишура, мишура!

Сколько раз, о вития журнальный,
Увлекал и пленял ты меня,
Как любил я твой тон либеральный,
Полный силы, ума и огня!
Сколько было решимости грозной
В каждом взмахе живого пера...
А дошло до поверки серьезной —
Мишура, мишура, мишура!

О друзья интересов народных!
Сколько светлых надежд и идей
Проявлением сил благородных
Вы в душе возбуждали моей!
Вы с народом сливались так мило,
За народ вы кричали «ура!»...
А на деле опять выходило —
Мишура, мишура, мишура!

И куда бы, восторгом палимый,
Я ни мчал наблюдений коня,
Всё какой-то чертенок незримый
Хохоча догоняет меня
И пищит: «На трескучие речи
Знаменитые вы мастера,
А взвали-ка вам дело на плечи —
Мишура, мишура, мишура!»

⟨1863⟩

384. ЭКСТРЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Я бескорыстный чиновник,
Верой и правдой служу
И репутацией честной
Выше всего дорожу.
Всех, предлагающих взятки,
В шею гоню я всегда...
Раз только... В деньгах случилась
Мне до зареза нужда...
Взял я с канальи купчишки
Кушик — и то небольшой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

Всех наказаний телесных
Враг я до мозга костей;
Даже супруге я строго
Сечь запрещаю детей.
Я и в газетах однажды
Тиснул об этом статью...
Раз только... Мой камердинер
Лампу испортил мою...
Я рассердился и в зубы
Съездил легонько рукой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

«Женщины — перлы создания!» —
Так я всегда говорю,
На ловеласов бездушных
С страшною злобой смотрю...
Раз только... Мне подвернулась
Прелесть — девчонка одна.
Жили мы долго... «А что, как
Вдруг да узнает жена?» —
Так я подумал — и тут же
Стал для бедняжки чужой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

С каждым своим подчинением,
Будь он хоть мелкий писец,
Я обращаюсь гуманно,
Даже почти как отец.

Руку порой пожимаю
Тем, кто и в малых чинах...
Раз только... Писарь на службу
В пестрых явился штанах...
Тут из терпенья я вышел —
Выгнал из службы долой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

Строго себя разбирая,
Смело всегда я скажу,
Что и правдиво и честно
Я и живу и служу.
Совесть не может мне сделать
Самый малейший укор...
Если ж порой и случится
Этакий маленький вздор,
Если в порыве досады
Я и забудусь порой —
Значит, уж экстренный случай,
Экстренный случай такой!

⟨1865⟩

385. ДОКТРИНА

Стучи в барабан и не бойся...

Гейне

«Стучи в барабан и не бойся,
Целуй маркитантку под стук;
Вся мудрость житейская в этом,
Весь смысл глубочайший наук.

Буди барабаном уснувших,
Тревогу без усталости бей,
Вперед и вперед подвигайся —
В том тайна премудрости всей».

Так пел знаменитый мой тезка,
И, в гордости странной своей,
Он думал, что этой «доктриной»
Составит блаженство людей;

Он думал, что эту доктрину
На деле легко применить,
И шел он с своим барабаном,
Стараясь будить и будить.

Я, тезка великого Гейне,
На вещи иначе смотрю...
Я, правда, поэзии жаром,
Как он, постоянно горю,

Когда забываюсь в мечтаньях
О птичках, девицах, луне...
Но чуть до доктрины доходит —
Доктрина иная во мне...

Отрекшись от дерзкой гордыни,
Судьбу обеспечив свою,
Я тихо, свободно и сладко
В своем кабинете пою:

«Оставь барабан ребятишкам,
Целуй благонаивно жену,
Спи сам и ничем не препятствуй
Других безмятежному сну.

Где только заметишь тревогу,
Домой удирай поскорей,
И там лишь вперед подвигайся,
Где пользы немало твоей.

Вся мудрость житейская в этом,
Весь истинный смысл бытия...
Прекрасную эту доктрину
Изведаль на опыте я.

И знаю, что кончу покойней,
Комфортней, светлее свой век,
Чем кончил мой тезка несчастный,
Больной фантазер человек!»

⟨1867⟩

Бесконечной пеленою
 Развернулось предо мною
 Старый друг мой — море.
 Сколько власти благодатной
 В этой шири необъятной,
 В царственном просторе!

Я пришел на берег милый,
 Истомленный и унылый,
 С ношею старинной
 Всех надежд моих разбитых,
 Всех сомнений ядовитых,
 Всей тоски змеиной.
 Я пришел поведать морю,
 Что с судьбой уж я не спорю;
 Что бороться доле
 Силы нет! что я смирился
 И позорно покорился
 Безобразной доле.

Но когда передо мною
 Бесконечной пеленою
 Развернулось море
 И, отваги лъвиной полны,
 Вдруг запели песню волны
 В исполинском хоре —
 Песню мощи и свободы,
 Песню грозную природы,
 Жизнь берущей с бою,—

Всё во мне затрепетало
 И так стыдно, стыдно стало
 Пред самим собою —
 За унынье, за усталость,
 За болезненную вялость,
 За утрату силы
 Ни пред чем не преклоняться
 И с врагом-судьбой сражаться
 Смело до могилы!

Отряхнул с себя я снова
 Малодушия пустого
 Пагубное бремя

И врагу с отвагой твердой
Снова кинул вызов гордый,
Как в былое время.
А седые волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликом природы,
Всё быстрее вперед летели,
Всё грознее песню пели
Мощи и свободы!

⟨1881⟩

*Вильям Шекспир*387. <МОНОЛОГ ОТЕЛЛО
ИЗ 1-ГО ДЕЙСТВИЯ ТРАГЕДИИ>

Ее отец любил меня и часто
Звал в дом к себе. Он заставлял меня
Рассказывать историю всей жизни,
Год за год — все сражения, осады
И случаи, пережитые мною.
Я рассказал всё это, начиная
От детских дней до самого мгновенья,
Когда меня он слышать пожелал.
Я говорил о всех моих несчастьях,
О бедствиях на суше и морях:
Как ускользнул в проломе я от смерти,
На волосок висевшей от меня;
Как взят был в плен врагом жестокосердым
И продан в рабство; как затем опять
Я получил свободу. Говорил я
Ему о том, что мне встречать случалось
Во время странствий: о больших пещерах,
Бесплоднейших пустынях, страшных безднах,
Утесах неприступных и горах,
Вершинами касающихся неба;
О каннибалах, что едят друг друга,
О племени антропофагов злых
И о людях, которых плечи выше,
Чем головы. Рассказам этим всем
С участием внимала Дездемона,
И каждый раз, как только отзывали
Домашние дела ее от нас,
Она скорей старалась их окончить,
И снова шла, и жадно в речь мою
Впивалась. Всё это я заметил
И, улучив удобный час, искусно
Сумел у ней из сердца вырвать просьбу —
Пересказать подробно ей всё то,
Что слышать ей до этих пор без связи,
Урывками одними привелось.
И начал я рассказ мой, и не раз

В ее глазах с восторгом видел слезы,
Когда я ей повествовал о страшных
Несчастиях из юности моей.
Окончил я — и целым миром вздохов
Она меня за труд мой наградила
И мне клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше уж желала бы она
И не слышать про это; но желала б,
Чтоб бог ее такую сотворил,
Как я; потом меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть друг, в нее влюбленный, — пусть он только
Расскажет ей такое ж о себе —
И влюбится она в него. При этом
Намеке я любовь мою открыл.
Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.
Вот чары все, к которым прибегал я.
Она идет — спросите у нее.

⟨1864⟩

ГАВРИИЛ ЖУЛЕВ

ГАВРИИЛ ЖУЛЕВ

Гавриил Николаевич Жулев, младший брат известной драматической артистки Е. Н. Жулевой, родился 5 июля 1834 г. в сельце Спасском Бронницкого уезда Московской губернии, в семье Поликарпа Васильевича Жулева, дворового человека помещика Н. М. Смирнова. Ему еще не исполнилось тринадцати лет, когда он, весною 1847 г., был отпущен на волю.¹ Есть некоторые основания полагать, что он был незаконнорожденным сыном помещика.

Жулев был одновременно и поэтом, и артистом. Окончив в начале 1850-х годов петербургское театральное училище, Жулев в 1853 г. дебютировал на сцене Александринского театра² и много лет, до 1875 г., состоял в его труппе.³ «Помню, что Жулев превосходно играл прогорелого купеческого сына Перетычкина в комедии Красовского «Жених из Ножовой линии», — читаем в воспоминаниях современника. — Он подавал большие надежды на сцене, но его затер режиссер Е. И. Воронов, долго властвовавший в Александринском театре».⁴ Воронов и начальник репертуарной части петербургских императорских театров водевилист П. С. Федоров, самодур и взяточник, которого неизменно преследовали искровцы под кличкой «Губошлеп», особенно невзлюбили Жулева за то, что он сотрудничал в «Искре» и информировал редакцию журнала о закулисных тайнах и интригах.⁵

Жулев начал печататься в «Искре» в 1860 г. и был одним из ее постоянных сотрудников на протяжении всех 1860-х годов. Его стихотво-

¹ См.: Дело о службе Жулева // Центр. гос. историч. архив СССР в Ленинграде (ЦГИА), ф. 497, оп. 2, № 14059.

² В о л ь ф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г. СПб., 1877. Ч. 1. С. 160.

³ В конце 1850-х и начале 1860-х годов Жулев с успехом играл и в провинции.

⁴ «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907. С. 97. См. также сочувственные отзывы об актерском даровании Жулева в статьях Ап. Григорьева «Две сцены» («Якорь», 1863, № 41. С. 791) и «Русский театр» («Эпоха», 1864, № 1/2. С. 466).

⁵ «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». С. 157.

рения появлялись преимущественно под псевдонимом «Скорбный поэт». Жулева сразу оценили в «Искре». «Не могу я встретиться с Курочкиным, — писал ему его приятель, артист и драматург И. Е. Чернышев, 23 марта 1861 г., — чтобы он не спрашивал о тебе... Отчего ты перестал писать? Он о тебе отзывается как о лучшем своем сотруднике и постоянно просит писать к тебе... И я с своей стороны тебе прибавлю, что ты поступаешь до нелепости глупо. Ты очень ошибаешься, если считаешь на свой сценический талант и пренебрегаешь литературным. Последний у тебя гораздо выше, чем первый, и на него следует обратить тебе особое внимание».¹

В конце 1862 г. Жулев собрал свои стихи, напечатанные в «Искре», и выпустил их отдельной книжкой под названием «Песни Скорбного поэта». Противопоставляя Жулева представителям «чистой поэзии» и либеральным обличителям типа М. П. Розенгейма, «Искра» следующим образом характеризовала его творчество в отзыве о «Песнях Скорбного поэта»: «Бедность, умеющая весело трунить над собою и хохотать непридуманно и смело над хлыщевством и богатою наглостью, в каких бы они формах ни проявлялись, — вот главный мотив, повторяющийся во всех пьесах Скорбного поэта. Вздыхатели, отвергнутые дамою своего сердца по случаю бедности и наивно рассказывающие о своих злополучиях; супруги, получившие семейное счастье из рук начальников; швей, беззаботно проходящие известное поприще; девицы, стремящиеся замуж, и дамы, забывающие мужей под звуки Штраусовой скрипки, павловские ландышки и московские Пахиты; театральные музыканты и отставные майоры — вот действующие лица комедии, ежедневно разыгрываемой в жизни, верно подмеченной и осмысленно переданной своеобразными стихами поэта-юмориста. Все это перемешано, как добро и зло, вообще в жизни и в каждом человеке отдельно, но все это живет, движется, смеется над собою и над другими, и, главное, все это просто и искренно».²

Очень сдержанно отозвался о книжке Жулева М. Е. Салтыков, поскольку она не отвечала тем большим требованиям, которые он предъявлял к современной сатире. Но и Салтыков писал, что «любителям чтения легкого мы эту книжечку рекомендуем: они в ней найдут некоторую частицу остроумия. В особенности указываем на веселую пьеску „Литературные старожилы“».³

В поэзии Жулева нет революционных мотивов, но он — демократ с головы до ног. Все его стихотворения пронизаны плебейской гордостью, презрением к роскоши, тунеядству, барскому высокомерию. Один из типичных персонажей Жулева, столичный бездельник и фат, хорошо описан в стихотворении Д. Д. Минаева «Сорвалось!»:

¹ «Рус. старина». 1906, № 12. С. 714.

² «Искра». 1862, № 50. С. 710.

³ Салтыков — Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1966. Т. 5. С. 334.

В шляпе Циммермана,
В платье от Сарра,
Я, поднявшись рано,
Вышел со двора.
Крап по панталонам,
С лентою лорнет,
Галстук с медальоном —
В медальоне оном
Блондена портрет, —
Струйки по жилету,
В талии изгиб...
Скорбиому поэту
Я отличный тип... и т. д.¹

Наиболее характерны для Жулева юмористические стихотворения на бытовые темы. Произведения, направленные против конкретных людей и фактов общественной жизни, литературная полемика, резкий сатирический тон и т. п. — все это встречается у него сравнительно редко. Наибольшей удачей Жулева в этой области является отмеченная Салтыковым злая и хлесткая сатира «Литературные староверы». Для характеристики поэзии Жулева необходимо отметить его легкий и гибкий стих, свободные разговорные интонации,² а также бойкую, иногда не менее чем у Минаева, необычную и мастерскую рифму.

В 1865 г., наряду с «Искрой», Жулев активно печатался и в «Будильнике». В 1869—1874 гг. он был постоянным сотрудником газеты «Петербургский листок», а с 1875 г. до смерти — «Петербургской газеты». Здесь кроме стихотворений он систематически помещал и фельетоны. В последние годы Жулев был также одним из редакторов юмористического журнала «Стрекоза» (редактировал стихотворный отдел).³

Жулев написал — отчасти один, отчасти в сотрудничестве с И. Е. Чернышевым, А. А. Соколовым, С. Н. Худековым, Н. А. Лейкиным — до десятка пьес: «Золотая удочка», «Перелетные птицы», «Петербургские когти», «Черненькие и беленькие», «Со ступеньки на ступеньку», «Герои темного мира», «Петербургский Фигаро» и др. Они шли на сцене, однако в художественном отношении не представляют интереса.

В 1871 г. Жулев выпустил второй сборник стихотворений — «Ба! знакомые всё лица! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта)». Сборник уступал в художественном отношении первому, но тематика, идейные позиции и поэтическая манера остались у Жулева в общем те же, и книга,

¹ «Искра». 1864, № 36. С. 470.

² А. В. Амфитеатров писал: «Жулев редкостный, почти исключительный образец стихотворной простоты, умеющий «разговаривать» стихом, без всякой, хотя бы малой, натяжки» («Забытый смех». М., (1914). Сб. I. С. 209).

³ См. некролог в «С.-Петербургских ведомостях» (1878, 2 июля).

вышедшая без предварительной цензуры, встретила неодобрительный отзыв в цензурном ведомстве. «Собрание весьма тенденциозных, отчасти и довольно грязных стихотворений,— писал цензор.— Автор, кажется, поставил себе задачею изобразить в самом отвратительном виде отношения начальников к подчиненным в нашем служебном кругу; начальники оказывают протекцию подчиненным, которые делают им подарки или даже услуживают им своими женами; подчиненные, выведенные из терпения, дают своим начальникам пощечины и т. д. ...В других пьесах выражается презрение к людям, не сочувствующим отрицательному направлению в молодежи, и выхваляются, напротив, корифеи отрицания, напр. Добролюбов; даже и хорошие стремления в высших сословиях осмеиваются и изображаются как маски, под которыми скрываются лицемерие и всякие пороки... везде господствуют насилие и разврат».¹

Жулев умер 30 июня 1878 г. и скоро был забыт,² хотя некоторые его стихотворения часто читались с эстрады и перепечатывались в «чтецах-декламаторах».

¹ Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 5 янв. 1872 г.; см. также: Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1872, № 9 // ЦГИА, ф. 777.

² Характерно, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона (полумом 23, СПб., 1894. С. 51) первая и лучшая его книга вовсе не упомянута, а вторая превращена в две: «Ба! знакомые все лица! Рифмы Скорбного поэта» и «Рифмы Дебютанта».

388. У КУХНИ

О судьба лихая, для чего дала ты
Мне в удел лишь бедность, горе да заплаты
Да еще в придачу ловко подшутила,
Давши мне желудок, как у крокодила!..
Мимо знатной кухни прохожу однажды,
Мучимый от голода, мучимый от жажды.
Я прильнул к окошку и смотрел, как быстро
Сочиняли блюда жирных два кухмистра.
Но, почуяв носом запах вкусный, сдобный,
Я в бобер немецкий нос закутал злобно
И смотрел в окошко с сокрушенным сердцем:
Как фаршировали, посыпали перцем
Разную дичину к званому обеду
И вели кухмистры меж собой беседу:
«Бедный господин наш! говоря без шуток,
Страшно как расстроен у него желудок;
Точно на желудок навалило плиту,
Мучится бедняга — нету аппетита!..»
Мысль вдруг пресмешная, надобно сознаться,
В голову пришла мне: что бы поменяться
Мне моим желудком, как у крокодила,
С этим господином? Мне бы лучше было
Быть без аппетита, а то что в желудке,
Как стоишь у кухни: славно пахнут утки,
Рябчики, фазаны, гуси и индейки,—
А в кармане только двадцать три копейки!

⟨1860⟩

У старухи нанимал
 Я себе каморку —
 И частенько в ней глодал
 Я сухую корку,

Но ведь я переносил
 Беззаботно голод:
 Ах, в каморке этой был
 Я здоров и молод!

Хоть каморка у меня
 Освещалась редко,
 Но не нужно мне огня
 С милою соседкой...

Ведь, бывало, прибежит —
 И пойдет потеха!
 Так, что комната дрожит
 С ней у нас от смеха.

Песни, хохот и любовь —
 И нужда забыта;
 А хозяйка хмурит бровь
 И на нас сердита.

И брюзжит она с печи:
 «Перестаньте, стыдно!»
 Ладно, думаем, ворчи,
 Чай, самой завидно!

И пойдет тут кутерьма,
 А ведь плут старуха! —
 Будто дремлет, а сама
 Навострила ухо.

Вдруг негаданно — поди ж!
 Туча налетела:
 У начальника *Катишь*
 Замуж захотела.

Всё он сделать принужден,
Как велит подруга:
Для меня назначил он
Амплуа супруга.

Благодетель и отец
Наградил каретой;
Потащили под венец
Нас с Катишью этой.

И теперь уж я женат
И, по воле рока,
Стал замечтен и богат —
И живу широко.

Проложил через жену
Я себе дорогу;
Я и сам уж младших гну
Нынче, слава богу.

Счастлив, кажется, вполне:
Ем и пью я вкусно,
Но порою что-то мне
Тяжело и грустно...

Или вдруг среди семьи,
Как резвятся дети,
Всё мне мнится: не мои
Ребятишки эти!

И в груди бушует ад,
В рот не лезет пища,
Побежал бы я назад
В старое жилище,

Со старухой поболтать
И соседке милой
Со слезами рассказать
Свой роман унылый,

И зажить, как в старину,
Бедно, без излишек,
Бросив верную жену
И чужих мальчишек.

〈1860〉

Баллада

В ресторане собрались
Староверы злые,
И беседы их велись
Про дела былые.
И бунтует и кричит
Громко шайка эта,
Что теперь уже молчит
Старая газета.

И ватага эта зла
И ломает стулья,
Что их главная пчела
Выбыла из улья;
Что теперь им ходу нет
И карманы голы;
Что теперь коварный свет
Жаждет новой школы;

А что их давно не чтут
И труды их — боже! —
На Толкучем продают
С хламом на рогоже.
В заседаньи был нахал
И кричал без складу,—
Вот который сочинял
Для волос помаду;

Куплетист он и актер,
В старенькой бекеше,
Остроумие протер
Он себе до плечи.
Был еще тут драматург,
Очень злой и хворый,
В оны годы Петербург
Восхищал который.

Много было тут персон
И больших талантов,
И болгаринских времен
Хилых фигурантов.

Собрались и поют —
И кружок их тесен;
Много было спето тут
Очень старых песен:

«Боже мой! теперь во всем
Голая натура,
Ах! пропахла мужиком
Вся литература!
И писателей у нас
Развелось так много;
Всякий лезет на Парнас,
Без наук и слога.

И журналы издают
Всё молокососы
И преважно задают
Новые вопросы.
Для возвышенных вещей
Их таланты слабы,
Только слышишь запах щей
Да крестьянской бабы.

Ну, пожалуй, выводи
Чернь, но для потехи;
Да приличьем огради
И зашей прорехи.
Напомадь и причеши,
Скинь им сапожищи;
А потом и опиши
Как-нибудь почище.

Например: мужик живет;
Не горюя, пашет,
Про любезную поет,
И поет, и пляшет;
Отработав — вечером
Ходит в хороводе...
Отчего же бы в таком
Не писать вам роде?

А то что у вас? — во всем
Голая натура,
Ах! пропахла мужиком
Вся литература!..»

В ресторан со всех сторон
Собралися братья;
Слышны ахи, слышен стон,
Слышатся проклятья.

Секта эта новый век
И пилит и режет;
В ресторане человек
Слышит стон и скрежет
И, крестясь, отходит прочь,
Но не молкнут ахи...
И младенцы в эту ночь
Вздрагивали в страхе...

1860

391. ТОВАРИЩУ

Товарищ, не ропщи!
Хоть мы с тобой иззябли
И лишь пустые щи
Едим, как *мизерабли*;

Пускай у богачей
В роскошном бельэтаже
Уха из стерлядей,
Сюпремы и потажи;

Пусть к ним судьба добра,
Палаты их нагреты;
Пусть им кроит Сарра
И брюки и жилеты,

А мы бежим с тобой
К российскому тайлёру —
Какой уж тут покрой,
Лишь только было б впору!

Пускай богач несет
Мешки в ломбард, для росту,
А мы же свой доход
Несем подальше к мосту!

Зато ведь богачам
Подагрой сводит ногу,
А мы, привыкши к щам,
Здоровы, слава богу!

На днях вот богача,
От преизбытка пищи,
При помощи врача
Стащили на кладбище;

Какой был крик и вой —
Пересказать нет средства!
Ну, точно на Сенной, —
Из-за его наследства.

Придет пора и нам!
Но мы с тобой, дружище,
Отправимся к отцам
Без шуму на кладбище,

Потащат нас с двора
На скорбной колеснице...
Addio! ¹ фельдшера
Обуховской больницы.

1862

392. ЧИЖИК

На грош не верят в лавке,
Начальник строг и лют,
И мне, увы! прибавки
За службу не дают;
От службы хуже кия
Иссох я — ну хоть брось!
А между тем другие
Всё лезут врозь да врозь...

Болтают, что начальник
Не прочь подчас того...
На днях вот умывальник
Он взял у одного,

¹ Прощайте! (Итал.) — *Ред.*

А у другого дрожки
Взял нынче по весне...
По этой вот дорожке
Пройтись бы надо мне...

Ох! смертная охота,
Да участь-то горька:
Ведь из вещей всего-то
В каморке бедняка
Лишь пара ветхих книжек,
Гитара, да пенсне,
Да мой приятель-чирик,
Висящий на окне.

«Постой, постой!.. вот штука!..—
Я вскрикнул в тот момент.—
Начальнику снесу-ка
Я чирика в презент;
Признаться, тяжело мне
Расстаться было с ним:
Он другом был в Коломне
Единственным моим!»

Ах! сняв с окошка клетку,
От горести дрожа
И завернув в салфетку
И клетку и чирика,
Расстроен, с мутным взглядом,
Крепясь от горьких слез,
К начальнику я на дом
Чиликалку понес.

Увидевши, что ношей
Я был обременен,
Начальник мой хороший
Прислугу выгнал вон;
И стал со мной — о диво! —
Любезен не в пример
И спросил учтиво:
«Что это — несессер?..»

«Нет-с,— говорю я,— клетка;
А в клетке чирик...» — «Что-с? —
Сказал начальник едко,
Здравши кверху нос.—

Вы думали, что взяткой
Прельщусь я! — крикнул он.—
Ах вы, мальчишка гадкий!..
Извольте выйти вон!..»

И, право, уж не помню,
Как в милые края,
В любезную Коломню
С чижом вернулся я.
Поступок неуместный
Надежды все пресек
И доказал, что *честный*
Начальник человек.

〈1863〉

393. ПЕТРУШКА

К нам на двор шарманщик нынче по весне
Притащил актеров труппу на спине
(Деревянных, впрочем, а не тех живых,
Что играют роли из-за разовых).

Развернул он ширмы посреди двора;
Дворники, лакеи, прачки, кучера
Возле ширм столпились, чтобы поглазеть,
Как Петрушка будет представлять комедь...

Из-за ширм Петрушка выскочил и ну:
«Эй, коси-малина, вспомню старину!»
Весело Петрушка пляшет и поет;
«Молодец каналья!» — говорит народ.

Вот пришли арапы, начали играть,—
А Петрушка палкой по башкам их хватить!
С жалобой арапы поплелись в часть...
Голоса в народе: распотешил всласть!

Выскочил квартальный доблестный и стал
Приглашать Петрушку за скандал в квартал...
Петька не робеет: развернулся — хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб...

Петька распекает, весел, счастлив, горд,—
Вдруг из преисподней появился черт
И басит Петрушке: «Ну, пойдем-ка, брат!..»
И повлек бедняжку за собою в ад.

Запищал Петрушка... «Не юли вперед!
Вот те и наука!» — порешил народ.
Я б сказал словечко за Петрушку, но
Многих ведь, пожалуй, раздражит оно.

〈1864〉

394

Лира моя, лира,
Добрая подруга,
Ты бренчишь для мира
Скромно в час досуга...

В небогатой келье,
Век с нуждою споря,
Ты полна веселья —
Ну а больше — горя...

Светских львиц богатых,
С выточенным станом,
Страсти и наряд их
Воспевать куда нам!..

Жирного богатства
Не даря куплетом,
Я лишь там, где братство,
Делаюсь поэтом:

Где любовь живет,
Где хоть люди нищи,
Но умом трезвее
И душою чище...

Юность! для тебя лишь
Я играю рифмой:
Ты одна похвалишь
Искренний мотив мой!..

〈1867〉

ВИКТОР БУРЕНИН

ВИКТОР БУРЕНИН

6 октября 1861 г. товарищ Н. А. Добролюбова по Педагогическому институту писал ему из Москвы: «Решаюсь беспокоить тебя письмом, чтобы рекомендовать тебе моего брата, который привезет его. Хвалить его не стану, потому что худого человека не стал бы и рекомендовать тебе, да потому, что если ты возьмешь на себя труд поговорить с ним, то можешь узнать сам, каков он. А попросить все-таки попрошу по старому знакомству. Дело вот в чем: он немножко литератор, пишет стихи и желает, пожалуй, и печатать их. Достойны ли они печати, ты можешь это узнать лучше моего, но если достойны, то в таком случае окажи посильную помощь сему юноше, чем премного обяжешь. Душевно уважающий тебя К. Буренин».¹

Письмо это принадлежит одному из будущих авторов (вместе с А. Ф. Малининым) распространенных в свое время учебников по математике и физике, а рекомендовал он Добролюбову своего младшего брата, Виктора Петровича Буренина. Вряд ли последнему удалось повидаться с Добролюбовым, который был тяжело болен и через месяц с небольшим умер, однако имя его могли запомнить в редакции «Современника».

Когда Буренин приехал в Петербург с письмом брата, ему было немного больше двадцати лет. Он родился 22 февраля 1841 г. в Москве, в семье архитектора. Одиннадцати лет он поступил в московское дворцовое архитектурное училище, которое окончил в 1859 г.

Еще будучи учеником архитектурного училища, Буренин руководил разными постройками. В 1859 г. в подмосковном имении Н. Д. Пущиной-Фонвизиной Марьине он сошелся с поэтом С. Ф. Дуровым, незадолго до этого вернувшимся из сибирской ссылки. В своих воспоминаниях о Пущиной Буренин пишет: «В Марьине, кроме меня и этой дамы (воспитанницы Пущиной) и старой-престарой нянюшки Н. Д., заведовавшей хозяйством, жил еще петрашевец С. Ф. Дуров. Он очень благоволил ко мне за то, что я в то время переводил «Ямбы» Огюста Барбье. Дуров высоко ценил этого

¹ «Поэты „Искры“». Л., 1933. С. 403 (Б-ка поэта. БС).

поэта... Благодаря его указанию, я перевел лучшие из ямбов Барбье. С. Ф. очень хвалил мои переводы. Но в то время их по цензурным условиям печатать было невозможно».¹

В Москве у Пушиной Буренин познакомился с декабристами М. М. Нарышкиным, Г. С. Батеньковым, П. С. Бобрищевым-Пушкиным. В те же годы Буренин сблизился с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым, только в 1858 г. вернувшимся из ссылки, и постоянно посещал его литературные собрания; здесь он впервые встретил Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Некрасова.²

Буренин писал стихи с детства, первое время подражая Фету. Сохранилась его более поздняя тетрадь, в которой преобладают любовные стихотворения разочарованного юноши, написанные под явным влиянием Лермонтова.³ Вместе с тем уже в годы учения в архитектурном училище Буренин был известен в товарищеской среде как автор сатир и экспромтов.

Литературная деятельность Буренина началась осенью 1861 г. сотрудничеством в «Колоколе» Герцена. В «Колоколе» появилась его корреспонденция «Спасение цензуры в Москве» — о неосуществленном проекте адреса литераторов по поводу ареста поэта и революционера М. Л. Михайлова.⁴

О политической репутации Буренина в начале 1860-х годов мы можем судить на основании показаний Вс. Костомарова по делу Чернышевского. Вот что говорится в них в связи с московским революционным кружком: «Некто Буренин, архитектор, был указываем Костомарову как руководитель кружка молодежи, готовый на уличные агитации».⁵

В начале 1860-х годов Буренин окончательно осознает себя писателем и завязывает все более широкие литературные знакомства. В 1862 г. его стихотворения и драматические сценки появляются в «Дне» И. С. Аксакова, «Зрителе» и «Искре». Напечатанная в «Искре» остроумная сценка «Шабаш на Лысой горе, или Журналистика в 1862 году» понравилась Некрасову,⁶ и он пригласил ее автора сотрудничать в «Современнике». А вот что писал Некрасову Салтыков-Щедрин 29 декабря

¹ Рукоп. отд. Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Арх. В. П. Буренина.

² М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1975. Т. 1. С. 193.

³ Арх. Буренина. Небольшие отрывки опубликованы в сб.: «Поэты „Искры“». Л., 1933. С. 404.

⁴ «Колокол». 1861, 15 ноября, № 112. С. 937. В № 113 (с. 944—945) был напечатан «Текст адреса, не подписанного московскими литераторами», по-видимому присланный Бурениным вместе с корреспонденцией. На авторство Буренина указал Б. Б. Глинский в книге «Революционный период русской истории» (СПб. 1913. Ч. 1. С. 107).

⁵ «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939. С. 118.

⁶ Быков П. В. П. Буренин // «Всемирная иллюстрация». 1887, № 963. С. 10.

1862 г.: «Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для «Свистка»; если материалы не дурины, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина, который уже печатался в „Искре“». ¹ Весною 1863 г. в сатирическом приложении к «Современнику» «Свистке» появились сатиры Буренина «Драматические сцены по поводу выхода „Современника“», «После первого чтения г. Юркевича по „философии“» и др.

В 1863 г. Буренин переехал в Петербург, где первое время продолжал работать в качестве архитектора — состоял помощником инженера-архитектора при клиинке барона Виллие; клиника находилась на Выборгской стороне — отсюда псевдоним Буренина «Выборгский пустынный».

Уже сделавшись довольно известным литератором, он бросил архитектуру для литературы. Печатаясь в разных журналах («Современнике», «Искре», «Библиотеке для чтения», «Зрителе» и др.), Буренин выступает одновременно и как переводчик, и как лирический поэт, и как автор пользовавшихся наибольшим успехом юмористических и сатирических стихотворений, поэм, драматических сцен и пародий. В них он высмеивает «благонамеренных» и лжепатриотов, твердящих о том, что в России царит полный порядок и полное согласие всех сословий «под эгидою мудрых законов» («Благонамерения поэма»), обличает социальное неравенство, презрительное отношение господствующих классов к мужику, жрецов «чистого искусства», реакционную журналистику и либералов. Буренин неустанно преследовал главного идеолога дворянской реакции Каткова, ему принадлежат острые сатиры на умеренно-либеральный «Голос» Краевского, журналы Достоевского и др. Следующее четверостишие Минаева неплохо характеризует молодого Буренина:

Песенник наш и плясун Монуменгов,
Виктор Петрович известный,
В шапке фригийской канкан для студентов
Пляшет у нас он прелестно.

А Н. И. Кроль так отозвался о его «злом языке»:

Я от рождения не трус,
И ничего я не боюсь:
Ни бури, ни напасти,
Ни Буренина пасти.²

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1975. Т. 18, кн. 1. С. 266.

² Мартыянов П. К. Дела и люди века. Спб., 1893. Т. 1. С. 197, 226. Монуменгов — один из псевдонимов Буренина.

Насмешка Буренина полна яду. Из всех искровцев он испытал наибольшее воздействие политической поэзии Гейне. Вне связи с «Германией» нельзя правильно понять его поэмы — «Прерванные главы», «Благонамеренную поэму», «Диссонансы» и др. Их структура, широкий тематический диапазон при отсутствии единой темы, быстрые переходы от лирического тона к ироническому, перемежающийся трех- и четырех-стопный анапест с рифмующимися второй и четвертой строками, который считался в 1860-х годах адекватным стиху «Германии», — все это связано с Гейне. Есть у Буренина и ряд отражений «Книги песен», но они не занимают в его поэзии значительного места и часто иронически переосмысливаются, что, впрочем, тоже идет от Гейне.

Не все, разумеется, попадало в печать. Так, 25 июня 1863 г., в то время когда под влиянием польского восстания цензура стала особенно придирчива, В. С. Курочкин писал Буренину: «Очень Вам благодарен за «Патриотические заметки»; к сожалению, они не могут пройти, как и сами Вы пишете. Бешенство цензурной реакции дошло до времен Мусина-Пушкина. Вы бы очень обязали меня, если бы на это, как говорят, *переходное* время присылали статьи и стихотворения невинного содержания. Нечего и говорить, каково теперь наше положение. Нужно изобретать совершенно новые формы, под которыми проводились бы мысли, в которых еще так недавно цензура не находила ничего предосудительного».¹

Буренин и сам смирал свою злость, понимая, что ей все равно не суждено дойти до читателя. В его архиве сохранилось, например, начало неоконченной сатирической повести «Тринадцать генералов. Подробная и достоверная летопись многообразных трудов и походов, предпринятых некоторыми солидными и благонамеренными особами ради спасения отечества». Это остроумное произведение начато, по-видимому, непосредственно после каракозовского выстрела. Автор повествует в нем о тайном «обществе исследования и искоренения зловредного нигилизма в государстве российском», председателем которого является Феопретий Папианович Патриотов, товарищем председателя — Агафолус Агафоподович Идиотов, а членами — Тигрий Урванович Неукротимов и др. Председатель произносит речь о борьбе с сатаинским «духом пренапитывающим» путем «изыскивания», «искоренения» и т. д., и общество принимает решение установить связь с Сикофантовым и Казеннообъявленным (Катковым и Леонтьевым). На описании поездки в Москву повесть обрывается — Буренин, верно, понял, что она все равно не будет напечатана.

Но и те вещи, которые появлялись в журнале, неоднократно вызвали возмущение цензурного ведомства, а в 1872 г. № 15 «Искры» был конфискован за сатиру Буренина «Исправленный реалист, или Юноша ликея», направленную против Каткова.

¹ «Поэты „Искры“». С. 406.

В 1863—1865 гг. Буренин был одним из основных сотрудников «Искры». После 1865 г. произведения его печатались на страницах «Искры» значительно реже. С 1865 г., не прекращая работы в «Искре», Буренин, однако, систематически вел фельетон «Общественные и литературные заметки», а затем обозрение журналистики в либеральных «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша. Много печатался он и в «Будильнике». С конца 1860-х годов Буренин сотрудничал в органе русского либерализма «Вестнике Европы» и в то же время в «Отечественных записках» Некрасова, где появилось несколько десятков его сатир и переводов.

Сотрудничество в журналах и газетах столь различного направления свидетельствует о том, что политический радикализм молодого Буренина не отличался глубиной и последовательностью, а его дальнейшая эволюция не была так неожиданна. В 1872 г. происходит разрыв между «Отечественными записками» и Бурениным. Прекращается и его к тому времени сделавшееся уже только эпизодическим сотрудничество в «Искре». Буренин продолжает активную работу в одних «С.-Петербургских ведомостях».

В 1875 г. «С.-Петербургские ведомости», по проискам Каткова, были отняты у Корша. Тогда популярный фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» А. С. Суворин взял в свои руки газету «Новое время», куда с ним перешли некоторые сотрудники газеты Корша, в том числе и Буренин. Сначала «Новое время» имело либеральный оттенок, но вскоре Суворин переметнулся в правительственный лагерь и превратил свою газету в реакционный черносотенный орган. «„Нововременство“, — писал В. И. Ленин, — стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство».¹ Вместе с «Новым временем» эволюционировал в том же направлении и Буренин. Он был главным критиком «Нового времени» и в течение нескольких десятилетий занимался травлей передовых течений русской общественной мысли и литературы.

В 1860-х — начале 1870-х годов произведения Буренина большей частью печатались под разными псевдонимами: Владимир Монументов, Выборгский пустынный, Михаил Антиспатов, Хуздозад Цередринов и др. Лишь небольшая их часть была включена в его сборники «Стихотворения» (1878), «Былое» (1880), «Стрелы» (1880), «Песни и шаржи» (1886), а также в пятитомные «Сочинения» (1912—1917).

Буренин умер 15 августа 1926 г. в Ленинграде.

¹ Ленин В. И. «Карьера» // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 44.

395—397. ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ¹

(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. Н. МАЙКОВУ)

С легкой руки А. Н. Майкова поэтические альбомы разных местностей вошли в моду. В прошлом № «Искра» представила читателям «Венецианский альбом», теперь предлагается «Парижский». Мы надеемся еще предложить любителям поэзии альбомы лондонский, константинопольский и нагасакский. Выпуск в свет общего роскошного издания этих альбомов будет зависеть от согласия А. Н. Майкова. Без его альбома издание не состоится.

1

В русской церкви за обедней
Весь beau monde² наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчаса.

«Каково, Иван Сергееч,
Поживаете?» — «Merci.
Всё пишу о нигилистах —
Русь от них Христос спаси!»

«Нет ли с Севера известий?»
— «Вот Некрасов пишет мне,
Будто всякий день ему я
Всё мерещуся во сне».

«Что вы?» — «Право! зазывает
В «Современник»; ну, да я
Не поддамся, симпатию
В сердце к «Вестнику» тая».

¹ Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда. — Автор.

² Высший свет (франц.). — Ред.

Я любил за чашкой кофе
Восседать в *café Durand*.
Там февральской революции
Начался плохой роман.

Там фразерствовал когда-то
Благородный гражданин,
Автор разных медитаций
И виконт де *Lamartine*.

Там в дни оны «депутаты»
Проживали годы в час,
Революцию создавая
И волнуясь из-за масс!

А теперь сидят там чинно
Буржуа и пьют лафит,
И пред входом полицейский
Ходит мрачен и сердит...

3

*Diable m'emporte!*¹ Гулять я вышел
От *Concorde*² и вдоль «аркад».
Что ж? — едва ль не в каждой арке
Полицейские стоят!

*Sacrebleu!*¹ До *Tour Saint-Jacques*³ я
Прошагал всю Риволи —
И клянусь вам, полисмены
Непрерывной цепью шли!

*Sacristie!*¹ К Пале-Роялю
Выхожу я: тут и там
Полицейские повсюду —
Посредине, по углам!

¹ «Черт возьми!», «Сто тысяч чертей!» и т. п. ругательства (франц.). — *Ред.*

² Площадь Согласия (франц.). — *Ред.*

³ Башня Сен-Жак (франц.). — *Ред.*

Cent milles diables! ¹ Иду я дальше:
Rue Saint-Marc, quartier Bréda ²
Охраняет равномерно
Полицейская орда!

Ventre-saint-gris! ¹ Вот на бульвары
Занесла меня судьба.
Что же? — вижу полисменов
Я у каждого столба!

1863

398—399. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ
ВЫХОДА «СОВРЕМЕННОГО»

I

В МОСКВЕ

Магазин Базунова. Два «благонамеренных».

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Это *он* явился снова,
Нигилизма ярый сын!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Что ж, воздержанный начальством,
Стал ли нынче он смирней?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Нет, увы, с былым нахальством
Всё шипит, шипит, как змей!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Что ж, великого Каткова,
Заслужившего хвалу,
Он...

¹ «Сто тысяч чертей!» и т. п. ругательства (франц.). — *Ред.*

² Улица Сен-Марк, квартал Бредá (франц.). — *Ред.*

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Отделывает снова,
Изрыгнув Москве хулу!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Что ж, исполнен прежней блажи,
Отвергает дерзко он
Даже?..

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Ну, ему все «даже» —
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Что ж, ужель опять скандалы
Он пускает, как пускал?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

(махнув рукой)

Что тут! все как есть журналы
Поголовно обругал!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Что ж, ужель опять «мальчишки»
В нем найдут себе притон?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Да уж в этой первой книжке
Им хвалы слагает он!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Что ж, ужель раздастся снова
Возмутительный «Свисток»?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й

Да, сей бич всего святого
В надлежащий выйдет срок!

О б а в м е с т е

(с ужасом)

О, бежим от Базунова:
Нас враждебный гонит рок!

В ПЕТЕРБУРГЕ

Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский, Громека
и Краевский; у каждого «Современник».

Д о с т о е в с к и й

Появился!

Г р о м е к а

Вот он!

К р а е в с к и й

Эка

Толщина-то, толщина!

Г р о м е к а

Да... а кто ж, как не Громека,
Разрешению вина?

В прошлой «хронике» я смело
Стал начальству объяснять,
Что теперь пора приспела
Нигилистам волю дать.

Д о с т о е в с к и й

(язвительно)

Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».

(Показывает ему какую-то статью.)

Г р о м е к а

Что? невежда я и школьник?!

(Грозовым голосом.)

Ну так слушай, Невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм — ужасный яд!

Достоевский

(Краевскому)

А меня на «почве» милой
Оскандалили!

Краевский

(меланхолически)

Грущу...

Достоевский

Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Федором отмщу
Иль Косицу напущу!

Голоса благонамеренных
из атмосферы

Сей журнал — исчадьє мрака!
В нем хозяин — сатана!

Краевский

Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

1863

**400. ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЧТЕНИЯ
г. ЮРКЕВИЧА ПО «ФИЛОСОФИИ»**

Грянул гром не из тучи...

Ах я грешник окаянный!
Я себя в восторге чистом
До сегодняшнего полдня
Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,
Покоряясь общей моде,
И читал его девицам
В запрещенном переводе.

Наводил на дам московских
Больше, чем все черти, страха,
Проповедуя идеи
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мне внезапно в душу
Благодать сошла господня:
Мне Юркевич многоумный
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне — о небо,
Я предвидеть это мог ли! —
Психологии незнание
В обожаемом мной Бокле!

Горько плачь, несчастный Бюхнер,
Достодолжную острастку
Обещает дать тебе он,
Сняв с твоей системы маску!

Для девиц и дам московских
Ты не будешь страшной тенью,
Не привьешься гнойной язвой
К молодому поколенью!

Вот тебе пример: навеки
Я прощаюсь с тобою,
Породнил меня Юркевич
С философией иною;

Почитать я буду старших,
Полон к ним благоговенья,
И в великий пост намерен
Справить ровно два говенья!

1863

401. ГЛАВЫ ИЗ «БЛАГОНАМЕРЕННОЙ ПОЭМЫ»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Мы себя грязним!

Конрад Лилиеншвагер

3

«Велика и обильна родная земля» —
Мы читали из школьных тетрадок;
«Но порядка в ней нет» — прибавлялось; теперь
Положительно есть и порядок.

Не угодно ль взглянуть — поразительный вид:
Вот народ в шестьдесят миллионов,
Что в любви и примерном согласьи живет
Под эгидою мудрых законов.

Всем известно, на праве основан закон...
Как бы здесь мне хотелось здраво
Бросить взгляд на идею, значение и цель
Высоко мною чтимого права.

Изъяснил бы весьма юридически я,
Что спасительна порка для вора,
Как толкуют Капустин, Чичерин Борис
И юристов немецкая свора.

Но боюсь от предмета отвлечься... К тому ж
И «причин независящих» бездной
Руководствуюсь я... Так не лучше ль опять
Возвратиться к отчизне любезной?

Мы сказали, порядок у нас и во всем
Равновесие сил разнородных:
В низших классах наивная честность, зато
Есть лукавство рабов в просвещенных.

Все сословья концерт у нас общий дают;
Что за звуки! разлив их так ровен,
Так приятно согласен! В гармонии нам
Уступают Моцарт и Бетговен!..

Это точно, была роковая пора,
Взволновались однажды мы очень,
В оны дни, как солидные лица свои
Удостоивать стали пощечин.

Жажда плюх, как известно, пришла из Москвы:
Там, великих начал провозвестник,
Первый начал валять по ланитам себя
Джентельмен раздражительный «Вестник».

Мудрый Кокорев в такт ему вдруг заушил
Тучный лик свой, и вслед им Погодин
Энергично взялся за ланиты свои,
Находя, что сей акт благороден.

Петербургу понравилось это; и мы
Года два перед взором Европы
Колотили себя и в то время нашли,
Что не надо и розог!..

(Говорят — не ручаюсь за верность **молвы**, —
Что в те бурные дни из аптеки
Для целения арнику больше всего
Отпускалось Степану Громеке.)

Воспевали поэты в высоких стихах
Заушения подвиг отменный
И пророчили нам, что в грядущем за то
Вознесемся мы в целой вселенной...

Появились, однако, тогда ж господа,
Что немножко в скептическом духе
Объясняли всеобщую жажду — себе
Задавать с наслаждением плюхи.

Эти скептики нам утверждали, что мы,
Потеряв на ланиты чужие
Наше прежнее право, себя по щекам
Принялись колотить, как шальные!

Впрочем, плюхи звучали... и стихли потом;
Раздалась на железной дороге
Вновь одна, но уж та по чужому лицу,
И — порядок остался в итоге!

5

Я, читатель, от няни-старушки слышал
В дни волшеббно мелькнувшего детства
Много сказок чудесных: один этот клад
Мне она завещала в наследство.

На меня не посетуют, если теперь
Сказку я расскажу: отчего нам
Не запеть, как певалось в минувшие дни,
Простодушно-младенческим тоном?

Я люблю звуки песен бывшего, люблю
Этих звуков волшебные песни;
Сердцу сладко минувшие дни вспоминать,
С ними жизнь и светлей и чудесней!..

Так начнем же: далеко, в заморских краях
Жил волшебник Прогресс благодущный,
Правил мирно страной да творил чудеса,
И Прогрессу все были послушны.

Жил Прогресс, не тужил; да случилось, узнал,
Что есть целые грады и веси,
Где в спокойствии добрые люди живут
Да и знать не хотят о Прогрессе.

Он разгневался. «Ну,— говорит,— коли так,
Сам иду я, своею персоной
К этим людям: посмотрим мы, как-то у них
Будет принят властитель законный?»

Собрался он без свиты; шел день, может, два,
И пришел наконец: ничего-то
Не видать — ни долинок, ни речек, ни гор,
Лишь зловонное видно болото.

Люди разных чинов и сословий сидят
В том болоте средь грязи смердящей,
Жрут ее да хвалебные песни поют,
Полагая, что пищи нет слаще.

«Что за мерзости!» — плюнул волшебник Прогресс,
Да и прочь было... глядь: вместо суши
Очутилась трясина под ним — и завяз
Он в трясине по самые уши!

Оглянулся он в страхе: толпою к нему
Разноцветные люди всплывали —
На лицо ему плюнули грязью, потом
Сами грязь ту облизывать стали...

И сидит в том болоте Прогресс, и досель
Он не может уйти из болота...
«Ну уж сказка!» — кричат мне. Соскучились вы? —
Самому мне невесело что-то...

«Для чего же рассказывать было ее? —
Что за басни, давайте нам дело!»
Для чего? «Есть причина, но я не скажу
Ее звездам небес!»... (из «Отелло»).

Впрочем, если угодно, вам можно теперь
Насладиться приятной мечтою;

.....

То ли дело у нас-то, такой ли прием
Был оказан прогрессу сынами
Милой родины? принят он был, восхвален
И осыпан в восторге цветами.

На Скарятине въехал он в славе; в Москве
Был он встречен Катковым, лорд-мэром,
На пути ему Павлов песок посыпал,
И скакал Розенгейм пионером.

Все младенцы ему воспевали хвалу:
Калиновский,¹ Громека, Чичерин,
Князь Черкасский с березовой ветвию шел,
Заливался Скарятин, как мерин...

6

Ах, куда мы идем? до чего мы дойдем? —
Часто слышатся эти вопросы
В нашем обществе мудром, и часто от них
Сильно духом смущаются россы.

Отвечают одни: мы идем всё вперед;
Но другие, исполняясь тревоги,
Возражают: да что же нас ждет впереди?
И не лучше ль присесть на дороге?

Может быть, впереди-то — спаси нас господь —
Сами будем мы жизни не рады;
Ну, как месяцы вроде «плювьёзов» пойдут,²
А недели заменят «декады»?

¹ Г. Калиновский — издатель ныне почившего прогрессивного журнала для детей «Светоч».

² Здесь автор, очевидно, имеет в виду исключительно ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки, потому что, кроме его, у нас, кажется, еще никто не предсказывал революции. Это ясно из сопоставле-

Ну, как вдруг, например, на Арбате, в Москве,
 Развернутся деревья свободы?
 И под ними российские девы начнут
 В белых юбках водить хороводы?

Ну, как вдруг целовальник у нас с мясником
 Зашумят, загуляют не в шутку?
 И нельзя будет их на веревке свести,
 Для смирения должного, в будку?

Ну, как «Почты» редактор Иван Гончаров
 Обратится внезапно в Марата,
 Кохановская выйдет подобьем Roland?..
 Что-то мы затолкуем тогда-то!

Но к столь страшным мечтаниям склонны умы
 Только слишком наивного свойства,
 Я сказал уж однажды: порядок у нас —
 Так какие же тут беспокойства?

Надо только одним признаться: чтоб мы
 Были в жизни невинны и чисты,
 Яко голуби, и да исчезнут, как дым,
 Из родимой земли нигилисты!

Это мирного общества нашего зло,
 Это Запада гнойного дети;
 Им не свято отечество самое, им
 Ничего нет святого на свете!

Им благие реформы дают: например,
 Улучшая цензуру, хлопочут
 «Предварение» вместе с «каранием» слить —
 А они безобразно хохочут!

Вред их обществу признан давно; и теперь
 Нигилистов смиряют отлично:
 В Петербурге келейно их правят, в Москве
 Исправляет Юркевич публично.

Мне, однако, читатель, казались всегда
 Эти меры медлительны очень;
 Как быстрее нигилизм истребить до конца —
 Этим я горячо озабочен.

ния г. Гончарова — Марату и г-жи Кохановской — m-me Roland. Хоро-
 ша вышла бы революция при таких деятелях! *Примечание* наборщика.

Порошок я хочу изобрести, чтоб сморить
Порождение злых элементов:
Свистунов, журналистов, писателей всех
И, особенно, дерзких студентов.

.

7

Ну, однако, довольно, малютка моя,
Будет петь нам... Уж скоро ведь, светел,
На востоке заблещет небес горизонт,
Уж два раза выкрикивал петел...

На плечо ты склоняешь головку ко мне,
И повязка чела золотая
Ароматные кудри не может сдержать...
Я дремлю, эти кудри лаская...

И как будто нисходит желанный покой...
Но покою нельзя мне отдаться;
Нет, малютка моя, не давай мне заснуть:
Мне всегда сны ужасные снятся!

Невеселые сны! Всё-то слышу я в них
Безотрадные вопли и скрежет,
Слышу песни ликующих праздно... и мне
Звук той песни, как нож, сердце режет!

Снится мне: воеет грустно метель и снега
Заметают деревню... Под кровом
Полусгнившего сруба рыдает бедняк,
Истомлен боем с жизнью суровым...

И зачем он рыдает безумно? кого
О спасеньи, о помощи просит?
Снится мне, что рыдания и вопли его
Только ветер да вьюга разносит!

Страшны мне эти сны, надо мною они
Пролетают всю ночь до рассвета...
Но увы! На вопрос о значении снов
Не дает моя Муза ответа.

402. <ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО>

Это было печальное утро: туман
Над столицей свой саван гробовый
Распростер, с неба дождь, будто слезы, лился,
Веял холод повсюду суровый...

Я на площадь пришел... Там толпа собралась,
Эшафот поднимался там черный:
Три ступени, дощатый помост и на нем
Столб с тяжелою цепью позорный.

В строй сомкнувшись, солдаты стояли кругом,
Палачи на помосте гуляли,
И жандармы задами своих лошадей
С наглым видом толпу оттесняли.

Отделения Третьего мерзостный штаб
Тут же был — и с султанами кепи
Любовались с злорадством жестоким, когда
Укрепляли железные цепи...

Небо было темно, ветер жалобно выл...
Час за часом тянулся уныло...
Сердце было мучительной пыткой полно
И тоской ожидания нило...

Раздался стук колес... Загремел барабан,
И карета подъехала... Вышел
Из нее человек — и его на помост
Палачи повели... Я не слышал

Вздохов скорби в толпе: каждый в сердце таил
Муки сердца... но взоры сверкали
Скорбным гневом... Он шел мимо нас, и пред ним
Все мы головы низко склоняли.

Бледен лик его был, но смотрел, как всегда,
Он с иронией горькой... Своими
Палачами он был окружен, но в тот миг
Не они — он смеялся над ними...

Но когда, приговор прочитавши, к столбу
Притянули ему цепью руки
И с открытым челом он стоял под дождем
С бледным ликом, исполненным муки,—

О, тогда вздохи скорби толпа не могла
Превозмочь... и у женщин катились
Слезы, горькие слезы из глаз,
И сердца наши злобою бились...

Палачи! Как Христа, приковали его
У столба казни цепью позорной,
Приковали за то, что к свободе он звал,
Что насилья был враг он упорный!..

1864

403. ИЗ ПОЭМЫ «ПРЕРВАННЫЕ ГЛАВЫ»

ГЛАВА 4

Я всегда осуждал направление тех,
Кто порядком вещей недоволен
И в наш век положительный жаждой реформ
И утопий мечтательных болен.

Мне порядок иной непонятен, как тот,
Освященный веками, с которым
Существует весь мир: удивительный вид
Представляет пытливым он взорам.

В основаньи его вложен строгий принцип —
Нуждам разных людей соразмерно
Потребленье давать: так, богатым всем жить
Хорошо суждено, бедным скверно.

В самом деле, нельзя же равнять меж собой
Бедняка с богачом; ведь бедняк-то
С колыбели к лишениям привык: меньше ест
И желает скромнее он как-то.

А богатый — он роскошью вскормлен, повит
Кружевами, парчою и шелком,
Он привык жить просторно, свежо и тепло,
В аппетите равняется с волком.

Строго мысля, читатель, бог знает зачем
Филантропам сочувствуем все мы:
Ведь стремление их бедным братьям помочь —
Нарушение разумной системы.

Понимают ли сами они, что творят,
Извлекая из бездны проклятой
Нищеты и несчастья детей? Ах! какой
Их добро отзовется им платой!

Эти страшные люди, которым они
Подадут нежно руку спасенья,
Эти люди на место себя их столкнут
В бездну зла — в этом нету сомненья.

Филантропии, думаю я, путь иной
Нужно выбрать, чтоб братии нищей
Радикально помочь: нужно бедных людей
Насыщать идеальной пищей.

Эстетических прелестей тайну открыть
Нужно им, красоты тронуть струнки
В их сердцах, объяснив, что лохмотья нужды,
Ветхий кров хороши... на рисунке;

Что стенанья, мольбы голодающих масс,
Вид нужды, скорбный вид угнетенья
Много песен гражданских внушают певцам,
Возбуждая в певцах вдохновенье;

Что богатый на золото всё покупать —
И картины и песни обязан,
А бедняк в отношенье таких же вещей
Затрудненьем подобным не связан:

Стоит только взглянуть на свой ветхий костюм
Иль на кровлю, как дождь в нее льется,
Иль прислушаться к стонам своим — и душа
Эстетическим жаром зажжется!

Здесь я с гордостью должен признаться: у нас
Благодетели есть для народа,
Что советуют меры на пользу ему
Совершенно такого же рода.

Радикалы, поборники крайних начал
Их бездушными шельмами, может,
Назовут; но ведь мнения крайних людей
В наши дни никого не тревожат.

Что касается лично меня, я вполне
Благодетелям верю и внемлю
С восхищеньем их мудрым советам: отнять
У крестьянина право на землю.

Разумеется, землю господь сотворил
Лишь для избранных лиц, как трудиться
Предоставил на ней он одним, а другим
Есть плоды тех трудов и лениться.

Неужели в народ добровольно вносить
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,
Что мужик оттого на работу идет,
Что боится голодной он смерти!

Благодетельный стимул такой отстранять
Неразумно из жизни народной;
Крепостным вечно впроголодь жил «мужичок»,
Пусть он так же живет и свободный!

Состоянье такое имеет в себе
Благ так много: умеренность в пище
Нашу плоть укрощает и делает дух
Благородней, светлее и чище.

При желудке пустом обращается мысль
Исключительно к хлебу и, праздно
Не стремясь к разъяснению тайн бытия,
Охраняет себя от соблазна.

.....

1865

404. ПЕСНЬ
О ПЕДЕФИЛЕ И ПЕДЕМАХЕ

1

Патриоты и пророки
Педефил и Педемах
За любезную отчизну
Ощутили в сердце страх.

И была причина страху:
От полярных хладных льдов
И до «пламенной Қолхиды»
Зрится гибель всех «основ».

Разложение проникло
В нравы, в мысли и сердца,
Благочиние в презреньи,
Беспорядкам нет конца...

2

Основанье государства
Есть семья — ковчег всех благ;
Что же зрят в семье российской
Педефил и Педемах?

Дети грудь сосут и мыслят —
Чтоб развиться поскорей —
О химическом составе
Молока их матерей!

Пососавши, начинают
О семейном рабстве речь,
Утверждая, что отцы их
Не имеют права сечь!

3

Чем народы крепки? — верой
В провидение; но ах,
Веры сей не зрят в отчизне
Педефил и Педемах.

Благочестие утратив,
Миллионы россиян
Убеждаются, что люди
Родились от обезьян;

Что из всех законов вечных
Человечеством один
Руководит — тот, который
В наши дни открыл Дарвин.

4

Отторжение окраин
Может Русь низвергнуть в прах;
Что же видят по окраинам
Педефил и Педемах?

Видят ковы и интриги,
Равнодушие «высших сфер»
К обрусительным приемам
И забвенье прежних мер,

Видят вывески на польском,
На немецком языках —
И трепещут патриоты
Педефил и Педемах.

5

Пресса здравая есть признак
Здоровой жизни; что ж в статьях
Русской прессы обретают
Педефил и Педемах?

Порицание порядка,
Непочтительность к властям,
Недостаток уваженья
К греко-римским словарям.

Вредный дух демократизма
И глумление — о страх! —
Над мужами, коих имя
Педефил и Педемах.

Обозрев все эти страхи,
 Педефил и Педемах
 Порешили непреложно
 Справить Русь во всех частях.

Ради цели сей ликейский
 Храм воздвигнув в наши дни,
 В нем работать принялися
 Древних мальчиков они.

В этих мальчиках лекарство
 Всей Руси от гнойных ран,
 Эти мальчики исправят
 Радикально россиян.

Но в ликее, что содержат
 Педефил и Педемах,
 Дивных мальчиков немного,
 Русь меж тем обширна страх.

«Хорошо бы,— мнят пророки,—
 Современных всех ребят
 В древних мальчиков обделать» —
 И проект о сем строчат;

И поспешно посылают
 К славным невским берегам
 С несомненною надеждой,
 Что его одобрят там...

«Если нам удастся,— мыслят
 Педефил и Педемах,—
 Провести проект, к величью
 Русь пойдет на всех парах.

Нигилизма дух исчезнет
 Навсегда — и россов род,
 Классицизмом просвещенный,
 Власть над миром обретет.

Если наш проект отвергнут,
Сгибнет Русь вконец: таков
Жребий стран, где отрицают
Пользу древних языков!..»

эпилог

Слух идет, что, сею мыслью
Педефил и Педемах
Занимаясь непрестанно,
Повредились в умах!

1871

405. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

«Плохо, Петр Иванович?»
— «Плохо, Петр Ильич!
Думал, нынче за ночь
Хватит паралич:
Слышали, в суде-то
Что творится? Ох,
Верьте мне: нас это
Наказует бог!

Школьникам, мальчишкам —
Просто стыд и срам —
Поблажает слишком
Председатель сам!
Вежлив, как в салоне:
«Смею вам сказать...»
В эдаком-то тоне
С *ними* рассуждать!

Ну, и адвокаты
Тоже молодцы-с!..
Русь, вперед пошла ты —
Эй, остерегись!
Коль в суде так будут
Вольно говорить,
Гласный этот суд-ат
Надо затворить!

Уж и приговором
Одолжили нас!
Мы убийцу с вором
Строго судим — да-с!
Если ж — вот прогресс-то! —
Покарать мятеж
Надо судьям — теста
Мягче судьи те ж!..

Коли в этом роде
Всё пойдет — ей-ей,
Русь на полном ходе
К гибели своей!
Да-с, прогресс сей ввержет
Нас злосчастья в ров,
Если не поддержит
Господин Катков!»

1871

Огюст Барбье

406. СОБАЧИЙ ПИР

1

Ложился солнца луч по городским громадам
 И плиты улиц тяжким зноем жег,
 Под звон колоколов свистели пули градом
 И рвали воздух вдоль и поперек.
 Как в море вал кипит, лучам покорный лунным,
 Шумел народ мятежною толпой,
 И пушек голосам зловещим и чугунным
 Песнь «Марсельезы» вторила порой.
 По узким улицам и здесь и там мелькали
 Мундиры, каски и штыки солдат,
 И чернь, под рубищем храня сердца из стали,
 Встречала смерть на грудах баррикад;
 Там люди, сжав ружье рукой, от крови склизкой,
 Патрон скусивши задымленным ртом,
 Что издавать привык лишь крики брани низкой,
 Взывали: граждане, умрем!

2

Где ж были вы тогда, в кокардах разноцветных,
 В батисте тонком, родины сыны,
 Вожди бульварные, герои битв паркетных,
 Чьи лица женской красоты полны?
 Что делали вы в день, когда средь страшной сечи
 Святая «сволочь», бедняки, народ
 Под сабли и штыки, под пули и картечи,
 Презревши смерть, бросались вперед?
 В тот день, когда Париж был полон чудесами,
 Смотря тайком на зрелище борьбы,
 От страха бледные, с заткнутыми ушами,
 Дрожали вы, как подлые рабы!

3

О, это потому, что Вольность не маркиза,
 Одна из тех великосветских дам,

Что падают без чувств от каждого каприза
И пудрятся, чтоб свежесть дать щекам!
Нет, это женщина с могучими сосцами,
С громовой речью, с грубою красой,
С огнем в глазах, проворными шагами
Ходящая пред шумною толпой.
Ей люб народа крик и вопль кровавой схватки,
И барабанов боевой раскат,
И запах пороха, и битвы беспорядки,
И в мраке ночи воющий набат!
Она лишь с тем предастся сладострастью,
Тому прострет объятия любви,
Кто черни сын родной, кто полон мощной властью,
Кто обоймет ее рукой в крови!

4

Дитя Бастилии, топча ногою троны,
Горячей девой к нам пришла она,
И весь народ пять лет, любовью распаленный,
С ней тешился без отдыха и сна.
Но ей наскучило быть грубых ласк приманкой,
И сбросила она под гром побед
Фригийский свой колпак и стала маркитанткой,
Любовницей капрала в двадцать лет!
И вот теперь она, прекрасная, нагая,
С трехцветным шарфом, к нам опять пришла
И, слезы бедняков несчастных отирая,
В их душу силу прежнюю влила.
В три дня ее рукой низвергнута корона
И брошена к народу с высоты,
В три дня раздавлено, как прах, величье трона
Под грудой мостовой плиты!

5

И что ж? — О стыд! — Париж великий и свободный,
Париж, столь чудный в гнев роковом
В тот бурный день, когда грозы народной
Над властью грянул беспощадный гром;
Париж с священными минувшего гробами,
С великолепом печальных похорон,
Со взрытой мостовой, с пробитыми стенами —
Подобием изорванных знамен;

Париж, обвитый лаврами свободы,
Кому дивится с завистью мир,
Пред кем с почтением склоняются народы,
Чье имя чтут, как дорогой кумир,—
Увы, он ныне стал зловонной грязи стоком,
Вертепом зла бесстыдного он стал,
Куда все мерзости сливаются потоком,
Где катится разврата мутный вал;
Салонных шаркунов он сделался притоном:
К пустым чинам и почестям жадна,
Толпа их бегаёт из двери в дверь с поклоном,
Чтоб выпросить обрывок галуна!
Торгуя честью и теша черни страсти,
В нем нагло ходит алчности порок,
И каждая рука лохмотьев павшей власти
Окровавленный тащит клоч!

6

Так издыхающий далеко от берлоги,
Сражен свинцом безжалостным стрелка,
Лежит кабан; под жгучим солнцем ноги
Он вытянул, и пена с языка
Струится с кровию... Уж он не рвет капкана,
Он замер в нем... Вздохнул последний раз
И умер, пасть открыв кровавую, как рана...
И вот труба победно раздалась:
Тогда, как волн ряды, собак свирепых стая
Рванулась вдруг, и слышен там и тут
В долине резкий гул их смешанного лая,
Как будто псы пронзительно зовут:
«Пойдем, пойдем! Кабан лежит сраженный в поле!
Теперь настал победы жданный миг,
Нас цепь охотника не сдерживает боле,
Он наш, он наш! точите острый клык!»
И, бросившись на труп в порыве алчной злобы
И когтем и клыком готовая терзать,
Вся свора роется внутри его утробы,
И каждый пес спешит кусок урвать,
Чтоб, встретившись потом на псарне с сукой жадной,
Открыв в крови дымящуюся пасть,
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:
«Вот и моя в добыче часть!»

(1866)

НИКОЛАЙ ЛОМАН

НИКОЛАЙ ЛОМАН

Николай Логинович Ломан — из дворян С.-Петербургской губернии — родился 4 февраля 1830 г.

В 1850—1870-х годах он преподавал русский язык и словесность в Новгородском кадетском корпусе, 2-м петербургском кадетском корпусе, 2-й петербургской военной гимназии и др. В 1862 г. вместе с преподавателем артиллерии полковником С. А. Слуцким Ломан издал «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса» в связи с его столетним юбилеем.

К тому же 1862 г. относится и другой факт его биографии. Он стал известен совсем недавно и свидетельствует о близости Ломана в то время к передовым кругам. Весною 1862 г. группой членов «Земли и воли» во главе с А. Д. Путьтой было организовано «Общество по изданию дешевых книг для народа». Ближайшее отношение к Обществу имел Н. Г. Чернышевский. В нем состояли многие преподаватели военно-учебных заведений, в том числе Ломан и его сослуживец Слуцкий. На одном из заседаний (1 мая 1862 г.) при обсуждении тематики изданий Ломан предложил написать очерк о Кольцове или Крылове.¹

Некоторое время (по одним сведениям, с 1868 г., по другим — в 1871—1872 гг.) Ломан был одним из директоров «Общества попечительного о тюрьмах» и активно участвовал в его работе — заведовал его отделами, председательствовал в исправительном совете и хозяйственном правлении. Каждый проект, направленный к улучшению быта малолетних арестантов и смягчению тяжелых условий их жизни, находил в его лице энергичного защитника.²

¹ Баренбаум И. Е. Н. Г. Чернышевский и печатная пропаганда революционных разночинцев 60-х годов XIX в. // Сб. «Чернышевский и его эпоха». М., 1979. С. 213—215.

² См. некролог Ломана в «Историч. вестнике» (1893, № 2. С. 649), а также «Адрес-календарь» на 1871 и 1872 гг.

Уже в конце 1860-х годов он получил чин действительного статского советника.

О дальнейшей жизни Ломана мы почти ничего не знаем. Не знаем, насколько точно характеризует ее каламбур П. А. Степанова:

Судьбой ты мало избалован —
Порою Гнут, порою Ломан.¹

За полтора года до смерти (Ломан умер 5 декабря 1892 г.) он обратился с просьбой о пособии в Литературный фонд, сославшись при этом на плохое здоровье, на то, что провел в больнице почти три года и должен еще длительное время лечиться, и на свою небольшую пенсию за многолетнюю педагогическую деятельность.²

Литературная деятельность Ломана длилась очень недолго. Она началась в 1858 г. В журнале «Весельчак» под псевдонимом «Август Дик» Ломан напечатал несколько довольно бледных юмористических стихотворений.

Расцвет его таланта падает на 1860 и 1861 гг., когда в «Искре» под другим псевдонимом — Н. Л. Гнут — появился цикл его фельетонов «Литературные вариации».

Борьба с «чистой поэзией» была центральным моментом фельетонов Ломана; сердцевину их составляли включенные в них пародии на Фета, Случевского, Вс. Крестовского, Мея, Каролину Павлову, русских переводчиков Гейне и др.

В своих «Литературных вариациях» Ломан (как это делали до него Козьма Прутков и Новый поэт — И. И. Панаев) надевает на себя маску безусловного поклонника «чистой поэзии», еще более заостряя, таким образом, жало своей насмешки. Свои пародии он выдает за подражания любимым поэтам. Полемизируя якобы с приветствовавшим пародии «злоречивого Гнута» Амосом Шишкиным (А. П. Сниткиным), другим пародистом «Искры», и со стихотворением Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Вы не поверите, что мне сегодня приснилось...», он писал: «Решительно я начинаю считать себя непонятою натурою! Помилуйте: тогда Амос Шишкин усмотрел в моих вариациях злоречие; теперь г. Преображенский объявляет меня чуть не врагом гг. Случевского и Кускова. Уж и не знаю, право, чем я подал повод к подобным заключениям! Хвалю откровенно, простосердечно — в похвале моей видят иронию; пишу рабское подражание любимому поэту — литературную вариацию принимают за пародию».³

¹ «Петербургская газета». 1898, 11 мая.

² Архив Литературного фонда в ПД, 1891, № 12, ст. 14; № 25, ст. 22.

³ «Искра». 1860, № 39. С. 418.

Писал ли Ломан после 1861 г. — неизвестно. По свидетельству современника, он всегда вспоминал об «Искре» «с особым благоговением».¹ В своем заявлении в Литературный фонд 1891 г. Ломан кроме своего сотрудничества в «Весельчаке» и «Искре» упомянул «мелкие статьи без подписи в некоторых других периодических изданиях». Из материалов Литературного фонда мы узнаем еще об одном интересном факте. В связи с просьбой Ломана А. Н. Пыпин писал: «Об его работах я слышал одно — что им составлена была и в значительной доле (кажется, до 16 печ. листов) напечатана очень хорошая история нашего тюремного дела, но не была выпущена в свет по чьим-то высшим соображениям; но что книга — хорошая, об этом я слышал от человека, в этом вопросе компетентного».

¹ «Минута». 1882, 14 мая, примечания редактора к «Литературным воспоминаниям» П. И. Пашино.

407. ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой...
Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.
Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомар разлегся на окне...
И фрукт привозный, из Мессины,
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсиновый,
Увы, его не освежит!..
Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

⟨1860⟩

408. УТЕШЕНИЕ

*Когда, что звали вы своим,
Навек от вас ушло
И горе камнем гробовым
Вам на сердце легло —*

Помочь в печали ближним рад,
Поэт вас позовет
Пройтись с ним, *бросить беглый взгляд*
Туда, по склону вод.

Он вам покажет, как струи,
Одна другой вослед,
Бегут на чей-то зов вдали
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет хоть на час
Взор в речку устремить,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской
Вы зло удручены,
Всё горе выльется слезой,
И вы исцелены!..

⟨1860⟩

409. НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили друг друга под бока,
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опёнок вырастал,
Как паук, среди своих дневных хлопот,
Фантастический выплясывал матлот.
Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил:
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
Как мертвец т-г Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил...
По закону же *содружества идей*,
Вспомнил случай я другой, еще страшней:
Вспомнил нищего, разрушенный гранит
И восставшего из гроба страшный вид,
Ветра свист, луны дрожащий свет,

Мертвеца протест и нищего ответ...
И невольный трепет в сердце проникал,
Но по-прежнему на камне я лежал,
И по-прежнему сшибались жуки,
Отличались в матлоте пауки,
Всё с березами амурились дубы,
Всё росли еще под деревом грибы.

1860

410. КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Я доживал в одном квартале
Десятый год;
Но вот почил квартальный вmale —
Я просьбу в ход:
К стопам начальства припадая,
Квартал просил.
И как-то вывезла кривая:
Наш утвердил!
Квартал достался мне богатый...
Тут на меня
Надели каску, и с гранатой,
Но без огня.
И обыватель под защиту
Ко мне бежал,
Всех обворованных, побитых
Я утешал,
И всяк за это утешенье
Благодарил;
Но вдруг сердечное движенiе
Я ощутил.
Раз, по грошовому взысканью,
К себе в квартал
Одно прекрасное созданье
Я вызывал.
Клянусь, клянусь богиней Фреей! —
Я, кстати, швед —
Подобных плеч, подобной шеи
На свете нет.
Что за глаза! — очарованье!
Я весь дрожал,
Когда управы предписанье
Я ей читал;

Когда склонив свои ресницы
И вся в огне,
Она, кротка как голубица,
Внимала мне...
Я прежде думал, что во власти
Я у себя,
Что застрахован я от страсти,
Как от огня;
Но я прочел, сидев в конторе
С пером в зубах,
Себе капут в прелестном взоре,
В ее очах.
Однажды я, тот взгляд встречая,
Не усидел;
Письмоводителю, вставая,
Уйти велел.
Я ей сказал: «К началу ночи,
Когда езда
Совсем затихнет, что есть мочи
Валяй сюда!»
Заря, бледнея, умирала
И умерла,
А ночь роскошно выплывала,
Как день светла.
Затихло всё. Сребристый тополь
Благоухал,
И, по трудах дневных, Петрополь
Опочивал.
На перекрестке ждал я встречи,
И долго ждал:
В мечтах грудь пышную и плечи
Я рисовал.
Прошел патруль, глядел мне в очи
И созерцал,
Как, бедный, я в прохладе ночи
Самосгорал.
Уж зарумянилась денница,
И ночь ушла...
Так вот как, скромная девица!
Ты не была?..
Тогда ее на жертву мщенью
Я осудил:
Насчет билета сочиненье
Я смастерил...

И я смотрел, как исполнялся
Приказик мой,
Как с ней в прихожей объяснялся
Городовой.

1860

411

Так мыслями я сходствую с тобой,
Что оба мы теперь одно и то же
Задумали в опасности такой.

«Ад» Данта, XXIII, 28—30.

перевод Д. Мина

Давно любовь в обоих нас остыла;
Мы разошлись давно, и, так сказать,
Мне время на душу забвение спустило,

А проще — я тебя стал забывать.
И уж, бывало, скукою гнетомый,
Я мог порой экспромты помещать

В изящные заветные альбомы.
При этом каждый раз мой стих гласил,
Что я у той иль у другой знакомой

В листках альбома сердце схоронил;
Прелестный взгляд я вновь считал наградой
И наконец печатно повестил,

Что женщину себе сыскать мне надо,
И изложил, чего я в ней искал,
Чтоб быть могла она моей отрадой...

Но вдруг, что ты преступна, я узнал:
Сказали мне, что будто ты скончалась,
И в тот момент, как дух твой отлетал,

Когда уж Смерть к устам твоим касалась,
Меня назвал, коснея, твой язык,
И надо мной ты колко посмеялась...

Я выслушал и головой поник;
Потом, подняв чело, повел вокруг очами —
И взгляд мой был и сумрачен и дик...

И в путь пошел я скорыми шагами.
Я шел к тебе, под гнетом черных дум,
Гороховой, чрез площадь, островами.

И слышал я какой-то странный шум,
И мне подчас такое представлялось,
Пред чем вздрогнул бы даже мудрый Юм,

Что видеть лишь Случевскому случилось
(О чем и сообщал он нам в стихах);
Так: в небе много месяцев являлось;

Вся даль была в светящихся руках;
По призракам Ночь важно восходила,
И, величая, она, в слезах,

Бежавший День десницею ловила;
По лесу ветер фертом пробежал;
Вослед ему трава зашелестила,

И чутко звук за звуком замирал,
И слышно стало, как росла былинка,
Как ландыш цвел, как мох произрастал...

Разряжена, что модная картинка,
Полулежала на диване ты.
Диван был на пружинах, с мягкой спинкой;

Обивка — синий штоф, по нем цветы;
Во храмине — приятный свет карсели,
Растений экзотических кусты,

И чьи-то лики пасмурно смотрели —
Линялые, в наколках и чепцах...
(То, верно, жен отшедших призраки сидели,

Уставши спать в затворенных гробах!)
Под окнами, глаз не сводя с дивана,
Стоял я долго и в твоих чертах,

В лице твоём насмешки и обмана
Старательно отыскивал улики;
Но тщетно: не нашел я в нем изъяна!

Напротив, как всегда, твой нежный лик
Был кроток, светел, девствен, и казалось,
Что ты водою «lait antépheique»¹

Еще сегодня утром притиралась.
И порешил я: нет, подобных губ
Насмешка злая не касалась!..

Но ты открыла рот — и... хоть бы зуб,
Единый зуб в нем тленьё пощадило!..
Мне было б легче, если бы твой труп

Смерть лютая нещадно исказила,
Чем томный, нежный лик беззубым увидеть!
И понял я, что Смерть сомной шутила...

И стал ее, таинственную, звать,
Как кровного врага, на состязанье;
Но Смерть не шла. Я продолжал кричать...

И крик мой, перешедший в завыванье,
Весь твой p'tit comité² перепугал,
Ты подошла к окну, но тут дыханье

Во мне сперлось — и я как сноп упал...
Казалось, в окнах лики заморгали
И самый дом твой в ужасе дрожал;

Ракеты, взвившись, лопали, трещали,
И ярко озарялись небеса;
А там, вдали, плечами пожимали,

Насупившись, сосновые леса;
В дыханьи ветра слышалась угроза...
И вдруг, гляжу, откуда ни взялся,

¹ Жидкость для смягчения кожи и уничтожения веснушек (франц.). — *Ред.*

² Дружеский кружок (франц.). — *Ред.*

Высокий призрак. Тон и поза
В нем обличают частного врача,
Он молвит: «Что ж? *mania furiosa!*...»¹

И страж градской подводит лихача...

1860

412

Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь
И облекся весь сад *тенью ясной*:
На свидание выйдет соседкина дочь;
С ней в аккорд мы сольемся безгласный.

И потом уж вдвоем с баловницей моей
До истомы читать станем Фета,
А сведут нас тесней упоительный Мей
Да языковских два-три куплета.

Разольют аромат каприфоли тогда,
Соловьи сладострастно засвищут;
Мы же с ней без следа неизвестно куда
Пропадем... и нигде нас не сыщут!..

1860

413

Ах, взгляните: закрывает тучкой *боязливо*
Бледный, томный лик свой интересная луна;
Робко в озеро склонилась ветвями ива;
Боязливая целует их *тайком* волна;
Ветерок *украдкой* бродит в липовой аллее,
И привет ему деревья *робко* шелестят;
Дергачи во ржи трещат *слабее и слабее*;
Соловьи над розами *от робости* молчат...
Вы взглянули!.. перемена прежних декораций!
Тучки нет уже, луна приветно светит вновь,
Исполняют соловьи под сению акаций
Ряд блестящих, звучных, гармонических варьаций
На мотивы нежные: «взаимная любовь...»

¹ Буйное помешательство (лат.).— Ред.

Прежней робости ни в чем как будто не бывало
С той поры, как вы, мой друг, ее *погнали прочь...*
О! еще б такая перемена не настала,
Когда милая, дрожа, певцу презентовала
«Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь!»

1860

414

Появилась головка в окне,
И поэтик ее вопрошает:
«Вы ли свет сообщили луне,
Или вас ее луч озаряет?
Самому рассудить мне невмочь —
Ваши ль дивные черные очи
Разожгли сладострастнее ночь
Или млеют они негой ночи?

Этот нежный румянец ланит
Уж не розы ли вам поставляют?
Или сами они колорит
С щечек ваших тайком похищают?..»
Ничего не сказала она,
Только губку слегка закусил
И, сомненьем таким смущена,
Поскорее окно затворила.

1860

415. RÉSUMÉ ВЕСЕННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
г. КРЕСТОВСКОГО

Не томите... выходите,
Моя милая!
А какая ночь, взгляните,
Молчаливая!
В повиликe без улики
Жду заране я
Разговоров о клубнике
И лобзания...

Без огласки ваши глазки,
Ваша талия
Встретят пламенные ласки —
И так далее...

1860

416. (г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ)

Вы не поверите, что мне недавно приснилось!
Будто минувшее наше опять возвратилось;
Лиры тридцатых годов вновь звучат тихострунные;
Будто восстали из тлена Ершovy, Трилунные,

Ожили с ними ручьи, соловьи перекатные,
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные —
Всё это будто бы снова у нас водворилось...
Крайне прискорбно, конечно!

А всё же приснилось...

1860

417

Душе становится легко хоть на мгновенье,
Как напечатать своё стихотворенье,
И мил тогда нам строк печатных самый вид,
Стих каждый как-то так приветливо глядит...
И всё равно: то наш ли будет плод
Или чужих стихов тяжёлый перевод,
Измены горечь в нём, любви ль взаимной нектар
И весь ли свет его восторженно прочтёт
Иль только пробегут редактор да корректор.

1860

1

(С САПРАСТИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ)

Я верю: меня ты любила,
 Да я-то тебя не любил;
 Меня ты еще не забыла,
 Тебя я давно позабыл.

2

(С ОТТЕНКОМ ИРОНИИ)

Меня ты когда-то любила,
 Тогда я тебя не любил;
 Теперь ты меня позабыла —
 И что ж? я тебя не забыл.

3

(ОРДИНАРНОЕ)

Ты меня любила,
 Я тебя любил,—
 Ты меня забыла,
 Я тебя забыл.

(1861)

421

В самом деле, шли бы вы на взморье,
 Где в жемчужных звуках грохот льется.
 Вот где петь, так точно уж раздолье —
 Пойте всё, что на душе споется...
 Спелся вздор (ведь может же случиться!),
 Так никто о нем и не узнает;
 Над певцом там некому глумиться:
 Водяной пародий не слагает!
 Только знайте рифмами играйте:
Моря — вторя — лилий — белых крылий...
 Много весу мысли не давайте —
 Песнь споется без больших усилий.

А устали вы от песнопений,
 Наигрались в трелях ночи нежных —
 Ждет вас много новых наслаждений,
 Скромных, чистых, самых безмятежных:
 Понабравши *ракушек* в лукошко,
 Рикошетом в море их швыряйте,
 Иль, пожалуй, помяучьте кошкой,
 Или хохот по морю пускайте!
 Но печатно в этом развлеченьи
 Лучше б вы не делали признанья:
 Что как вдруг да всё стихотворенье
 За ребячье примут лепетанье?

1860 или 1861

422

Ох, время тяжкое настало!
 Нам смерть голодная грозит:
 Случевский, *гений небывалый*,
 «Молчанье строгое хранит».

Не слышно страстных песен Кроля,
 Давно немотствует Кусков,
 З. Тур молчит... нет, ваша воля,
 А против нас устроен ков!

Вот Страхов вдруг исчез куда-то,
 А он так много обещал,
 Когда кометою *мохнатой*
 Нам в «Русском вестнике» сиял!

Крестовский наш ушел на взморье:
 Сбирает ракуш — *p'tit malin!*¹
 Пропало важное подспорье!..
*Допpez, messieurs, aux orphelins!*²

¹ Плутиска! (Франц.) — *Ред.*

² Господа, подайте сиротам! (Франц.) — *Ред.*

Иль разве мы еще не сиры?
Увы! поэтиков тех нет,
Под чьи цевницы, дудки, лиры
Легко слагался наш куплет!

Ах, мы и голодны и нищи,
Как истощился весь запас
Рифмованной духовной пищи,
Какой они питали нас!

И вот мы в страхе и печали
Возносим к вам свой томный глас:
Уж вы *для славы* пописали,
Создайте что-нибудь *для нас!*

О, не оставьте меньших братий!
Внемлите нашему refrain:¹
Не всё творить для хрестоматий —
Doppez, messieurs, aux orphelins!

1860 или 1861

¹ Припев (франц.).— *Ред.*

АЛЕКСЕЙ СНИТКИН

АЛЕКСЕЙ СНИТКИН

Четырнадцатого апреля 1860 г. состоялся спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда видных писателей. Был поставлен «Ревизор». Писемский играл городничего, Вейиберг — Хлестакова, Достоевский — почтмейстера, Тургенев, Некрасов, Григорович, Василий Курочкин и другие — купцов, а одного из полицейских (то ли Держиморду, то ли Свистунова) — молодой писатель Алексей Павлович Сниткин. Этот спектакль был для него роковым. Сниткин простудился и 30 апреля умер.

Его смерть вызвала ряд откликов, содержавших сочувственную оценку его литературной деятельности. «Кстати: не знавали ли вы одного Сниткина: он еще пописывал комические стихи под именем Амоса Шишкина, — спрашивал Достоевский артистку А. И. Шуберт 3 мая 1860 г. — Представьте себе: заболел и умер в какие-нибудь шесть дней... Очень жаль».¹ Теплый некролог появился в «Иллюстрации», где о Сниткине писали как о «замечательном таланте, обещавшем еще большее развитие в будущем»;² похвальным отзывом о его даровании сопровождалась публикация его повести «Стрикаловский барин» в «Библиотеке для чтения».³ Только мракобес Аскочеиский разразился в своей «Домашней беседе» грозной филиппикой, суля покойному вечные муки,⁴ за что был беспощадно высмеян на страницах «Искры».⁵

О жизни Сниткина (он родился в 1829 г.) до середины 1850-х годов ничего не известно. Начало его литературной деятельности относится к 1856 г., когда в «Современнике» были помещены, по свидетельству его приятеля, каких-то два рассказа.⁶

¹ Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч. Л., 1985. Т. 28, кн. 2. С. 10.

² «Иллюстрация». 1860, № 118. С. 292.

³ «Библиотека для чтения». 1860, № 10. С. 1—2.

⁴ «Блестки и изгарь» // «Домашняя беседа». 1860, № 34. С. 426—427.

⁵ Преображенский Пр. <Курочкин Н. С.>. Заметки // 1860, № 34. С. 368; Облнчительный поэт <Минаев Д. Д.>. О новом опыте загробной гласности «Домашней беседы» // 1860, № 40. С. 432—433; «Хроника прогресса» // 1861, № 16. С. 239.

⁶ Книжник Леонид <Блюмер Л. П.>. Воспоминания об А. П. Сниткине // «Книжный вестник». 1861, № 3. Эти трехстраничные воспоминания являются почти единственным источником для его биографии.

В 1857—1858 гг. Сниткин работал над комедией «Контр-мины» и романом «Увлечения», одна глава из которого появилась в журнале «Светопись». Публикуя ее, редакция «Светописи» сообщала, что роман «молодого талантливового писателя» «с января 1860 года будет печататься в одном из наших журналов первой величины». ¹ Однако, кроме этой главы, больше ничего не появилось. Рукопись романа, как и комедии «Контр-мины», по-видимому, не сохранилась. ² Следует отметить, что среди рукописей, отобранных у Чернышевского при аресте в 1862 г. и затем возвращенных Некрасову, была «Оборотливые люди, комедия Сниткина». ³ Те же ли это «Контр-мины» или что-нибудь другое — неизвестно.

В 1858 г. в аудитории факультета восточных языков Петербургского университета, студентом которого он был, Сниткин познакомился с Л. П. Блюммером и сблизился с ним на почве общих литературных интересов: оба, в частности, с глубокой симпатией относились к творчеству Островского. Они сошлись с Д. Д. Минаевым, тогда еще совсем молодым поэтом, и задумали издавать в 1859 г. еженедельную газету «Русский телеграф». Сниткин должен был заведовать литературным отделом. Но их план не осуществился — цензурное ведомство не дало им разрешения на издание газеты, сомневаясь в их «нравственном направлении», т. е. политической благонадежности. ⁴

Сниткин все время жил в бедности, а теперь он неожиданно оказался в еще более тяжелом материальном положении. Однажды на даче под Петербургом он сказал Блюммеру: «Ну, вот видите, я вам говорил, говорил я вам, Леонид Петрович, что нам счастья нет... У меня припадков зависти, право, никогда не было; но как взглянешь на этих осллов... гуляющих беззаботно и глупо улыбающихся, да как вспомнишь, что ни моей Лизе, ни моему Лекке завтра нечего есть будет — у-у! как завидно станет... Из всех предположений, из всех надежд остался, нет, не остался,

¹ «Светопись», 1859, № 2. С. 55.

² Существует версия о том, что В. Курочкин, когда его роман «Увлечение» не был принят ни одним журналом, подарил его «одному из сотрудников «Искры», шутя предлагая ему выдать себя за его автора, но Сниткин совершил это, кажется, не шутя, и напечатал его, только под другим названием, в «Светописи» (П а ш и н о П. Мои старые знакомые // «С.-Петерб. ведомости». 1882, 17 янв.). Вряд ли эти слова Пашино соответствуют действительности: во-первых, они противоречат указанию Блюммера, что Сниткин в 1857—1858 гг. упорно работал над романом, а во-вторых, уже по одному тому, что цензурное разрешение № 2 «Светописи» датировано 3 июня 1859 г., а Сниткин начал сотрудничать в «Искре» лишь в самом конце этого года.

³ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. С. 296.

⁴ Дела Гл. упр. цензуры, 1859, № 4939. Л. 6 и 9а и С.-Петерб. ценз. комитета, 1859, № 96 // ЦГИА, ф. 772 и 777.

а созданся — огромнейший шиш!.. Да, Леонид Петрович, и теперь я — не Сниткин, а Шишкин...» Разговор продолжался в том же духе, пока Сниткин не воскликнул: «О Шишкин! не унывай! — ты поэт!»

В том же 1859 г. Сниткина постигла и другая неудача. Он намеревался издать сборник своих пародий «Перепевы из русских современных поэтов Амоса Шишкина»; цензор, рассматривавший рукопись, потребовал от него каких-то «поправок», и сборник (по причинам, которые трудно установить на основании сохранившихся данных) издан не был.¹

С конца 1859 г. Сниткин сотрудничал в «Искре». Одновременно он вел фельетонное обозрение «Петербургская летопись» в журнале «Светоч», а также печатал стихи в издававшемся при «Светоче» «Карикатурном листке» и в юмористическом журнале «Развлечение».²

В последние три года своей жизни Сниткин, по свидетельству Блюмера, написал несколько небольших рассказов, частично «из простонародного быта», но они не были напечатаны. Уже после смерти Сниткина были опубликованы две его вещи: рассказ «Танкред» в «Иллюстрации» (1860, № 138—144) и большая повесть «Стрикаловский барин» в «Библиотеке для чтения» (1860, № 10).

На «Стрикаловского барина» обратил внимание Тургенев и рекомендовал Герцену прочитать повесть Сниткина. В ответ на это Герцен писал: «Хоть и видно, что еще перо не устоялось, а хорошо».³ Герцен считал, что в «Стрикаловском барине» чувствуется воздействие Тургенева («Стрикал подражает тебе»), но повесть и по своим персонажам и по стилю, пожалуй, ближе к Писемскому. Как бы то ни было, и «Танкред» и «Стрикаловский барин» свидетельствуют о бесспорном беллетристическом таланте Сниткина и хорошем знании жизни русской деревни и провинции незадолго до реформы 1861 г. В «Стрикаловском барине», писала газета «Русский инвалид», много «неподдельного юмора, наблюдательности, знания общественной жизни, человеческой природы, поэзии, умения рассказывать».⁴

¹ Реестр рукописей и печатных книг, поступивших в цензуру в 1859 году. Л. 225 об.— 226//ЦГИА, ф. 772, № 4760. Это было в конце ноября 1859 г. Через два с лишним года, 1 февраля 1862 г., Минаев получил из цензуры рукопись Сниткина и напечатал несколько его стихотворений в «Гудке». В рукописи сборника было 60 страниц.

² О том, как редактор-издатель «Светоча» расплачивался со своими сотрудниками, в частности со Сниткиным, см.: Старший чиновник особых поручений «Искры» (Вейнберг П. И.). Выдержки из памятной книжки // «Искра». 1860, № 13. С. 146; № 17. С. 184. «Светоч» назван здесь «Факелом», Сниткин фигурирует под буквой С.

³ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1963. Т. 27, кн. 1. С. 124.

⁴ «Русский инвалид». 1861, 24 марта. Статья С. Гийлева.

Как указано выше, Сниткин сотрудничал в «Искре» с конца 1859 г., т. е. очень недолго. Но редакция «Искры» ценила поэта и напечатала целый ряд его вещей и после его смерти, в 1861—1862 гг. В примечании к его «Антологическим стихотворениям» «Искра» сообщала: «Читателям нашим известно, что под псевдонимом Амоса Шишкина писал А. П. Сниткин, писатель с замечательным сатирическим дарованием, в прошлом году умерший».¹ «Особенность его юмора,— писал Н. Курочкин,— состояла в неожиданности оборотов, в комических сближениях и в бойкости и веселости изложения».²

¹ «Искра». 1861, № 2. С. 23.

² Преображенский Пр. Заметки // «Искра». 1860, № 34. С. 368.

1

НЕПОНЯТЫЙ ВОПРОС

Скажи мне, подруга, не сам ли Зевес,
Спустившись на облаке светлом с небес,
В блаженстве со смертной три ночи провел
И дочку такую на свет произвел?
С обидной насмешкой глядя на меня,
Наивно сказала подруга моя:
«Какой тут Зевес и какая тут ночь!
Я просто военного писаря дочь».

⟨1859⟩

2

ПОДРАЖАНИЕ XIV ИДИЛЛИИ БИОНА

Звезда прелестная Венеры нежно-страстной!
Пока Диана лик скрывает свой прекрасный
За ближней рощею — молю тебя: свети,
Чтоб было через лес мне не темно идти.
Покинул я свой дом не для трудов опасных,
И в сердце не таю я замыслов ужасных.
Нет, мне назначила лесничего жена
Свиданье тайное в лесу. Теперь она
Давно, я думаю, супруга напоила.
Так некогда и ты Вулкана проводила.

⟨1859⟩

3

НАШЕ ВРЕМЯ

Увы, давно прошли счастливые те годы,
Когда, послушные лишь голосу природы,
Народы мирно жизнь среди полей вели
И реки не водой, а нектаром текли;

Когда за смертными Юпитер увивался
И Бахус замертво с людьми напивался;
Когда не привлекал Венеру денег звон
И неподкупен был прекрасный Аполлон;
Когда с Фемидою в согласьи судьи жили
И правдой правому, а злomu злом платили;
Когда сам грозный Зевс преступников карал
И только лишь один Меркурий плутовал;
Когда... Но для чего нам попусту роптать?
Чем век наш не хорош? Чего еще желать?
Хоть нравы-то у нас теперь не слишком чисты,
Хоть денег за труды не платят журналисты,
Хоть Аполлон порой несет такую дичь,
Которой ни богам, ни смертным не постичь,—
Да гласность грозная повсюду процветает
И за делами всех бессонно наблюдает...

4

ПОЕЗДКА В ПАРГОЛОВО

Забыв поэзию, людей и всё на свете,
Я ехал с милою в извозничьей карете,
Спеша под кровлею крестьянской отдохнуть
И в тишине ночной в восторгах утонуть.
То было первое блаженное свиданье:
Красавица, склонясь на страстное желанье,
Решилася тайком покинуть отчий дом,
Чтоб сутки провести с любовником вдвоем.
(Кто любит истинно, в том безгранична вера!)
Для смелости с собой мы взяли редерера,
Бутылку коньяку, наливовк двух сортов
И вкусных 35 с грибами пирожков.
(К несчастью, одарен я страшным аппетитом,
А поцелуями, увы! нельзя быть сытым.)
Но вот приехали. С улыбкой на лице
Встречает толстая нас баба на крыльце
И в комнату ведет, где, пар густой пуская,
Сердито самовар ворчит, на нас пеняя...
.
.
Остались мы одни. Обвив меня руками,
Подруга милая впиалась в меня устами.
И этот поцелуй так много говорил,
Что понял я его и — свечку погасил...

1

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда в ночной тиши я вспомню вдруг о ней,
 Как с ней ложились мы вдвоем на это лоно,—
 То плачу я тогда, как плакал иудей,
 Влекомый в дальний плен от стен родных Сиона.
 Не жаль мне капитал, который я убил
 На шляпы, на цветы, на шелковые платья;
 Не жаль мне ничего, что ей я подарил
 За жаркий поцелуй, за страстные объятия;
 Я не сержусь за то, что мне ты предпочла
 Улана с длинными, пушистыми усами...
 Но, от меня бежав, зачем ты унесла
 Шкатулку с деньгами и ценными вещами!

2

В ПАВЛОВСКЕ

Постой! здесь хорошо... Зеленою оградой
 Кустарники кругом с деревьями сплелись;
 Чуть слышно музыка доносится из сада,
 А шумный говор стих и звуки улеглись.
 Я не пойду туда, где Штраус вероломный
 Ломается с смычком и скрипкою в руках,
 Как в знойной Африке, на Ниле, змей огромный,
 Свиваясь, нежится на солнечных лучах.
 Да, в этот уголок мы забрели даром.
 Скорей здесь отдохнем под тению куста!
 А там ты встретишься с знакомым лейб-гусаром...
 Нет, не пойдем туда... там шум и суета!

3

Я всё еще ее, безумный, не забыл!
 Я всё еще ее нередко вспоминаю,
 Хотя давно уже другую полюбил
 И, с первой разорясь, вторую разоряю.
 Я всё еще ее, безумный, не забыл.
 Люблю, как не любить Полонскому и Фету,
 Хоть деньги на нее казенные убил,
 Хоть предпочла она откупщика поэту!

⟨1859⟩

1

Я мрачно сидел за бутылкой,
 На мир, на людей рассердясь,—
 Когда между мною и ромом
 Какая-то связь родилась.

Стихи я писал, но какие?
 Не помню, а кажется, вздор!
 Ром сразу меня отуманил,
 И ром полюбил я с тех пор.

2

И ветер и дождик шумели
 В деревне далекой, степной.
 Мы с нею у печки сидели
 С какою-то глупой хандрой.

Она была в теплой камали,
 И я был закутан в халат,
 А на сердце столько печали,
 Как будто бы в нем целый ад!

И вижу я: духи толпою
 Танцуют пред нами канкан.
 О друг мой, скажи, что с тобою?
 Я понял давно, что я пьян.

⟨1859⟩

432. ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Расскажи, моя малютка,
 С кем тебя вчера я встретил?
 Я прошел нарочно мимо,
 Будто вас и не заметил.

Видел я, что он немолод
 И мужчина некрасивый.
 И малютка, покрасневши;
 Отвечала мне стыдливо:

«Это мой внучатный братец,
И приехал он намедни;
Когда с ним меня ты встретил,
Мы домой шли от обедни».

И все дальние вопросы
Поцелуем прекратила.
Знаю я, что ты, плутовка,
Мне неправду говорила!

Знаю я, что этот братец
У тебя, как я, ночует;
Знаю я, что эти глазки
Часто он, как я, целует.

И вся разница меж нами,
Что его ты обираешь,
А потом его все деньги
Ты со мною же мотаешь.

Не виню я, что должна ты
Исполнять его желанья:
Ведь тебе, моя малютка,
Не даю я содержания!

⟨1859⟩

433. СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Под кустом густой малины,
В полдень, часто я лежу —
И на всё тогда так мрачно,
Как философ, я гляжу.
Скандинавские преданья,
Поэтические сны,
И народные сказанья,
И поверья старины —
Всё, что важно, что глубоко,
Носит след неясных дум,
До чего нам всем далеко...
Вот что мой решает ум.

Отчего к шарам воздушным
Не приделают руля?

Отчего, не уставая,
Вечно вертится земля?
Отчего непостоянно
Звезды на небе блещут?
Непонятные вопросы!
Непонятный результат!

⟨1859⟩

434. УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ, ИЛИ НОВАЯ ОДИССЕЯ

(НЕВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ ГОМЕРУ)

Муза, воспой похождения рыцаря Горькая Чаша,
Как он, ревнуя к науке, долго по свету скитался,
Сказки, поверья народа и песни везде собирая.
Как наконец он попался, подобно вождю Одиссею,
В руки циклопов новейших, грубых, небритых и пьяных.
Се, помолясь, начинаю:

Рыцарь Горькая Чаша

Прибыл в хладную область гипербореев,
В город, древле своим перевозом преславный.
Вот и прибыл туда Горькая Чаша в наряде народном:
В синем кафтане, у чресл препоясан *ременкой*,
В красной рубахе, брадатый, как есть православный.
(Каждый читатель поймет, что ученому мужу,
Шляясь по курным избам и беседу ведя с мужиками,
В белых перчатках ходить и во фраке совсем не пристало.)
Как гражданин, знающий твердо порядки, наш рыцарь
Лично отправился вид предъявлять. Это его и сгубило!
Строгий блюститель порядка и вместе блюститель
прогресса,

Горькую Чашу в умысле тайном вдруг заподозрив,
Брови нахмурив, как Зевс, с речью такую к нему
обратился:

«Чертов ты сын! Ну какой же ты доблестный рыцарь?
Ты среди белого дня шляешься в таком срамном

костюме:

Видно ли где, чтобы рыцарь костюм свой дворянский
Нагло сменил на *гуню* (и блюстителя речь справедлива).
Ты иль масон, иль бродяга, иль даже мормонский учитель.
Думаешь, нам неизвестно, кто это такие мормоны?
Нет, брат, читал в «Библиотеке» я — и недавно —
Всю подноготную суть об этом проклятом расколе.
Знаю, что в разные страны клеветников они посылают
Народ обращать. И по роже твоей эфиопской

Вижу, что есть ты мормон и, стало, притом многоженец.
Ну, отправляйся в сибирку и жди там себе приговора».
Тщетно Горькая Чаша всеми бессмертными клялся,
Что не мормон он и даже совсем не женатый.
Тщетно к богам он взывал, призывая на помощь Фемиду.
Было ответом ему столько же слов энергичных,
Сколько не скажет и сам становой в воскресенье.
И посадили его. Долго он, долго томился
В грязной сибирке, сказки свои арестантам читая.
А просидел бы и дольше, когда бы не сам бюргермейстер,
Хотя из военных, но муж современного века,
Сам бы к нему не явился с ласково-нежным приветом.
«Милый мой (рек он ему), вижу, что вы не мормон,
а ученый.
Паспорт возьмите вы свой и ступайте куда там хотите».
Горькая Чаша, снова в поддевку облекшись,
Тотчас хотел же уехать в свой град по железной дороге;
Но был он схвачен вторично и снова опять заподозрен:
Будто бы он не мормон был, а сам Дон-Кихот
Сервантеса.
Снова его заключили, и снова *galant*¹ бюргермейстер
Через неделю ему и билет возвратил, и свободу.

Будь осторожен, читатель! Брей себе бороду глаже
И никогда не носи (если ты только ученый)
Скверной поддевки. Не то тебя горькая участь
Нашего рыцаря рано иль поздно постигнет.
Право, никто не поверит, что ты титулярный советник.
Примут тебя за мормона иль за кого?.. за бродягу!
И уж наверно тогда перешлют напрямик восвояси.

1859 или 1860

435. ДЛЯ МНОГИХ

Господь мне не дал дарованья
Изображать в моих стихах
И сонных листьев трепетанье,
И сонм созвездий в небесах.
Стихи мои не воспевают
Обеды знатных, высший свет —
Зато их многие читают
И я для публики поэт.

¹ Вежливый, учтивый (франц.). — *Ред.*

Я не взываю к сильным лицам,
Мои стихи для их ушей
Подобны дерзким небылицам
Мальчишки глупого. Речей
Моих не слушают народы,
Зато туманного в них нет.
Я не певец цветов, природы,
Но я для публики поэт.

Не веря в честность Немезиды
И в бескорыстие судей,
Я не прощаю им обиды
Безгласных, маленьких людей.
И подвиг грязный и скандальный
В моих стихах найдет ответ;
И скажет не один квартальный,
Что я для публики поэт.

Я знаю: люди есть иные,
Которым правда колет глаз.
Они не любят, чтоб другие
Над ними тешились хоть час.
Я как поэт их презираю,—
Но чтоб об них проведаль свет,
Я их печатно обличаю.
Да, я для публики поэт!

1860

ПРИМЕЧАНИЯ

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

I

156. «Перепевы». - Печ. по «Думам и песням» 1864 г., с исправл. по сб. «Перепевы». Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «К отечеству и врагам его», написанное во время осады Севастополя. Обличая англичан и французов, Бенедиктов воспекает не только русский народ и русскую природу, но и самодержавие и православие:

...Я люблю тебя во всем:
В снеговой твоей природе,
В православном алтаре,
В нашем доблестном народе,
В нашем батюшке-царе

и т. д.

Тема пародии подсказана самим Бенедиктовым: дальше в перечислении идет ст. «В русской барыне широкой». Тотчас же после появления в печати стихотворение Бенедиктова было высмеяно Некрасовым («Заметки о журналах»// Полн. собр. соч. и писем. М., 1950. Т. 9. С. 312—313).

157. «Время». 1861, № 1, в фельетоне о переводчиках Гейне, без подписи. - «Думы и песни» 1863 г. Пародия на «итальянские» драмы Нестора Кукольника, в которых ходячий романтический образ художника или поэта занимает очень существенное место. См. импровизации Веррино в пьесе «Джулио Мости» (ч. 4, явл. 8). Можно отметить и некоторые текстуальные совпадения — ср., напр., ст. 1 пародии со словами Торквато Тассо в одноименной пьесе Кукольника: «Я весь в жару, как в первый день восторга» (акт 1, явл. 1). *С именами Гёте, Данта и т. д.* Возможно, что здесь скрывается намек на давнюю статью о «Торквато Тассо» О. И. Сенковского, который, превознося талант Кукольника, называл его «юным нашим Гёте» (БдЧ. 1834, № 1. С. 29).

158. «Время». 1861, № 1, в том же фельетоне. В «Думах и песнях» 1863 г. без ст. 12, по-видимому выпавшей случайно. Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «Вальс». В «Бале» пародируется, кроме того, и вообще «бенедиктовщина». Отдельные детали «Бала» связаны со стих. «Напоминание», «Наездница» (указано Л. Я. Гинзбург; см.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939. С. 318) и др. Пародируя Кукольника и Бенедиктова, Минаев, конечно, имел в виду не только их самих, но и пережитки романтических представлений о поэзии и поэте и напыщенного романтического стиля 1830—1840-х годов в современной литературе.

159. «Время». 1861, № 1, в том же фельетоне. Пародия на стих. Н. Ф. Щербины «Пир». *Гиматий* — см. примеч. 185.

160. «Время». 1861, № 1, в том же фельетоне, без загл. и строфы 8.- «Думы и песни» 1863 г. В стихотворении есть ряд соответствий со «Школьником» Некрасова. Та же сюжетная схема использована для разоблачения либеральной болтовни об улучшениях крестьянского быта и реформах. Некоторые детали (армяк, длинная палка и др.) являются реминисценциями из некрасовского «Власа».

161. И. 1860, № 15, в цикле «Перепевы», подпись: Обличительный поэт. — Печ. по «Думам и песням» 1864 г. с исправл. по И. Стихотворение направлено против В. И. Аскоченского и его журнала «Домашняя беседа». *К мукам вечным Абирона и Дафона*. По библейскому преданию, Абирон (Авирон) и Дафон (Дафан), взбунтовавшиеся против Моисея и Аарона, были поглощены за это землю. *Ксенофонт* — К. А. Полевой. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. «Грозный акт» — «перепев» стих. А. Н. Майкова «Приговор» («На соборе на Констанцском...») (1860).

162. И. 1860, № 20, в цикле «Перепевы», подпись: Обличительный поэт. — «Думы и песни» 1863 г. Черновой автограф — ПД (арх. «Рус. старины»). *Аммалат-бек* — повесть А. А. Бестужева-Марлинского, пользовавшаяся огромной популярностью в 1830-е годы. *А князь Рюрик не мнил* и т. д. Намек на диспут между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым 19 марта 1860 г.; см. т. 1, примеч. 33. *Акций бурный поток* и т. д. В 1850—1860-е годы в России возникло очень много акционерных обществ, в большинстве из них процветали растраты и нечистые дела; все это нередко приводило к банкротству обществ и разорению рядовых акционеров. *Новый Нестор* — Н. В. Кукольник: *Как пел Глинка псалмы*. Ф. Н. Глинке принадлежит ряд переложений псалмов, вошедших в его сборник «Опыты священной поэзии» (1826). *И нас трагик пленял* и т. д. По всей вероятности, имеется в виду В. А. Каратыгин. Ср. у Некрасова в «Прекрасной партии»: «И диким зверем завывал Широкоплечий трагик». *Муж грамматики* — Греч. Н. И. Греч написал несколько книг по русской грамматике. «*Ах, где та сторона?..*» — «перепев» агитационной песни К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Ах, где те острова...».

163. И. 1860, № 19, подпись: Обличительный поэт. В сборники Минаева не включено. 29 марта 1860 г., после появления «Накануне», состоялся третейский суд между Тургеневым и Гончаровым. Гончаров, познакомивший Тургенева с планом своего романа «Художник» (первоначальное загл. «Обрыва»), увидел в «Дворянском гнезде» и «Накануне» частичное осуществление собственного замысла и обвинил их автора в плагиате. Обвинения болезненно подозрительного Гончарова были, разумеется, неосновательны. Третейский суд пришел к заключению, что «произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 442). Но мысль о плагиате продолжала мучить Гончарова всю жизнь — см. его записки, озаглавленные «Необыкновенная история», в которых он изложил в мельчайших подробностях историю своих отношений с Тургеневым («Сборник Российской публичной библиотеки». Пг., 1924. Т. 2). Гончаров очень добродушно отозвался о «Парнасском приговоре» в письме к С. А. Никитенко (Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1980. Т. 8. С. 289). *У меня — Елена имя, у*

него — Елена тоже. Героиня «Обрыва» Вера первоначально называлась Еленой. То же имя носит героиня «Накануне». *Роль купца играть немую* и т. д. 14 апреля 1860 г. состоялся спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда крупных писателей. Был поставлен «Ревизор». Тургенев играл одного из купцов. *На казенный счет поедешь* и т. д. Намек на факт биографии Гончарова. Еще в 1852—1854 гг. он принял участие в экспедиции адмирала Е. В. Путятина в Японию. Литературным результатом этого путешествия явился «Фрегат „Паллада“» (1858).

164—166. И. 1860, № 29, подписи: Обличительный поэт. - Стих. 2, без загл., без ст. 24, в цикле «Московские песни»--«Думы и песни» 1864 г. - Стих. 3, вне цикла, с исправл.—«Думы и песни» 1863 г. - Печ. по И. Из четырех стихотворений цикла печатаются три. В эти годы наиболее активную роль в московском Обществе любителей российской словесности играли славянофилы.

Примечание. «Дилетантизм во всех его проявлениях» — фельетоны В. Курочкина, направленные против славянофилов; были напечатаны незадолго до этого в И. *Завтрашние мысли, подоплека народная, меч правды*. См. т. 1, стих. 32 и примеч. к нему.

1. «Перепев» стих. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») и отчасти «Когда волнуется желтеющая нива...» (ст. «Тогда смиряется в душе моей тревога» и сл.). *На даче Безбородко*. Парк при загородном доме графа Г. А. Кушелева-Безбородко (в Петербурге). «Беседа Русская» — журнал славянофилов РБ. *Капище* — языческий храм. *Да лягут в ней Елагин, Селиванов*. См. т. 1, стих. 31, 32 и примеч. к ним.

2. «Перепев» стих. А. И. Полежаева «Провидение» («Я погнбал...»).

3. «Перепев» перевода Лермонтова из Гейне «Они любили друг друга так долго и нежно...».

167. И. 1861, № 19, где на 16 ст. больше.--«Думы и песни» 1863 г. У *Покровá... На Сенной* — в Петербурге. *Лукулловский обед* — т. е. роскошный; от имени римского полководца Лукулла, который был известен своим богатством, пристрастием к роскоши и пирам. «Жизнь игрока» — «Тридцать лет, или Жизнь игрока», мелодрама В. Дюканжа, имевшая большой успех у театральной публики 1820—1840-х годов (в переводе Р. М. Зотова).

168. РС. 1861, № 6, в ДТЧ, без загл. - «Думы и песни» 1863 г.

169. РС. 1861, № 9, ДТЧ, без загл. и эпиграфа. - «Думы и песни» 1863 г. Написано по поводу «Заметки» П. Д. Юркевича, вышедшей в Киеве отдельной брошюрой, а затем перепечатанной в «Домашней беседе» Аскоченского (1860, № 14). Юркевич утверждал, что розги пока еще «неизбежное зло», что жизнь «нуждается в основах и мотивах более энергических, нежели отвлеченные понятия науки», и только «страх божий» может избавить детей от необходимости применять к ним телесные наказания. Эпиграф не является точной цитатой.

170. И. 1861, № 14, подпись: Обличительный поэт. - «Думы и песни» 1864 г. В И «Праздная суета» сопровождалась ироническим «примечанием переводчика», в нем Минаев писал, что автор якобы переведенного им стихотворения — русский, но, «рожденный в среде высокообразованного и светского общества», он мало знаком с русской речью и «за невозможностью изъясняться по-русски пишет на французском языке». «Праздная суета» — отклик на празднование юбилея П. А. Вяземского; см. о нем т. 1,

примеч. 44. Вторая половина стихотворения довольно точно передает детали чествования Вяземского в Академии наук — см. изданную анонимно брошюру П. А. Плетнева «Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя П. А. Вяземского» (СПб., 1861). Как и «Стансы» В. Курочкина, «Праздная суета» направлена и против самого Вяземского, и, главным образом, против его апологета В. А. Соллогуба. Загл. сатиры взято из куплетов Соллогуба, которые он спел на чествовании Вяземского. Граф Чужеземцев и есть граф Соллогуб. В 1856 г. он по поручению министра императорского двора В. Ф. Адлерберга поехал за границу для изучения постановки театрального дела в европейских столицах. Особенно долго он был в Париже, где, между прочим, поставил свою французскую комедию «Une preuve d'amitié» («Доказательство дружбы»). «*La nuit de st.-Sylvestre*» — французский водевиль Соллогуба. «*История двух калаш*» (1839) и «*Тарантас*» (1845) — произведения Соллогуба, относящиеся к наиболее значительному периоду его литературной деятельности. Чернышевский с Миллем. В 1860—1861 гг. в «Совр.» были напечатаны «Основания политической экономии» Милля в переводе и с примечаниями Н. Г. Чернышевского. Пале-Рояль — парижский театр. «Цампа» — комическая опера Л.-Ж. Герольда. Немец-гость — В. Вольфсон. «Праздная суета» — «перепев» «Современной песни» («Был век бурный, дивный век...») Д. В. Давыдова.

171. РС. 1861, № 8, в ДТЧ. В сборники Минаева не включено. «Эти тенн,— писал Минаев,— не призраки из шекспировского «Макбета», но три нам всем знакомые издания». Стихотворение вызвано нападками ОЗ, РВ и «Рус. речи» на сатирическую журналистику и поэзию. *Свистуны* — см. т. 1, примеч. 59. *Свисток идет* — т. е. очередной номер «Свистка».

172. РС. 1861, № 8, в ДТЧ, с еще двумя строфами (после 11-й и в конце). - «Думы и песни» 1864 г. Как и «Разговор трех теней», является отповедью периодическим изданиям, нападавшим на сатирическую журналистику и поэзию. «Бранитесь же, господа,— писал Минаев,— негодуйте, проклинайте, но сознайтесь откровенно, что тех людей, которых вы называете шутами, гаерами, литературными турманами,— сознайтесь, что вы их боитесь, этих «балаганных плясунов». Вы очень хорошо знаете, что эти шуты для вас опасны». «Рыцарями свистопляски» окрестил М. П. Погодин левый лагерь русской журналистики, вызывая Н. И. Костомарова на диспут о происхождении государства в Древней Руси (СПбВ, 1860, 17 марта). Скит — небольшой монастырь монахов-отшельников. *Хроники в трауре... Пел хроникер* — о внутреннем обозрении «Современная хроника России», которую вел в ОЗ С. С. Громека. У него Минаев заимствовал, разумеется совершенно переосмыслив, образ жертвенника. В «Современной хронике России» (ОЗ. 1861, № 4. С. 63) это «мрачный жертвенник, у которого собралось... и, взявшись за руки, занялись свистопляской» сторонники «духа отрицания, безмолвно воцарившегося в литературе под личиною шутки». *Смолк и «Куку»*. В апреле 1861 г. в ОЗ появились за подписью «Куку» (псевдоним А. М. Иванова) три стихотворения с эпиграфом: «Горе, горе живущим на земле!» *Даже погас перед статуей гласности*. Минаев, как и другие искровцы, как и «Совр.», слово «гласность» нередко употреблял иронически, потому что, во-первых, подлинная гласность была неосуществима в царской России, во-вторых, одной гласности было недостаточно для коренных изменений социального строя и, наконец, потому что громкие фразы либералов о гласности часто находились в резком противоречии с их практической

деятельностью и журнальной борьбой против демократического лагеря, См. также т. I, примеч. 30. *Даже Буслаева — личность ученую.* О полемике между «Совр.» и Ф. И. Буслаевым. В № 1 «Совр.» за 1861 г. появилась статья А. Н. Пыпина «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине»; Буслаев поместил в ОЗ (1861, № 4) «Ответ г. Пыпину...». Тогда в спор вмешался и Н. Г. Чернышевский; в «Полемических красотах» («Совр.», 1861, № 7) он подверг критике мифологическую теорию, сторонником которой был Буслаев, идеализацию старины в его работах и пр.

173. «Всемирный вестник», 1906, № 2, под загл. «Кумушка»; во «Всемирном вестнике» в обоих случаях — «Не вернешь, Кондратьевна».- Печ. по корректуре И, для которой предназначалось. На корректуре следующая надпись П. А. Ефремова: «Было дозволено Ф. Ф. Веселаго для «Искры», но накануне выхода он явился в типограф(ию) д(епартамента) уделов (в этой типографии печаталась И.— И. Я.) и заставил исключить, приняв перепечатку на свой счет» (Библиотека Института русской литературы АН СССР). Стихотворение является откликом на студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. Оно построено на каламбурах. За словами *лупят под лопатку* ли скрывается «лупят подло Паткули», за словами *гнать, и гнать, и гнать его* — «гнать и гнать Игнатьева». Петербургский обер-полицмейстер генерал А. В. Паткуль и военный губернатор П. Н. Игнатьев «прославились» как усмирители студенчества. Стихотворение ходило по рукам в списках. В заграничном архиве Герцена и Огарева сохранился список (рукою Огарева) с указанием на то, что «Кумушки» предназначались для И и не были пропущены цензурой, с расшифровкой каламбуров и датой: сентябрь 1861 г. (ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, № 572). По словам Н. А. Лейкина, использованный в «Кумушках» каламбур, связанный с фамилией Игнатьева, принадлежит П. А. Каратыгину («Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907. С. 157); рифма «Игнатьева — и гнать его» имеется также в эпиграмме С. А. Соболевского на Г. Н. Геннади (Соболевский С. А. Эпиграммы и сатиры. М., 1912. С. 18). *Дело земское* — т. е. общее.

174. РС. 1861, № 12, в ДТЧ, без загл. и эпиграфа.--«Думы и песни» 1864 г. В статье «Крестьянские выборы» («День». 1861, 4 нояб.) П. Б. Бланк заявил, что крестьяне нередко поступают как стадо, но их, мол, нельзя в этом обвинять, потому что «все люди суть животные и... чем менее толпа людей просвещенна, тем более подходит она к инстинктивному стремлению животных».

175. «Гудок». 1862, № 1. *Милутины лавки* — роскошные гастрономические магазины в Петербурге. «Травиата» — опера Д. Верди.

176. И. 1862, № 15, без загл., в фельетоне «Отцы или дети? (Опыт художественной критики)», подпись: Обличительный поэт.- «Думы и песни» 1864 г. Фельетон вызвал недовольство начальника III Отделения кн. В. А. Долгорукова; см.: Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения//«Историч. вестник». 1911, № 9. С. 974. «Кто устоит в неравном споре?» — строка из «Клеветникам России» Пушкина. *Кто лучших правил? Кто уважать себя заставил?* Ср. начало «Евгения Онегина»: «Мой дядя самых честных правил... Он уважать себя заставил». *Как лев на Брюлевской террасе.* В последней главе «Отцов и детей» говорится, что Павел Петрович Кирсанов поселился в Дрездене и ежедневно гулял на Брюлевской террасе. *Лев* — законодатель мод, светского поведения и пр. «Норма» — опера В. Беллини. *Он отрицает и...*

См. примеч. 398—399. *Гостеприимства прав не зная*. В журнальном тексте «Отцов и детей» абзац, в котором говорится об отъезде Базарова из усадьбы Кирсановых после дуэли с Павлом Петровичем (гл. 24), кончался фразой: «Ему (Базарову) и в голову не пришло, что он в этом самом доме нарушил все правила гостеприимства». Слова эти были вставлены Катковым или под его нажимом и впоследствии исключены Тургеневым. *Кальян* — восточный курительный прибор. *Тогенбург* — герой баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тогенбург», воплощение идеальной романтической любви. «Базаров... не однажды выражал свое удивление, почему не посадили в желтый дом Тогенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами». *Инсаров* — главный герой романа «Накануне». Построение строфы и система рифмовки заимствованы из «Бородина» Лермонтова.

177. И. 1862, № 15, без загл., в том же фельетоне. - «Думы и песни» 1863 г. Как и предыдущее стихотворение, направлено против «Отцов и детей» Тургенева. *Я к ш а т ь с я с студентами*. Ср. последнюю главу «Отцов и детей», где говорится, что *Кукушина* «по-прежнему якшается с студентами». В *Думе на лекциях*. О публичных лекциях в здании петербургской Городской думы см. т. 1, примеч. 60. «*Дама, приятная во всех отношениях*», как и *Коробочка* (только не *Дарья*, а *Настасья Петровна*), — из «Мертвых душ» Гоголя. «*Просьба*» — «перепев» «Молитвы» Лермонтова («Я, мать божия, ныне с молитвою...»). Строки «Вечно иарядные, вечно свободные» — «перепев» ст. «Вечно холодные, вечно свободные» из стих. Лермонтова «Тучи».

178. И. 1862, № 16, подпись: Обличительный поэт. - Печ. по «Думам и песням» 1863 г. с исправл. по И. Написано по поводу происходивших в то время в Петербурге совещаний об упрощении русской орфографии. Минаев насмешливо отнесся к ним, считая обсуждавшийся на них вопрос общественно незначительным. *Квартальный* — см. примеч. 393. *Думал шрифт ввести латинский* и т. д. Один из участников совещаний, К. М. Кадинский, автор брошюр «Упрощение русской грамматики» (1842) и «Преобразование и упрощение русского правописания» (1847), в которых ратовал за замену русского шрифта латинским, в 1862 г. возобновил свое предложение, но ни в ком не встретил сочувствия. *Подьячий* — в старину мелкий чиновник. *Е р и е р ь* — старинные названия твердого и мягкого знаков. Замысел стихотворения возник, по-видимому, под влиянием напечатанного в журнале «Время» (1862, № 3) фельетона К. К. Сунгурова «Орфографическая распря», где совещания также изображались в виде суда; в нем говорится о «процессе здешних грамотеев с русской орфографией», мелькают слова «обвинительный акт», «преступница», «допрос».

179. И. 1862, № 21, подпись: Обличительный поэт. - «Думы и песни» 1864 г. Поводом для написания стихотворения послужил, по словам Минаева, «торжественный праздник „последних могиكانов“ славянщины», посвященный памяти славянских просветителей Кирилла и Мефодия (примеч. к стихотворению в И). *Свежее предание* — загл. романа в стихах Я. П. Полонского. *Одр* — постель, ложе. *За честь «народной подоплеки»*. Выражение «народная подоплека» принадлежит А. С. Хомякову (РБ. 1860, № 1. С. 2) *Мурmolка* — старинная меховая или бархатная шапка, часто упоминающаяся в народных песнях и сказках. *Циклоп* (греч. миф.) — фантастическое существо, великан с одним глазом во лбу. *Перун* — в славянской мифологии главное божество, бог грома и молнии. *Чадил, кого-то примиряя*. В объявлении об издании журнала «Свечок»,

выходившего в Петербурге в 1860—1862 гг., и во «Вступительном слове» его редактора Д. И. Калиновского говорилось о необходимости примирения западничества и славянофильства. *Богатырь Илья* — Илья Муромец. *Ендова* — в Древней Руси большая посуда для вина, меда или пива. *Баян* — см. т. 1, примеч. 92. «*Последние славянофилы*» — «перепев» стих. А. Н. Майкова «Последние язычники».

180. «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году». Т. 2. СПб., 1862.- РС. 1863, № 9, в ДТЧ.- «В сумерках». Первоначально стихотворение предназначалось для «Гудка», но 9 августа 1862 г. было запрещено цензурой; автограф за подписью «Облич. п.» и с надписью о запрещении — собр. корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 31. Л. 1. По этому автографу «Сказка о восточных послых» и была напечатана в «Сборнике статей, не дозволенных цензурою...». Вслед за публикацией в РС Минаев хотел включить стихотворение в сб. «Думы и песни», но опять натолкнулся на сопротивление цензуры (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 9 окт. 1863 г.); через год перепечатка была снова запрещена (Опись журналам С.-Петерб. ценз. комитета, заседание 5 авг. 1864 г.). Написано в связи с приездом в Петербург летом 1862 г. японского посольства. Минаев предпослал стихотворению воспоминание о недавнем времени, когда «прогрессистов явилась тьма-тьмушая, потому что быть прогрессистом в тот лирический период было вовсе не трудно. Вы смеетесь над Аскоченским, вы порицаете откупа — значит, вы прогрессист. Теперь пришло другое время; теперь все смеются над Аскоченским, все порицают откупа, но, увы! прогрессисты, переродившись в новейших нигилистов, сидят у многих как камень на шее... Весть о рождении русского прогресса дошла даже до японцев, которые, желая на месте убедиться в этом случае, прислали к нам особую миссию. Одному из этих послов, по просьбе его — написать что-нибудь на память в его записную книжку, я написал следующее стихотворение...» *Метресса* — любовница.

181. РС. 1863, № 1, в статье «Забытые уголки Парнаса, по поводу выхода в свет «В гостях и дома», стихотворений кн. Вяземского. Письма и размышления отставного майора Михаила Бурбонова».- «Думы и песни» 1864 г. Так, как иронически рекомендует смеяться Минаев, смеялся, по его словам, П. А. Вяземский «в лучшую пору своей деятельности». Следует отметить, что эта оценка вызвана литературно-общественной позицией Вяземского в 1850—1860-е годы и не соответствует «лучшей поре его деятельности». *Над ездой в телеге тряской*. Намек на стих. Вяземского «Русский бог» («бог метелей, бог ухабов, бог мучительных дорог»), «Дорожная отметка» и др. *Свистопляска* — см. примеч. 172.

182. РС. 1863, № 1, в той же статье, под загл. «Последний дуэт».- «Здравия желаю!». Все реплики М. П. Розенгейма взяты из его стих. «Современная дума», которое полно нападок на радикальные и революционные круги, считающие, что «порядок вещей устарел», и стремящиеся «опрокинуть... вверх ногами общественный склад». В «Дуэте» чувствуется влияние Н. А. Добролюбова, который писал по поводу «Современной думы» в рецензии на сборник стихотворений Розенгейма 1858 г.: «Он не любит тех, которые... требуют преобразований нашего общественного устройства. Нет, говорит он, не шуми... Устроено все прекрасно, но беда в том, что не во всех внедрено почтение к существующему устройству» (Собр. соч. М.; Л. 1963. Т. 7. С. 288). *Кукельван* — см. т. 1, примеч. 84. *По улицам невским не жи папирос*. В те годы курение на улицах было запрещено. *Если будешь журнал издавать на Руси* и т. д. С 1863 г. Розенгейм начал издавать юмористический журнал «Зано-

за», причем проявил большую изобретательность в рекламировании и распространении журнала.

183. РС. 1863, № 1, в той же статье. Пародия на послания М. П. Розенгейма к Лермонтову. Написанные в 1840—1841 гг., они впервые появились в печати в сборнике стихотворений Розенгейма 1858 г. «Г. Розенгейму, — пишет Минаев от имени Михаила Бурбонова (об этой сатирической маске см. во вступ. статье, т. 1, с. 25—26), — пришла гениальная мысль р а с п е ч ь поэта-покойника за то отрицательное направление, которого он держался в жизни, и живой стихотворец распек мертвого самым положительным образом». Это и внушило ему, Бурбонову, мысль написать аналогичное послание к Шекспиру. *Ефремовских камелий*. См. т. 1, примеч. 51.

184. РС. 1863, № 1, в ДТЧ, без загл. и эпиграфа. — «Думы и песни» 1863 г. Статьи Н. Ф. Павлова, из которой взят эпиграф, найти не удалось. В 1871 г. И приписала это «изречение» С. С. Громеке (№ 18. Стб. 547), а затем снова Павлову (№ 50. Стб. 1591).

185. И. 1863, № 26, подпись: Обличительный поэт. — «Думы и песни» 1864 г. *Аз, Буки, Веди, Глаголь* и т. д. — старинные названия букв русского алфавита (а, б, в, г). *Кто же враг западных фраков* и т. д. и *Кто земляков из Парижа* и т. д. О корреспонденциях славянофила И. С. Аксакова «Из Парижа», печатавшихся в 1863 г. в газете «День» под псевдонимом «Касьянов». В одной из них Аксаков негодовал, что русские теряют за границей свой национальный облик. В отличие от «служителей всех прочих вероисповеданий», — писал он, — «только русское духовенство старается изо всех сил, чтоб его не признали за духовенство! Разумеется, нет никакой важности в том, ходит ли духовенство во фраке или в рясе, — но важность великая в тех побуждениях, которые заставили его сбросить рясу для фрака...» и т. д. («День», 1863, 23 марта). *Кто, русский эпос прославив*. О полемике между «Совр.» и Ф. И. Буслаевым; см. примеч. 172. *В прессу явился, ругаясь?* Речь идет о фельетонах А. Ф. Писемского, см. т. 1, примеч. 58. *Кто же над «бомбами» века* и т. д. О статье С. С. Громеки, в основе которой лежит типичное для либералов утверждение, что революционеры своими «крайностями» способствовали усилению реакции. Отмечая единодушие журналистики конца 1850-х годов, которая атаковала общими силами твердыни старого мира, он писал: «Вдруг посреди атакующих и атакованных упала со свистом и шумом бомба отрицания. Первые осколки посыпались на лагерь осаждавших. Осажденные обрадовались и вздохнули свободнее... Пока в рядах осаждавших шла междоусобная перепалка, осажденные возводили укрепление за укреплением, запасали оружие и умножали свои силы» (ОЗ. 1863, № 3, «Совр. хроника России». С. 10). *Вывел животных на сцену?* Драматург В. А. Дьяченко, постоянный поставщик пьес для Александринского театра, не раз был высмеян на страницах И. В данном случае Минаев ошибочно приписал ему «заслугу» другого драматурга — А. А. Соколова. В пьесе последнего «Новгородцы в Ревеле», шедшей в сезон 1861—1862 г., действительно на сцене появлялась лошадь, что было необычно в те времена. *Вечно был скучен и длинен?* О критических статьях А. В. Дружинина. *Кто обрусил нам Шекспира?* О его переводах. Свои переводческие принципы Дружинин изложил в предисловии к переводу «Короля Лира» («Совр.». 1856, № 12). *Заметки* — полемические статьи РВ, большая часть которых принадлежит Каткову. Возможно, что ст. 1 строфы о Каткове была вычеркнута цензурой; вернее, однако, что Минаев нарочно поставил строку точек, показывая этим, что Катков находится под покровом

вительством властей и о нем нет возможности говорить полным голосом. *Бросил свой жезл триумвира?* Журналист Г. И. Кори, редактировавший вместе с В. Д. Скарятинным и Н. Н. Юматовым газету «Русский листок», с конца мая 1863 г. перестал принимать в ней участие. *Ржет в постоянном припадке.* Намек на статью Скарятинна «О табунных и некоторых других свойствах русского человека»; см. т. 1, примеч. 61. *Кто он, сорвавший гиматий.* Намек на «греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины, в которых слово «гиматий» (верхняя одежда древних греков) встречается неоднократно. *Кто он, воспевающий нам лозы.* См. стих. 169 и примеч к нему. *Бюхнеру славший угрозы?* Имеется в виду цикл публичных лекций П. Д. Юркевича, в которых он стремился развенчать философов-материалистов Запада и России.

186—187. РС. 1863, № 6, 7, в ДТЧ, без общего загл.; стих. 2, под загл. «Серенада».- Печ. по «Думам и песням» 1864 г., где включены в цикл; из шести стихотворений цикла печатаются два. Весь цикл направлен против статей А. Фета «Из деревни», напечатанных в РВ (1863, № 1 и 3). Фет идеализирует в них среднепоместного дворянина и жалуется на трудности его хозяйственной жизни после реформы 1861 г., на грубость и нерадивость крестьян, на литераторов, которые, мол, не только не способствуют примирению интересов помещиков и крестьян, но, наоборот, обнаруживают явно демократические тенденции и т. д. Характеризуя в своем фельетоне социальные симпатии Фета, Минаев отмечает, что «он принадлежит к особой плеяде писателей и певцов, воспевавших сладость крепостного состояния в России... Прежде в нем этого не подозревали и видели в нем просто объективного поэта, поющего без всякой предвзятой идеи», но пореформенная эпоха «вдруг осветила деятельность таких писателей, как г. Фет, и показала нам их в настоящем свете... Перед нами является новый Фет — Фет обиженный, Фет взволнованный, Фет оскорбленный. Он не поет уже теперь: «Шепот, робкое дыханье, трели соловья», но у него вырываются другие, мрачные песни». Являясь сатирами на статьи Фета, «лирические песни» пародируют вместе с тем его отдельные стихотворения.

1. Пародия на стих. Фета «Шепот, робкое дыханье...». *И работника Семена Плутовство и лень.* В главе «Равенство перед законом», подчеркивая трудности, возникающие при пользовании вольнонаемным трудом, Фет утверждает, что интересы помещиков якобы в меньшей степени ограждены законом, чем интересы батраков, и в доказательство рассказывает о нерадивом работнике Семене, которого он принужден был уволить и с которого еле удалось взыскать полученный им задаток. *На полях — чужие гуси, Дерзость гусенят.* В главе «Гуси с гусенятами», посвященной вопросу о потравах, Фет рассказывает о крестьянских гусях, которых он поймал на своем поле: хотя они и не успели еще принести ему никакого вреда, Фет взыскал с их владельца штраф.

2. Пародия на стих. Фета «Серенада» («Тихо вечер догорает...»).

188—189. РС. 1863, № 9, в статье о двухтомном издании «Сочинений» Фета 1863 г.— «Лирическое художество (Письма и размышления российского сочинителя, критика и стихотворца, отставного майора Михаила Бурбонова)», без общего загл. как стихи некоего юнкера Звонкобрюхова.- Печ. по «Думам и песням» 1864 г., где включены в цикл; из пяти стихотворений цикла печатаются два. «Муза г. Фета,— писал Минаев в РС,— задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова, которые, будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью. Весь процесс ее творчества состоит в том, что она ловит

картинные выражения и из них лепит одну общую мозаику, вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении». Общим заданием цикла и является развенчание этих «звучных, мелодических слов».

1. Пародия на стих. Фета «Не отходи от меня...».

2. Пародия на стих. Фета «Тихая, звездная ночь...».

190. РС. 1863, № 9, в той же статье. В сборники Минаева не включено. В этой пародии на А. Фета использованы детали целого ряда его стихотворений: «Чудная картина, Как ты мне родна...», «Знакомке с юга», «Георгины», «У камина», «Грезы», «Певице».

191—192. И. 1864, № 26, подпись: Литературное домино. Из пяти стихотворений цикла печатаются два. Стих. 2, с исправлениями, появилось в сб. «Не в бровь, а в глаз» в составе другого цикла — «Лирико-гражданские мотивы»; текст его печатается по этому сборнику. Пародии направлены против мелочной «обличительной» поэзии и либерального фразерства. Незадолго до этого А. П. Пятковский издал антологию «Гражданские мотивы: Сборник современных стихотворений». Отсюда и загл. цикла Минаева. Эпиграф — «перепев» стих. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...». Пародии Минаева перекликаются с «Мотивами современной русской поэзии» Добролюбова. *Коломна* — см. примеч. 392.

193. РС. 1864, № 2, в ДТЧ, под загл. первая часть — «Голос из захолустья (Стихи, отданные городничему)», вторая — «Мирный уголок». — «В сумерках». Говоря о грустном положении провинциального корреспондента и преследованиях со стороны непосредственного начальства и местных властей, Минаев высмеивает якобы рассуждения на эту тему В. Д. Скарятин: «Каким способом избавить корреспондента от подобных сюрпризов, а редакторов избавить от ложных корреспонденций? Разрешением этого вопроса занялся г. Скарятин... По его мнению, каждый провинциал все свои корреспонденции должен представлять на рассмотрение местного начальства и присылать их в столицу с полицейским удостоверением о личности автора». И дальше Минаев показывает, что из этого получится. «В газете» — стихотворение, исправленное городничим и одобренное к печати.

1. *А уж грабит — так грабит он здорово*. Ср. со стихом из «Двуглавого орла» В. Курочкина: «А уж грабит, так грабит здорово». По словам стихотворца отличного. Речь идет о Фете. Дальше следует несколько измененная и иронически переосмысленная строка из стих. «Я люблю его жарко: он тигром в бою...».

2. *Ведь хмельного и в рот не берет*. Ср. с басней Крылова «Музыканты»: «Зато уж в рот хмельного не берут».

194. РС. 1864, № 6, в статье «Резервные стихотворцы (Заметки и размышления отставного майора Михаила Бурбонова)». — «Здравия желаю!». Пародия на пьесу Я. П. Полонского «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» («Эпоха». 1864, № 4). В основе этой пьесы, в которой польское восстание трактуется во многом довольно близко к официальной версии, лежат традиционные сюжетные мотивы. «Вся интрига драмы, — пишет Минаев о «Разладе», — основана, с одной стороны, на исполнении долга, долга службы, а с другой — на любви к панне. Борьба между двумя этими чувствами продолжается на семи печатных листах, но наконец первое берет верх над последним». Для понимания стилистической ткани пародии нужно иметь в виду еще одно замечание: «Умилила меня находчивость г. Полонского, который фронтовой военный язык уломал в ямбы своей драмы».

195. РС. 1864, № 6, в той же статье. В сб. «Не в бровь, а в глаз» — под загл. «В альбом **». Пародия на стих. М. П. Розенгейма «Не вспоминай о бурном прежде...».

196. Б. 1865, № 29, с надзаг. «Отживающие типы, 1» (этот цикл не был продолжен). Прототипом лирика является, по-видимому, А. Н. Майков.

197—201. Стих. 1—2 — И. 1865, № 34; стих. 3—4 — И. 1865, № 35, с надзаг. «Жизнь сквозь разные очки. Параллели», подпись: Литературное домино; стих. 5 — «Песни и поэмы». Стих. 5 также предназначалось для И, но было запрещено цензурой (Опись журналам заседаний С.-Петербург. ценз. комитета, 25 авг. 1865 г.).

1. Направлено против поверхностного либерального «обличительства». «Ночной зефир струит эфир» — начало стих. Пушкина. *Хожалый* — полицейский, городской.

3. Пародия на Фета, вернее всего — на его «Серенаду» («Тихо вечер догорает...»).

4. Минаев, по-видимому, имел в виду стихотворения А. Н. Майкова и М. П. Розенгейма к столетию со дня смерти Ломоносова — ср. фельетоны Минаева «Обеденная поэзия» и «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова» (И. 1865, № 15. С. 214; № 16. С. 234).

5. Пародия на казенно-патриотическое стихотворение В. Г. Бенедиктова «К отечеству и врагам его» (ср., напр., строки «И в стихе веселонравном, Бойком, стойком — как ни брось, Шибком, гибком, плавном, славном, Прорифмованном насквозь» и т. д.) и на его стиховые приемы. Пародией на это стих. Бенедиктова является также стих. 156.

202. «Совр.». 1865, № 9.

203. Б. 1865, № 83. - «В сумерках», с мелкими исправлениями и под загл. «Домино». - «Песни и поэмы»; здесь Минаев вернулся к журнальному тексту. В связи с ростом революционного движения шпион, агент тайной полиции стал бытовым явлением русской жизни. Разоблачению его посвящены многие стихотворения, фельетоны, карикатуры писателей, публицистов и художников того времени. *В дверь у Доминика*. Петербургский ресторан. *Корчил демагога*. Слово «демагог» и здесь, и в некоторых других стих. Минаева употреблено в первоначальном его значении — защитник народных интересов. *В зале Бенардаки*. Зал для литературных чтений, концертов и т. п. в Петербурге.

204. Б. 1865, № 28, в фельетоне «Невский альбом (Новости, заметки, слухи)», подпись: Д. М.—ъ. *Курят нынче папиросы*. В 1865 г. запрещение курить на улицах, действовавшее ряд лет, было отменено. *Голью нравственной кабацкой*. Полемизируя с Г. З. Елисеевым, А. В. Лохвицкий назвал сотрудников «Совр.» «умственной голью кабацкой» («Голос». 1865, 6 февр.). *Все скворцы, стрижи и галки*. Стрижами назвал Салтыков редакцию и сотрудников журнала Достоевского «Эпоха». См. также т. 1, примеч. 73.

205. Б. 1865, № 65, в ДТЧ. - «В сумерках», под загл. «У камелька». - «Песни и поэмы», снова без загл. Пародия на воспоминания В. А. Соллогуба, прочитанные им в Обществе любителей российской словесности в марте 1865 г. в связи с его избранием в члены Общества и вслед за этим напечатанные в «Рус. архиве» (1865, № 5/6). *Известная эпиграмма Пушкина* — «Добрый человек» («Ты прав — несносен Фирс

ученый...»). *Хоть Лейкина портрет*. Н. А. Лейкин незадолго до этого впервые выступил в печати.

206. И. 1866, № 37. - «В сумерках». В И (без сомнения, по цензурным причинам) были заменены политически наиболее острые места: в строфе 1 неясно, что действие происходит в тюрьме, а в строфе 5 — что герой вспоминает о пути, пройденном им по этапу.

207. «Здравия желаю!», под загл. «Басня»-Печ. по тетради (ПД, л. 17), принадлежавшей, очевидно, одному из редакционных работников Б; в ней наклеены корректуры предназначавшихся для журнала, но запрещенных цензурой стихотворений; в корректуре под басней подпись: Что в имени тебе моем? С 1 сентября 1865 г. большинство периодических изданий, выходивших в Петербурге и Москве, было освобождено от предварительной цензуры; не были освобождены от нее сатирические и юмористические журналы. Конкретный повод для написания стихотворения не установлен.

208. «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах». 2-е изд., доп., с прибавлением разных стихотворений. СПб., 1868. Автограф, датированный 1866 г., без загл., — в альбоме М. И. Семевского (ПД). «Что делать?» — роман Н. Г. Чернышевского.

209. «Невский сборник (учено-литературный)». I. СПб., 1867, под загл. «Музе».-«В сумерках». Об этом стихотворении см. с. 14—15. *Весталка* — жрица богини домашнего очага Весты (римск. миф.), дававшая обет безбрачия. *Исав* — см. т. I, примеч. 39.

210. И. 1867, № 23, с. 285, с надзаг. «Современные типы. I» (этот цикл не был продолжен). - «В сумерках». Предназначалось для И еще в феврале 1867 г., но было запрещено цензурой (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 22 февр. 1867 г.). Прототипом героя стихотворения является, по-видимому, И. Ф. Горбунов.

211. «Неделя». 1868, № 25. До появления в «Неделе» предназначалось для «Дела» и И. Для «Дела» было запрещено 13 марта 1868 г. (см. Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета); корректура — в собр. рукописей С.-Петербург. ценз. комитета, № 922. Корректурa с надписью: «Искра № 11» — в собр. корректур С.-Петербург. ценз. комитета, № 55, л. 2. Оба корректурных текста — под загл. «Толпа» и с некоторыми разночтениями, второй — ближе к окончательному. *Земский совет* — земские учреждения, органы местного самоуправления, введенные в России в 1864 г. Вопреки утверждениям либералов и жалобам реакционных кругов, руководящую роль в земских учреждениях играли помещики, а представители крестьян фактически не имели влияния на ход дел. *Как манна* и т. д. По библейскому преданию, манна — пища, которую бог посылал иудеям каждое утро, когда они шли пустыней в «обетованную землю». В «*Насущном вопросе*» сказалоcь влияние стих. Добролюбова «Чернь».

212. ОЗ. 1868, № 11, в цикле «Народные мотивы».

213. И. 1868, № 17, без ст. 41—44, с датой: 30 марта 1868. - «На перепутьи». Предназначалось для № 13 И, но было запрещено цензурой; корректура — в собр. корректур С.-Петербург. ценз. комитета, № 55, л. 1. Было, по-видимому, разрешено по изъятии ст. 41—44. *Одних уж нет*,

другие — далеко. Ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «Иных уж нет, а те далече».

214. И. 1868, № 18, подпись: Михаил Бурбонов. Минаев, как и многие другие представители демократической интеллигенции 1860-х годов, отрицательно отнесся к «Войне и миру», не увидев огромного идейного и художественного значения романа и безоговорочно причислив Толстого к защитникам дворянских интересов и идеалов. Вместе с тем он правильно нащупал слабые стороны мировоззрения Толстого, отразившиеся в «Войне и мире»: толстовскую теорию фатализма, отрицание какой бы то ни было роли личности в истории, военной науки и т. п. «Заметка» Толстого, которую цитирует Минаев, — его статья «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“». *Немвроды* — т. е. охотники; от имени легендарного основателя Вавилона, жестокого тирана Немврода, который назван в Библии «сильным звероловом»; имя Немврода стало нарицательным для обозначения ловкого и неутомимого охотника. *Картельный вызов*. Картель — письменный вызов на дуэль. *Алкоран* — Коран. *Шаспо* — система ружья, названная именем ее изобретателя. *«Смерть Грозного»* — трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». *Медуза* (греч. миф.) — чудовище, одним своим видом превращавшее всякое живое существо в камень. *«Фора»* (ит.) — возглас одобрения, вызывающий артиста на сцену для повторения; то же, что «бис».

215. И. 1868, № 49. «И слово самое есть дело». Ср. слова Лежнева в «Рудине» Тургенева: «...доброе слово — тоже дело» (эпilog). «*Говорунки*» — пьеса И. А. Манна, пасквиль на «нигилистов»; в 1868 г. шла на сцене Александринского театра; напечатана в РВ (1868, № 2).

216. «Дело». 1869, № 11, подпись: Аноним.

217. И. 1870, № 2, под загл. «Поучительная история», подпись: Литературное домино. - «На перепутьи». Сатира на М. Н. Каткова. *Перо макая в разум*. В 1865 г. московское дворянство преподнесло Каткову подарок — чернильницу и золотое перо «с известною древней надписью: макающему перо в разум» («Весть». 1865, 23 дек.). «*Чай, пил не по ле-там!*» — цитата из «Горя от ума» Грибоедова.

218. И. 1870, № 23. - «На перепутьи».

219. «Дело». 1870, № 7, с подзаг. «(Перевод с итальянского)». - «На перепутьи».

220. «Дело». 1870, № 9, без ст. 13, замененной строкой точек. - «На перепутьи».

221. «Дело». 1870, № 11, подпись: Д. Свияжский. В сб. «Чем хата богата» — в цикле «Из старой тетрадки». Посвящено, по-видимому, приятелю Минаева Н. П. Распопову. «*Вперед без страха и сомненья!*» — стихотворение А. Н. Плещеева, являвшееся своеобразным «гимном петрашевцев» и пользовавшееся большой популярностью в среде передовой молодежи 1840—1860-х годов.

222. И. 1871, № 36, подпись: Что в имени тебе моем? - «Разоренное гнездо». Эта сценка Минаева вызывает в памяти разговор Базарова с мужиком в «Отцах и детях» Тургенева. «Ну, — говорил он ему, — излагай мне свои воззрения на жизнь, братец... Ты мне растолкуй, что такое

есть ваш мир?» И в конце разговора: «Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового» (гл. 27). *Ассоциации и стачки*. Это место, как и все стихотворение, направлено против либерального опошления тех идей, которые глубоко волновали передовые круги 1860-х годов. Производственные ассоциации, артели и пр. представлялись многим ячейками будущего социалистического общества.

223. И. 1871, № 43. До появления в И предназначалось для «Дела», но было запрещено цензурой (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 10 сент. 1871 г.). *Красный карандаш* — карандаш цензора. Красным карандашом зачеркивались обычно недозволенные к печати места.

224. И. 1872, № 12. — «Разоренное гнездо».

225. И. 1872, № 5, подпись: Литературное домино. — Печ. по сб. «Разоренное гнездо», где датировано 1872 г., с исправл. по И. *Клир* — здесь: хор (клир — духовенство какой-нибудь церкви или прихода). «*И я в Аркадии родился!*» — перевод начала стих. Ф. Шиллера «Resignation». Аркадия — страна мирного счастья и патриархальной простоты нравов (от древнегреческой области Аркадии, которая так изображалась в идиллической поэзии). *Как делает граф Алексей Толстой*. Имеются в виду стих. А. К. Толстого «Песня о Потоке-богатыре» и «Баллада с тенденцией» («Порой веселой мая...»), где содержатся нападки на «нигилистов»; напечатаны незадолго до этого в РВ (1871, № 7 и 10). *Демагог*. См. примеч. 203.

226. Б. 1873, № 4, подпись: Литературное домино. В сборники Минаева не включено. *Виконт Сыр-Бри* — кн. В. П. Мещерский. *Ташкентцы*. См. примеч. 311.

227. И. 1873, № 19, в фельетоне «Праздничные подарки „Искры“», подпись: Литературное домино. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Жалобы музы» и вместе с тем вообще на «чистую поэзию».

228. «Дело». 1873, № 2. В сб. «Разоренное гнездо» — с датой: 1873.

229. ОЗ. 1875, № 3. В сб. «Разоренное гнездо» — с датой: 1875.

230. «Новости». 1878, 17 нояб., без загл., в фельетоне «Телефон», подпись: Домино. — «Всем сестрам по серьгам», с исправл. и с эпиграфом: «Нередко все дело в едином калибре: Где слон и не дрогнет, там струсит колибри». — «Не в бровь, а в глаз». Ср. со словами Некрасова в «Поэте и гражданине»: «Бичуя маленьких воришек Для удовольствия больших»; Минаев приводит их в фельетоне, где впервые появилась «Житейская иерархия». Ср. также с басней Крылова «Вороненок»: «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют».

231. БВ. 1879, 11 янв., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *Плутократ* — человек, обладающий влиянием и властью благодаря своему богатству. *От червонных валетов порой*. В 1877 г. в Московском окружном суде разбиралось дело о «клубе червонных валетов», занимавшихся разного рода мошенничествами и подлогами. Значительная часть обвиняемых принадлежала к светской молодежи. *Фигурантка* — танцовщица балета, участвующая только в групповых выступлениях.

232. «Молва». 1879, 8 нояб. в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *Пять домов генерала Мартьянова* и т. д. Речь идет о П. К. Мартьянове, имевшем в конце 1870-х годов чин подполковника. В автобиографии Мартьянов сообщает, что в 1870-х годах много занимался благотворительными делами. Он состоял членом Общества дешевых квартир, Общества для пособия бедным женщинам, причем в последнем также заведовал дешевыми квартирами; Литературному фонду он предоставил в своем доме на Охте квартиру для нуждающихся литераторов (ПД, арх. П. В. Быкова). См. также воспоминания А. А. Соколова — иллюстр. прибавление к «Моск. листку». 1908, № 9. «*Время новое*» — «Новое время», «*Речь*» — «Русская речь», «*Иллюстрация*» — «Всемирная иллюстрация», «*Сын*» — «Сын отечества». Все перечисленные в стихотворении журналы и газеты, кроме «Нового времени», не имели отношения к Суворину. *Правовед* — обучавшийся или окончивший курс в Училище правоведения, высшем юридическом учебном заведении для аристократической молодежи в Петербурге. *Валеты червонные* — см. предыдущее примеч. *И татары, как бы окрыленные*. Об официантах, среди которых было много татар. *Вокзал* — здесь в старинном смысле: увеселительное заведение. *Демидроном* называли петербургский кафешантан, помещавшийся в саду, принадлежавшем Демидову. *Клико* — марка шампанского. *Портерная* — пивная.

233—234. Стих. 1. «Стрекоза». 1880, № 4, подпись: М.; Стих. 2. «Стрекоза», 1880, № 5, подпись: М., без строфы 4.- «Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах». СПб., (1880).

235. «Чем хата богата».

236. «Молва». 1880, 21 авг. под загл. «Иеремнада (Раздумье ретрограда)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д.--«Всем сестрам по серьгам». Написано по поводу упразднения III Отделения, функции которого перешли к департаменту полиции Министерства внутренних дел. III Отделение помещалось в Петербурге на Фонтанке, у Цепного моста. Рефрен «...здание у Цепного моста» взят из стих. «У царя у нашего Верных слуг довольноно...», впервые напечатанного в «Полярной звезде» Герцена (кн. 6. Лондон, 1861. С. 214); автор его неизвестен. *Окуляры* — очки.

237. ПГ. 1881, 9 янв., подпись: Общ(ий) др(уг). В сборники Минаева не включено.

238. «Привет! Художественно-научно-литературный сборник». СПб., 1898, где напечатано по автографу Минаева из альбома Г. Л. и А. П. Кравцовых с датой: 3 дек. 1884 г. По словам Н. Позднякова («Памятка о Д. Д. Минаеве»//БВ. 1909, 12 июня), Минаев читал это стихотворение в Пушкинском кружке еще в 1882 г.

239. ПГ. 1883, 16 янв., в цикле «Юмористическая хрестоматия», подпись: Общий друг. В сборники Минаева не включено. Стихотворение написано по поводу № 1 газеты «Русь» за 1883 г. Развивая обычные славянофильские мысли об оторванности интеллигенции от народа, И. С. Аксаков решительно осуждал постановку университетского образования. Университеты, по его словам, выпускают «людей безнародных, не расположенных и неспособных служить России»; они создают «массы отвлеченных, нравственно искаженных, изуродованных русских людей, осужден-

ных на вечное скитание мыслию в каком-то пустопорожном пространстве, короче сказать — на духовное бесплодие». В стихотворении использована сюжетная схема «Школьника» Некрасова.

240—241. ПГ. 1883, 31 июля и 2 авг., подпись: Общий друг. В сборники Минаева не включены. Из четырех «песен» печатаются две. В связи с обсуждением в правительственных сферах вопроса о введении телесных наказаний в средних учебных заведениях «Новое время» *Суворина* писало: «В утешение же тех, которых возмущает мысль, что можно будет вновь посечь какого-нибудь двенадцатилетнего шалуна, мы укажем, что один из самых модных ныне философов — Шопенгауэр... доказывает, что и для взрослых телесное наказание одно из самых естественных, отношение к которому зависит только от предрассудка, искусственно воспитанного в человечестве» («Шопенгауэр о сечении»//1883, 24 июля). *С чувством, с толком, С расстановкою* — из «Горя от ума» Грибоедова (слова Фамусова — д. 2, явл. 1).

242. ПГ. 1884, 13 марта, подпись: Общий друг.

243. ПГ. 1885, 12 мая, в фельетоне «На часах (Из моей записной книжки)», подпись: Майор Бурбонов.

244. ПГ. 1886, 19 сент., подпись: Общий друг. *Борей* (греч. миф.) — бог северного ветра; в переносном смысле: холодный, порывистый ветер. *Джон Буль* — ироническое прозвище английского буржуа. *Пята Ахиллеса бесстрашного*. Согласно греческому мифу, Фетида, чтобы сделать своего сына Ахиллеса неуязвимым, купала его в подземной реке Стикс, но при этом держала за пятку, которой не коснулась вода; поэтому пятка осталась единственно уязвимым местом в теле Ахиллеса, куда он и был смертельно ранен. Отсюда выражение «ахиллесова пятка» в значении: слабая сторона, уязвимое место. *Британский... лев*. Лев изображен на государственном гербе Великобритании.

245. ПГ. 1887, 13 июля, подпись: Общий друг. *Колупаев* и *Разуваев* — герои сатир Салтыкова-Щедрина, олицетворение хищничества, реакционности и некультурности русской буржуазии.

II

246. «Гудок». 1862, № 3, под загл. «Дню», без подписи. — «Думы и песни» 1864 г. Славянофильская газета «День» начала выходить в октябре 1861 г., и к этому времени ее направление не вполне определилось. Ст. 2 — цитата из «Демона» Лермонтова. *Мадригал* — здесь в значении: комплимент.

247. «Гудок». 1862, № 5, подпись: Темный человек. — «Думы и песни» 1863 г. Эпиграмма на Б. Н. Чичерина; см. т. I, примеч. 52—56. О кличке «свистуны» см. т. I, примеч. 59. «*Загадка*» — «перепев» четверостишия Пушкина о Дельвиге: «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»

248—249. 1. «Гудок». 1862, № 38, без загл., в фельетоне «Заметки С.-Петербургского Дон-Кихота»; 2. И. 1863, № 36, без загл., в фельетоне «Путеводитель по художественной годичной выставке (Поучительная

прогулка по залам Академии художеств)», подпись: Обличительный поэт.- Печ. по «Думам и песням» 1864 г., где озаглавлены и включены в цикл из тринадцати эпиграмм. В фельетоне 1862 г. Минаев писал: «Нищие г. Гаугера тоже очень хороши. Передо мной явился идеал счастливых «богатых нищих». В их лице, в их глазах нельзя не заметить полного счастья, спокойствия и довольства, и нельзя не сказать, глядя на них: „В этих нищих...“». Минаев ошибся: «*Нищие*» — картина художницы Э. К. Гаугер, получившей за нее медаль на выставке 1862 г., а не «г. Гаугера».

250. И. 1863, № 42, подпись: М. Б(урбонов).- «Думы и песни» 1864 г. Роман П. Д. Боборыкина печатался в БдЧ в 1862—1864 гг.

251. РС. 1864, № 2, в ДТЧ, под загл. «(Эпитафия) Над пьесой «Чужая вина» г. Устрялова».- «Думы и песни» 1864 г. Пьеса Ф. Н. Устрялова шла на сцене Александринского театра; напечатана в ОЗ. 1863, № 11 и 12.

252. И. 1864, № 31, без загл., в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мыслей)», подпись: Литературное домино.- «Здравия желаю!». По поводу любительского спектакля, в котором принимал участие П. Д. Боборыкин.

253. Б. 1865, № 2, подпись: Дм. М-н-в. Аналогичный мотив — в эпиграмме Маяковского на поэта И. Уткина:

И бард поет,
 для сходства с Байроном,
на русский
 на язык
 прихрамывая.

254. Б. 1865, № 19, подпись: Антон Будильников.- «Здравия желаю!». О романе А. Ф. Писемского, в котором крайне недоброжелательно изображены и «люди сороковых годов», и революционеры-демократы 1860-х годов. Впервые напечатан в РВ в 1863 г.

255. Б. 1865, № 8, подпись: Дм. М — в. В сборники Минаева не включено. О пьесе Д. В. Аверкиева, напечатанной в журнале «Эпоха». 1864, № 10.

256. Б. 1865, № 2, подпись: Дм. М-н-в. В сборники Минаева не включено.

257. Б. 1865, № 82, подпись: Что в имени тебе моем? В сборники Минаева не включено. О статье Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (РС. 1865, № 4 и 6). Против статьи Писарева, его полемического и анти-исторического истолкования и оценки Пушкина направлен и «роман в стихах» Минаева «Евгений Онегин нашего времени».

258. Б. 1865, № 84, подпись: Что в имени тебе моем? - «Здравия желаю!». Н. Ф. Щербина начал составлять «читальник» — книгу «для народного чтения» — по поручению П. А. Вяземского еще в 1850-х годах, когда тот был товарищем министра народного просвещения. В начале 1861 г. он изложил план «читальника» в статье «Опыт о книге для народа» (ОЗ. 1861, № 2). Вышедшая в 1865 г. под традиционным загл. древнерус-

ских сборников изречений и отрывков нравоучительного содержания — «Пчела», она была составлена Шербиной в весьма консервативном духе. «Пчела» Булгарина — газета СП.

259. Б. 1865, № 79, под загл. «Петербургская отметка (Подражание «Голосу»)», подпись: Что в имени тебе моем? — «Молва». 1879, 28 июня, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д., без загл. и без конкретного адреса (обращена ко всей продажной печати). — «Не в бровь, а в глаз», где переадресована и напечатана под загл. «С киевского языка (Из Пихно)»; в том же сборнике помещен еще один вариант эпиграммы. — Печ. по «Молве». В 1860—1870-е годы правительство, желая воздействовать на направление периодических изданий, давало некоторым редакторам денежные субсидии. Материалы, освещающие вопрос о субсидии, которую получала газета «Голос», см. в кн.: Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859—1865 гг. СПб., 1904. С. 239—245; как раз в августе — сентябре 1865 г., т. е. незадолго до появления эпиграммы в Б, возникла резкая полемика по этому поводу между МВ и «Голосом». Д. И. Пихно — экономист, профессор Киевского университета, консервативный публицист, с 1879 г. — редактор газеты «Киевлянин».

260—261. И. 1866, № 29, без загл., в фельетоне «Рекреационные часы. Из запиской книжки отставного майора Михаила Бурбонова». — «Здравия желаю!». Из семи «заметок» печатаются две. Цикл является ответом на стихотворные «Заметки» П. А. Вяземского, проникнутые неприязнью к революционному движению и литературе 1860-х годов. В начале 1866 г. Минаев сделал попытку напечатать эпиграммы в Б, но они не были пропущены цензурой за «брань на какого-то старого поэта, в котором лица, знакомые с литературою, могут узнать князя П. А. Вяземского» (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 2 марта 1866 г.).

1. «На нашей почве урожайной...» — первая строка «Заметок» П. А. Вяземского (сб. «Утро». М., 1866. С. 172).

2. *Бард* — поэт. *Алебарда* — старинное оружие, секира на длинном древке. *Будочник* — полицейский, стоящий на посту у караульной будки.

262. «Здравия желаю!». См. также примеч. 259. Первоначально предназначалось для Б, но было запрещено цензурой; корректура сохранилась в тетради запрещенных стихотворений (ПД. Л. 5, подпись: Что в имени тебе моем?).

263. И. 1868, № 10, в цикле «Экспромты Михаила Бурбонова». В сборники Минаева не включено.

264. И. 1868, № 18, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. В сборники Минаева не включено. О романе Достоевского «Идиот». «Это такая сказка, — писал Минаев, — в которой чем больше неправдоподобностей, тем лучше. Люди сталкиваются, знакомятся, влюбляются, дают друг другу пощечины — и все это по первому капризу автора, без всякой художественной правды. Миллионные наследства летают в романе, как мячики» и т. д.

265. И. 1868, № 23, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. В сборники Минаева не включено. Летом 1867 г. Тургенев написал в Баден-Бадене либретто оперетты «Le dernier sorcier» («Последний колдун»), в которой несколько

раз исполнял главную роль. Последняя строка взята из водевиля П. И. Григорьева «Андрей Степанович Бука».

266. «Дело». 1870, № 1, в фельетоне «С Невского берега», под загл. «Ложный слух». - «Не в бровь, а в глаз».

267. И. 1870, № 47, подпись: Л<итературное> д<оми>но.--«На перепутьи», с исправл. и без загл. - «Не в бровь, а в глаз».

268. И. 1870, № 47, под загл. «Избравшему благую часть», подпнсь: Л<итературное> д<оми>но.- «На перепутьи». См. следующее примеч.

269. Шевляков М. В. Русские остряки и остроты их. СПб., 1899. С. 111—112. Эта и предыдущая эпиграммы направлены, по словам Шевлякова, против одного и того же лица — литератора, который «поступил изменнически с другим, сделав на него какой-то негласный донос...— Кто мог думать,— заметил Терпигоров,— что NN решится на такую подлую выходку. Всегда он был добродушен, прост...— Жаль, жаль малого,— перебил его Б.,— в особенности потому, что он обладал способностями и подавал большие надежды...— Эх, братец,— возразил Минаев.—

Нельзя довериться надежде <...>

Вскоре после этого в Коммерческом трактире в Толмазовом переулке восседала веселая компания с Минаевым во главе. Речь шла об итальянском певце Тамберлике. В это время подошел к их столу NN, и разговор сам собою прервался... Минаев, немного захмелевший, заметив NN, крикнул ему: — А, русский Тамберлик! — Почему? — удивился тот. — А то как же? — ответил поэт.—

Я не гожусь, конечно, в судьи...».

270. И. 1870, № 3, с подзаг. («Экспромт»), подпись: Л<итературное> д<омино>.- «На перепутьи». «Разговорились литераторы относительно журнальных новинок,— вспоминал М. В. Шевляков.— Между прочим коснулись журнала «Нива»...— Удивительно,— воскликнул один из собеседников,— помещается труха, а подписчиков чуть ли не сто тысяч! — Минаев сокрушенно покачал головою и со вздохом проговорил: — Ах, бедная, бедная «Нива»!

Пусть твой зоил тебя не признает...».

(«Русские остряки и остроты их». СПб., 1899. С. 110). Зоил — придирчивый и недоброжелательный критик; от имени древнегреческого ратора и философа Зоила (IV—III вв. до н. э.), известного своей критикой текста «Илиады» и «Одиссеи».

271. И. 1871, № 25, без загл., в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «Не в бровь, а в глаз». *Марса одного* — т. е. военного, офицера (в римск. миф. Марс — бог войны).

272. И. 1871, № 28, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «На перепутьи». О ком именно идет речь, в точности установить не удалось. По предположению А. Г. Островского, это — эпиграмма на В. Г. Авсеенко («Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века». М.; Л., 1932. Т. 2. С. 453). Но не исключено также, что этот

романист — Б. М. Маркевич (см. его «Типы прошлого») или П. Д. Боборыкин.

273. И. 1871, № 29, под загл. «В альбом **», в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «На перепутьи». Эпиграмма на П. Д. Боборыкина, в статьях и корреспонденциях которого из-за границы, печатавшихся в СПбВ и других газетах в конце 1860-х — начале 1870-х годов, то и дело мелькают имена западных писателей, политических деятелей и пр. (в том числе и упомянутые в эпиграмме), при этом Боборыкин нередко рассказывает о своих встречах и разговорах с ними.

274. И. 1871, № 42, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «Разоренное гнездо».

275. И. 1871, № 52, без загл., в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «Не в бровь, а в глаз». *Орфей* — см. т. 1, примеч. 118.

276. И. 1871, № 2, под загл. «Я. Полонскому (Надпись на его книге «Снопы»)», в составе «Новогодних заметок и надписей в стихах и в прозе», подпись: Л(итературное) д(омин)о.- «На перепутьи». По словам М. В. Шевлякова, Минаев натолкнулся в какой-то редакции на присланную для отзыва книгу «Снопы. Стихи и проза Я. П. Полонского» (СПб., 1871) и тут же сделал на обложке эту надпись («Русские остряки и остро-ты их». СПб., 1899. С. 110).

277. И. 1871, № 52, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. При последующих публикациях после смерти Кельсиева его фамилия в загл. эпиграммы печаталась: К—ва. Резкие отзывы о писаниях Кельсиева см. в фельетонах Минаева в «Неделе»: «Для чего люди эмигрируют?» (1868, № 27), «Осенние листы русской журналистики» (1868, № 42, 44, 46), «Журнальные арабески» (1869, № 1).

278. И. 1872, № 4, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «Не в бровь, а в глаз», по-видимому, по недосмотру — без общего загл. Дом Вяземского на Сенной площади в Петербурге был приютом нищеты и преступного мира.

279. И. 1872, № 2, под загл. «По прочтении нового романа И. Тургенева „Вешние воды“», в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.- «Разоренное гнездо». «Вешние воды» впервые появились в № 1 «Вестника Европы» за 1872 г.

280. И. 1873, № 5, подпись: М.

281. Б. 1873, № 11, в цикле «Осенние виньетки», без подписи; здесь вместо «Гайдебурова» напечатано «Стародурова». — ПГ, 1875, 7 нояб., подпись: Общ(ий) др(уг), новая редакция эпиграммы, направленная против критика А. М. Скабичевского, в связи с чем были внесены изменения во второе четверостишие. — «Аргус», где помещена первая редакция, но с раскрытием «Стародурова» как Гайдебурова. Из одиннадцати «виньеток» печатается одна.

282. И. 1873, № 2, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сборники Минаева не включено. В 1873—1874 гг. «Гражданин» Мещерского выходил под редакцией Ф. М. Достоевского. *Дописался до*

«Бесов». Роман Достоевского «Бесы» впервые появился в РВ в 1871—1872 гг.

283. «Поэты „Искры“». Т. 2. Л., 1955. (Б-ка поэта. БС). Автограф — ЦГАЛИ. *Ты издавал стихи в Карлсруэ*. Имеется в виду сборник порнографических стихотворений М. Н. Лонгинова, изданный им в Карлсруэ.

284. ПГ. 1876, 5 марта, в цикле «Шалости и синонимы К. Пруtkова-младшего».

285—286. ПГ. 1876, 12 мая, в цикле «Из записной книжки К. Пруtkова-младшего», подпись: Доставил Об(щий) др(уг). — «Аргус», где вошли в цикл «Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова» вместе с одиннадцатью другими стихотворениями.

287. ПГ. 1877, 1 июня, в цикле «Посмертные экспромты Дм. Ленского». О сыне известного В. В. Самойлова — посредственном драматическом артисте Н. В. Самойлове.

288. ПГ. 1877, 9 марта, в цикле «Указатель выставки Общества выставок художественных произведений», подпись: Об(щий) др(уг). О картине В. И. Якоби «Портрет г-жи Рузинской с дочерью».

289. ПГ. 1877, 26 июня, под загл. «„Малярю“, переменившему редактора», подпись: О(бщий) д(руг). — «Аргус». С июня 1877 г. журнал «Маляр» редактировал И. П. Карамышев, до этого — С. А. Любownikов.

290. ПГ. 1877, 28 дек., подпись: Обдр (Общий друг). — БВ. 1879, 4 янв., под загл. «Игра природы» и с эпиграфом «Я внук Карамзина (Кн. В. Мещерский)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. — «Не в бровь, а в глаз», где перепечатан текст ПГ. Другой вариант эпиграммы («Назад тому три года...») — «Моск. телеграф». 1881, 5 нояб., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. Слова *внук Карамзина* взяты из статьи Мещерского «В большом свете. Мое извинение и объяснение»: «...клеветы перо внука Карамзина писать не умеет» (МВ. 1877, 3 дек.).

291. БВ. 1879, 1 янв., в фельетоне «Мимоходом», без подписи (включено в сб. «Не в бровь, а в глаз»). Петербургский *мировой судья* А. И. Трофимов славился своим остроумием.

292. «Молва». 1879, 12 апр., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д.

293. «Молва». 1879, 12 июля, без загл., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. — «Не в бровь, а в глаз».

294. «Стрекоза». 1879, № 32, в цикле «Рифмы и синонимы», подпись: Общ(ий) др(уг). — «Чем хата богата». — «Не в бровь, а в глаз».

295. «Молва». 1879, 4 окт., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. — «Не в бровь, а в глаз». По словам М. В. Шевлякова («Русские остроты и остроумия их». СПб., 1899. С. 115), эпиграмма направлена против «критика Б., отличавшегося резкостью и желчью в своих фельетонах». Б. — без сомнения, В. П. Буренин. *Зоил* — см. примеч. 270.

296. ПГ. 1879, 18 марта, в цикле «Указатель третьей годичной выставки в Академии художеств», подпись: Домовой.

297. «Молва». 1879, 18 окт., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. По поводу пьесы В. *Александрова* (псевдоним В. А. Крылова) «Кандидат в городские головы», поставленной в бенефис К. А. Варламова 12 окт. 1879 г.; напечатана в Б. 1879, № 44—46.

298. «Поэты „Искры“». Т. 2. Л., 1955 (Б-ка поэта. БС). Автограф — ЦГАЛИ. В апреле 1879 г., в целях решительной борьбы с революционным движением, были назначены и облечены широкими полномочиями несколько временных генерал-губернаторов. В их числе был И. В. *Гурко*, назначенный временным петербургским генерал-губернатором. Этот пост он занимал до середины февр. 1880 г.

299. ПГ. 1880, 21 апр., под загл. «Одному, а может быть, и многим», подпись: Домовой. — «Чем хата богата». Приезд Тургенева в Россию в феврале 1879 г. сопровождался бурными овациями со стороны широких кругов русского общества. Это вызвало крайнее раздражение реакционной печати, которая стала пользоваться каждым поводом для дискредитации писателя. Таким поводом послужило предисловие Тургенева к очерку И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), появившемся в газете «Le temps» 12 нояб. 1879 г. *Маркевич*, затаивший злобу на Тургенева за презрительные слова о нем в «Нови» («Ladislav», приятель Калломейцева), напечатал в МВ фельетон «С берегов Невы» (1879, 9 дек.). Это был неприкрытый политический донос. Маркевич обвинял Тургенева в связях с революционными кругами, в заискивании и «кувыркание» перед «нигилистами», признании справедливым их «гнусного дела», «зуде популярничанья» и т. д. Фельетон Маркевича вызвал негодование всех честных литераторов независимо от их разногласий с Тургеневым. Одним из проявлений этого негодования была эпиграмма Минаева. Другая его эпиграмма на Маркевича — в «Стрекозе». 1880, № 3, подпись: М.

300. «Стрекоза». 1880, № 18, в цикле «Фотографические карточки», подпись: Момус.

301. «Стрекоза». 1880, № 25, подпись: Момус.

302. ПГ. 1880, 27 марта, в цикле «Юмористический указатель восьмой передвижной художественной выставки», подпись: Jocosus.

303. ПГ. 1880, 28 марта, в том же цикле.

304. ПГ. 1880, 14 нояб., подпись: Общий друг. Отклик на объявление о подписке на газету «Порядок». В объявлении указывалось, что газета будет выходить «под общою редакциею с журналом «Вестник Европы» и с участием всех его постоянных сотрудников» (см.: «Голос». 1880, 5 нояб.).

305. ПГ. 1880, 14 дек., подпись: Об(щий) др(уг). В дек. 1880 г. владелец крупнейших сталелитейных заводов А. Крупп приехал в Петербург с целью получить заказы от русского правительства.

306. БВ. 1907, 31 окт., утр. выпуск, в числе других каламбуров

и экспромтов, под общим загл. «Трудные рифмы».- «Рус. библиофил», 1913, № 7. Последние четыре строки были напечатаны и до БВ — см.: С(уперанский) М. Из поволжской старины // «Историч. вестник». 1907, № 8; Кауфман А. Клочки воспоминаний // «Южнорус. альманах», год 7-й. Одесса, 1902. В БВ указано, что это — экспромт, сочиненный Минаевым в 1880 г. в ответ на предложение Лорис-Меликова сказать что-нибудь стихами, в «Историч. вестнике» — «на вопрос последнего относительно необходимых в то время реформ».

307—308. «Моск. телеграф». 1881, 17 июня. Стих. 1 — без загл., стих. 2 — под загл. «М. Н. К.», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М.- «Не в бровь, а в глаз». Кунак — друг, приятель. С успехом заметил Катков и т. д. III Отделение было упразднено в авг. 1880 г.; см. конец стих. 236 и примеч. к нему.

309—310. «Моск. телеграф». 1881, 27 мая, с подзаг. «(С австрийского)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М.- «Не в бровь, а в глаз». Из трех «отголосков» печатаются два. Первоначальный вариант второй эпиграммы, направленный против МВ Каткова и озаглавленный «Ретроградная газетка», был напечатан еще в начале 1870-х годов — Б. 1873, № 6, подпись: М. Подзаг. «С австрийского» в газетном тексте заставляет вспомнить о Добролюбе, который из цензурных соображений выдал свой сатирический цикл «Неаполитанские стихотворения» за перевод с несуществующего австрийского языка.

311. «Моск. телеграф». 1881, 24 июня, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М.- «Не в бровь, а в глаз», где включено в цикл «Из старой тетрадки». И в один колоссальный Ташкент. Минаев вслед за Салтыковым-Щедриным употребляет слово «Ташкент» не как чисто географическое понятие, а как некое обобщение. «Ташкент», — писал Щедрин в цикле «Господа ташкентцы», — есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем. Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д., — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента. Наверное вы найдете тут и просветителей и просвещаемых, услышите крики: «ай! ай!», свидетельствующие о том, что корни учения горьки, а плоды его сладки, и усмотрите того классического, в поте лица снискивающего свою лебеду человека, около которого, вечно его облюбовывая, похаживает вечно несутый, но вечно журующий ташкентец» (Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 27). Возникновение понятий «Ташкент» и «ташкентцы» связано с тем, что в незадолго до этого подчиненных России областях Средней Азии с наибольшей остротой сказались все темные стороны самодержавия, его эксплуататорская сущность и грабительская политика.

312. ПГ. 1881, 23 сент., подпись: Общ(ий) друг.

313. ПГ. 1881, 25 янв., подпись: Общ(ий) друг. В газете М. М. Стасюлевича «Порядок» 1 и 5 янв. 1881 г. был напечатан рассказ Тургенева «Старые портреты».

314. ПГ. 1881, 18 марта, в цикле «На 9-й передвижной выставке», подпись: Общий друг.

315. ПГ. 1881, 22 марта, в том же цикле.

316. «Не в бровь, а в глаз». Другой современник, критик и публицист М. А. Антонович, тоже писал, что «*Вестник Европы*» поставил «своей единственной тенденцией и задачей — являться на свет аккуратно 1-го числа каждого месяца» («Письма из Петербурга»//«Тифлисский вестник». 1875, 29 нояб.).

317. «Не в бровь, а в глаз». Во время своих гастролей в России Э. Росси выступал в ряде шекспировских ролей, в том числе в роли короля Лира.

318. ПГ. 1883, 23 февр., подпись: Общий друг. В сборники Минаева не включено. Д. В. Аверкиев, систематически помещавший театральные обзоры в газете «Новое время», неожиданно заявил, что не будет больше писать о русском театре. Это решение, как он сообщил читателям, возникло у него в связи с возобновлением театральной дирекцией бенефисов и отчасти поспектакльной платы, вредность которых, с его точки зрения, не подлежит сомнению («Русский театр»//«Новое время». 1883, 15 февр.).

319. «Рус. библиофил». 1913, № 7. Отклик на назначение Е. М. Феоктистова начальником Гл. упр. по делам печати (1883). В эпиграмме нашли отражение слухи о близких отношениях С. А. Феоктистовой с министром государственных имуществ М. Н. Островским, который будто бы способствовал назначению ее мужа.

320. ПГ. 1884, 10 июня, подпись: Общий друг. *Мадригал* — небольшое лирическое стихотворение, посвященное обычно даме и восхваляющее ее.

321. ПГ. 1884, 18 окт., в цикле «Похвальные листы (Карманная энциклопедия)», подпись: Общий друг.

322. ПГ. 1884, 2 нояб., в том же цикле.

323. ПГ. 1887, 13 апр., в цикле «Из памятной книжки», подпись: Общий друг. *Пришел, увидел и украл* — перефразировка известных слов Юлия Цезаря: «*Veni, vidi, vici*» («Пришел, увидел, победил»).

324. ПГ. 1888, 16 февр., в цикле «Из памятной книжки», подпись: Майор Б(урбонов).

325. ПГ. 1888, 12 янв., в цикле «С Новым годом! (Визитные карточки)», подпись: Майор Б(урбонов). Автограф — в тетради черновых набросков 1887—1888 гг. (ЦГАЛИ). *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии.

326. Кауфман А. Ключки воспоминаний. — «Южнорус. альманах», год 7-й. Одесса, 1902. — «Рус. библиофил». 1913, № 7. Приведя эпиграмму в своих воспоминаниях, С. С. Окрейц пишет: «Рассказывают, что, встретив своего врага на Невском, Минаев остановился, протянул руку, указывая на мно пробегавшую собаку, и воскликнул: По улице бежит собака...» («Историч. вестник». 1907, № 5. С. 403).

327. И. 1862, № 45, 47, 49, с подзаг. «Сцена в трех песнях», подпись: Обличительный поэт. - «Думы и песни» 1863 г.

Песнь первая. *Вельзевул, Люцифер* — дьявол, сатана. *Полугар* — низший сорт водки. *Искарriot* — в Евангелии один из апостолов, предавший Христа за тридцать сребреников; в переносном смысле — вообще предатель. *Ревел, как Лир* — т. е. герой трагедии Шекспира «Король Лир».

Песнь вторая. *Цертина* — терцина. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. *Творец покойных «всяких всячин»*. Булгарин в течение многих лет вел в СП фельетон под загл. «Журнальная всякая всячина». Кроме того, в 1842 г. он издал книгу очерков и фельетонов «Комары. Всякая всячина. Рой 1-й». «*Смерть свистунам!*» О кличке «свистун» см. т. I, примеч. 59. «*Вестник*» — РВ. *Чичероне* — проводник, показывающий туристам достопримечательности. *То к юности, проврававшейся не раз* и т. д. Здесь Минаев имеет в виду статьи Н. Ф. Павлова 1862 г. против студенческого движения, Чернышевского, Герцена и др. *Жан-Жак* — Руссо.

Песнь третья. «*С землей расстался Я в восьмьсот сороковом году*». По всей вероятности, намек на начало издания А. А. Краевским ОЗ (1839), которые, в первую очередь благодаря Белинскому, стали центром передовой литературы 1840-х годов. *Статьи его немножко и скучны*. Незадолго до этого П. И. Небольсин напечатал в ОЗ очерки «Около мужичков». *Когда Скарятин начинает ржать*. См. т. I, стих. 61 и примеч. к нему. До возникновения «Вести» Скарятин сотрудничал в ОЗ Краевского и в «С.-Петерб. ведомостях», в редактировании которых Краевский принимал ближайшее участие. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик, переправлявший на челноке через реку Ахерон души умерших в загробный мир; взимал за перевоз плату, для чего умершим клали под язык мелкую монету. *Цербер* (греч. миф.) — свирепый трехголовый пес, охраняющий выход из загробного мира. «*Отдайте мне удобства и комфорт!*» Эти слова связаны с рассуждениями о роскоши и комфорте во «Фрегате „Паллада“» Гончарова (глава «Сингапур»). Если роскошь является в его глазах пережитком господства аристократии, «пороком», «уродливым и неестественным отклонением от указанных природой и разумом потребностей», то комфорт, напротив, есть «разумное и выработанное до строгости и точности удовлетворение этим потребностям... Комфорт и цивилизация почти синонимы». «*Почта*» — газета Министерства внутренних дел «Северная почта», сотрудником которой был В. Я. Фукс. «*Сын*» — СО. *Всё ищет почвы прочной*. Журнал «Время» был органом так называемого «почвенничества».

328. РС. 1863, № 3, в ДТЧ, под загл. «Старые знакомые, или Лекции по философии в Москве». - «Думы и песни» 1864 г. О публичных лекциях П. Д. Юркевича против материалистической философии. См. также вступ. статью, т. I, с. 27.

Я в л. 3. *Мне Лонгинов сосед*. М. Н. Лонгинов упомянут в связи с его письмом в редакцию МВ (1863, 13 марта), в котором брал Юркевича под защиту от критических выступлений радикальной печати.

Я в л. 4. *Однажды в Киеве*. До переезда в Москву Юркевич был профессором Киевской духовной академии.

Я в л. 7. *А вот с письмом, где так грозится* и т. д. Один из слушателей Юркевича послал ему письмо, в котором предупреждал: «Если в следующих лекциях вы не оставите цинизма, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки» («Очерки». 1863, 7 апреля). Сообщив слушателям о полученном письме, Юркевич, по

словом автора статьи в газете «Очерки» (1863, 19 марта), смял его и с улыбкой прибавил: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным». Редактор почтенной московской газеты — редактор «Дня» И. С. Аксаков. Аксаков напечатал статью в защиту Юркевича — «Два слова о материализме и общественной свободе» («День». 1863, 16 марта). Владимир Монументов. В 1860-х годах под этим псевдонимом печатал свои сатирические стихотворения в И. «Совр.» и других журналах В. П. Буренин. Ученый есть Лавров и т. д. Будущий идеолог народничества П. Л. Лавров, выступивший в конце 1850-х — начале 1860-х годов с рядом работ по философии, был полковником артиллерии и профессором математики и теоретической механики Артиллерийской академии. Тургенев сочинил. О романе «Отцы и дети».

329. И. 1866, № 9, 10, 11, подпись: Литературное домино.— «Здравия желаю!». Герой поэмы В. А. Соллогуба, помещенной в изданном М. П. Погодиным сборнике «Утро», — бывший студент Иван Белин. Если бы не самолюбие и не боязнь прослыть отсталым, он был бы «добрым малым» и вышел бы «в люди». Но его обуревают мечты о социальном преобразовании России, он произносит буйные речи на сходках молодежи. Однажды к Белину явился владелец того дома, в котором он жил, — глубокий старик. Он сообщил Белину, что ему угрожает арест, и рекомендовал отправиться в деревню к его внучке в качестве учителя ее мальчика. У внучки старика есть две дочери-красавицы, Белин начинает мечтать о любви и деревенском приволье и решает последовать совету старика. Товарищам же он сказал, что уезжает по очень важным делам, для осуществления своих революционных замыслов. В конце поэмы оказывается, что старик действовал по указанию квартального надзирателя, который таким образом избавился от беспокойного «нигилиста». Слова, напечатанные курсивом (кроме *ум его широкоплеч*), взяты из поэмы Соллогуба.

Глава вторая. «Тарантас» — наиболее значительное произведение Соллогуба, написанное в 1840-е годы. С «сухих туманов» Атеней. Статья Я. И. Вейнберга «Сухой туман», напечатанная в журнале «Атеней» (1858, № 5), неоднократно являлась объектом насмешек в журналистике 1860-х годов. «Когда родился Карамзин?». Имеется в виду статья М. П. Погодина «О годе рождения Карамзина», напечатанная в сборнике «Утро». Впрочем, на эту же тему появились в 1865 г. также заметки М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкого и А. Д. Галахова, которые Минаев высмеял в Б (Юный библиофил. Когда родился Карамзин? — 1865, № 93. С. 372). Лев — см. примеч. 176. «Меня Жуковский читал как друга» и т. д. Насмешка над воспоминаниями Соллогуба, напечатанными незадолго до этого («Рус. архив». 1865, № 5/6) и спародированными Минаевым в его стих. «В кругу друзей у камелька...» (№ 205), а также над его куплетами, спетыми на юбилей П. А. Вяземского еще в 1861 г. (СП. 1861, 10 марта); см. также пародию В. Курочкина на эти куплеты, т. I, стих. 44. «Утренняя заря» — альманах 1830-х — начала 1840-х годов, в котором печатал свои произведения Соллогуб. В Париже ставил водевили. См. примеч. 170. В России драму написал. О пьесе Соллогуба «Чиновник». См. о ней т. I, примеч. 25.

Глава третья. Тупей — старинная прическа (взбитый хохол волос). Номады — кочевники. Куафер — парикмахер. И на работника Семена. См. примеч. 186—187.

Глава четвертая и последняя. Демагог — см. примеч. 203. Делибаши — здесь в смысле: разбойники. Хожалый — см. т. I, примеч. 94. О пользе всех ассоциаций. См. примеч. 222.

330. Первая половина первой песни — «Дело». 1874, № 1, в составе «поэмы-фельетона» «С птичьего полета», подпись: Литературное домино. — «Демон». Печ. без последних двух разделов. *Что у Ефремова в издании.* Первое издание сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Ефремова вышло в 1873 г. *Плутон* (греч. миф.) — владыка царства мертвых Аида. *Край олигархов.* Олигархия — режим, при котором политическая власть принадлежит узкой группе аристократов или богачей. *Сквайр* — сокращенная форма английского титула эсквайр; обращение, присоединяемое к фамилии помещика. *Был Милль рожден и погребен* и т. д. Здесь имеется в виду его сочинение «Подчиненность женщины», вышедшее несколько раз в русском переводе в конце 1860-х — начале 1870-х годов. *Одинокая вдова* — Евгения Монтихо, вдова Наполеона III. В 1870 г. эмигрировала в Англию. После смерти Наполеона III (1873) вдохновляла бонапартистское движение во Франции, стремясь посадить на французский престол своего сына Эжена-Луи, о котором идет речь ниже: *Но жив ч е т в е р т ы й Бонапарт! Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *В своих бедах, В своих несчастиях великий.* Речь идет о событиях франко-прусской войны 1870—1871 гг., разгроме Парижской коммуны и наступившей вслед за этим реакции. *Ретирада* — отступление. *Бойни тамерланской.* От имени Тамерлана (1336—1405), среднеазиатского полководца, известного своими грабительскими походами в разные страны. *Столь пресловутый Генрих Пятый.* Генрихом V приверженцы старшей линии династии Бурбонов называли последнего ее представителя, графа А.-Ш. Шамбора. *Микадо* — титул японского императора.

331. «Молва». 1880, 13 нояб., в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Эпиграф — из «Медного всадника» Пушкина. *В то время подцензурных.* В 1865 г. большая часть толстых журналов была освобождена от предварительной цензуры, которая была заменена не менее суровыми карательными методами воздействия на печать. *Прав Шекспир* и т. д. Имеются в виду слова Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, Что и не снилось нашим мудрецам». *Клир* — здесь: собрание, сборище. *Малахов курган* — господствующая высота юго-восточнее Севастополя (теперь в черте города). Прославился героической обороной против англо-французских войск в 1854—1855 гг. В августе 1855 г. был сдан, после чего русские войска оставили Севастополь. *Карс и Ардаган* — крепости, взятые русскими войсками в 1877 г. и присоединенные к России по Сан-Стефанскому договору. *Друммондов яркий свет* — свет, получающийся от накаливания извести в пламени гремучего газа; по имени английского инженера Т. Друммонда. *Как из-за шанцев.* Упоминание о шанцах (временных полевых укреплениях) — намек на вторую профессию Ц. А. Кюн: он был военным инженером, профессором фортификации. *Шукин двор* — один из петербургских рынков; упомянут в связи с тем, что очерки и рассказы *Лейкина* с их поверхностным и грубоватым юмором пользовались популярностью в купеческой среде. *Проводит целый день на Волковом кладбище.* На «Литераторских мостках» Волкова кладбища в Петербурге похоронено много выдающихся русских писателей.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Генрих Гейне

332. «В сумерках».—«Сочинения Генриха Гейне в переводе русских писателей». СПб., 1881. Т. 13. Перевод поэмы «Deutschland. Ein Winter-

märgchen». *Красный цвет знаменует французскую кровь* — строка из стих. К.-Т. Кернера «Песнь черного охотника». *Фухтель* — удар по спине плашмя обнаженной шашкой. *Ненавистная птица сидела*. Имеется в виду государственный герб Пруссии — орел. *Созову непременно я рейнских стрелков*. Рейнская область, расположенная по соседству с Францией, испытала сильное влияние французской революции XVIII в. И в политическом и в экономическом отношениях она значительно опередила феодальные германские государства. В 1815 г. Рейнская область была присоединена к Пруссии.

Томас Гуд

333. Б. 1865, № 64. Перевод стих. «The song of the shirt». В сб. «Песни и поэмы» посвящен И. И. Дмитриеву.

Шарль Бодлер

334. И. 1870, № 2, с подзаг. «С французского», но без указания автора. Перевод стих. «Abel et Cain». Бодлер, вслед за Байроном, совершенно переосмыслил библейское предание о *Каине* и *Авеле*. У него Каин — не братоубийца, а бунтарь. Перевод Минаева вызвал крайнее недовольство цензурного ведомства. «В № 2 газеты «Искра», — писало Гл. упр. по делам печати председателю С.-Петерб. ценз. комитета 30 янв. 1870 г., — помещено стихотворение под заглавием «Каин и Авель», разделяющее род человеческий на племя Авеля (люди имущие), слабеющее от разврата и грядущее коего представляется загадочным, и племя Каина (пролетариат), которое наконец сбросит свое иго, и тогда под напором его дрогнет шар земной. Находя это стихотворение крайне предосудительным, совет Главного управления по делам печати полагал сделать редактору категорическое внушение, что при первом возобновлении подобной попытки, т. е. помещения стихов или статей с социалистическим и тенденциозным содержанием, он подвергнется предостережению» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1869, № 56). Из отзыва члена Гл. упр. Ф. М. Толстого, на основании которого составлено это отношение, узнаем, что перевод до напечатания в И был в редакции ОЗ. «Появление этих стихов в «Искре», — писал он, — тем более предосудительно, что редактору его, как сотруднику «От. зап.», должно быть известно, что стихотворение Минаева предлагаемо было в редакцию «От. записок» — и что ни г. Краевский, ни г. Некрасов не решились его печатать». Толстой взял под сомнение указание, что «Канн и Авель» — перевод: «Сказано, что это перевод с французского, но очевидно, что стихотворение это есть не что иное, как тенденциозное измышление обличительного поэта г. Минаева» (Дело Гл. упр. по делам печати, оп. 4, № 456. Л. 1—2). *Манна* — см. примеч. 211.

Виктор Гюго

335. ОЗ. 1875, № 3, с подзаг. «Из В. Гюго», без ст. 25—28. «Чем хата богата». Перевод стих. «Dans l'ombre» из сб. Гюго «L'appée terrible». *Месса* — церковная служба у католиков. *Чернецы* — монахи.

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

336. И. 1863, № 48, подпись: Влас Точкин. Автограф — ГБЛ. В нем между предпоследней и последней строками имеются еще две:

Как преследует исправно
Преступленья наша власть,
Как воров вели недавно
В часть, в часть, в часть.

Как что год, то видим больше
Новых льгот и новых благ,
Как разбит со славой в Польше
Враг, враг, враг.

Возможно, что эти строфы, особенно вторая, в которой речь идет о польском восстании 1863 г., исключены по цензурным причинам. *Шандоров Свет* — освещение керосином американской фирмы Л. Шандор, введенное в Петербурге в 1862 г.; несколько центральных улиц уже освещались в это время газом. *Свет! свет! свет!* — слова из рекламного объявления Шандора. В сатирических и юмористических журналах тех лет было немало насмешек над Шандоровым светом. *Сонм* — множество.

337. И. 1864, № 1, подпись: Влас Точечкин.

338. И. 1864, № 6, подпись: Влас Точечкин. Автограф с еще одной строфой между 2-й и 3-й — ГБЛ. (См.: Богданов В. И. Собр. стих. М., 1959. С. 337). Положено на музыку П. Н. Ренчицким.

339. И. 1864, № 14, подпись: Влас Точечкин. В И несомненная опечатка: ст. 1 и 3 последнего четверостишия кончаются одинаково — словами «в столице». В 1860-е годы пролетарием нередко называли вообще бедняка, неимущего человека. *Фризовая шинель* — шинель из грубой шерстяной ткани.

340. Б. 1865, № 60, подпись: Богдан — ов. Два автографа — ГБЛ; первый — из шести строф и с иным их расположением. Прообраз известной революционной песни. Автор ее, А. А. Ольхин, переработал в конце 1870-х годов стихотворение Богданова, заимствовав у него стихотворный размер и перенеся в свою «Дубинушку» с небольшими изменениями трн куплета. (Об этом иногда почему-то умалчивают; см., напр.: Нагорная Н. М. Русская демократическая поэзия второй половины XIX века. Киев, 1984. С. 6; здесь о «Дубинушке» Ольхина сказано: «...переделка известной народной песни», а имя Богданова не упомянуто.) Стихотворение Ольхина не предназначалось для легальной печати и в гораздо большей степени, чем богдановское, проникнуто революционным духом. Оно впервые напечатано в журнале «Общее дело» (Женева), 1885, № 80. С. 15. Припев — переделка аналогичного припева бурлацкой песни («Великорусские народные песни». СПб., 1900. Т. 6. С. 470). *Петр* — Петр Великий. *Прорубили окно*. Ср. с «Медным всадником» Пушкина: «В Европу прорубить окно».

341. И. 1868, № 6, подпись: Богдан — ов. Автограф — ГБЛ. *Перуны небесного свода* — от имени древнеславянского бога грома и молнии Перуна.

342. И. 1868, № 14, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Автограф — ГБЛ. *Джон Буль* — ироническое прозвище английского буржуа. Английское правительство долго противодействовало прорытию французами канала через Суэцкий перешеек, видя в этом угрозу своему господству в Индии; однако в 1859 г. работы по строительству канала были начаты и в 1868 г. близились к концу. Говоря в своих «Заметках» о захвате Абиссинии (Эфиопии) англичанами и передавая слухи о том, что, освободив пленных англичан (это послужило предлогом для войны), английская армия покинет Абиссинию, Богданов насмешливо замечает: «Этому как-то плохо верится. Если она и отступит, то, вероятно, не далее ближайшего приморского пункта, где и постарается укрепиться окончательно». Странно было бы предполагать, продолжает Богданов, что только чувство сострадания к пленным землякам побудило британское правительство тратить миллионы фунтов стерлингов и проливать кровь своих подданных. «Нет, вероятно, тут в ходу высшие соображения хоть в таком роде, что 1) абиссинское племя находилось до сих пор в полудиком состоянии, не мешает начать его эксплуатировать, — это может дать большие барыши; 2) попрактиковать засидевшихся солдат с их усовершенствованным оружием ввиду всякого рода случайностей вообще не мешает, а кстати представляется возможность окупить делаемые с этой целью расходы приобретением какого-нибудь клочка территории; 3) же и главное заключается в том, что

Французы в Суэце, как видно...».

343. И. 1868, № 21, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. «Турция не на шутку затевает либеральные реформы, — пишет Богданов, — взявши для себя идеалом политического устройства Францию». Один из турецких политических деятелей отправился в Париж изучать организацию французского государственного совета. «Посмотрим, что-то выйдет из этого? Говорят, что копия всегда бывает слабее оригинала, но грустно будет, если копия выйдет настолько удачно, что отсрочатся надолго светлые надежды». А в чем они состояли — мы узнаем из напечатанного вслед за этими словами стих. „Был близок взрыв народных масс...“».

344. И. 1868, № 21, в той же статье. *Красный принц* — принц Наполеон-Жозеф Бонапарт, сын брата Наполеона I, короля Вестфалии Жерома Бонапарта. После революции 1848 г. был избран в Учредительное собрание, за радикальные речи в котором и получил прозвище «Красного принца». Его политическая позиция то и дело менялась. В 1865 г., при открытии памятника Наполеону I, он произнес речь, в которой предлагал программу либеральных реформ, чем вызвал неудовольствие Наполеона III. Однако они вскоре примирились, и с тех пор принц Наполеон получал разные дипломатические поручения. Стихотворение написано по поводу его путешествия в Турцию, куда он был послан Наполеоном III, опасавшимся слишком решительных преобразований в Османской империи.

345. И. 1868, № 24, без предпоследней строфы, подпись: Богдан — ов. Пропущенная строфа печ. по автографу ГБЛ. Слова *Примечание для не пошедших далее классического лицея* — насмешка над сторонниками классической системы образования; см. о ней т. I, примеч. 94. *Классический лицей* — лицей, открытый М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым в Москве в 1868 г.

346. И. 1868, № 33, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. В 1868 г. международное положение было крайне напряженным. Очень сильны

были националистические и милитаристские настроения, которые искусственно раздувались правительствами, чтобы отвлечь общественное внимание от острых социальных противоречий внутри страны. Шла усиленная подготовка франко-прусской войны. Бисмарк, в то время канцлер Северо-Германского союза, стремился при помощи войны с Францией завершить объединение германских государств вокруг Пруссии, являвшейся оплотом его реакционной политики, а также задуть ожившее рабочее движение и нейтрализовать притязания либеральной буржуазии. Очень сильны были воинственные настроения французской буржуазии, видевшей серьезного врага в объединенной Германии; их всецело разделял известный публицист Э. *Жиранден*, за что и получил кресло сенатора. *Папа* Пий IX, светская власть которого после 1859 г. распространялась лишь на Рим, да и там держалась только при помощи французских штыков, не переставал мечтать о реставрации. «*Больным человеком*», т. е. больным государственным организмом, издавна называли Турцию государственные деятели и публицисты, добивавшиеся ее раздела. В 1867 г. австрийский министр иностранных дел Ф. Бейст предложил созвать «докторский консилиум» из великих держав «для обсуждения положения больного человека и для распределения его владений» (Мак-Колль М. Султан и державы. СПб., 1897. С. 150).

347. И. 1868, № 50, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Автограф — ГБЛ. Касаясь греко-турецкого столкновения, Богданов рассказывает о статье одной афинской газеты. По поводу обращенных к греческому народу упреков в том, что он решается на неравную борьбу с Турцией, эта газета писала: «Наша сила в энергии отчаяния, готового рисковать всем. Мы можем только выиграть в этой борьбе, но не можем ничего проиграть. Эллинское племя так обижено судьбою, что ему уже нечего терять». И Богданов прибавляет от себя: «Не правда ли, как хорошо, как многозначительно это выражение: «нечего терять»? Быть может, оно имеет значение и не для одного эллинского племени». Слова «*Нам больше нечего терять!*» явственно перекликаются со словами из «Манифеста Коммунистической партии»: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 459); они содержат в себе почти неприкрытый призыв к народному восстанию.

348. И. 1869, № 4, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Автограф — ГБЛ; в нем другая строфа 2:

Осчастливить мужика
Мы задумаем слегка,
Собираем комитеты,
Пишем в них проекты, сметы.
А до дела как дошло:
Глядь, налогов больше стало...

Прочитав из журнала «Шаривари» слова о том, что современная Франция «имеет в о к р у г себя все самые свободные учреждения и ни одним из них не может пользоваться», Богданов пишет: «Словом, французскому народу в настоящее время очень к лицу такая песенка:

О свободе громких фраз...».

Однако приведенная выше строфа 2 автографа говорит о том, что Богданов прежде всего имел в виду Россию. Возможно, что эта строфа была заменена по причинам цензурного характера.

349. Б. 1869, № 38, подпись: Богдан — ов. Это стихотворение и стих. 355 вызваны рядом статей газеты «Весть», в которых высказывалось недовольство крестьянской реформой. Это была критика крестьянской реформы справа. «Весть», представлявшая интересы наиболее реакционных слоев поместного дворянства, ратовала за обезземеление крестьянства, ссылаясь на его якобы неумение вести хозяйство. Отвергая обвинения в крепостнических симпатиях, «Весть» вместе с тем довольно красочно обрисовала свою позицию: «Большая часть нашей печати упорно объясняет злорадством всякое указание на недостатки настоящего положения дел, отражающиеся на народном благосостоянии. В этих указаниях она видит или сожаление о крепостном праве, или тайные вожделения возвратить его, хотя бы в видоизмененной форме» (1869, 23 сент., передовая статья. Разрядка моя.— И. Я.).

350. И. 1869, № 5, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Отклик на письмо Наполеона III к папе Пию IX, в котором он предлагал ему оставить французские войска в Риме для охраны католического вселенского собора. «Дети и внуки лиц, торжественно провозгласивших принципы 1789 года,— пишет Богданов,— в настоящее время своими штыками станут ограждать не менее торжественное провозглашение анафемы этим принципам.

Орел французский встарь вносил...».

351. И. 1869, № 9, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Стихотворение написано в связи с сообщениями о решении португальского правительства освободить в своих колониях негров от рабства, согласно которому они все же на целых десять лет оставались еще в полном распоряжении своих бывших хозяев.

352. «Петербургский листок». 1870, 22 марта, подпись: Б. Это стихотворение приписывалось раньше В. Р. Щиглеву, так как в тетради предназначавшихся для Б, но запрещенных цензурой стихотворений (ПД) оно подписано буквой «Р» (тут же находятся другие стихотворения, подписанные обычными псевдонимами Щиглева «Романыч» и «Р»). Однако впоследствии выяснилось, что «Три сына» были затем напечатаны в газете «Петербургский листок» за подписью «Б» и принадлежат Богданову (Богданов В. И. Собр. стихотворений. М., 1959. С. 374).

353. И. 1870, № 4, в «Заметках», без подписи. Вице-президент, а затем президент французского Законодательного корпуса Э. Шнейдер был крупнейшим капиталистом; ему принадлежали известные пушечные, паровозостроительные и машиностроительные заводы в Крезе; он основал фирму «Шнейдер — Крезе», которая стала впоследствии одним из крупнейших военно-промышленных концернов, военно-промышленной базой французского империализма. В начале 1870 г. в Крезе вспыхнула забастовка, которая была подавлена военной силой. «Говорят,— иронически пишет Богданов,— что вследствие мер, принятых на железных заводах в Крезе для усмирения продолжающихся там волнений и стычек рабочих, хозяин этих заводов президент Шнейдер получил следующее послание:

У вас в Крезе теперь волненья...».

354. И. 1870, № 6, в «Заметках», подпись: Бгд. Автограф первоначальной редакции из трех строф — ГБЛ. «Буржуазное министерство Оливье, — пишет Богданов, — начинает почти с того же, чем кончила блаженной памяти буржуазная монархия Луи-Филиппа, то есть с кровавой борьбы на улице. Так, при попытках воздвигнуть баррикады в день арестования Рошфора на улицах Парижа уже текла кровь... Говорят, что это дурное предзнаменование только для министерства». По этому поводу, замечает Богданов, один немецкий сатирический журнал, характеризующий настроения парижского населения, приписывает ему следующую песенку:

У министров буржуазных...».

Ça ira (т. е. «все пойдет на лад») — революционная песня, возникшая в годы французской революции XVIII в.

355. И. 1870, № 45, подпись: Бгд. Автограф — ГБЛ; в нем еще одна строфа — перед 1-й. См. примеч. 349. Стихотворение вызвало панику в С.-Петерб. ценз. комитете, который поспешил сообщить о нем в Гл. упр. по делам печати. В жалобах «на лишение дворянского сословия тех привилегий и того почета, которые первоначально ему принадлежали... явно слышится, по мнению Комитета, насмешка над крайними притязаниями представителя столбового дворянства, указывающего на свое древнее происхождение как на единственное основание дворянских прав, порицающего меры правительства, которыми открыт доступ в это сословие личным заслугам, и, наконец, современные реформы. Сочувствие автора к мерам правительства несомненно; но, с другой стороны, ему может быть не без основания приписано намерение осмеять в этом стихотворении существующий еще в нашем законодательстве принцип родового дворянства. Впечатление этого стихотворения на известную часть публики может быть тем неблагоприятнее, что оно написано с замечательным талантом». Гл. упр., в свою очередь, отметило в стихотворении «тенденцию демократического свойства, ибо в нем не какие-либо личные пороки подвергаются осмеянию, а выставляется в смешном виде такая сторона положения дворян, которая относится к целому юридическому сословию». И только потому решено было не возбуждать против И судебного преследования, что это был лишь второй номер, вышедший за подписью официального редактора В. Н. Леонтьева, «и вышеуказанным стихотворением еще недостаточно выражается направление всего издания» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 11 нояб. и Гл. упр. по делам печати от 13 нояб. 1870 г.). *Иеремиада* — горькая жалоба, сетование (от библейского рассказа о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима). *Последние могикане* — последние представители чего-либо: общественной группы, поколения, отмирающего социального явления. Источник этого выражения — роман Ф. Купера «Последний из могикан» (могикане — вымершее племя индейцев Северной Америки). *Столбовые* — столбовые дворяне, представители старинных дворянских родов. *Аршинник* — торговец, купец. *Кутья, кутейник* — насмешливое прозвище человека, происходящего из духовного сословия. *Перевернул всё круто* Павел и т. д. Напряженные отношения с матерью, Екатериной II, привели к тому, что Павел поселился в Гатчине, где его главные заботы сосредоточились на нескольких батальонах, отданных под его команду, их муштре по прусскому образцу. Вступив на престол, Павел I высылал из столицы старых генералов и приближал к себе гатчинцев, среди которых был и А. А. Аракчеев. Урезаны были многие права дворянства, полученные им в царствование Екатерины II. *Подъячий* — в старину мелкий чиновник.

Кантонисты — в дореформенную эпоху сыновья солдат, со дня рождения прикреплявшиеся к военному ведомству и проходившие подготовку к солдатской службе в специальных школах. *Опекунский совет* — учреждение, ведавшее попечением о вдовах и сиротах, а также выдававшее помещикам денежные ссуды под залог их имений. *Земство* — см. примеч. 211.

356. И. 1871, № 16, в «Заметках», без подписи. Одна строка этого стихотворения («Всё, как капитал заедает тяжкий труд») была явно искажена при наборе — в ней нарушен стихотворный размер, но восстановить ее в первоначальном виде не представляется возможным; может быть, следует читать: «Всё, как заедает капитал наш труд». Являясь непосредственным откликом на события Парижской коммуны, стихотворение, как и многие статьи, заметки и фельетоны в И 1871 г., ярко характеризует сочувственное отношение к ней поэта и журнала. Квартирная плата и платежи по векселям упомянуты в связи с двумя декретами Парижской коммуны. В отмену постановления Национального собрания было отсрочено погашение задолженности по квартирной плате за последние девять месяцев, а платежи по векселям распределялись на три года, причем должны были производиться без начисления процентов. *Инсургенты* — участники антиправительственного вооруженного восстания.

357. И. 1871, № 29, в «Заметках», без подписи. Остановливаясь на «последних выборах в Париже» (т. е. выборах в Национальное собрание и избрании «главы исполнительной власти»), Богданов отмечает, что город был наводнен полицейскими и шпионами. Поскольку выборы окончились в пользу *Тьера*, войско и полиция остались пассивными наблюдателями. «Что бы вышло в противном случае — неизвестно, но, во всяком случае, можно рассчитывать, что г. Тьер не ударил бы лицом в грязь перед своими собратьями по ремеслу вроде Кавеньяка и героя 2-го декабря (т. е. Наполеона III. — И. Я.). Словом, г. Тьер, несмотря на свои преклонные лета, подает большие надежды в качестве прямого наследника прежних эксплуататоров Франции. В самом деле:

Развивать он бойко стал...».

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

358. И. 1860, № 37, подпись: Пр. Преображенский. Обращено к Н. Л. Ломану («Гнут» — псевд. Ломана) и написано в связи с его пародиями на К. К. Случевского, П. А. Кускова и других враждебных И поэтов. В ответ на «Послание» Ломан посвятил Н. Курочкину пародию «Вы не поверите, что мне недавно приснилось...» (стих. 416). В «Послании к Н. Л. Гнуту» пародийно использовано стих. Н. М. Языкова «Элегия» («Поэту радости и хмеля...»); последние четыре строки, как и указан в подзаг., целиком взяты из него с небольшим изменением. Упомянут Н. Н. Страхова, Курочкин имел в виду несколько стихотворений, напечатанных им в начале его литературной деятельности.

359. «Век». 1862, № 15/16. Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Ю. М. Богушевич в своем донесении о журнале «Век» писал: «Стихотворение Н. Курочкина «Дурные вести», по своему мрачному, безотрадному, зловещему характеру, весьма неодобрительно в насто-

ящее время тревожного настроения умов в обществе» (Дело Особенной канцелярии министра народного просвещения, 1862, № 94. Л. 36).

360. И. 1862, № 4, подпись: Пр. Преображенский. В начале 1860-х годов усиленно обсуждался вопрос о предоставлении женщинам возможности получить высшее образование и связанные с ним права и преимущества. Неоднократно писали, в частности, о высшем медицинском образовании женщин, причем многие представители медицины резко высказывались против женщин-врачей, видя в них своих конкурентов. Автор статьи «К вопросу о врачах-женщинах в России», появившейся в газете «Медицинский вестник» (1862, 27 янв.) одновременно со сценкой Курочкина, недвусмысленно заявил по этому поводу: «Самые несговорчивые противники женщин ни слова не говорят против того, чтобы женщины только учились медицине... Но вся война против того, чтобы они, выучившись, не получили диплома и не рисковали заниматься медицинскою практикою... Из всех противников допущения женщин к изучению медицины самые яростные — врачи, которые живут исключительно «практикою». Неужели они боятся, что женщины отобьют у них практику?» А за два дня до сценки Курочкина в СПбВ (1862, 24 янв.) была напечатана статья Л. Онацевича «Быть или не быть женщине врачом?», автор которой, ссылаясь на физиологические и психологические особенности женщины, писал: «Едва ли женщина может быть хорошим врачом, потому что не имеет свойств, которые требуются для хорошего врача. По нашим законам звание врача дает известные права и налагает известные обязательства, но так как женщина обязательств исполнить не может, то и звания получать не должна. Но распространить знание медицины между женщинами очень полезно, и для того хорошо было бы допустить женщин к слушанию медицинских лекций, не подвергая их никаким экзаменам и не давая им никаких дипломов». Как известно, путь к высшему образованию был еще долго закрыт для женщин. Имя одного из действующих лиц сценки, *Бомбастуса*, связано с именем Т.-А. Парацельса Бомбаста фон Гогенгейма. Возможно, впрочем, что Курочкин имел в виду и английское слово «*bombast*» — напыщенность, высокопарность, в том числе напыщенная, высокопарная речь; с таким значением это слово вошло позже и в немецкий язык. Еще в 1797 г. Н. М. Карамзин писал: «Один б о м б а с т, один гром слов только что оглушает нас и никогда до сердца не доходит» (Соч. Л., 1964. Т. 2. С. 89). *Капище* — языческий храм; в переносном смысле — место служения чему-нибудь вообще: капище наук и т. д. *Эскулап* (римск. миф.) — бог врачевания. *Столпник* — религиозный фанатик — отшельник, молившийся, стоя на небольшом столпе (столбе) или затворившийся в маленькой башенной келье; однако, возможно, что слово «*столпники*» употреблено здесь вместо «*столпы*» — выдающиеся люди, являющиеся опорой чего-нибудь. *Сонм* — собрание. *Геркулес* (Геракл) — герой греческой мифологии, совершивший множество подвигов.

361. И. 1862, № 41, подпись: Пр. Преображенский. Отклик на судебную реформу, основные положения которой были утверждены Александром II и опубликованы в сентябре 1862 г. В «Утешении в разлуке» пародийно использовано стих. А. В. Тимофеева «Разлука», на слова которого А. Е. Варламов написал романс «Пловцы».

362—363. Стих. 1 — И. 1863, № 15, подпись: Пр. Преображенский; стих. 2 — И. 1863, № 20, подпись: Пр. Пр. Из семи стихотворений цикла «Парижские оды» (в свою очередь входящего в большой цикл «Заграничные песни») печатается два. «Парижские оды» написаны под не-

посредственным впечатлением от пребывания в Париже в 1863 г. Центральное место в этих впечатлениях занимает огромный полицейско-бюрократический аппарат Наполеона III, господство произвола и насилия, обеспечивавшие буржуазный «порядок» и душившие все живое в стране. Против всего этого и направлены сатиры Курочкина.

1. *Lui, toujours lui!* — неточная цитата из стих. В. Гюго о Наполеоне I «Lui» («Он») (сб. «Orientales», 1829). *Зуава ли на улице встречаю.* Упоминание о зуаве (солдате алжирских полков французской армии) намекает на захватническую колониальную политику Наполеона III. Алжир уже был в то время французской колонией, но в нем то и дело вспыхивали восстания, которые жестоко подавлялись. *Жан Вальжан* — главный герой романа В. Гюго «Отверженные» (1862), преследуемый инспектором полиции Жавером (Курочкин по ошибке называет его *Шева-ром*).

2. «*Жители планет*» — статья Н. Н. Страхова («Время». 1861, № 1). *Где после дважды черни страстный крик и т. д.* О революциях 1830 и 1848 гг. *Неотразимым образом Марата!*.. Через двадцать с лишним лет Я. П. Полонский писал в стихотворном послании к А. Н. Майкову:

На Курочкина смахивал немного —
На Николая. — Помнишь Николая?
Который поклонялся чудотворцам
Французской революции и, вероятно,
Молился образам Дантона и Марата...

(Полонский Я. П. Стихотворения и поэмы. <Л.>, 1935. С. 279. Б-ка поэта. БС). *Аквилон* — северный ветер. *Горят огнем ш и р о к и е бульвары* — см. вступ. статью, т. I, с. 22. *Шальной поэт* — Гюго, живший в это время в изгнании в Лондоне. *Давно Скарятин доказал статьями и т. д.* До возникновения газеты «Весть» и перехода на откровенно крепостнические позиции В. Д. Скарятин сотрудничал в ОЗ Краевского, СПбВ, РВ Каткова. О его корреспонденциях из Парижа, печатавшихся в «Современной летописи» РВ, и других статьях о Франции см. т. I, примеч. 62.

364. И. 1868, № 38, подпись: Пр. Преображенский. В 1867—1868 гг. в России был голод, но официозная печать, по прямому указанию правительства (см. заявление Гл. упр. по делам печати — «Голос». 1868, 25 янв.), старалась преуменьшить размеры бедствия и предпочитала говорить не о голоде, а о «неурожае», «недостатке хлеба» и пр. Стихотворение высмеивает эти писания реакционных газет.

365. «Пчела». 1876, № 42. Стихотворение выбито на могильной плите В. С. Курочкина. Принадлежит оно не ему, как полагал Н. В. Гербель («Русские поэты в биографиях и образцах», 2-е изд. СПб., 1880. С. 652), а Николаю Курочкину. Об этом свидетельствуют заметки в журнале «Пчела» и «Театральной газете» (1876, 22 нояб.) о памятнике В. С. Курочкину. Из этих заметок узнаем, что на заседании комитета С.-Петербургского собрания художников 25 окт. 1876 г. решено было на пьедестале памятника В. С. Курочкину поместить «стихотворение брата покойного сатирика Н. С. Курочкина, как нельзя теплей и лучше выражающее деятельность оставившего нас поэта». И дальше приводится текст стихотворения. См. также биографические сведения о В. С. Курочкине, сообщенные Н. С. Курочкиным казанскому библиографу Н. Я. Агафонову (Центр. гос. историч. архив Татарской АССР в Казани, собр. Агафоно-

ва), и фельетон Д. Д. Минаева «Чем хата богата» («Молва». 1880, 21 февр.). *Гроб мой украсьте венком!* — ст. из стих. 125 (т. 1).

366. «Свет». 1878, № 2. Ст. 1—4 — из стих. Некрасова «Умру я скоро. Жалкое наследство...». Оттуда же — ст. 11 и (в измененном виде) ст. 12. Другое стихотворение Н. С. Курочкина о Некрасове — «Над могилой Некрасова» («Слава печальнику горя народного...») — напечатано в БВ. 1878, 1 янв.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Тарас Шевченко

367. «Народное чтение». 1860, № 5, с датой: 1 августа 1860. Автограф журнального текста — ЦГАЛИ (фонд Курочкиных, с той же датой). Исправления, сделанные в книге «„Кобзарь“ Тараса Шевченко в переводе русских поэтов, изданном под ред. Н. В. Гербеля» (1-е изд. СПб., 1860; 3-е изд. СПб., 1876), куда вошли переводы Курочкина, по всей вероятности, принадлежат не ему, а редактору книги. Перевод стих. «Муза». О работе Курочкина над переводом см. его письмо к Шевченко (Чалый М. К. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Киев, 1882. С. 135). Курочкин познакомился с Шевченко после его возвращения из ссылки и сразу подружился с ним. На похоронах Шевченко Курочкин произнес речь. «Еще одна могила раскрылась между нами! — говорил он. — Еще одна чистая, честная, светлая личность оставила нас; еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранных, высказавших за народ самые светлые его верования, угадавший самые заветные его желания и передавший все это неумирающим словом, — окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждения и всякого рода страданий» («Основа». 1861, № 3. С. 14). По словам Н. С. Лескова, «сдерживаемые слезы мешали <Курочкину> произнести свое короткое слово, дышавшее сердечной простотой и искренностью» (Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 11). *Феб* (греч. миф.) — бог солнца и света, покровитель искусств Аполлон. *В казарме душевой*. Речь идет о годах солдатчины. *Зоренька* — звездочка (украинизм).

Джузеппе Джусти

368. И. 1866, № 5, подпись: Пр. Преображенский. Вольный перевод стих. «Up fossile». *Пикет* — карточная игра.

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

369. «Весельчак». 1858, № 42, в цикле «Мелодии серого цвета», подпись: Непризнанный поэт.

370—371. И. 1859, № 1 и 2. Стих. 2 в сборники Вейнберга не включено. *Не тот, что в дни былые* и т. д. — т. е. не божество любви (римск. миф.), а река Амур. Речь идет о так называемой Амурской компании, акционерном обществе, организованном в 1858 г. после присоединения Амурской области к России. Амурская компания находилась в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири и пользовалась разными льготами. *Полумпериял* — золотая монета ценностью в пять рублей.

372. И. 1859, № 2, в цикле «Отпрыски сердца», подпись: Гейне из Тамбова. Автограф 1865 г. — в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ). «По расска-

зу мне самого Петра Исаевича,— сообщает Б. Б. Глинский («Среди литераторов и ученых». СПб., 1914. С. 112),— он описал тут случай своего увлечения дочкой тамбовского губернатора» К. К. Данзаса, при котором служил чиновником особых поручений. Положено на музыку А. С. Даргомыжским. Благодаря романсу Даргомыжского, стихотворение приобрело большую популярность, а первые две строки вошли в обиходную речь. В повести Я. П. Полонского «Нечаянно» (1878) один из ее героев говорит другому: «Ей-богу же пойдет, хоть вы и титулярный советник, а она генеральская дочь» (Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 6. С. 94). См. также: Полонский Я. П. Во дни помешательства (РВ. 1886, № 2. С. 653); Михайловский Н. К. Из романа «Карьера Оладушкина». СПб., 1906. С. 227. См. также вступ. заметку о Вейнберге, с. 268.

373. И. 1859, № 9. В сборники Вейнберга не включено. Стихотворение вызвало целую бурю. 12 марта 1859 г. А. В. Никитенко записал в дневник: «В Комитете (т. е. негласном комитете по надзору за литературой и печатью.— И. Я.) Муханов свирепствовал против «Искры», на которую сперва напал Тимашев за стихи «На Невском проспекте». Но Тимашев полагал достаточным призвать редактора в III Отделение и вымыть ему голову, а Муханов бредил все гауптвахтою» («Дневник» <Л.>, 1955. Т. 3. С. 574; см. также с. 73—74). Через несколько дней министр народного просвещения Е. П. Ковалевский, «находя, что подобные стихотворения, выражающие в злобном духе преобладание богатых людей над бедными, действуют враждебно на отношения между лицами разных состояний», предписал С.-Петербург. ценз. комитету не допускать впредь ничего подобного и сделать замечание цензору, одоббившему к печати стихотворение Вейнберга (Дела С.-Петербург. ценз. комитета, 1859, № 59 и Гл. упр. цензуры, № 4805).

374. И. 1859, № 19, подпись: Гейне из Тамбова.—Сб. 1902 г. *Мне дали раз отличный перстень* и т. д. Намек на нашумевший в свое время скандальный случай. Председатель Театрально-литературного комитета С. П. Жихарев пытался присвоить бриллиантовый перстень, пожалованный члену комитета А. В. Дружинину (см. об этом: Никитенко А. В. Дневник. <Л.>, 1955. Т. 2. С. 42; Шуберт А. И. Моя жизнь. Л., 1929. С. 197—198). *Как птица божия, не сею, Но жну.* Ироническое использование евангельского текста (от Матфея, гл. 6, ст. 26).

375. И. 1860, № 5, подпись: Гейне из Тамбова.—Сб. 1863 г.—Сб. 1902 г.

376. И. 1862, № 24, без загл., в цикле «Песни сумасшедшего акционера», подпись: Гейне из Тамбова.—Сб. 1863 г.—Сб. 1902 г. Из двух стихотворений цикла печатается одно. Главное общество российских железных дорог, о котором идет речь в стихотворении, было основано в 1857 г. при ближайшем участии иностранных, главным образом французских, банкиров. Ему была предоставлена концессия на постройку четырех железнодорожных линий, в том числе Московско-Феодосийской. Все высшие должности занимали французские инженеры и техники; главным директором был Ш.-Э. Колинзон. В 1861 г. в Обществе обнаружили огромные злоупотребления и растраты, и оно было реорганизовано. Южная дорога, потребность в которой остро чувствовалась в эти годы, была построена лишь в следующем десятилетии. Стихотворение — «перепев» песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. А. Полевого; отсюда взят и эпиграф.

377. И. 1862, № 9, подпись: Гейне из Тамбова.--Сб. 1863 г.--Сб. 1902 г. О жеиском медицинском образовании в 1860-х годах см. примеч. 360. Интересно сопоставить «Элегию» со следующим отрывком романа Чернышевского «Что делать?». «Я, нисколько не совестясь, уж очень много компрометировал Веру Павловну со стороны поэтичности,— иронически писал Чернышевский,— например, не скрывал того, что она каждый день обедала, и вообще с аппетитом, а кроме того, по два раза в день пила чай. Но теперь я дошел до такого обстоятельства, что, при всей бесстыдной низости моих понятий, на меня нападает робость, и думаю я: „Не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумают о женщине, которая в состоянии заниматься медициною? Какие грубые нервы должны быть у нее, какая черствая душа!“» (гл. 4, XI). На ту же тему через полвека после «Элегии» написал стих. Саши Черного «Городская сказка». Общий замысел «Элегии» кое в чем близок к пародии Некрасова на К. Павлову — «Мое разочарование» (1851).

378. И. 1862, № 32, подпись: Гейне из Тамбова.- -Сб. 1863 г. Обращено к Н. Ф. Павлову; редактируемое им издание — субсидировавшаяся правительством газета «Наше время»; слова *Видишь, может наше время* имеют поэтому двойной смысл. Стихотворение написано под влиянием «Колыбельной песни» Некрасова. *Зоил* — см. примеч. 270.

379. «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году». Спб., 1862. Т. 2, без указания автора, строфы 4 и 5 в обратном порядке. Корректурa, по которой стихотворение напечатано в «Сборнике», за подписью «Гейне из Тамбова» — в собр. корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 54, Л. 1. Было запрещено для И в сентябре 1862 г.- -И. 1862, № 40, под загл. «Мой взгляд на природу», без подзаг., строф. 2 и 5, подпись: Гейне из Тамбова.--Сб. 1863г., с исправл., снова без подзаг. и строфы 2.--Печ. по «Сборнику статей, не дозволенных цензурою...» с исправл. по сб. 1863 г. Аналогичную игру на двух значениях слова «звезда» в развернутом виде находим в басне Козьмы Пруткова «Звезда и брюхо» (написана в 1854 г., впервые напечатана в 1881 г.). *Горний* — небесный. *Мне милее Станиславы* и т. д. — т. е. ордена св. Станислава, св. Владимира и св. Анны. *Камергер* — придворное звание. Знаком камергерского звания был золотой ключ; его носили с бантом на голубой ленте на пуговице при заднем кармане мундира.

380. И. 1862, № 10, без загл., в фельетоне «Отрывочные заметки», подпись: Гейне из Тамбова.- -Сб. 1863 г.- -Сб. 1902 г. Об отношении И к *гласности* см. примеч. 172. *Как случилось в Твери, например*. В Твери жену капельмейстера, дирижировавшего оркестром, попросили удалиться с гимназического вечера. На этот эпизод гневно откликнулся «Колокол» Герцена в заметке «Мерзкие мальчишки в Твери» (1862, л. 128, 8 апр., С. 1068).

381. «Гудок». 1862, № 35, с подзаг. «Басня», подпись: Гейне из Тамбова.- -Сб. 1863 г.- -Сб. 1902 г. *Акведукная компания* — Общество с.-петербургских водопроводов. Работы по устройству водопровода в Петербурге были начаты Обществом в 1859 г. Через три года на собрании акционеров выяснилось, что капитал полностью истрачен, долги очень велики, а произведенные работы необходимо переделать. Решено было обратиться в Городскую думу с просьбой о поручительстве для получения из казны новой большой ссуды. Однако Дума отклонила эту просьбу. «*Стрекоза и Муравей*» — «перепев» одиоимеинной басни Крылова.

382. «Гудок». 1862, № 42, с подзаг. «Романс», подпись: Гейне из Тамбова.- Сб. 1902 г. В «Утешении» высмеяны верноподданнические статьи В. Д. Скарятин в СПбВ. 1862, 17 авг. и 4 сент. Европа ошибается, заявлял он, полагая, будто прокламации вроде «Молодой России» и Герцеи выражают взгляды русского народа. Революция в России, по его словам, невозможна, и, с другой стороны, не правы, мол, и те, кто считает, что наступила реакция. Скарятин с ложным пафосом писал о «великой пользе союза либеральной партии с властью... Ниче лучшая гарантия свободы и законности заключается не в бунтах и заговорах, а в том, что всякая власть ищет и не может не искать любви и уважения подвластных». Он прославлял Александра II и с казенным оптимизмом рисовал блестящее состояние России, утверждая, в частности, что «крестьянский вопрос устраивается». *Только дайте до второго* и т. д. Празднование тысячелетия России в 1862 г. имело официальный характер, и демократический лагерь отнесся к нему иронически. В Новгороде был открыт памятник тысячелетию России, исполненный по проекту скульптора М. О. Микешина.

383. И. 1863, № 5, подпись: Гейне из Тамбова.- Сб. 1902 г. *Альбион* — Англия.

384. «Совр.». 1865, № 11/12.

385. Б. 1867, № 18, подпись: Гейне из Тамбова.- Сб. 1902 г. Ст. 1—8 — перевод двух строф стих. Г. Гейне «Doktrin», пользовавшегося большой популярностью в демократических кругах 1860-х годов (см., напр., эпиграф к статье Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»). *Маркитантка* — торговка, сопровождавшая войска в походах. *Я, тезка великого Гейне*. Стихотворение было напечатано под обычным псевдонимом Вейнберга «Гейне из Тамбова».

386. ОЗ. 1881, № 10.- Сб. 1902 г.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Вильям Шекспир

387. БдЧ. 1864, № 4/5, в составе всей трагедии.- «Поли. собр. драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей». СПб., 1865. Т. 1.- Шекспир В. Отелло... Перевод П. И. Вейнберга. СПб., 1886.- Шекспир. СПб., 1903. Т. 3. Изд. Брокгауз — Ефрон. *Каннибалы, антропофаги* — людоеды.

ГАВРИИЛ ЖУЛЕВ

388. И. 1860, № 7, без загл. в цикле «Песни бедняка», подпись: Доброиравный.- Печ. по сб. 1863 г. с исправл. по И.

389. И. 1860, № 26, без загл., с еще одной строфой после 11-й и без ст. 3—4 строфы 12, замененных точками, подпись: Скорбный поэт.- Сб. 1863.

390. И. 1860, № 21, подпись: Скорбный поэт. - -Сб. 1863 г. Стихотворение направлено против СП и близких к ней писателей — *булгаринских времен Хилых фигурантов*, но имеет и более широкий смысл. Оно наносило удар всем врагам демократического и реалистического искусства, сочувственного и правдивого изображения народа в литературе. По свидетельству А. В. Амфитеатрова («Забывтый смех». М., (1914). Сб. 1. С. 296), ст. *Ах! пропахла мужиком Вся литература! и И труды их — боже! — На Толкучем продают С хламом на рогоже* «стали на много лет ходячими цитатами в русской критике и публицистике, давно позабывших источник, откуда меткие слова эти столь кстати взялись». *Что теперь уже молчит Старая газета.* О СП, которая с 1860 г. перешла к журналисту П. С. Усову; в связи с этим наиболее реакционные сотрудники газеты порвали с ней; даже весьма умеренный по своим взглядам Усов был для них чрезмерно либерален. *Главная пчела* — Ф. В. Булгарин, умерший в сентябре 1859 г. *Куплетист он и актер* и т. д. По-видимому, речь идет о П. А. Каратыгине, резком противнике гоголевского направления русской литературы, авторе водевиля «Натуральная школа». *Был еще тут драматург* и т. д. По-видимому, Н. В. Кукольник. *И младенцы в эту ночь* и т. д. Ср. конец стих. В. А. Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»: «Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон Младенцы вздрагивали в страхе».

391. И. 1862, № 34, без загл., в цикле «Песни Скорбного поэта», подпись: Скорбный поэт. - -Сб. 1863 г. *Мизерабли* (франц. misérables) — несчастные. В 1862 г. вышел и был переведен роман В. Гюго «Les misérables», из которого Жулев и перенес в русский язык это слово. *Тайлёр* (франц. tailleur) — портной. *Рост* — проценты, процентная прибыль. *Несем подальше к мосту!* — т. е. вносим проценты по ссудам, полученным под залог вещей, в отделение Петербургского ломбарда возле Банковского моста (Амфитеатров А. Забывтый смех. М., (1914). Сб. 1. С. 271). *Сенная* — Сенная площадь, где был рынок. *Фельдшера Обуховской больницы.* В Обуховской больнице кончала свои дни преимущественно петербургская беднота.

392. И. 1863, № 2, под загл. «Горемыка», подпись: Скорбный поэт. - -Сб. 1871 г. *Коломня* (Коломна) — район Петербурга; в те годы — место жительства бедноты, мелкого чиновничества и мещанства.

393. И. 1864, № 15, без строфы 5, замененной строкой точек, с разделением на двестишестидесяти, подпись: Скорбный поэт. - -Сб. 1871 г. В первоначальной редакции вместо строфы 5 было 8 строк, опущенных в И по цензурным причинам и впоследствии сжатых в одно четверостишие. Они вписаны П. А. Ефремовым в принадлежавший ему экземпляр И за 1864 г. (находился в собр. В. А. Десницкого):

«Молодец Петрушка!» Но всё стихло вмиг:
Из-за ширм явился красны воротник,—
Подошел к Петрушке и басит ему:
«Что ты тут, каналья?.. Я тебя уйму!..»
Петька не робеет: взявши палку, хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб.
Хохот одобренья; слышны голоса:
«Не сробел начальства!.. Эки чудеса!..»

Разовые — поспектакльная оплата артистов. *Часть, квартал* — полицейский участок, отделение городской полиции. *Квартальный* — квартальный надзиратель, полицейский, под надзором которого находилась известная часть города.

394. И. 1867, № 15, подпись: Г. Ж. В сборники Жулева не включено. Это стихотворение — «Приступ» к «Рифмам Скорбного поэта», вслед за ним напечатаны «Подобно всем угрюмым россам...» и «С огнем губительным в крови...». В стихотворении имеются отзвуки стих. Ю. В. Жадовской «Нива моя, нива, Нива золотая!..».

ВИКТОР БУРЕНИН

395—397. И. 1863, № 4, подпись: Владимир Монументов. В сборники Буренина не включено. Из десяти стихотворений цикла печатаются три. «Парижский альбом» — пародия на цикл стихотворений А. Н. Майкова «Неаполитанский альбом» (ОЗ. 1862, № 12). Подстрочное примеч. к загл. пародирует аналогичное примеч. Майкова.

1. *Вот Некрасов пишет мне* и т. д. Некрасов тяжело переживал разрыв с Тургеневым. 15 янв. 1861 г. он писал ему: «Я в сию минуту хлопоту не о «Современнике» и не из желания достать для него твою повесть — это как ты хочешь, — я хочу некоторого света отношения самого себя и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне» (Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 10. С. 442). Тургенев использовал это личное письмо в борьбе с «Совр.». Он сослался на него, к тому же извратив его смысл, в «Письме к издателю» СП: «Весною 1861 года тот же г. Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и между прочим доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне. Я тогда же отвечал г. Некрасову положительным отказом, сообщил ему мое твердое решение не участвовать более в „Современнике“» (СП. 1862, 10 дек.). «Вестник» — РВ, в котором Тургенев после разрыва с «Совр.» в течение нескольких лет активно сотрудничал.

2. *Автор разных медитаций*. Имеются в виду сборники стихотворений А. Ламартина «*Méditations poétiques*» и «*Nouvelles méditations poétiques*» («Поэтические размышления» и «Новые поэтические размышления»).

398—399. «Совр.». 1863, № 4, «Свисток», подпись: Владимир Монументов. В сборники Буренина не включено. В июне 1862 г. «Совр.» был приостановлен правительством на восемь месяцев. Во время вынужденного молчания журнала ходили слухи, что он изменит свое направление. Однако в феврале 1863 г. вышла двойная (за январь и февраль) книжка «Совр.», которая решительно опровергла их. Начиная серию статей «Наша общественная жизнь», Салтыков-Шедрин дал полную яда характеристику *благонамеренного* (т. е. придерживающегося официального образа мысли) человека.

1. Действующими лицами этой сцены и являются два таких «благонамеренных». *Магазин Базунова*. В магазине книгопродавца И. В. Базунова, где происходит действие, находилась московская контора «Совр.»; здесь проводилась подписка на журнал и выдавались очередные его книжки. *Ну, ему все «даже»* и т. д. В «Отцах и детях» Тургенева, в главе, где описывается спор Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым, есть такое место: «— Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным,—

промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание, — мы отрицаем. — Всё? — Всё. — Как? не только искусство, поэзию, но и... страшно вымолвить... — Всё, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров». В статье Щедрина приведенный отрывок пересказан следующим образом: «— Вы не верите ни во что... даже? — вопрошает Базаров один из старичков Кирсановых. — Даже, — отвечает Базаров, вовсе не заботясь о том, что... гость обязан говорить хозяевам лишь приятные и угодные вещи. Не верит в «даже», а верит в лягушек!». Это «даже» попало из статьи Щедрина в сатиру Буренина. *Поголовно обругал!* О «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев», автором которого является М. А. Антонович. *Им хвалы слагает он!* О статье Щедрина. Слово «мальчишки», пущенное Катковым, обозначало в лексиконе реакционной журналистики то же, что «нигилисты».

2. Эта сцена вызвана следующими фактами. В № 11 ОЗ за 1862 г. С. С. Громека в обзоре «Современная хроника России» выразил сожаление по поводу того, что «литературное направление, известное последнее время под общим названием нигилизма, устранено вовсе из печати». Но это заявление отнюдь не свидетельствовало о сочувственном отношении к «Совр.» и одновременно с ним приостановленному РС. Репрессивные меры, утверждал Громека, приведут к тому, что нигилизм будет загнан в подполье и преследуемые мнения будут вознесены «на ступень мученичества». Между тем, сетовал он на цензуру, уже приближался момент, когда нигилизм был бы окончательно развенчан, и приостановление «Совр.» и РС только услило его. Резкую отповедь получил публицист ОЗ в названном выше обзоре Антоновича. Он высмеял Громеку, отметив, что его «ходатайство» за «Совр.» появилось уже тогда, когда стало известно о возобновлении журнала, и раскрыв подлинный смысл этого «ходатайства». Тут же говорится об отсутствии у Громеки серьезно продуманных взглядов; Антонович сравнил его со «школьником, который накануне собрал кой-какие сведения о факте и завтра станет проповедовать об нем публике». Этим и объясняется ярость Громеки в сцене Буренина: *Что? невежда я и школьник?! и т. д.* С несколькими страницами того же обзора связана реплика М. М. Достоевского: *А меня на «почве» милой Оскардалили!* Идеейная концепция, развивавшаяся в журналах Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха», носила название «почвенничества». Федор — Ф. М. Достоевский. *Толщина-то, толщина!* А. А. Краевский, как журнальный предприниматель, поражен в первую очередь необычайной толщиной «Совр.» (в № 1/2 за 1863 г. свыше восьмисот страниц).

400. «Совр.». 1863, № 4, «Свисток», подпись: Михаил Антиспатов. В сборник Буренина не включено. По поводу публичных лекций П. Д. Юркевича, направленных против материализма. Эпиграф — начало пословицы: «Гром грянул не из тучи, а из навозной кучи». *В запрещенном переводе.* Главное сочинение Л. Бюхнера «Сила и материя» было переведено и литографировано в 1860 г. московским революционным кружком П. Заичевского и П. Аргиропуло. Бюхнер, как и упомянутые дальше в стихотворении Я. Молешотт, Л. Фейербах и Г.-Т. Бокль, пользовался большой популярностью в радикальных кругах 1860-х годов.

401. И. 1863, № 16 и 17, подпись: Владимир Монументов. В сборник Буренина не включено. Буренин напечатал только *песнь первую* «Благонамеренной поэмы»; делал ли он попытки продолжать ее — неизвестно. Мы печатаем главы 3, 5, 6 и 7.

(Г л.) 3. «Велика и обильна родная земля» и т. д. Имеются в виду

слова из летописи — «Повести временных лет»: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» («Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы». М., 1978. С. 36). Это точно, была роковая пора и т. д. Во второй половине 1850-х годов не только либеральный в то время РВ, но и явные консерваторы, как М. П. Погодин, В. А. Соллогуб и др., стали толковать о необходимости гласности, искоренении уродливых явлений русской жизни и т. д. «Увлечение» это длилось недолго: все они были напуганы ростом революционного движения и призраком крестьянской революции. Но и раньше такие их писания и выступления или ограничивались банкетными речами, или касались частных дел. «Лет шесть тому назад, — писал Салтыков в 1863 г., — началось у нас какое-то движение, которое многие умы преисполнило гордынею великою, многие сердца заставило трепетать радостью необычайною... Как оказалось впоследствии, это было движение мелочей и подробностей, но кто же знает? быть может, именно этот-то мелочный характер обновления и составлял тайную причину нашей радости; по крайней мере, так можно догадываться из того, что к этому движению симпатически относились не только те, которые, подобно г. Громеке, предварительно разделивши все движения на неподозрительные и подозрительные, отдаются первым со всею пламенностью, а последними не увлекаются, но и те, которые на всякого рода движения поглядывают вообще неблагоприятно. В нем именно то и удобно было, что оно ничего не подкапывало, а только украшало» («Наша общественная жизнь» // «Совр.». 1863, № 5. С. 223). Очень характерны для этих лет выступления откупщика В. А. Кокорева, который либеральными речами и раскаянием в своих прегрешениях отвлекал общественное внимание от далеко не безгрешных делишек. И в «Совр.» неоднократно высказывали скептическое отношение к «подвигам заушения». Ярким документом этого скептицизма является стих. Конрада Лилиеншвагера (Н. А. Добролюбова) «Современный хор» («Совр.». 1859, № 1, «Свисток». С. 212), из которого взят эпиграф к «Благонамеренной поэме». Ланиты — щеки. «Вестник» — РВ. Арнику больше всего Отпускалось Степану Громеке. С. С. Громека напечатал несколько обличительных статей о полиции, что не помешало ему вскоре заняться обличением уже не полиции, а «духа отрицания» и «нигилизма». Раздалась на железной дороге и т. д. В 1860 г. вышневолоцкий помещик Козляинов избил в вагоне поезда пассажирку-немку.

⟨Г л.⟩ 5. Веси — села, деревни. Катковым, лорд-мэром. Насмешка над англоманством Каткова в годы его либерализма. И скакал Розенгейм пионером. Употребив в стих. «Прогресс» слово «пионер», Розенгейм сделал к нему примеч.: «пионер — передовой человек» (СО. 1860, № 38. С. 411). Князь Черкасский с березовой ветвью шел. Имеется в виду статья В. А. Черкасского «Некоторые общие черты будущего сельского управления» («Сельское благоустройство». 1858, № 9), в которой он высказывался за временное сохранение телесных наказаний для крестьянства. Заливался Скарятин, как мерин. Об этой насмешке см. т. 1, стих. 61 и примеч. к нему.

⟨Г л.⟩ 6. «Плювез» (pluviose) — пятый месяц республиканского календаря, введенного во время французской революции XVIII в. Месяцы делились на декады. Ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки — обозрения «Современная хроника России», которые С. С. Громека помещал в ОЗ Краевского. В частности, Буренин иронизирует, по-видимому, над «Хроникой» в № 10 за 1862 г. (с. 37—53). Сразу же после ее появления И писала, что Громека, приведя цитату из «Истории революции 1848 года» Гарнье-Пажеса, тем самым «приравнивает состояние нашего общества к состоянию описываемого Гарнье-Пажесом общества

французского» (1862, № 42. С. 558). *Деревья свободы* — один из символов французской революции XVIII в. Насаждение «деревьев свободы» обставлялось очень торжественно. Вокруг них в дни революционных праздников устраивались пляски и пелись революционные песни. *Будка* — см. примеч. 260—261. «*Почты*» редактор Иван Гончаров. В 1862—1863 гг. И. А. Гончаров редактировал газету Министерства внутренних дел «Северная почта». «*Предварение*» вместе с «*каранием*» слить и т. д. В 1862 г. комиссия по пересмотру цензурного законодательства обсуждала вопрос о частичном переходе от предварительной цензуры к административно-карательным мерам воздействия на печать. Работа комиссии не дала никаких результатов. А в январе 1863 г. цензурное ведомство было полностью передано из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, что было вызвано якобы недостаточной решительной борьбой цензуры с антиправительственными тенденциями в печати. Ст. от *Им благие реформы дают до В Петербурге келейно их правят* вызвали недовольство Центр. упр. по ценз. ведомству. «Этих стихов,— писал в своем рапорте В. Игнатович,— по моему мнению, не следовало бы пропустить, так как в первом четверостишии очевидна насмешка над принципом, принятым в основание проекта нового цензурного устава, и направленная к тому, чтоб заблаговременно уронить его в общественном мнении; в последнем же трестишии — саркастический намек на правительственные меры против анархических стремлений» (Дело Центр. упр. по ценз. ведомству, 1863, № 81. Л. 18). *Исправляет Юркевич публично.* О лекциях П. Д. Юркевича против материалистической философии. *Свистун* — см. т. 1, примеч. 59.

⟨Г л.⟩ 7. *Петел* — петух. *Слышу песни ликующих праздно.* Ср. с «*Рыцарем на час*» Некрасова, напечатанным незадолго до «*Благонамеренной поэмы*» («Совр.». 1863, № 1):

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

402. «Вестник литературы». 1920, № 6, под загл. «13 июня 1864 года (Памяти Н. Г. Чернышевского)», без разделения на четверостишия.--Печ. с исправл. по автографу (ПД). Загл. «13 июня 1864 года» вписано в автограф не рукою Буренина. Не воспроизводим и загл. «Памяти Н. Г. Чернышевского» как позднейшее и явно не соответствующее стихотворению, возникшему под непосредственным впечатлением описанного в нем события. Буренин сделал к стихотворению следующее примеч.: «Эти строфы были написаны в день «публичного» объявления приговора Чернышевскому на Конной площади. При старом режиме они не могли появиться в печати». Буренин присутствовал при обряде «гражданской казни» над Чернышевским накануне его отправки в Сибирь (это было не 13 июня, а 19 мая 1864 г. в Петербурге на Мытнинской площади) и довольно точно описал виденное. То, что Буренин был в этот день на Мытнинской площади, засвидетельствовано в воспоминаниях П. Д. Боборыкина: «Подробности этой казни передавал нам в редакции «Библиотеки» не кто иной, как Буренин, тогдашний мой сотрудник. Он видел, как Чернышевский был взведен на эшафот, как над ним переломили шпагу в знак лишения прав и он несколько минут был привязан» (Боборыкин П. Д. Воспоминания. 1965. Т. 1. С. 397). См. также письмо Буренина к редактору «Вестника литературы» А. Е. Кауфману (ПД).

403. И. 1865, № 16, подпись: В. Монументов.--Буренин В. Стихотворения. СПб., 1878. В сб. «Былое» (СПб., 1880; 2-е изд. СПб., 1897), а также в Т. 3 «Сочинений» (СПб., 1912) включенная в эту книгу 4-я, политически наиболее острая, глава поэмы не перепечатана.

404. ОЗ. 1871, № 6, в цикле «Гражданско-поэтические отголоски», подпись: Выборгский пустынник. *Педефил* (детолюб) и *Педемах* (детоборец) — М. Н. Катков и П. М. Леонтьев. *От полярных хладных льдов* и т. д. Ср. со стих. Пушкина «Клеветникам России»: «От финских хладных скал до пламенной Колхиды». *Ликийский Храм воздвигнув в наши дни* и т. д. Катков и Леонтьев, бывшие фанатическими приверженцами классической системы образования, открыли в Москве в 1868 г. классический лицей и принимали активное участие в выработке реакционного устава гимназий 1871 г., согласно которому классическая система получила полное преобладание (см. о ней т. I, примеч. 94).

405. ОЗ. 1871, № 9. Стихотворение написано непосредственно после окончания нечаевского дела и высмеивает реакционную печать, в первую очередь МВ Каткова, высказывавшую недовольство чересчур вежливым обращением председателя суда с подсудимыми, поведением защитников, слишком мягким приговором и т. д. Смысл стихотворения был ясен читателям, следившим за процессом; кроме того, в том же номере ОЗ была напечатана статья Салтыкова-Щедрина «Так называемое «ичеаевское дело» и отношение к нему русской журналистики», в ней приводились отрывки из газет, служащие ключом для «Общественного мнения».

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

О г ю с т Б а р б ъ е

406. «Подпольное слово» (Женева). 1866, № 2, авг., под загл. «На добычу (Из Барбье)», без имени переводчика.--«Вестник Европы». 1868, № 11, под загл. «Собачий пир (Писано в августе 1830 г.)» и с исправл.; здесь Буренин, по настоянию редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, заменил слово «сука» — «самкой» (письмо Буренина к Стасюлевичу по поводу перевода «Собачьего пира» от 12 окт. 1868 г. напечатано в кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 2. С. 541—542).-- Буренин В. Стихотворения. СПб., 1878; здесь слово «сука» восстановлено, но по цензурным причинам вторая половина ст. *Дитя Бастилии, топчя ногою троны* заменена точками.-- Сочинения. СПб., 1912. Т. 2. Перевод стих. «La sigée». Появление «Собачьего пира» в «Вестнике Европы» вызвало крайнее недовольство Гл. упр. по делам печати. Если это стихотворение, читаем в его отношении в С.-Петерб. ценз. комитет, «могло печататься безнаказанно во Франции и в других государствах, в которых существующие правительства основаны на успехе недавних революций, то в России появление в печати такого страстного описания уличной революции более чем неуместно»; Стасюлевич был предупрежден «о возможности неблагоприятных последствий для его журнала в случае помещения в его издании статей, подобных... стихотворению Барбье» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1865, № 102. Ч. I. Л. 11). Стихотворение является непосредственным откликом на Июльскую революцию 1830 г., когда парижские рабочие, ремесленники, демократическая интеллигенция одержали победу над дворянской монархией, но, не сумев воспользоваться ее плодами, позволили крупной буржуазии захва-

тить власть в свои руки. *Бастилия* — тюрьма в Париже, преимущественно для политических заключенных. Штурм Бастилии восставшим народом 14 июля 1789 г. послужил началом Великой французской революции. *Фригийский колпак*. Здесь имеется в виду шапочка, которую носили якобинцы; с тех пор — символ свободы. *Маркитантка* — см. примеч. 385. *Капрала в двадцать лет* — т. е. Наполеона Бонапарта.

НИКОЛАЙ ЛОМАН

407. И. 1860, № 8. Все пародии Ломана, появившиеся в И, включены в его фельетоны «Литературные вариации», напечатанные под псевдонимом: Н. Л. Гнут. Пародия на стих. Ф. И. Тютчева:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой и т. д.

У Тютчева: «Как нищий» и «жизненная тропа» вообще; у Ломана тема переведена в социально-бытовой план: у него действительно бедняк, которому недоступны жизненные блага. *Милутины лавки* — см. примеч. 175. *Гомар* — омар, морской рак.

408. И. 1860, № 39. Пародия на стих. Ф. И. Тютчева «Успокоение (Из Ленау)» (РВ. 1858, авг., кн. 2; в собрании стихотворений оно напечатано с рядом изменений). Цитаты из него, местами, впрочем, значительно измененные, Ломан выделил курсивом.

409. И. 1860, № 8. Пародия на одноименное стих. К. К. Случевского («Совр.». 1860, № 1). Первые значительные выступления Случевского в печати вызвали восторженные отзывы Ап. Григорьева и, напротив, были приняты в штыки Добролюбовым и И. «И какие удивительные люди поэты, подобные г-ну Случевскому! — иронически пишет Ломан. — Сейчас видно, что у них в голове что-то не так, как у других людей. Если мы с вами, г-н редактор, задумаем пойти на кладбище да улечься на могильную плиту — что из этого будет? Бока заболят, комары искусают лицо — и только. Пошел г-н Случевский, прилег — и видит, как грибы растут, и слышит, как мертвые говорят. Удивительный слух и удивительное зрение! Мертвец очень деликатно просил г-на Случевского полежать за него час-другой в гробу, пока он совершит свою прогулку по белому свету. Но г-н Случевский не согласился — и умно сделал. Не писать бы ему больше элегий, а нам бы не читать их. Содержание элегии, рассказанное мною, довольно неправдоподобно, но в этом самом я и вижу торжество таланта г-на Случевского и совершенное понимание им законов искусства... Я с удовольствием еще сообщу вам, г-н редактор, несколько вариаций, если только журнал ваш радушно откроет им свои страницы и г-н Случевский и подобные ему писатели не перестанут путешествовать по кладбищам и рассказывать публике, что они там видели и слышали». *Матлот — танец. С од руж е с т в о и д е й* — выражение Ап. Григорьева. *Вспомни случай я* и т. д. Намек на непристойные стишки «На кладбище ветер свищет...».

410. И. 1860, № 25. Пародия на стих. К. К. Случевского «Мемфисский жрец» (ОЗ. 1860, № 3). Загл. взято из драмы Ф. Шиллера. Иронизируя над отзывом о Случевском Ап. Григорьева («Беседы с Иваном

Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах» // СО. 1860, № 6), пользуясь многими его выражениями, Ломан пишет: «Если вы обратили внимание на форму этого произведения — на размер стиха, отдельные выражения, эпитеты, то, конечно, убедились, что тут нечто лермонтовское слилось с майковским, потом еще раз с майковским, потом с меевским да еще с фетовским, и образовало нечто такое особое, что вам не остается ничего другого, как только развести руками. Если вы рассматривали это стихотворение со стороны вымысла, необыкновенная сила поэтического творчества должна была поразить вас, так сказать, на первом шагу. Перечитайте какие хотите исследования об египетской мифологии и древности, какие хотите истории Египта и потом скажите — нашли ли вы где-нибудь, чтоб египетским жрецам воздвигали храмы, курились фимиами и вообще воздавались божеские почести? Нет, уж и не беспокойтесь — все это плод могучей фантазии нашего поэта!» В пародии довольно точно воспроизведена сюжетная схема стихотворения Случевского, но вместо жреца, причисленного к лику богов, и первой жрицы в ней фигурируют квартальный надзиратель и некая женщина, пришедшая к нему по делу о денежном взыскании. *Вмале* — вскоре. *Фрейя* — в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты. *Петрополь* — Петербург. *Насчет билета сочиненье*. Речь идет о так называемом желтом билете — паспорте, выдававшемся в дореволюционное время проституткам.

411. И. 1860, № 36. Пародия на стих. К. К. Случевского «Давным-давно тебя похоронил я...» («Совр.». 1860, № 5). Вот его содержание. Поэт, обращаясь к женщине, которую он когда-то любил и которая уже умерла, говорит, что давным-давно на душу его «живительное время Спустило то тревожное забвенье, С которым мысль о прошлом горе легче». Но вдруг он узнает, что, умирая, она ему изменила: «Как будто Смерть, щеки твоей касаясь, Проклятый поцелуй на ней оледенила». Мысли поэта устремляются «в какое-то чудесное пространство, В пространство дальнее без времени и места», и он отправляется на поиски возлюбленной. В пути он видит, как «На неподвижной и сквозной лазури Всплывали месяцы и снова потухали, Леса сосновые качали головами» и т. д. Наконец он находит ее в некоей «храмине». Она лежит на пышном ложе, «тысячи лампад Горели и дымились, а со сводов Смотрели чьи-то выцветшие лики, Горя окладами и яркой позолотой». Долго вглядывается поэт в ее лицо. Румянец на ее щеках так свеж, от нее веет «Такою светлою, спокойною весною — Что грешной мысли зла и преступленья Перед тобой родиться не могло». Но вдруг она поднимает веки, и вместо глаз поэт видит две глубокие, налитые кровью впадины: «И понял я, кто обольстил тебя И для кого ты другу изменила... И стал я звать таинственную Смерть, Как закланного, кровного врага, На грозный бой...» Смерть не появилась, но своды храмины зашевелились, «лики заморгали», тревожно вспыхнули лампы, поэт почувствовал свое ничтожество и бессилие. «И мне казалось, будто подо мной Земля и небо быстро укатились; А на обломках мира восседал Какой-то грозный, неподвижный призрак В венце из звезд кровавых и комет, Осыпанный иссохшими костями И освещаемый порой зловещим блеском Из бездны ночи — мрачной и пустой!» Все это высмеяно Ломаном как бред помешанного. Он использовал в пародии и ряд других стихотворений Случевского. Ст. *И наконец печатно повестил* и след. — намек на стих. «Мои желанья» («Совр.». 1860, № 3); ст. *Вся даль была в светящихся руках* — на стих. «Снега»; ст. *По призракам Ночь важно восходила* и след. — на стих. «Вечер на Лемане» («Совр.». 1860, № 2); ст. *И слышно стало, как росла былинка* и след. — на стих.

«Статуя» («Совр.». 1860, № 1). *Десница* — правая рука и вообще рука. *Ферт* — самодовольный, развязный, наглый человек. *Карсель* — старинная лампа.

412. И. 1860, № 39. Пародия на стих. В. В. Крестовского «А весна, как струна, занывает в груди...» из цикла «Весенние ночи» (ОЗ. 1860, № 4). «Чтоб придать своей вариации более выразительности,— пишет Ломан,— поживился стишком из другой пиески г. Крестовского. Поэт, восхищенный тишиною ночи, восклицает: „Вся ночь — один аккорд, один безмолвный хор!“» Речь идет о стих. «Но боже! как забыть...» из того же цикла Крестовского. Курсивом выделены слова Крестовского. Упомянув Л. А. Мея и Н. М. Языкова, Ломан имеет в виду их эротические стихотворения. *До истома читать станем Фета*. В первоначальной редакции стих. Крестовского было еще одно (последнее) четверостишие, позже отброшенное поэтом:

И уж бог весть куда забредем без следа,
Нацелуемся с ней до рассвета,
И забудемся вновь так истошно тогда
Над весенней страницю Фета.

413. И. 1860, № 39. Пародия на стих. В. В. Крестовского «О взгляни ты: голубые звезды робко блещут...» из того же цикла. «Замечаете ли? — читаем в фельетоне Ломана,— все в природе притихло, все робеет и дичится оттого, что нерешительна милая поэта; но открой она окошко, «отгони прочь детскую робость» — тогда совершится превращение и с самой природой. Мысль богатая! Варируя ее, я попробовал изобразить природу в оба момента: и до взгляда милой и после взгляда». Слова *боязливо, тайком, украдкой* и пр. не являются цитатами, но воспроизводят основной мотив стихотворения Крестовского; кончается оно той же строкой, что и пародия.

414. И. 1860, № 39. Пародия на стих. В. В. Крестовского «И в саду тишина...» из того же цикла. *Ланиты* — щеки.

415. И. 1860, № 39. Пародия на весь цикл «Весенние ночи». Положение на музыку В. Т. Соколовым. *Клубника* — «клубничка», нечто нескромное, скабрезное, эротическое.

416. И. 1860, № 39. Это одновременно и ответ на «Послание к Н. Л. Гнуту» Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) (стих. 358) и пародия на стих. Л. А. Мея «Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось...». Пародия связана со стих. Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов», также направленным против эпигонской поэзии. Последние строки этого стихотворения таковы:

Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна...

Будто восстали из тлена Ершовой, Трилунные. Здесь, очевидно, имеется в виду не столько «Конек-горбунок», сколько лирика и поэмы Ершова в духе эпигонского романтизма 1830-х годов.

417. И. 1860, № 49. Пародия на перевод П. Сонина «Из А. Шенье» («Душе становится легко хотя на миг...»), напечатанный в СО. 1860, № 36.

418—420. И. 1861, № 49. Пародия на русских подражателей Гейне. «По-моему, требовать смысла от каждого стихотворения, — издевательски пишет Ломан, — значит ограничивать свободу поэтического творчества. Этак, чего доброго, еще захотят, чтоб в стихотворных переводах воссоздавалась и самая идея подлинника и красоты его формы. Помилуйте! да при таких стеснительных условиях на первый же раз мы должны будем отказаться от удовольствия называть переводами и подражаниями три четверти стихотворений, которые до сей минуты считаем недурными переводами, хоть бы произведений Гейне, например. О подражаниях и говорить нечего: всем известно, как они пишутся! Попытается наш поэтик перевести какую-нибудь из гейневских песен, — не сможет, бедняжка, совладать с причудливой ее формой: та черта плохо передается, другая в размер стиха не укладывается, для третьей рифмы не прибрать — вот он и рассказывает содержание подлинника с в о и м и с л о в а м и, называя это «подражанием». Говорят, что при таком способе передачи чужого произведения удерживается дух подлинника. Надо думать, так! Во всяком случае, мне очень хотелось бы представить на ваш суд несколько таких подражаний; но боюсь, что это займет очень много места... Чтоб как-нибудь помочь горю, все стихотворения à la Гейне, написанные нашими поэтиками, я разделю на три категории и в своих вариациях попробую воссоздать дух каждой из них». Ср. пародию Ломана со стих. Ю. В. Жадовской «Ты скоро меня позабудешь...», которое приобрело большую популярность благодаря написанным на его слова романсам М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского.

421. И. 1861, № 49. Пародия на стих. В. В. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...» («Светоч». 1860, № 2).

422. И. 1861, № 49. Автору приснился страшный сон. Поэты сговорились будто бы не печатать больше своих стихов, и искровцы лишились материала для пародий. «Ох, время тяжкое настало!» — жалобная песня, с которой они решили обратиться к замолкнувшим поэтам. Ломан проснулся в грустном настроении. Но оказалось, что опасения были совершенно напрасны: в литературе не произошло никаких изменений, и пародистам не угрожает безработица. *Гений не бывалый*. Насмешка над высокой оценкой поэзии К. К. Случевского Ап. Григорьевым. «Молчанье строгое хранит» — несколько измененная строка из стих. Случевского «Он не любил еще...» («Совр.». 1860, № 3). *Когда кометою мохнатой*. Намек на стих. Н. Н. Страхова «Комета» (РВ. 1860, июль, кн. 1). *Крестовский наш ушел на взморье*. Имеется в виду стих. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...», которое высмеяно в предыдущей пародии Ломана. *Цевница* — свирель.

АЛЕКСЕЙ СНИТКИН

423—426. Стих. 1—2 — И. 1859, № 46, подпись: Амос Шишкин; Стих. 3—4 — И. 1861, № 2, подпись: Амос Шишкин. Из шести стихотворений цикла печатаются четыре.

2. А. В. Амфитеатров принял стихотворение за действительное подражание Биону и даже поправил его автора: это, мол, не 14-я, а 15-я

идиллия («Забытый смех». М., 1917. Сб. 2. С. 191). Между тем «Подражание XIV идиллии Биона» Сниткина — пародия на «Подражание XVI идиллии Биона» Фета («Прекрасная звезда Венеры светлоокой...»); вместо «нимфы молодой, красы между красот» в пародии фигурирует жена лесничего. *Диана лик скрывает*. Имеется в виду луна. *Вулкан* (римск. миф.; в греч. миф. Гефест) — бог огня и кузнечного дела, самый искусный мастер и самый некрасивый из богов, муж богини любви и красоты *Венеры* (Афродиты).

3. *Хоть Аполлон порой несет такую дичь*. Об Ап. Григорьеве.

4. *Парголово* — дачная местность под Петербургом. *Редерер* — марка шампанского.

427—429. И. 1859, № 50, подпись: Амос Шишкин. В 1862 г. в № 6, 7, 9 «Гудка» были напечатаны «Посмертные стихотворения Амоса Шишкина». Среди них оказались стих. 429, 430, 432, 433, напечатанные в И при жизни поэта. Во всех перечисленных стихотворениях имеются разночтения; по-видимому, Минаев напечатал в «Гудке» более ранние тексты по полученной им из цензуры рукописи сборника стихотворений Сниткина (см. с. 361).

1. Пародия на стих. Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (в сб. Фета «Стихотворения». СПб., 1856 — в отделе «Элегии»).

2. Пародия на стих. Фета «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» (в сб. Фета «Стихотворения». СПб., 1856 — в отделе «Элегии»).

3. Другая редакция этого стихотворения была напечатана в газ. «Киевский телеграф». 1860, 2 июня, с датой: С.-Петербург, 20 дек. 1859 г. Пародия на стих. Ю. В. Жадовской «Я все еще его, безумная, люблю...».

430—431. И. 1859, № 50, подпись: Амос Шишкин.

1. Пародия на стих. Фета «Я долго стоял неподвижно...» — из отдела «Мелодии».

2. Пародия на стих. Фета «Шумела полночная выюга...» — из отдела «Мелодии».

432. И. 1859, № 47, подпись: Амос Шишкин.

433. И. 1859, № 47, подпись: Амос Шишкин. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Лунный свет». Вот конец этого стихотворения, проникнутого меланхолически-элегическим настроением:

Отчего ж бывшего счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего ж бывшая радость
Безотрадна, как печаль,
Отчего печаль былая
Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

434. «Карикатурный листок. Приложение к журналу „Светоч“». 1860, вып. 1, подпись: Амос Шишкин. Стихотворение вызвано арестом П. И. Якушкина в Псковской губернии — см. об этом т. I, примеч. 65. Уже в 1880-х годах Минаев опубликовал в своих воспоминаниях о Якушкине другую редакцию стихотворения Сниткина, в которой названо имя Якушкина, указано место действия и пр. (Якушкин П. И. Соч. СПб., 1884. С. XLII—XLIII). В стихотворении, озаглавленном «Новейшая Одиссея»,

очень мало строк, полностью совпадающих с текстом, напечатанным в 1860 г., при жизни Сниткина. Из Журнала заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 21 янв. 1860 г. известно, что «Угнетенная невинность» была разрешена в том виде, в каком была представлена, не подвергшись цензурным искажениям. Сопоставление двух редакций дает основание думать, что «Новейшая Одиссея» — не первоначальная редакция стихотворения Сниткина, исправленная самим автором для печати из цензурных соображений, а скорее позднейшая переделка Минаева. Вместе с тем вполне вероятно, что в отдельных строках Минаев устранил следы автоцензуры. *Циклоп* — см. примеч. 179. *Гипербореи* (греч. миф.) — народы, жившие на Крайнем Севере. *Чресла* — поясница, бедра. *Ременика* — кнут, кучерская плеть. *Вид* — т. е. вид на жительство, паспорт, удостоверение личности. *Гуня* — ветхий полушубок или армяк, рубище. *Мормоны* — североамериканская секта, ученье которой является смесью язычества и христианства. Мормоны были сторонниками многоженства. *Читал в «Библиотеке» я.* Речь идет о статье Н. Краснова «Секта мормонов» (БдЧ. 1859, № 9). *Клеврет* — сторонник, приспешник. *Сибирка* — арестантское помещение. *Фемида* (римск. миф.) — богиня правосудия. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, начальник стана (административно-полицейское подразделение уезда в царской России). *Бюргермейстер* (нем. *Bürgermeister*) — буквально: бургомистр, мэр; здесь речь идет о полицмейстере, начальнике полиции.

435. И. 1862, № 18. Пародия на одно из программных стихотворений Я. П. Полонского «Для немногих» (РС, 1860, № 1); каждая строфа этого стихотворения кончается словами: «для немногих я поэт». *Сонм* — множество. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия.

СПИСОК СТИХОТВОРНЫХ СБОРНИКОВ ПОЭТОВ,
ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОТОРЫХ ВКЛЮЧЕНЫ В НАСТОЯЩЕЕ
ИЗДАНИЕ

В. С. КУРОЧКИН

Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. СПб., 1858 (дата ценз. разреш.— 18 окт. 1857 г.).

Сокращению: 1-е изд.

То же. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1858 (ценз. разреш.— 30 июня 1858 г.).

2-е изд.

То же. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1859 (ценз. разреш.— 15 июня 1859 г.).

3-е изд.

То же. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 1862 (ценз. разреш.— 23 нояб. 1861 г.).

4-е изд.

То же. Изд. 5-е, испр. и значит. доп., иллюстр. картинами на стали по рисункам Бойе. СПб., 1864 (ценз. разреш.— 21 дек. 1863 г.).

5-е изд.

Собрание стихотворений Василия Курочкина. 1. Переводы. СПб., 1866.

изд. 1866 г.

Собрание стихотворений Василия Курочкина. СПб., 1869. Том. 1: Ямбы, поэмы и песни (переводные).— Песни Беранже.— Песни, сатиры и рифмы (оригинальные). Новое доп. изд. Том. 2: Песни, сатиры и рифмы (оригинальные и переводные).— Листки из юмористического архива.— «Мизантроп», комедия в стихах Мольера.

изд. 1869 г.

Песни Бераиже. Переводы Василия Курочкина. Изд. 6-е, испр. и значит. доп. Пб., 1874.

6-е изд.

Собрание стихотворений. Вступит. статья, редакция и примечания И. Ямпольского. 1947 («Б-ка поэта». БС).

Д. Д. МИНАЕВ

Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. 1, СПб., 1859 (ценз. разреш.— 26 нояб. 1859 г.).

«Перепевы».

Проказы черта на железной дороге. Юмористическая поэма в стихах Темного человека. Вып. 1. СПб., 1862 (ценз. разреш.— 30 окт. 1862 г.).

То же. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1863 (ценз. разреш.— 31 авг. 1863 г.).

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека) (Том 1). СПб., 1863 (ценз. разреш.— 16 апр. 1863 г.).

«Думы и песни» 1863 г.

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека). (Том 2). СПб., 1864 (ценз. разреш.— 3 нояб. 1864 г.).

«Думы и песни» 1864 г.

Евгений Онегин. Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком. СПб., 1866 (ценз. разреш.— 10 нояб. 1865 г.).

Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова. СПб., 1867.

«Здравия желаю!».

В сумерках. Сатиры и песни. СПб., 1868 (вышла в декабре 1867 г.).

«В сумерках».

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах. Изд. 2-е, доп., с прибавлением разных стихотворений. СПб., 1868 (ценз. разреш.— 17 февр. 1868 г.).

«Евгений Онегин нашего времени».

Песни и поэмы. СПб., 1870.

«Песни и поэмы».

На перепутьи. Новые стихотворения и «Либерал», комедия в пяти действиях. СПб., 1871.

«На перепутьи».

Разоренное гнездо (Спетая песня). Комедия в четырех действиях. Песни и сатиры. СПб., 1876.

«Разоренное гнездо».

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах. 3-е испр. изд. с прибавлением новой главы и эпилога. СПб., 1877 (на обложке: 1878; ценз. разреш.— 6 марта 1877 г.).

Песни и сатиры и комедия «Либерал» в пяти действиях. СПб., 1878. (Это сборник 1871 г. «На перепутьи» без всяких изменений, но с новой титульной страницей.)

Демон. Сатирическая поэма. Сказки «Где лучше?», «Кто в лес, кто по дрова», «Белый орел», «Кому на свете жить плохо», «Урок метафизикам». СПб., 1880 (вышла в авг. 1879 г.).

«Демон».

Аргус. Юмористический альбом. СПб., 1880 (вышла в конце 1879 г.).

«Аргус».

Народные русские сказки для детей в иллюстрациях. 4 выпуска (вышли, по-видимому, в 1880, но не позже начала 1881 г.).

Чем хата богата. Песни и рифмы. СПб., 1881 (вышла в августе 1880 г.).

«Чем хата богата».

Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах. СПб. (ценз. разреш.— 1 дек. 1880 г.).

Всем сестрам по серьгам. Юмористический сборник. Песни, сцены, эпиграммы и пр. СПб., 1881.

«Всем сестрам по серьгам».

Людоеды, или Люди шестидесятых годов. Романы. Стихотворения, очерки и сказки. 2-е изд. Юмористического альбома «Аргус». СПб., 1881. (Это не 2-е издание «Аргуса», а тот же сборник с новой титульной страницей.)

Новые новинки, песни да картинки. (Для детей.) Стихотворения. СПб.; М., 1882 (ценз. разреш.— 3 сент. 1882 г.).

Теплое гнездышко. (Для детей.) Стихотворения. СПб.; М., 1882 (ценз. разреш.— 3 сент. 1882 г.).

Не в бровь, а в глаз. Собрание эпиграмм. СПб.; М., 1883.

«Не в бровь, а в глаз».

То же. 2-е изд. СПб.; М., 1898. (Это не 2-е изд., а изд. 1883 г. с новой титульной страницей.)

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Стихотворения. Одесса, 1854 (ценз. разреш.— 24 сент. 1854 г.).

Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова. СПб., 1863 (ценз. разреш.— 11 февр. 1863 г.).

Сб. 1863 г.

Для детей (старшего возраста). Стихотворения. СПб., 1896 (ценз. разреш.— 13 нояб. 1896 г.).

Стихотворения с добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902.

Сб. 1902 г.

Г. Н. ЖУЛЕВ

Песни Скорбиого поэта. СПб., 1863 (ценз. разреш.— 19 окт. 1862 г.).

Сб. 1863 г.

Ба! знакомые всё лица!!! Рифмы Дебютанта (Скорбиого поэта). СПб., 1871.

Сб. 1871 г.

Стихотворения, ч. 1. СПб., 1878.

Былое. Стихотворения. СПб., 1880.

То же. 2-е изд., СПб., 1897. (Это не новое издание, а сборник 1878 г. без с. 334—336 — IV гл. поэмы «Прерванные главы» и с еще несколькими цензурными купюрами, с новой титульной страницей.)

Стрелы. Стихотворения. СПб., 1880.

То же. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1889.

Песни и шаржи. Новые стихотворения. СПб., 1886.

То же. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1892.

Сочинения, т. 2 и 3, СПб., 1912; т. 4, Пг., 1916; т. 5, Пг., 1917 (ценз. разреш.— 12 мая 1916 г.).

¹ Включены только те сборники Буренина, в которых напечатаны стихотворения 1860-х — начала 1870-х годов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ К 1-му И 2-му ТОМАМ

В указатель включены все имена (кроме мифологических) и названия периодических изданий, встречающиеся в тексте стихотворений. Приведены не только те страницы, на которых соответствующие лица названы, но и те, где содержатся намеки на них, цитируются или упоминаются их произведения и т. д. Прямым шрифтом набраны странныцы текста, курсивом — номера примечаний. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу. Имена, упоминающиеся только в примечаниях, в указатель не включены. В указателе расшифрованы и псевдонимы, но страницы текста и примечаний (за исключением коллективных псевдонимов) приведены под настоящими именами.

- А в д е е в** Михаил Васильевич (1821—1876) — беллетрист, автор романов «Тамарин», «Подводный камень» и др. I, 114, 166, 46, 70
- А в д е е в а** Екатерина Алексеевна (1789—1865) — сестра Н. А. и К. А. Полевых, автор книг о Сибири и о русском быте, а также сочинений по кулинарному искусству и домашнему хозяйству I, 166, 70
- А в е р к и е в** Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург и театральный критик консервативного направления I, 171, 73, II, 136, 152, 255, 312, 318
- А к с а к о в** Иван Сергеевич (1823—1886) — поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор-издатель ряда славянофильских изданий: «Парус» (1859), «День» (1861—1865), «Москва» (1867—1868), «Русь» (1880—1886) I, 171, II, 50, 56—57, 127—128, 164—165, 174, 185, 239, 328
- А к с а к о в** Константин Сергеевич (1817—1860) — поэт, критик, публицист, филолог; один из вождей и теоретиков славянофильства II, 48
- А к с а к о в** Сергей Тимофеевич (1791—1859) — писатель, автор книг «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», отец И. и К. Аксаковых I, 117, 165—166, 47, 70
- А л е к с а н д р** II (1818—1881) I, 118, 184
- А л е к с а н д р о в** В. — псевдоним В. А. Крылова.
- А н т и с ф е н** (ок. 444 — ок. 365 до н. э.) — древнегреческий философ I, 204
- А н ф а н т е н** Бартеlemi Проспер (1796—1864) — французский социалист-утопист, ученик и последователь Сен-Симона; проповедовал полное равноправие женщины I, 258, 137
- А р а г о** Жак (1790—1855) — французский писатель и путешественник I, 165

- Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — военный министр при Александре I, основатель военных поселений I, 237, 355
- Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — реакционный журналист 1850—1860-х годов; был близок к III Отделению I, 142, 144, II, 168
- Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — юрист, либеральный публицист и литературный критик, I, 206, 103
- Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционный писатель и публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа» I, 79—80, 109—112, 21, 43, II, 21—23, 56, 166—167, 174, 161
- «Атеней» — журнал, издававшийся в 1858—1859 гг. под редакцией Е. Ф. Корша II, 179, 329
- Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов, возглавлявший опустошительные походы на ряд европейских стран I, 176, 200, II, 229
- Бавий Марк (Iв. до н. э.) — римский поэт; имя его стало символом бездарного поэта, исполненного всяческих претензий I, 112
- Базунов Иван Васильевич (1785—1866) — московский книгопродавец II, 316—317, 398—399
- Байборода — псевдоним М. Н. Каткова, П. М. Леонычева и Ф. М. Дмитриева в «Русском вестнике» 1850-х годов I, 159, 67
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1778—1824) II, 135
- Балдуин I (1058—1118) — участник I-го крестового похода; после смерти своего брата Готфрида Бульонского — король Иерусалимского королевства I, 164
- Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт I, 90—93, 30
- Барбье Огюст (1805—1882) — французский поэт, выступивший после революции 1830 г., воспевавший борьбу народа и заклеймивший предательство буржуазии II, 336—338, 406
- Бартнев Петр Иванович (1829—1912) — издатель исторических и литературных памятников и документов, с 1863 г. — редактор-издатель журнала «Русский архив» I, 165
- Барышев Ефрем Ефремович (ум. 1881) — поэт и переводчик I, 201
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт I, 80—82, 23—24
- Башуцкий Александр Павлович (1801—1876) — писатель, издатель и журналист 1830—1840-х годов; в 1860-е годы — вракобес, сотрудник «Домашней беседы» Аскоченского I, 98—99, 143, 34
- Безобразов Николай Александрович (1816—1867) — публицист крепостнического лагеря, автор брошюр по крестьянскому вопросу, в которых критиковал правительство справа I, 127, 58
- Безрылов Никита — псевдоним А. Ф. Писемского, под которым напечатаны его фельетоны в «Библиотеке для чтения».
- Беллини Винченцо (1802—1835) — итальянский композитор II, 44, 176
- Бенардаки Дмитрий Егорович (ок. 1802—1870) — откупщик, купец, заводчик; фигурировал в «Искре» под именем «Тармаламаки» I, 85, II, 73, 203
- Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт, один из главных представителей вульгарного романтизма 1830—1840-х годов I, 85, 25, 156, II, 17, 19, 71, 156, 158, 197—201
- Беранже Пьер Жан (1780—1857) I, 67—68, 70, 118, 130, 204, 210—276, 10, 12, 48, 60, 106—150

- Б е р г** Федор Николаевич (1840—1909) — поэт, беллетрист и переводчик II, 136
- «**Б е р е г**» — субсидированная правительством газета, выходившая в 1880 г. под редакцией П. П. Цитовича II, 202
- Б е с т у ж е в** Александр Александрович (1797—1837) — декабрист; литературный критик, беллетрист и поэт, один из виднейших представителей русского романтизма II, 23—25, 162
- Б е т х о в е н** Людвиг (1770—1827) II, 321
- «**Б и б л и о т е к а** для чтения» — журнал, основанный О. И. Сеиковским в 1834 г.; с 1856 г. — либерального направления; в 1856—1860 гг. выходил под редакцией А. В. Дружинина; с конца 1860 г. — под редакцией А. Ф. Писемского, в 1863—1865 гг. — под редакцией П. Д. Боборыкина I, 102, 136, 36, II, 368, 434
- Б и о н** (Ив. до н. э.) — древнегреческий идиллический поэт II, 363, 422—423
- Б и с м а р к** Отто (1815—1898) — канцлер Северо-Германского союза, а с 1871 г. — Германской империи, представитель интересов прусского юнкерства (крупного поместного дворянства) II, 140, 230, 346
- «**Б л а г о и а м е р е н н ы й**» — журнал, издававшийся в 1818—1826 гг. под редакцией А. Е. Измайлова I, 165, 70
- Б л а н к** Петр Борисович (1821—1886) — реакционный публицист I, 127, 136, 58, 61, II, 40—41, 167, 174
- Б о б о р ы к и н** Петр Дмитриевич (1836—1921) — беллетрист, драматург и журналист либерально-буржуазного лагеря, в 1863—1865 гг. редактор журнала «Библиотека для чтения» II, 135, 140—141, 250, 252, 273
- Б о г д а н о в** Василий Иванович (1838—1886) II, 211—239, 336—357
- Б о г д а н о в и ч** Ипполит Федорович (1743—1803) — поэт, автор поэмы «Душенька» I, 198—201, 94
- Б о д л е р** Шарль (1821—1867) — французский поэт, автор сборника «Цветы зла» II, 209, 334
- Б о к** Карл Эрнст (1809—1874) — немецкий патологоанатом, автор учебников и популярных книг по медицине I, 186, 83
- Б о к л ь** Гебри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог, по своим политическим взглядам — либерал, автор «Истории цивилизации в Англии» II, 320, 400
- Б о м б а с т у с** — см. Парацельс.
- Б о н а п а р т** Наполеон Жозеф (1822—1891) — племянник Наполеона I II, 227, 344
- Б о н а п а р т** Эжен Луи (1856—1879) — сын Наполеона III, которого бонапартисты после смерти его отца провозгласили, под именем Наполеона IV, главой своей партии II, 196, 330
- Б о р е л ь** — владелец ресторана в Петербурге II, 158
- Б о с к о** Бартоломео (1793—1863) — итальянский фокусник; фокусником был и его сын II, 120
- Б р а м б е у с**, Барон Брамбеус — псевдонимы О. И. Сеикова.
- Б р е н н** (Ив. до н. э.) — предводитель сеионских галлов I, 332, 155
- Б р у т** Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, глава заговора против Юлия Цезаря; в литературе имя Брута употреблялось как символ непреклонного республиканца и борца против тиранов I, 177
- Б р ю л л о в** Карл Павлович (1799—1852) — художник, автор картины «Последний день Помпеи» II, 76
- Б у л г а р и н** Фаддей Венедиктович (1789—1859) — беллетрист, прозаический журналист, редактор газеты «Северная пчела», агент III От-

- деления I, 114, 125, 184, 46, 52—56, 83, II, 23, 25, 48, 77, 131, 134, 137, 161, 300, 161, 258, 327, 390
- Бульон — см. Готфрид Бульонский.
- Бурбон Михаил — псевдоним Д. Д. Минаева и сатирический образ его поэзии.
- Буренин Виктор Петрович (1841—1926) II, 147, 155, 174, 307—338, 295, 326, 328, 395—406
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — исследователь русского языка, народной поэзии и древнерусского искусства; профессор Московского университета II, 38, 56, 172, 185
- Бюхнер Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма II, 58, 173—176, 319—320, 185, 400
- Варламов Александр Егорович (1801—1848) — композитор, автор популярных романсов и песен II, 253, 361
- Васильев Павел Васильевич (1832—1879) — артист Александринского театра, с особенным успехом игравший в пьесах А. Н. Островского I, 111
- Вебер Карл Мария (1786—1826) — немецкий композитор I, 122, 51
- Вейнберг Павел Исаевич (1846—1904) — автор сенок из еврейского и армянского быта, юмор которых основан на передразнивании русской речи евреев и армян; с середины 1870-х годов — артист Александринского театра II, 201
- Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) II, 263—290, 369—387
- Вейнберг Яков Игнатьевич (1826—1896) — метеоролог и лесовод II, 178, 329
- Вейо Луи Франсуа (1813—1883) — французский клерикальный журналист I, 112
- «Ве́к» — еженедельный журнал; в 1861 г. выходил под редакцией Петра Исаевича Вейнберга; в 1862 г. перешел в руки писательской артели, членами которой из искровцев были В. С. и Н. С. Курочкины, Н. А. Степанов, М. М. Стопановский, Г. В. Елисеев; последний редактировал журнал в 1862 г. I, 145, 65
- Вельо — см. Вейо.
- Верди Джузеппе (1813—1901) — итальянский композитор II, 42, 175
- Вернадский Иван Васильевич (1821—1884) — буржуазный экономист, редактор-издатель ряда экономических журналов II, 115
- «Вестник Европы» — либеральный журнал, издававшийся с 1866 г. под редакцией М. М. Стасюлевича; выходил до 1918 г. II, 118, 152, 316
- «Ве́сть» — газета, издававшаяся в 1863—1870 гг. сначала под редакцией В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова, а затем (с 1867 г.) — одного Скарятин; орган крепостнических слоев крупного помещного дворянства I, 174, II, 73, 179, 232, 236, 349
- Видок Франсуа Эжен (1775—1857) — французский сыщик, имя которого стало нарицательным; так, Пушкин назвал Булгарина «Видок Фиглярин» II, 96
- Виньн Альфред (1797—1863) — французский поэт, романист и драматург романтической школы I, 279—281, 152
- Водовозов Василий Иванович (1825—1886) — переводчик и педагог II, 56—57
- Воейков Александр Федорович (1778—1839) — журналист и поэт, автор сатиры «Дом сумасшедших» I, 138, 62

- В о л ь т е р (настоящее имя и фамилия: Франсуа Мари Аруэ; 1694—1778) I, 102, 131, 186, 38, 83, II, 131
- В о л ь ф с о н Вильгельм (настоящее имя и фамилия: Карл Майен; 1820—1865) — немецкий драматург и журналист, переводчик русских писателей на немецкий язык II, 34, 170
- В о р о н и н Степан Дмитриевич (р. ок. 1797) — владелец нескольких десятков домов в Петербурге; фигурировал в «Искре» под именем «Сорокин» I, 85
- «В р е м я» — журнал, издававшийся в 1861—1863 гг. под редакцией М. М. и Ф. М. Достоевских I, 137, 164, 188, 62, 70, II, 168, 327
- «В с е м и р н а я и л л ю с т р а ц и я» — еженедельный иллюстрированный журнал; издавался в 1869—1898 гг. II, 118, 232
- «В с е м и р н ы й т р у д» — реакционный журнал, издававшийся в 1867—1872 гг. под редакцией Э. А. Хана, I, 188
- В ы ш н е г р а д с к и й Николай Алексеевич (1821—1872) — педагог, редактор журнала «Русский педагогический вестник» I, 80, 22
- В ь ю ш и н — владелец фруктового магазина в Петербурге II, 344
- В я з е м с к и й Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, друг Пушкина; до 1825 г. находился в сфере политических и литературных идей декабристов; к 1840-м годам резко поправел и стал врагом передового общественного движения и реалистической литературы середины XIX в.; в 1855—1858 гг. — товарищ министра народного просвещения; академик I, 103, 112—114, 116—117, 125, 145, 164, 185, 199, 37, 45, 46, 52—56, 65, 83, 94, II, 32—35, 52, 137—138, 142, 170, 181, 260—261, 329
- В я з е м с к и й — крупный петербургский домовладелец II, 142, 278
- Г а й д е б у р о в Павел Александрович (1841—1893) — публицист, один из редакторов народнической газеты «Неделя»; писал в ней периодические статьи по вопросам внутренней политики II, 143, 281
- Г а л а х о в Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк русской литературы, автор ряда учебников и широкоизвестной в свое время хрестоматии I, 164
- Г а л е н (ок. 130 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель, до конца средних веков непревзойденный авторитет в области медицины II, 251
- Г а л и л е й Галилео (1564—1642) II, 227—229, 345
- Г а м б е т т а Леон (1838—1882) — французский политический деятель, примыкавший к левому крылу республиканской партии, выдающийся оратор II, 140
- Г а у г е р Эмилия Карловна (р. 1836) — художница II, 134, 248—249
- Г е г е л ь Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) II, 29
- Г е й н е Генрих (1797—1856) II, 29, 57, 74—76, 204—206, 285—286, 354, 366—367, 164—166, 332, 385, 418—420
- Г е л ь м о н т Ян Баптист (1579—1644) — голландский врач и естествоиспытатель, у которого наряду с ценными научными открытиями было много мистико-теологических взглядов и представлений II, 252
- Г е м п е л ь Валериан Эдуардович — псковский полицмейстер I, 145—147, 65
- Г е н к е л ь Вильгельм (Василий Егорович) (1825—1910) — петербургский издатель и книготорговец I, 69, 12
- Г е н н а д и Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф, редактор собрания сочинений Пушкина I, 165
- Г е р о л ь д Луи Жозеф (1791—1833) — французский композитор II, 134, 170

- Герцен Александр Иванович (1812—1870) I, 97, 118, 33
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) I, 317, 154, II, 18, 156
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт и публицист, в молодости — декабрист, один из вождей Союза благоденствия; впоследствии мистик и реакционер I, 114, 46, II, 24, 57—58, 162
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) I, 62, 87, 111, 120—121, 165—167, 171, 177, 5, 27, 74, II, 26, 46, 58, 77, 138, 141, 160, 177
- Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — министр народного просвещения в 1861—1866 гг. I, 118, 48
- Головнин Василий Михайлович (1776—1831) — мореплаватель, совершивший два кругосветных плавания, вице-адмирал I, 144
- «Голос» — газета умеренно-либерального направления; выходила в 1863—1884 гг. под редакцией А. А. Краевского; в 1860-е годы одно время субсидировалась правительством I, 138, 62, II, 65, 80, 118, 165, 180
- Гомер I, 110, 117—118, 235, 43, 47, II, 368
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891) I, 82, 123, II, 25—26, 132—133, 167, 197, 325, 163, 327, 401
- Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — артист Александринского театра, автор и исполнитель юмористических сцен из русского быта II, 82—83, 210
- Готфрид Бульонский (1060—1100) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей I-го крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства I, 164, 70
- Граверт — немецкий художник II, 134, 248—249
- «Гражданин» — реакционный журнал-газета, издававшийся В. П. Мещерским с 1872 г.; субсидировался правительством; выходил до 1914 г. I, 202, 96—99, II, 109—110
- Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, беллетрист и филолог; соратник Ф. В. Булгарина, редактировал вместе с ним газету «Северная пчела» II, 25, 31, 34, 48, 131, 134, 162
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) I, 108, 120—121, 125, 128—136, 199, 49, 52—56, 60, 94, II, 31, 77, 95, 128, 135, 168—177, 187, 202, 217, 240—241
- Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — критик и поэт, член так называемой «молодой редакции» «Москвитянина», сотрудник журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» I, 171, 73, II, 345, 355, 364, 409, 422, 423—426
- Григорьев Петр Иванович (1806—1871) — артист Александринского театра и водевилист I, 206, II, 139, 265
- Громека Степан Степанович (1823—1877) — либеральный публицист конца 1850-х — начала 1860-х годов; один из ближайших сотрудников «Отечественных записок» Краевского, где вел отдел внутреннего обозрения — «Современная хроника России», до своей публицистической деятельности — жандармский офицер, с середины 1860-х годов — седлецкий губернатор I, 82, 90—93, 138, 164, 30, II, 38—39, 56—57, 165, 318, 322, 324, 172, 185, 398—399, 401
- Грот Яков Карлович (1812—1893) — историк литературы и лингвист, академик II, 185
- Гуд Томас (1799—1845) — английский поэт II, 206—208, 333
- «Гудок» — еженедельный юмористический журнал; издавался в 1859 г. под редакцией Г. К. Блока I, 115, 46
- Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — генерал, участник войны 1877—1878 гг., в 1879—1880 гг. — петербургский генерал-губернатор II, 148, 298

- Гуффе Арман (1775—1845) — французский поэт-песенник и водевилист I, 189
- Гюго Виктор (1802—1885) II, 140, 210, 255—257, 302, 335, 362—363, 391
- Давид (XI—X вв. до н. э.) — царь Израильско-Иудейского царства I, 296, II, 112
- Данилов Кирша — см. Кирша Данилов.
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, один из организаторов партизанского движения во время Отечественной войны 1812 г. II, 32—35, 170
- Данте Алигьери (1265—1321) I, 202, II, 18, 156, 348, 157
- Дантес Жорж Шарль (1812—1895) — убийца Пушкина II, 137
- Даитон Жорж Жак (1759—1794) II, 228
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) II, 180, 332
- Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869) — композитор I, 182, 79, II, 201
- Дарий I (550—486 до н. э.) — персидский царь II, 149
- «Дело и отдых» — детский журнал; издавался в 1864—1866 гг. II, 136
- Дельвинг Антон Антонович (1798—1831) — поэт и журналист, друг Пушкина II, 77
- «День» — славянофильская газета; издавалась в 1861—1865 гг. под редакцией И. С. Аксакова I, 114, 116, 124—125, 46, 52—56, II, 50, 134, 174, 246, 328
- Державин Гавриил Романович (1743—1816) I, 161, 325, 68, 154, II, 237
- Джакометти Паоло (1816—1882) — итальянский драматург I, 111, 43
- Джусти Джузеппе (1809—1850) — итальянский поэт-сатирик, II, 261—262, 368
- Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ I, 154, 235, 123
- Дионисий II Младший (IV в. до н. э.) — правитель Сиракуз, I, 270—271
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт сентиментального направления и баснописец, друг и последователь Н. М. Карамзина I, 82, 23—24
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) I, 108, 143, 190, 42, II, 200, 320, 401
- «Домашняя беседа» — журнал, издававшийся в 1858—1877 гг. под редакцией В. И. Аскоченского. В «Домашней беседе» преследовались малейшие проявления освободительных идей и вся светская культура — все значительные произведения искусства и достижения науки — во имя православия и самодержавия I, 79, 98, 110—112, 143, 21, 43, II, 21—23, 161
- Доминик — Доминик Риз-а-Порта, владелец ресторана и кондитерской в Петербурге I, 147, II, 73, 203
- Домонтович Иван Иванович (1815—1895) — гласный петербургской Городской думы II, 117
- Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864) — беллетрист, переводчик, журналист; брат Ф. М. Достоевского; издавал вместе с ним журналы «Время» и «Эпоха» II, 318—319, 398—399
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) I, 130, 169—171, 60, 73, II, 138, 143, 319, 264, 282, 398—399
- Дракон — Дракоит (VII в. до н. э.), древнейший афинский законодатель; составленный им свод законов отличался крайней жестокостью

- (отсюда выражения «драконовские законы», «драконовские меры») II, 252
- Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — литературный критик 1850—1860-х годов, пропагандировавший теорию «искусства для искусства»; редактор «Библиотеки для чтения» в 1856—1860 гг. II, 56—57, 185
- Друммонд Томас (1797—1840) — английский инженер, которому приписывалось изобретение так называемого «Друммондова света» II, 200, 331
- Духинский Францишек (1816—1893) — польский реакционный историк и публицист I, 144, 64
- Дьяченко Виктор Антонович (1818—1876) — драматург I, 56, 58, 185
- Дюканж Виктор (1783—1833) — французский драматург и романист II, 30, 167
- Дюма Александр — отец (1803—1870) — французский романист I, 159, 185, 67, II, 164
- Евгения (графиня Моитихо) (1826—1920) — французская императрица, жена Наполеона III II, 193, 330
- Екатерина II (1729—1796) II, 236, 355
- Елагин Владимир Николаевич (1831—1863) — беллетрист, сотрудник «Современника» I, 95—97, 32, II, 27, 164—166
- Ершов Петр Павлович (1815—1869) — поэт 1830-х годов, автор сказки «Конек-горбунок» II, 353, 416
- Ефремов Петр Александрович (1830—1907) — историк литературы и библиограф, редактор собраний сочинений Пушкина, Лермонтова и других русских писателей, сотрудник «Искры» I, 204, II, 190, 330
- Ефремов Петр Иванович — содержатель танцкласса в Петербурге I, 123, 42, II, 55, 220, 183
- Жадовская Юлия Валериановна (1824—1883) — поэтесса II, 365, 427—429
- Жданов Н. И. — инженер-технолог I, 119, 49
- «Женский вестник» — журнал, издававшийся в 1866—1868 гг.; официальный редактор — Н. И. Мессарош; фактическими редакторами были Н. А. Благовещенский и А. К. Шеллер-Михайлов I, 185—186
- Жижиленко Александр Иванович (1823—1889) — врач и художник II, 154
- Жирарден Эмиль (1806—1881) — французский публицист II, 229, 346
- Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — в конце 1850-х годов председатель Театрально-литературного комитета при дирекции императорских театров II, 273—274, 374
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) I, 102, 124, 137, 36, 52—56, 62, II, 77, 181, 302, 329, 390
- Жулев Гавриил Николаевич (1834—1878) II, 291—306, 388—394
- Зайд — см. Саид.
- Заочный — псевдоним В. К. Ржевского.
- Зарни Ефим Федорович (1829—1892) — литературный критик и публицист, резко полемизировавший с литераторами демократического лагеря I, 158
- Знаменский — псевдоним В. С. Курочкина.
- Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896) — беллетрист, драматург и

- журналист, в 1858—1861 гг. — редактор журнала «Иллюстрация» I, 103, 115, 127, 158, 37, 46, 58, 67
- Зотов** Рафаил Михайлович (1795—1871) — исторический романист и драматург 1830—1840-х годов II, 31, 167
- Иван IV Грозный** (1530—1584) I, 164
- Иванов** Андрей Максимович — беллетрист и поэт 1850—1860-х годов II, 38, 172
- Игнатьев** Павел Николаевич (1797—1879) — в 1854—1861 гг. — петербургский военный губернатор II, 39—40, 173
- Излер** Иван Иванович (1811—1877) — владелец кафешантана «Минеральные воды» в Петербурге I, 145, 64
- Измайлов** Александр Ефимович (1779—1831) — баснописец и журналист, редактор-издатель журнала «Благонамеренный» I, 165
- «Иллюстрация» — еженедельный журнал; издавался в 1858—1863 гг., в 1858—1861 гг. — под редакцией В. Р. Зотова I, 103, 127, 37, 58
- Искандер** — псевдоним А. И. Герцена.
- Кадинский** Кирилл Михайлович — автор брошюр об упрощении русской грамматики и правописания II, 47, 178
- Кайдаиов** Иван Кузьмич (1780—1843) — автор учебников по истории, написанных в монархическом духе и принятых в учебных заведениях первой половины XIX в. II, 24
- Калиновский** Дмитрий Иванович — редактор-издатель журнала «Светоч» (1860—1862) II, 324
- Кальдерон** де ла Барка Педро (1600—1681) — испанский драматург I, 154
- Камбек** Лев Логинович — редактор-издатель еженедельного журнала «Петербургский вестник»; интересная в бытовом отношении комическая фигура — неустанный обличитель мелких нелепостей общественной жизни I, 126, 145, 178, 58, 65, II, 168
- Канари** — Канарис Константин (ок. 1790—1877), греческий политический деятель, активный участник борьбы против турецкого владычества в 20-х годах XIX в. До восстания 1821 г. — капитан торгового судна; в годы борьбы Греции за независимость прославился отважными нападениями на турецкий флот I, 247—249
- Кант** Иммануил (1724—1804) II, 169
- Капустин** Михаил Николаевич (1828—1899) — профессор международного права Московского университета II, 321
- Карамзин** Николай Михайлович (1766—1826) I, 94, 109, 289, 31, 154, II, 76, 146, 180, 182, 290, 329
- Каратыгин** Василий Андреевич (1802—1853) — артист Александринского театра, трагик II, 24, 162
- Каратыгин** Петр Андреевич (1805—1879) — артист Александринского театра и водевилист II, 300, 390
- Карл Великий** (742—814) — король франков, а затем император II, 204
- Карпович** Владимир Юлианович — петербургский купец, владелец ссудной кассы I, 187—188, 85
- Карр** Альфонс (1808—1890) — французский беллетрист и журналист, редактор сатирического журнала «Les guêpes» («Осы») I, 184, 83
- Касьянов** — псевдоним И. С. Аксакова.
- Катков** Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист; с 1856 г. — редактор-издатель журнала «Русский вестник», который в первые

годы своего существования был органом либерального направления; в начале 1860-х годов становится апологетом самодержавия и крупнейшим публицистом дворянской реакции; с этого времени ведет ожесточенную борьбу с революционным движением и революционной мыслью; с 1863 г. кроме «Русского вестника» редактировал также газету «Московские ведомости», где преимущественно и сосредоточил свою публицистическую деятельность I, 115, 142, 147—159, 171, 178, 206, 46, 66, 67, 73, II, 56—57, 95—96, 150, 161, 176, 179, 201, 257, 316, 324, 331—334, 335, 185, 217, 307—308, 362—363, 398—399, 401, 404, 405

К а т о н Марк Порций Младший (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель, республиканец, отличавшийся непримиримостью своих убеждений и мужеством I, 82

К а ч — владелец петербургского универсального магазина, прославившийся своими рекламами I, 183

К е л ь с н е в Василий Иванович (1835—1872) — с 1859 г. эмигрант, близкий сотрудник Герцена; через несколько лет разошелся с ним; в 1867 г. отдался в руки русским властям, написал свою «Исповедь», был прощен правительством и стал сотрудничать в умеренно-либеральной и консервативной прессе II, 141, 277

К е р н е р Карл Теодор (1791—1813) — немецкий поэт и драматург, участник войны с Наполеоном II, 203, 332

К и р и л л (ок. 827—869) и Мефодий (ок. 815—885) — славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства II, 50

К и р к о р Адам Карлович (1819—1886) — археолог, этнограф, реакционный публицист, в 1868—1871 гг. — редактор газеты «Новое время» I, 188

К и р ш а Данилов — предполагаемый составитель сборника русских былин и исторических песен, записанных в XVIII в. II, 29

К л ю ш н и к о в Виктор Петрович (1841—1892) — беллетрист и журналист, автор антиингилистического романа «Марево»; в 1870—1875 и 1887—1892 гг. — редактор журнала «Нива» II, 141

К о з л я н о в Александр Павлович — вышеволоцкий помещик II, 322, 416

К о к о р е в Василий Александрович (1817—1889) — предприимчивый коммерсант, руководитель ряда промышленных и финансовых предприятий: нажил капитал, будучи откупщиком II, 154, 321, 401

К о л и н ь о н Шарль Этьен (1802—1885) — французский инженер II, 275—276, 376

К о л у м б Христофор (1451—1506) I, 258, 137

К о м и с с а р о в Осип Иванович (1838—1892) — петербургский шапочный мастер, который, по правительственной версии, спас Александра II от выстрела Каракозова, за что получил потомственное дворянство I, 184

К о р е й ш а Иван Яковлевич (1780—1861) — московский юрдиный I, 158—159, II, 96

К о р и Густав Иванович — один из редакторов газеты «Русский листок» II, 56, 58, 185

К о с и ц а — псевдоним Н. Н. Страхова.

К о х а н о в с к а я Н. — псевдоним писательницы Надежды Степановны Соханской (1825—1884), во многом близкой к славянофилам II, 325

К о ч е т о в а Ольга Акимовна — художница II, 152

К о ш е в а А. Д. — балерина I, 111

К р а е в с к и й Андрей Александрович (1810—1889) — журналист-пред-

- приниматель капиталистического типа, умеренный либерал, редактор-издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884) I, 115, 131, 138, 164, 171, 62, 73, II, 56, 58, 165, 318—319, 327, 398—399
- Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — художник, член Товарищества передвижных художественных выставок II, 149
- Краснов Н. — автор статьи о мормонах в «Библиотеке для чтения» II, 368, 434
- Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) — поэт и беллетрист, автор авантюрно-уголовного романа «Петербургские трущобы» I, 164, 170, 171, 186, 73, 83, II, 351—355, 412, 413, 414, 415, 421
- Кроль Николай Иванович (1823—1871) — поэт. Сначала примыкал к школе «чистой поэзии», затем — сотрудник «Искры» II, 355
- Крон Андрей Иванович — владелец пивоваренного завода в Петербурге, член правления Общества петербургских водопроводов II, 281
- Круг Филипп Иванович (1764—1844) — историк и археолог, академик I, 97, 33
- Крупп Альфред (1812—1887) — владелец крупнейших немецких сталелитейных заводов, превратившихся впоследствии в военнопromышленную базу германского империализма II, 150, 195, 305
- Крылов Виктор Александрович (1838—1906) — драматург, переводчик и театальный критик; написал несколько десятков пьес, наводнявших репертуар Александринского театра I, 159, 67, II, 148, 155, 297
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) I, 108, 123, 322, 42, 51, 154, II, 64, 155, 182, 280—281, 193, 381
- Крылов Никита Иванович (1808—1879) — профессор римского права Московского университета, славянофил I, 159, 358
- Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — драматург, беллетрист и поэт, один из главных представителей вульгарного романтизма 1830—1840-х годов II, 17—18, 24, 300, 157, 162, 390
- Куку — псевдоним А. М. Иванова.
- Кумберг — владелец роскошного магазина ламп, люстр, зеркал, посуды, мебели и пр. в Петербурге I, 83
- Курганов Николай Гаврилович (1725(?)—1796) — педагог и издатель, автор «Письмовника». Кроме грамматики это своеобразная хрестоматия, сборник рассказов, анекдотов, пословиц, сведений по естественным наукам и пр. Пользовался большой популярностью и много раз переиздавался II, 183
- Курочкин Василий Степанович (1831—1875) I (весь том), II, 27, 63, 201, 258, 259, 164—166, 193, 365
- Курочкин Николай Степанович (1830—1884) I, 70, II, 241—262, 353, 358—369, 416
- Кусков Платон Александрович (1834—1909) — поэт 1850—1860-х годов II, 249, 355, 358
- Кушелев-Безбородко Григорий Александрович (1832—1870) — меценат, издатель, беллетрист I, 145, 64, II, 27, 164—166
- Кушнерев Иван Николаевич (1827—1896) — беллетрист и журналист 1860-х годов, редактор изданий «для народа» «Грамотей» и «Народная газета» II, 167
- Кюи Цезарь Антонович (1835—1918) — композитор и музыкальный критик II, 201, 331
- Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — философ и социолог; с конца 1860-х годов — теоретик народничества II, 176, 328

- Лагерроньер Луи Этьен (1816—1875) — французский публицист; в 1850—1860-е годы сторонник режима Наполеона III I, 178
- Лазарев Александр Васильевич — бездарный и самовлюбленный композитор, автор нелепых «ораторий», давал концерты в Петербурге и за границей, исполнял произведения Бетховена и свои с целью показать свое превосходство II, 201
- Ламанский Евгений Иванович (1825—1902) — финансовый деятель, товарищ управляющего, а затем управляющий Государственным банком I, 141, 64
- Ламартин Альфонс (1790—1869) — французский поэт-романтик, историк и либерально-буржуазный политический деятель; в 1848 г. играл большую роль во Временном правительстве и принимал активное участие в борьбе с революционным пролетариатом II, 315, 395—397
- Ланкло Нинон (1616—1706) — французская куртизанка, в салоне которой бывали многие знаменитости ее времени I, 160
- Лебедкин — секретарь редакции газеты Министерства внутренних дел «Северная почта» I, 144
- Левитов Александр Иванович (1835—1877) — беллетрист-демократ 1860—1870-х годов II, 202
- Легуве Эрнест (1807—1903) — французский драматург I, 111, 43
- Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ; был в эмиграции до низложения Наполеона III I, 137, 61
- Лейкин Николай Александрович (1841—1906) — писатель-юморист II, 78, 202, 205, 331
- Леман Юрий Яковлевич (1834—1901) — художник-портретист, член Товарищества передвижных художественных выставок II, 149
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874) — профессор римской литературы Московского университета, публицист, единомышленник Каткова и его ближайший помощник по редактированию «Русского вестника» и «Московских ведомостей» II, 162, 331—334, 404
- Леотар Жюль — французский эквилибрист и гимнаст I, 110—112, 43
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) I, 82—83, 206, 23—24, 102, II, 27—29, 43—46, 61, 77, 82—92, 134, 190—196, 191—192, 214, 164—166, 176, 177, 246, 330
- Лилиеншвагер Конрад — псевдоним Н. А. Добролюбова и сатирическая маска либерального обличителя, созданная в его стихах.
- Ломан Николай Логинович (1830—1892) I, 108, 42, II, 249, 339—356, 358, 407—422
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) I, 181, 79, II, 47, 84
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф и историк литературы; в молодости был либерально настроен и близок к кругу «Современника»; к 1860-м годам резко поправел и стал сотрудничать в «Русском вестнике» Каткова; в 1871—1875 гг. начальник Главного управления по делам печати; занимая этот пост, преследовал передовую печать, был одним из главных виновников гибели «Искры» I, 164, II, 27, 144, 171, 175, 283, 328
- Лопе де Вега (1562—1635) — испанский драматург I, 154
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — генерал, в 1880—1881 гг. начальник Верховной распорядительной комиссии, а затем министр внутренних дел; с целью укрепления самодержавия задумал ряд умеренно-либеральных реформ; однако заигрывание с либералами сопровождалось репрессиями против революционеров; после убийства Александра II ушел в отставку II, 150, 306

- Л о х в и ц к и й Александр Владимирович (1830—1884) — юрист и либеральный публицист II, 76, 204
- Л у к у л л Луций Луциний (ок. 117—ок. 56 до н. э.) — римский полководец II, 30, 167
- Л я г е р р о н ь е р — см. Лагерроньер.
- Л я н к л о — см. Ланкло.
- М а д з и н и Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, один из руководителей борьбы за национальную независимость и объединение Италии I, 194
- М а й е р о н и Ашиль (1824—1888) — итальянский драматический артист I, III, 43
- М а й к о в Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт I, 164, 244, 308, 128, 154, II, 21—23, 48—50, 136, 314—316, 161, 179, 395—397
- М а к с и м о в Алексей Михайлович (1813—1861) — артист Александринского театра II, 201
- М а к с и м о в Николай Васильевич (1848—1900) — журналист и беллетрист-этнограф, брат писателя С. В. Максимова I, 71, 14
- М а м а й (ум. 1380) — правитель Золотой орды, организатор походов в русские земли II, 136
- М а н н Ипполит Александрович (1823—1894) — драматург, театральный и музыкальный критик, член Театрально-литературного комитета II, 93, 215
- М а р а т Жан-Поль (1743—1793) I, 150, II, 95, 256, 325
- М а р к е в и ч Болеслав Михайлович (1822—1884) — беллетрист и публицист, автор антиинигилистических и великосветских романов, ближайший сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова II, 148, 299
- М а р к о в Евгений Львович (1835—1903) — беллетрист, критик и публицист умеренно-либерального направления II, 201
- М а р т ы н о в Александр Евстафьевич (1816—1860) — артист Александринского театра I, 100—102, 35, II, 201
- М а р т ь я н о в Петр Кузьмич (1827—1899) — бездарный поэт, автор воспоминаний о редакционном кружке «Искры» II, 117, 201, 232
- М а с л о в Степан Алексеевич (1793—1879) — писатель по вопросам сельского хозяйства, секретарь московского Общества сельского хозяйства II, 115
- «М а я к» — ультрареакционный журнал; издавался в 1840—1845 гг. II, 49, 182
- М е ж а к о в Павел Александрович (1786—1860) — поэт I, 108, 42
- М е й Лев Александрович (1822—1862) — поэт, драматург и переводчик, автор исторических пьес «Царская невеста» и «Псковитянка», на сюжет которых написаны оперы Н. А. Римского-Корсакова II, 201, 351, 353, 412, 416
- М е й е р Карл (1786—1870) — немецкий поэт, принадлежавший к реакционной «швабской школе» II, 204
- М е р з л я к о в Алексей Федорович (1778—1830) — поэт и критик I, 108, 145, 42, 65
- М е с с а р о ш Николай Ипполитович (1835—1900) — в 1866—1868 гг. — официальный редактор журнала «Женский вестник» I, 185
- М е ф о д и й — см. Кирилл и Мефодий.
- М е щ е р с к и й Владимир Петрович (1839—1914) — реакционный публицист, близкий к придворным кругам; редактор-издатель субсидированного правительством журнала-газеты «Гражданин» I, 318, 154, II, 107—110, 143, 146, 226, 282, 290

- Микешин Михзил Осипович (1836—1896) — художник и скульптор II, 141, 282, 382
- Миллер-Красовский Николай Александрович (1828—1888) — реакционный педагог I, 76—77, 127, 19, 58
- Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ, экономист и либеральный публицист II, 33, 192, 170, 330
- Милонов Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт I, 129
- Мин Дмитрий Егорович (1818—1885) — поэт-переводчик II, 348
- Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) II, 5—210, 156—335
- Михно Николай Васильевич — драматург, переводчик, в 1864—1865 гг. — редактор-издатель журнала «Русская сцена» II, 180
- Мошешотт Якоб (1822—1893) — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма II, 169, 180, 319, 400
- Молиар Густав (1819—1912) — бельгийский политико-эконом, воинствующий буржуа и фанатический враг социализма; сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова II, 56, 58
- Мольер (настоящие имя и фамилия: Жан Батист Поклен) (1622—1673) I, 147
- Монументов Владимир — псевдоним В. П. Буренина.
- Монье Марк (1829—1885) — французский писатель и историк литературы, автор сатирических пьес I, 287—331, 154
- «Москвитянин» — журнал, издававшийся в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина, орган так называемой «официальной народности» II, 49
- «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет; в 1850-е и в начале 1860-х годов — газета либерального направления; в 1863—1887 гг. выходила под редакцией М. Н. Каткова I, 147, 175, 66
- «Московский зритель» — журнал, издававшийся в 1806 г. под редакцией эпигона Карамзина П. И. Шаликова I, 131
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) II, 321
- Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — государственный деятель, один из столпов крепостнического лагеря I, 184, 81—82
- Мюрат Иоахим (1771—1815) — маршал Наполеона I, затем — неаполитанский король II, 90
- Мюссе Альфред (1810—1857) — французский писатель-романтик — поэт, прозаик, драматург I, 282—287, 153
- Навуходоносор II (605—562 до н. э.) — вавилонский царь I, 243—245, 128
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) I, 210, 275, 106, II, 88—92, 255, 337, 362—363, 406
- Наполеон III (1808—1873) II, 193, 196, 255—256, 330, 362—363
- «Наше время» — газета, издававшаяся в 1850—1863 гг. под редакцией Н. Ф. Павлова; субсидировалась Министерством внутренних дел I, 116, 124, 126, 139, 147—158, 188, 46, 52—56, 63
- Небольсин Павел Иванович (1817—1893) — беллетрист, энтограф, экономист и историк II, 166, 327
- Незнакомец — псевдоним А. С. Суворина.
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) I, 203, II, 20—21, 81, 127—128, 201, 259, 277—278, 314, 326, 160, 209, 239, 366, 378, 395—397, 401
- Нерон (37—68) — римский император, отличавшийся крайней жестокостью I, 329
- «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал; издавался с 1870 до 1918 г. II, 118, 140, 270

- Николай I (1796—1855) I, 243—245, 128
- Нильский (настоящая фамилия: Нилус) Александр Александрович (1841—1899) — артист Александринского театра, с 1873 г. — член Театрально-литературного комитета II, 152
- «Новое время» — газета, издававшаяся в 1868—1917 гг.; в 1868—1871 гг. выходила под редакцией А. К. Киркора и Н. Н. Юматова, а затем — одного Киркора и была реакционно-помещичьим органом; в 1876 г. перешла в руки А. С. Суворина I, 188, II, 118, 131, 232
- Овсянников Степан Тарасович (р. 1806) — петербургский купец, торговец хлебом, член правления Общества с.-петербургских водопроводов II, 281
- «Огонек» — еженедельный иллюстрированный журнал; издавался в 1879—1883 гг. II, 118
- Ожье Эмиль (1820—1889) — французский драматург I, 147
- Олоферн (VI в. до н. э.) — вавилонский полководец I, 111, 43
- Омар (конец VI в. — 644) — мусульманский халиф, с именем которого связывалось сожжение Александрийской библиотеки I, 176
- «Основа» — «южнорусский литературно-ученый вестник»; издавался в Петербурге в 1861—1862 гг. под редакцией В. М. Белозерского I, 124, 127, 52—56, 58
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) I, 111, 123, 203, 96—99
- Островский Михаил Николаевич (1827—1901) — брат А. Н. Островского, в 1881—1892 гг. — министр государственных имуществ II, 153, 319
- «Осы» («Les guêpes») — французский сатирический журнал, издававшийся А. Карром в 1839—1849 гг. I, 184
- «Отечественные записки» — журнал, издававшийся под редакцией А. А. Краевского в 1839—1867 гг.; до 1846 г. руководящую роль в журнале играл Белинский; в 1847—1867 гг. — либеральный орган; в 1868 г. перешел в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина I, 109, 128, 137, 42, 59
- Оффенбах Жак (1819—1880) — французский композитор II, 93
- Охочекомонный — псевдоним Д. Ф. Шеглова.
- Павел I (1754—1801) II, 237, 355
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864) — беллетрист, поэт, литературный критик и публицист; в 1830-х годах прославился антикрепостническими повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 1850-х — поместил несколько острых статей в тогда еще либеральном «Русском вестнике»; в 1860—1863 гг. — редактор-издатель субсидировавшейся правительством газеты «Наше время» I, 115, 124, 126, 139—140, 144, 147—159, 184, 188, 52—56, 64, 66, 67, II, 55, 163—164, 272—278, 324, 184, 327, 378
- Павлова Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса и переводчица I, 115
- Палибин Павел Иванович (1811—1881) — инженер, директор правления Общества с.-петербургских водопроводов, автор неудачного проекта водоснабжения Петербурга II, 281
- Палкин — владелец ресторана в Петербурге II, 119
- Панаев Иван Иванович (1812—1862) — беллетрист, фельетонист и журналист; с 1847 г. — один из редакторов (вместе с Некрасовым) журнала «Современник» II, 78
- Парацельс Теофраст Аврелий (1493—1541) — швейцарский врач и

естествоиспытатель; ему принадлежит ряд научных открытий и догадок, основанных на опытном изучении природы, но в своих теоретических взглядах он оставался в плену антинаучных и мистических предрассудков II, 252, 360

«Парус» — славянофильская газета; издавалась в 1859 г. под редакцией И. С. Аксакова I, 158, 67

Паткуль Александр Владимирович (1817—1877) — генерал, в 1860—1862 гг. — петербургский обер-полицмейстер II, 40, 173

Патти Аделина (1843—1919) — итальянская певица; в 1860-х годах пела в Итальянской опере в Петербурге II, 196

Паульсои Иосиф Иванович (1825—1898) — педагог, редактор-издатель журнала «Учитель», автор ряда учебников II, 47

Пелль Александр Христофорович (р. 1809) — архитектор, член правления Общества с.-петербургских водопроводов II, 281

Перейра Исаак (1806—1880) — французский банкир I, 108, 42

Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель, законодатель II, 47

Пероziо Николай Павлович (1819—1877) — публицист, писавший по экономическим вопросам I, 82, 23—24

Пестель Павел Иванович (1792—1826) I, 208

«Петербургский вестник» — еженедельный журнал, издававшийся в 1861—1862 гг. под редакцией Л.Л. Камбека I, 126, 143, 145, 58, 64, 65

«Петербургский листок» — полубульварная «газета городской жизни и литературная»; издавалась с 1864 г. I, 171, 175

Петипа Мария Сергеевна (ум. 1882) — петербургская балерина II, 160

Петр I Великий (1672—1725) I, 122, 141, 143—144, 64, II, 49, 141, 224, 340

Петр Пустынный, или Петр Амьенский (ок. 1050—1115) — французский монах, предводитель отряда крестоносной бедноты, выступление которой послужило началом крестовых походов I, 164

Петрарка Франческо (1304—1374) I, 268

Пий — имя нескольких пап. Пий IX (1792—1878) — папа римский в 1846—1878 гг. I, 194, II, 140, 230, 346

Пипин Короткий (714 или 715—768) — франкский король, первый из династии Каролингов I, 246

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — профессор-хирург, либеральный общественный деятель и педагог I, 82, 23—24

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) I, 190, 87, II, 137, 200, 257

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — романист и драматург; в 1850-е годы — сотрудник «Современника»; в начале 1860-х годов — редактор «Библиотеки для чтения»; в общественной борьбе 1860-х годов занимал позицию, враждебную демократическому лагерю I, 127, 158, 58, 67, II, 56—57, 136, 185, 254

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, петрашевец II, 99, 221

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк и реакционный публицист; редактор-издатель журнала «Москвитянин»; академик I, 98, 126, 159, 33, 67, II, 24, 50, 56, 58, 178, 180, 185, 321, 162, 329, 401

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — брат Н. А. Полевого; в молодости радикальный критик и публицист, перешел затем в лагерь реакции и стал постоянным сотрудником «Северной пчелы» Булгарина I, 78, 20, II, 23, 161

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, литературный критик, беллетрист, историк и переводчик, редактор-издатель

- передового журнала «Московский телеграф» (1825—1834); после запрещения журнала резко изменил направление своей литературной деятельности I, 97, 33, II, 77
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — поэт II, 28, 164—166
- Полонский Яков Петрович (1820—1898) — поэт I, 188, 85, II, 48, 65—66, 106, 110, 141, 365, 367, 369—370, 179, 194, 227, 433, 435
- «Полярная звезда» — журнал, издававшийся в 1881—1882 гг. под редакцией Е. А. Салиаса II, 125—126
- Помяловский Николай Герасимович (1835—1863) — беллетрист-демократ 1860-х годов, автор «Очерков бурсы» II, 201
- «Порядок» — либеральная газета; издавалась в 1881 г. под редакцией М. М. Стасюлевича II, 149, 152, 304, 313
- Пржецлавский Осип Антонович (1799—1879) — цензор, а затем член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, реакционный публицист I, 126, 58, II, 75
- Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский экономист и социолог, теоретик анархизма I, 150, 152, II, 33, 80, 164
- Прутков Козьма — сатирическая маска и коллективный псевдоним, под которым печатали свои пародии, «афоризмы» и пр. А. К. Толстой и братья А. М. и В. М. Жемчужниковы I, 183, 80
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775) I, 208
- Пуляти Евфимий Васильевич (1803—1883) — адмирал, дипломат, в 1861 г. — министр народного просвещения I, 118, 48
- Пушкарёв Иван Ильич (1808—1848) — историк и статистик, автор «Описания С.-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии» I, 143
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) I, 109, 113, 114, 115, 124—125, 140, 142, 144, 158—159, 185, 202, 203, 206, 42, 45, 46, 52—56, 63, 64, 67, 83, II, 44, 69, 77, 86, 134, 136, 137, 181, 183, 197, 224, 331, 176, 197—201, 205, 213, 247, 257, 331, 340, 404
- Пятковский Александр Петрович (1840—1894) — журналист и историк литературы; в 1860-х — начале 1870-х годов сотрудничал в журналах демократического лагеря; затем резко поправел II, 61—62, 191—192
- Раппапорт Маврикий Якимович (1824—1884) — музыкальный критик II, 167
- Ржевский Владимир Константинович (1811—1885) — реакционный публицист I, 138, II, 168
- Ригольбош — псевдоним Маргерит Бадель, французской певицы и танцовщицы легкого жанра I, 168, II, 34
- Ристори Аделаида (1822—1906) — итальянская драматическая артистка I, 111, 43
- Роберт II (ок. 1060—1134) — нормандский герцог, участник I-го крестового похода I, 164
- Робеспьер Максимилиан (1758—1794) II, 95
- Розатти Каролина (р. 1826) — итальянская балерина; танцевала в Петербурге в 1860 г. I, 111
- Розенгейм Михаил Павлович (1820—1887) — поэт и журналист, один из видных представителей либерального обличительства 1850—1860-х годов, неоднократно служивший мишенью насмешек Н. А. Добролюбова и «Искры» I, 108, II, 53—55, 66, 166, 324, 182, 183, 195, 401
- Роллер Андреас (1805—1891) — художник-декоратор и главный машинист петербургских императорских театров II, 161

- Росси Эрнесто (1827—1896) — итальянский артист, трагик II, 153, 317
- Россини Джоаккино (1792—1868) — итальянский композитор II, 32
- Рост — содержатель зоологического сада в Петербурге II, 124
- Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — писательница II, 76, 183
- Рошфор Анри (1830 или 1831—1913) — французский радикальный публицист, редактор журнала «Фонарь» и газеты «Марсельеза», резко выступавший против режима Второй империи, Наполеона III и его приближенных II, 140
- Рузиков — владелец парфюмерного магазина в Петербурге I, 167
- «Русская беседа» — славянофильский журнал; издавался в 1856—1860 гг. под редакцией А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова (1856—1857), а затем одного Кошелева; в 1859 г. фактическим редактором был И. С. Аксаков I, 93—94, 31, II, 27, 49, 164—166
- «Русская речь» — журнал, выходивший в 1879—1882 гг. II, 118, 232
- «Русский вестник» — журнал, издававшийся с 1856 до 1887 г. под редакцией М. Н. Каткова; первые годы своего существования — либеральный орган; с начала 1860-х годов — орган дворянской реакции I, 114—117, 124—125, 143, 145, 46, 52—56, 65, II, 163, 202, 314, 321, 354, 327, 395—397, 401, 422
- «Русское слово» — журнал, издававшийся в 1859—1866 гг., с 1861 г. — орган демократической мысли; редактор — Г. Е. Благовослов; в 1866 г. закрыт правительством II, 202
- Руссо Жан-Жак (1712—1778) II, 164, 327
- «Русь» — славянофильская газета; издавалась в 1880—1886 гг. под редакцией И. С. Аксакова II, 127—128, 239
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) I, 208, II, 23—25, 162
- Рюрик (IX в.) — по летописным преданиям, первый русский князь II, 24, 162
- Садовский (настоящая фамилия: Ермилов) Пров Михайлович (1818—1872) — артист Малого театра I, 111
- Салиас де Турнемир Евгений Андреевич (1840—1908) — писатель, главным образом исторический романист, сын Евгении Тур I, 205—206, 101
- Салтыков Михаил Евграфович (Н. Щедрин) (1826—1889) I, 82, II, 76, 132—133, 317, 204, 245, 398—399
- Салтычиха — Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801), помещица, запоровшая и подвергнувшая пыткам десятки крепостных крестьян II, 88
- Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901) — консервативный журналист, брат славянофила Ю. Ф. Самарина I, 127, 58
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — публицист, историк, философ, общественный деятель; славянофил II, 50
- Самойлов Василий Васильевич (1813—1887) — артист Александринского театра II, 145, 287
- Самойлов Николай Васильевич (1838—1897) — артист Александринского театра, сын В. В. Самойлова II, 145, 287
- Санд Жорж — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван (1804—1876). Романы Ж. Санд, проникнутые идеями эмансипации женщины и социальных преобразований в духе утопического социализма, пользовались большой популярностью в передовых кругах русского общества 1830—1850-х годов II, 29, 80, 101

- «С. - Петербургские ведомости» — старейшая русская газета, основанная в 1728 г.; в 1852—1862 гг. выходила под редакцией А. А. Краевского (при официальном редакторе А. Н. Очкине); в 1863—1874 гг. — под редакцией В. Ф. Корша; в 1875 г. перешла в руки биржевого деятеля Ф. П. Баймакова (при нем редактором первое время был Е. А. Салиас) и из умеренно-либерального органа, каким была раньше, превратилась в реакционный I, 104, 146, 38
- Сан-Леон — см. Сен-Леон.
- Сарра — модная портновская фирма в Петербурге 1860-х годов II, 302
- Саул (XI в. до н.э.) — царь Израильско-Иудейского царства I, 221
- «Свет» — журнал, издававшийся в 1877—1879 гг. II, 118
- «Свечеч» — журнал, издававшийся в 1860—1862 гг. под редакцией Д. И. Калнинского I, 145, 65, II, 49, 324, 179
- «Свисток» — сатирическое приложение к «Современнику» в 1859—1863 гг. I, 108, 115, 143, 186, 45, II, 37, 317, 171
- «Северная почта» — газета Министерства внутренних дел; издавалась в 1862—1868 гг.; в 1862—1863 гг. ее редактором был И. А. Гончаров I, 144, II, 167, 325, 327, 401
- «Северная пчела» — газета, издававшаяся в 1825—1864 гг.; самое распространенное периодическое издание николаевского царствования, игравшее роль правительственного официоза и связанное с III Отделением; основана Ф. В. Булгариным; в 1831—1859 г. он редактировал ее вместе с Н. И. Гречем; с 1860 г. газета перешла к П. С. Усову I, 136, 168, 184, 244, 83, II, 131, 137, 161, 300, 258, 327, 390
- Селиванов Илья Васильевич (1809—1882) — писатель, во второй половине 1850-х — начале 1860-х годов сотрудник «Современника» I, 94—97, 32, II, 27, 164—166
- Сенека Луций Анней (ок. 4 до н.э.—65 н.э.) — римский драматург и философ-стоик, проповедовавший добродетель и воздержание I, 82
- Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — журналист, критик, беллетрист, востоковед; с 1834 г. издавал журнал «Библиотека для чтения»; образованный и остроумный, но беспринципный человек, боровшийся с передовыми течениями русской литературы 1830—1840-х годов. Псевдоним: Барон Брамбеус I, 114, 46, II, 77
- Сен-Леон Шарль Виктор (1821—1870) — французский балетмейстер, много лет работавший в Петербурге, автор многочисленных балетов I, 170
- Сен-Симон Клод Анри (1760—1825) — французский социалист-утопист I, 154, 257, 137
- Сервантес Сааведра Мигель (1547—1616) II, 22, 369
- Серов Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик I, 182, 79, II, 201
- Сикевич Вл. М. — редактор газеты «Петербургский листок» в 1864—1865 гг. I, 171
- Симон Жюль (1814—1896) — французский философ, политический деятель и публицист, буржуазный республиканец; в 1850—1860-е годы — один из лидеров оппозиции; впоследствии принимал участие в разгроме Парижской коммуны II, 75
- Скарятин Владимир Дмитриевич — публицист 1860-х годов, сначала умеренно-либерального, а затем крайне реакционного направления, редактор-издатель газеты «Весть» I, 136, 138, 159, 61, 62, 67, II, 56, 58, 166, 257, 281—282, 324, 185, 327, 362—363, 382, 401
- Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — беллетрист-демократ 1860-х годов, автор романа «Трудное время» II, 201
- «Слово» — журнал, издававшийся в 1878—1881 гг. II, 118

- Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт I, 108, 42, II, 24, 249, 345—350, 355, 358, 409, 410, 411, 422
- Смирнов А. И. — участник диспута по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли I, 82, 23—24
- Сниткин Алексей Павлович (1829—1860) II, 357—370, 423—435
- «Современная летопись» — еженедельное приложение в 1861—1862 гг. к журналу «Русский вестник», а в 1863—1871 гг. — к газете «Московские ведомости» I, 147
- «Современник» — журнал, основанный А. С. Пушкиным в 1836 г.; в 1847 г. перешел от П. А. Плетнева к Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву; в течение двадцати лет — самый передовой русский журнал; с конца 1850-х годов — орган революционной демократии; закрыт правительством в 1866 г. II, 202, 314, 316—319, 395—397, 398—399
- «Современное обозрение» — журнал, издававшийся в 1868 г. под редакцией Н. Л. Тнблена I, 187
- Соколов Григорий — руководитель цыганского хора I, 81
- Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839) — поэт, член кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева II, 77
- Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — писатель 1830—1840-х годов; в 1840-е годы примыкал к натуральной школе, а затем стал врагом передовой литературы I, 84, 112—114, 159, 184—186, 25, 44, 46, 67, 83, II, 32—35, 76—78, 177—189, 170, 205, 329
- Соловьев Николай Иванович (1831—1874) — литературный критик антидемократического лагеря I, 188
- Соломон (ум. ок. 928 до н. э.) — царь Израильско-Иудейского царства I, 306
- Солон (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский законодатель II, 33
- Сонин П. — поэт и переводчик II, 352, 417
- Сорокин — см. Воронин.
- Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — артист Александринского театра II, 201
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель, одно время — ближайший советник Александра I II, 237
- Старчевский Альберт Викентьевич (1818—1901) — журналист, редактор-издатель журнала (1856—1861), а затем газеты (1862—1871) «Сын отечества» I, 114, 46, II, 118, 167, 232
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк и публицист либерального направления, редактор журнала «Вестник Европы» II, 149, 152, 313
- Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ-идеалист, критик и публицист, один из идеологов так называемого «почвенничества», ближайший сотрудник журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»; враг революционных и материалистических идей 1860-х годов I, 137, 164, 62, 70, II, 169, 249, 256, 319, 355, 358, 362—363, 398—399, 422
- Стронин Александр Иванович (1827—1889) — социолог I, 322, 154
- Струве Амант Егорович (1835—1898) — инженер, строитель мостов II, 117
- Струйский Дмитрий Юрьевич (1806—1856) — поэт 1830—1840-х годов, печатавшийся под псевдонимом «Трилуный» II, 353, 416
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и издатель. В 1860-х — первой половине 1870-х годов либерал; в 1876 г. приобрел газету «Новое время», которая сначала велась в умеренно-либераль-

- ном духе, но скоро превратилась в наиболее влиятельный официозный орган и оплот реакционной политики Александра III. В 1870-х годах Суворин начал также свою издательскую деятельность, а в 1878 г. открыл в Петербурге большой книжный магазин. К концу жизни нажил большой капитал II, 118—121, 128—129, 232, 240—241
- Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800) II, 55
- Сухова-Кобылин Александр Васильевич (1817—1903) — драматург I, 137, 166, 62, 70
- «Сын отечества» — еженедельный журнал; издавался в 1856—1861 гг. под редакцией А. В. Старчевского; в 1862 г. был преобразован Старчевским в ежедневную газету I, 126, 58, II, 167, 327
- Сырнев Алексей Иванович — вятский прокурор I, 80, 22
- Сю Эжен (1804—1857) — французский беллетрист, автор романа «Парижские тайны» I, 171, 73
- «Таймс» — см. «Times».
- Тамберлик Энрико (1820—1888) — итальянский певец I, 111, II, 139, 269
- Тамерлан (Тимур) (1336—1405) — среднеазиатский полководец, создатель государства со столицей в Самарканде, известный своими грабительскими походами в разные страны II, 194
- Танкред (1078—1112) — сицилийский князь, участник 1-го крестового похода I, 164
- Тармаламаки — см. Бенардаки.
- Тарновский Доминик — управляющий домами Вяземского в Петербурге I, 145—147, 65
- Тиблен Николай Львович (р. 1825) — петербургский издатель и книгопродавец I, 187—188
- Тик Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик II, 205
- Тимолеон (ок. 411—ок. 337 до н.э.) — древнегреческий полководец и политический деятель I, 270
- Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883) — поэт, драматург и беллетрист 1830-х годов, эпигон романтизма II, 253—255, 361
- Толбин Василий Васильевич (1821—1869) — беллетрист, поэт, журналист; сотрудничал в «Искре» I, 69
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, драматург и прозаик I, 164, 205—206, 70, 101, II, 91, 106, 214, 225
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) II, 88—92, 214
- Трилунный — псевдоним Д. Ю. Струйского.
- Трофимов Александр Иванович (1818—1884) — петербургский мировой судья, славившийся своим остроумием; автор ряда пьес, рассказов и очерков II, 146, 291
- Труворов Аскалон Николаевич (1819—1893) — археограф I, 82, 23—24
- Тур Евгения — псевдоним писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир (1815—1892); в 1861 г. — редактор-издательница либерального журнала «Русская речь»; после его прекращения уехала за границу; печатала статьи и корреспонденции из Парижа в консервативном духе в газете «Голос» I, 159, 185, 67, 83
- Тур Захар Власьевич — поэт 1850—1860-х годов II, 355
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) I, 137, 139, 164—168, 173, 62, 63, 70, 74, II, 25—26, 43—46, 93, 99—102, 139, 142, 152, 162, 176, 314, 317, 163, 176, 177, 215, 222, 265, 328, 395—397, 398—399
- Тьер Адольф (1797—1877) — французский историк, публицист и политический деятель. В 1860-х годах отрицательно относился к политике

- Наполеона III и входил в группу депутатов оппозиции Законодательного корпуса; в 1871 г. возглавлял правительство и жестоко подавил Парижскую коммуну II, 140, 240
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873) II, 344—345, 407, 408
- Уейский Корнель (1823—1897) — польский поэт-демократ, участник восстания 1863 г. I, 168, 71
- Уланд Иоганн Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт-романтик, глава так называемой «швабской школы», идеализировавшей прошлое Германии II, 205
- Урбан II (ок. 1042—1099) — папа римский, вдохновитель I-го крестового похода I, 164
- Устрялов Федор Николаевич (1836—1885) — драматург, журналист и переводчик II, 135, 251
- Фавр Жюль (1809—1880) — французский политический деятель и публицист, буржуазный республиканец; при Наполеоне III возглавлял оппозицию в Законодательном корпусе; впоследствии принимал активное участие в разгроме Парижской коммуны II, 75
- Фалес (ок. 625—ок. 527 до н.э.) — древнегреческий философ II, 252
- Феваль Поль (1817—1887) — французский беллетрист, автор сенсационных бульварных романов I, 185, II, 17, 164
- Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — романист, стихотворец, детский писатель и журналист реакционного лагеря I, 76, 19
- Фейдо Эриест (1821—1873) — французский беллетрист, автор романов о светской жизни I, 185
- Фейербах Людвиг (1804—1872) II, 169, 319, 400
- Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — журналист и историк, редактор либерального журнала «Русская речь и Московский вестник» (1861—1862), в 1883—1896 гг. — начальник Главного управления по делам печати II, 153, 319
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) I, 164, 169—171, 173, 175, 70, 73, 74, II, 58—61, 63, 70, 180, 184, 220, 351, 363, 365, 366, 186—187, 188—189, 190, 193, 197—201, 412, 423—426, 427—429, 430—431
- Фнхте Иоганн Готлиб (1762—1814) II, 160
- Фогт (Фохт) Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и философ, представитель вульгарного материализма II, 180
- Фокин — танцор, по словам современника, «герой канкана, славившийся по всему Петербургу своими антраша, доходившими до последней степени бесстыдства» II, 167
- Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) I, 119
- Фрина (IV в. до н.э.) — афинская гетера, отличавшаяся исключительной красотой I, 228
- Фукеле Мотт Фридрих (1777—1843) — немецкий писатель-романтик; в его рыцарских романах прославлялись идеалы средневековья II, 205
- Фукс Виктор Яковлевич (1829—1891) — чиновник особых поручений при министре внутренних дел и сотрудник газеты министерства «Северная почта», с 1865 г. — член Совета Главного управления по делам печати II, 167, 327
- Фурье Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист I, 258, 137
- Хан Эммануил Алексеевич (1826—1892) — доктор медицины, журналист, редактор журнала «Всемирный труд» I, 186, 83

Хапалов Яков Гаврилович (1850—1886) — художник-портретист II, 147, 296

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — писатель, автор поэмы «Россиада» I, 136, 61

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, драматург, публицист, философ, один из вождей и теоретиков славянофильства I, 94—97, 32, II, 27—28, 49, 164—166, 179

Циммерман — владелец фабрики и магазина шляп в Петербурге II, 75, 164

Ципринус — псевдоним О.А.Пржецлавского.

Цитович Петр Павлович (1844—1913) — профессор-юрист, автор злобных памфлетов против Чернышевского и других представителей передовой общественной мысли, редактор газеты «Берег» (1880) II, 202

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский государственный деятель, писатель и философ, выдающийся оратор I, 154, II, 163

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) — общественный и государственный деятель, примыкавший к славянофилам II, 324

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) I, 115, 131—132, 135—137, 168—169, 45, 60, 61, 62, 72, II, 33, 80, 327—328, 170, 208, 402

Чингисхан (ок. 1155—1227) — основатель монгольской империи, организатор опустошительных походов против народов Азии и восточной Европы II, 229

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк и публицист умеренно-либерального направления, профессор Московского университета I, 124—127, 138, 144, 150, 52—56, 57, 58, 62, 64, II, 134, 321, 324, 247

Шамбор Анри Шарль (1820—1883) — внук короля Карла X; во время Июльской революции Карл X отрекся от престола в его пользу, провозгласив французским королем под именем Генриха V, но Шамбор принужден был сейчас же бежать за границу. В начале 1870-х годов Шамбора снова безуспешно пытались провозгласить королем; после 1873 г. сошел с политической арены II, 194, 330

«Шандор Л.» — американская фирма II, 219, 336

Шарлемань Жан Арман (1759—1838) — французский драматург, поэт, романист I, 182—183, 80

Шасспо Антуан Альфонс (1833—1905) — французский рабочий, изобретатель ружья, названного его именем II, 91, 214

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) II, 260—261, 367

Шекспир Уильям (1564—1616) I, 68, 97, 171, 186, 11, 73, II, 36, 54—55, 57, 153, 160, 199, 275—276, 289—290, 324, 185, 317, 327, 331, 376, 387

Шербюлье Виктор (1829—1899) — французский беллетрист и публицист I, 287—290

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) I, 197—198, 331—332, 155, II, 45, 106, 346, 176, 225, 410

Шишкин Иван Иванович (1831—1898) — художник, член Товарищества передвижных художественных выставок II, 149, 152

Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, публицист и статистик; автор ряда работ по русской истории; в 1760-е годы работал в России в Академии наук I, 97, 33

- Ш и е й д е р Эжен (1805—1875) — французский политический деятель, владелец заводов в Крезе II, 235, 353
- Ш т р а у с Иогани (1825—1899) — австрийский композитор и дирижер; в течение нескольких лет дирижировал оркестром в Павловске II, 365
- Щ е г л о в Дмитрий Федорович (ум. 1902) — умеренно-либеральный публицист 1860-х годов. Псевдоним: Охочекомонный I, 158
- Щ е д р и й — см. Салтыков.
- Ш е п к и н Михаил Семенович (1788—1863) I, 111
- Щ е р б и н а Николай Федорович (1821—1869) — поэт I, 164, 70, II, 20, 56, 58, 137, 159, 185, 258
- Э в а л ь д Аркадий Васильевич (1836—1898) — журналист либерального направления I, 138, 62
- Э п и к т е т (ок. 50 — ок. 140) — римский философ-стоик I, 82
- «Э п о х а» — журнал, издававшийся в 1864—1865 гг. под редакцией Ф. М. и М. М. Достоевских I, 169—170, 188, 73, II, 76, 204
- Ю в е н а л Децим Юний (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик, обличавший нравы времен Римской империи; имя его стало нарицательным для обозначения сатирического поэта I, 176, II, 106
- Ю м — американский спирт, приезжавший в Россию в конце 1850-х годов II, 349
- Ю р к е в и ч Памфил Данилович (1827—1874) — философ-идеалист, профессор Киевской духовной академии, а затем Московского университета; выступал со статьями и лекциями против материализма I, 127, 165, 58, 70, II, 32, 56, 58, 168—177, 319—320, 325, 169, 185, 328, 400, 401
- Я з ы к о в Николай Михайлович (1803—1846) — поэт II, 249, 351, 358, 412
- Я к о б и (Якобий) Валерий Иванович (1834—1902) — художник, член Товарищества передвижных художественных выставок II, 145, 288
- Я к у ш к и н Павел Иванович (1820—1872) — беллетрист и фольклорист, собиратель народных песен и преданий I, 145—146, 65, II, 29, 368—369, 434
- «D é b a t s» — «Journal des Débats» — французская газета I, 154
- «P r e s s e» — французская газета I, 154
- R o l a n d — Ролан Жаина Манон (1754—1793) — политическая деятельница в годы Великой французской революции, хозяйка салона в Париже, где собирались вожди жирондистов II, 325
- «S i è c l e» — французская газета I, 154
- «T i m e s» («Таймс») — английская газета I, 155—156

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1—16. Между с. 224 и с. 225.

1. Заглавная виньетка «Искры».

2. «Рассыропленный патриотизм». Карикатура Н. А. Степанова, запрещенная цензурой. Карикатура дает обобщенный портрет журналистики, превозносившей крестьянскую реформу и Александра II, но в ней содержатся и конкретные намеки на «Сын отечества» А. В. Старчевского (см., в частности, концовку статьи «Современная летопись и политика» в № 11 за 1861 г.) и «Отечественные записки» А. А. Краевского (статья «Современная радость России» в № 3 за 1861 г., с. 26). Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

3. «За что же вы всех их поколотили?..». Запрещенная цензурой карикатура. Август 1861 г. На обороте резолюции цензора Ф. Ф. Веселаго и государственного секретаря В. П. Буткова. Последний писал: «Подобные рисунки не могут быть допускаемы к изданию на основании высочайшего повеления, воспретившего издание чего бы то ни было о злоупотреблениях помещичьей власти». Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

4. «По крайней мере, теперь вы чувствуете себя свободнее...». — «Искра». 1862, № 16. Отклик на крестьянскую реформу 1861 г. Карикатура Н. А. Степанова.

5. «Либерал-эквилибрист, ловко колеблющийся во все стороны и отыскивающий благоразумную середину». — «Искра». 1862, № 21. Карикатура Н. А. Степанова. Изображенный на карикатуре человек похож на министра внутренних дел П. А. Валуева.

6. Новый Демосфен, упражняющийся в красноречии. — «Искра», 1862, № 39. Карикатура А. П. Редкина на М. Н. Каткова. Карикатура вызвана резкими и наглыми по своему тону нападениями Каткова на Герцена. По поводу карикатуры «Искры» и насмешек над Катковым других журналов В. И. Аскооченский в обычном для него доносительном тоне писал, что они даже не скрывают своей солидарности с Герценом, и удивлялся «странной слепоте нашей литературной полиции», которая «совершенно спокойно смотрит на его агитаторов, смело и открыто ратующих под революционным знаменем своего вождя» («Домашняя беседа». 1862, № 44. С. 373).

7. Ночной смотр.— «Искра». 1862, № 44. Карикатура Н. А. Степанова (?). На переднем плане С. С. Громека, В. Д. Скарятин и А. А. Краевский. До 1862 г. Краевский кроме «Отечественных записок» был фактическим редактором «С.-Петербургских ведомостей», а с 1863 г. стал издавать газету «Голос». Подпись под карикатурой — «перепев» стих. В. А. Жуковского «Ночной смотр».

8. Журнальные фокусы.— «Искра», 1863, № 4. Карикатура Н. А. Степанова.

9. Статья до просмотра цензурой. Статья процenzурованная.— «Искра», 1863, № 24. Карикатуры А. Н. Бордгелли.

10. Прием журналов в рекруты.— «Искра», 1863, № 30. Справа — М. Н. Катков («Русский вестник»), слева — Н. А. Некрасов («Современник»); «принятые» — Н. Ф. Павлов («Наше время»), А. В. Старчевский («Сыи отечества»), А. А. Краевский («Голос») и снова Катков («Московские ведомости»).

11. «Хорошо ли сидит?..».— «Искра», 1864, № 2. Карикатура А. П. Редкина.

12. Конь прогресса.— «Искра», 1864, № 3. Карикатура А. П. Редкина.

13. «Полемика двух передовых газет вступила в новый фазис, к общему удовольствию доброхотных дателей».— «Искра», 1865, № 35. Карикатура С. В. Максимова. Карикатура вызвана полемикой между «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова и «Голосом» А. А. Краевского по вопросу о правительственных субсидиях.

14. «Наступила эпоха классицизма...».— «Искра», 1865, № 48. Карикатура на Н. Ф. Щербину.

15. «В Петербурге дан будет <...> большой обед...».— «Искра», 1868, № 1. Карикатура С. В. Максимова. Ап. Коляскин — А. Н. Майков.

16. Из карикатурного романа А. М. Волкова «Отцы и дети».— «Искра», 1868, № 20.

СОДЕРЖАНИЕ

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

Вступительная статья И. Ямпольского	7
---	---

I

156. В альбом русской барыне	17
157. Монолог художника в драме «Джулиано Бертини, или Терновый венок гения»	17
158. Бал	19
159. Чувство грека	20
160. Проселком	20
161. Грозный акт	21
162. Ах, где та сторона?..	23
163. Парнасский приговор	25
164—166. Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей российской словесности	
1. Во сне	27
2. Наяву.	28
3. Московская легенда XIX века	29
167. Над уриой	30
168. Провинциальным Фамусовым	31
169. Детям	32
170. Праздная суета. (Стихотворение великосветского поэта графа Чужеземцева)	32
171. <Разговор трех теней>	36
172. Нашествие свистопляски (Легенда XIX ст.)	38
173. Кумушки	39
174. Открытие	40
175. 1-е января	41
176. Отцы или дети? (Параллель)	43
177. Просьба	45
178. Педагогический приговор (Орфографическая легенда)	46
179. Последние славянофилы (Еще свежее предание)	48
180. Сказка о восточных посланцах	50
181. Юмористам	52
182. Дуэт	53
183. Вильяму Шекспиру от Михаила Бурбонова	54
184. Совет	55
185. Фанты. (Современная элегия)	56
186—187. Лирические песни с гражданским отливом	

1. «Холод, грязные селенья...»	58
2. «Солнце спряталось в тумане...»	59
188—189. Лирические песни без гражданского отлива	
1. «Ты предо мною сидишь...»	60
2. «Тихая звездная ночь...»	60
190. «Чудная картина!...»	60
191—192. Гражданские мотивы	
1. «Солнце весны улыбается кротко...»	61
2. «В глухую ночь я шел Коломной...»	61
193. Уездный городок	62
194. «Я, обожая панну Лизу...»	65
195. «Жизнь наша вроде плац-парада...»	66
196. Лирик	67
197—201. Мотивы русских поэтов	
1. Мотив мрачно-обличительный	68
2. Мотив слезно-гражданский	69
3. Мотив ясно-лирический	70
4. Юбилейный мотив	70
5. Мотив бешено-московский	71
202. На улице (Четыре мгновения)	72
203. Кто он?	72
204. «От германского поэта...»	74
205. «В кругу друзей у камелька...»	76
206. Луиная ночь	78
207. Добрый пес (<i>Басня</i>)	80
208. Двое	80
209. Муза	81
210. Шут	82
211. Насущный вопрос	83
212. «На борзом коне воевода скакал...»	84
213. Праздничная дума	86
214. Война и мир. Подражание Лермонтову («Бородино») и графу Льву Толстому («Война и мир»)	88
215. Ренегат	92
216. Интимная беседа	94
217. Фискал	95
218. Дикие силы	97
219. Две судьбы	98
220. «В стихах и в прозе, меньший брат...»	98
221. (Н. П. Р—п—ву). «Когда-то, милые друзья...»	99
222. Свой своему вовсе не брат (Современная пословица)	99
223. Полуслова	102
224. Пробуждение	103
225. Золотой век. (<i>Октавы</i>)	103
226. Сказка о славном виконте Сыр-Бри	107
227. «Поэт понимает, как плачут цветы...»	110
228. Сон великана	110
229. Смех	112
230. Житейская иерархия	112
231. Похвальное слово воровству	113
232. Через двадцать пять лет (<i>Баллада</i>)	116
233—234. Народные мотивы	
1. «Ты куда бежишь?» — «Купаться...»	121
2. Лунное затмение	121

235. Блудные дети	122
236. 6 августа 1880 (Раздумье ретрограда)	123
237. Заговор в Лесном (<i>Баллада</i>)	125
238. Король и шут	126
239. Из И. Аксакова (см. последний № «Руси»)	127
240—241. Песни о розгах	
1. «Во поле березынька стояла...»	128
2. «О незнакомец! Вы учеников-птиццов...»	129
242. Поветрие	129
243. Напрасные опасения	130
244. На морском берегу (<i>Баллада</i>)	131
245. Современные герои	132

II

246. Газете «День»	134
247. Загадка («Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?...»)	134
248—249. На художественной академической выставке	
1. Нищие (г. Гаугера)	134
2. К картине «Битая дичь» г. Граверта	134
250. Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!»	135
251. К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова	135
252. Боборыкину в роли Чацкого	135
253. Аналогия стихотворца	135
254. При посылке романа «Взбаламученное море»	136
255. По прочтении драмы «Мамаево побоище»	136
256. А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим постоянными сотрудниками детского журнала «Дело и отдых»	136
257. Пушкину, после вторичной его смерти	136
258. Н. Щербине, издавшему сборник «Пчела»	137
259. «В ресторане ел суп сидя я...»	137
260—261. З а м е т к и (Подражание московскому поэту)	
1. «На нашей почве урожайной...»	137
2. «Проснулась в нем страстей игра...»	137
262. У входа в прессу	138
263. Безымянному журналисту	138
264. «У тебя, бедняк, в кармане...»	138
265. «Каков талант? И где ж его...»	139
266. Опровержение	139
267. Клевета	139
268. «Нельзя довериться надежде...»	139
269. «Я не гожусь, конечно, в судьи...»	139
270. Журналу «Нива»	140
271. Протест	140
272. История одного романиста	140
273. Вопрос	140
274. Артисту-любителю	141
275. М. О. М(икеши)ну	141
276. Я. Полонскому, по поводу его книги «Снопы»	141
277. При чтении романа «При Петре I», соч. Ключникова и Кельснева	141
278. Параллель	142

279.	По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды» . . .	142
280.	Печальный выигрыш	142
281.	〈Осенняя виньетка〉 («Красная осень в окошко вры- вается...»)	143
282.	На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским	143
283.	М. Н. Л〈онгино〉ву	144
284.	В Финляндии	144
285—286.	Трелни и сигналы отставного майора М. Бурбонова	
1.	«Мой булочник стал дурно булкать печь...»	144
2.	«Два бедняка из лавки угловой...»	145
287.	«„Какого мнения вы об С.?“ — „Да о котором?“»	145
288.	В. Якобий. (Портрет г—жи Р-сой)	145
289.	Журналу, пережившему редактора	145
290.	Кн. В. Мещерскому	146
291.	Александринскому театру	146
292.	Чиновным немцам	146
293.	Необходимая оговорка	147
294.	Одному из многих	147
295.	Зоилу	147
296.	Хапалов. «Портрет старушки»	147
297.	После бенефиса	148
298.	«Что ж, чокнемся в последний раз...»	148
299.	Б. М〈аркевич〉чу. («На днях, влача с собой огромных два портсака...»)	148
300.	«Едва ль придет художнику охота...»	148
301.	Хлеб и соль	149
302.	Ю. Леман. «Дама под вуалью»	149
303.	И. Крамской. «Портрет художника И. Шишкина»	149
304.	Либерал от «Порядка»	149
305.	В альбом, Крупну-младшему, приехавшему в Петербург	150
306.	〈М. Т. Лорис-Меликову〉. («Как член российской нации...»)	150
307—308.	М. Н. К〈атков〉у	
1.	«С толпой журнальных кунаков...»	150
2.	«В доносах грязных изловчась...»	150
309—310.	Отголоски о цензуре	
1.	«О Зевс! Под тьмой родного крова...»	151
2.	В кабинете цензора	151
311.	«Понемножку назад да назад...»	151
312.	На ком шапка горит?	151
313.	Новая новинка	152
314.	«Лес» (И. Шишкина)	152
315.	«Сапожник» (Кочетова)	152
316.	«Вестнику Европы»	152
317.	Закулисный слух	153
318.	Справедливое опасение	153
319.	〈Е. М. Феоктистову〉 («Островский Феоктистову...»)	153
320.	Мадригал	153
321.	Жижиленко	154
322.	В. Кокорев	154
323.	Н. Н. («Он знает, где зимуют раки...»)	154
324.	Одному из лекторов	154
325.	Вик. Крылову	155
326.	〈В. П. Буренину〉. («По Невскому бежит собака...»)	155

III

327. Ад. Поэма в трех песнях. (<i>Подражание Данте</i>)	156
328. Москвичи на лекции по философии. (<i>Шутка-водевиль в одной сцене</i>)	168
329. Нигилист. <i>Поэма</i>	177
330. Демон. <i>Сатирическая поэма</i> . Песня первая	190
331. Две эпохи. <i>Поэма</i>	197

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Генрих Гейне

332. Из поэмы «Германия. Зимняя сказка». (Глава) 3	204
--	-----

Томас Гуд

333. Песня о рубашке	206
--------------------------------	-----

Шарль Бодлер

334. Каин и Авель	209
-----------------------------	-----

Виктор Гюго

335. Во мраке	210
-------------------------	-----

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

<i>Вступительная заметка</i>	213
336. Беседа с музою (в чисто классическом роде)	219
337. Притча	220
338. Проезжим (Раздумье горемыки)	221
339. Наш пролетарий	222
340. Дубинушка	223
341. Химеры	224
342. «Французы в Суэце, как видно...»	226
343. «Был близок взрыв народных масс...»	227
344. «Красный прииц в стенах Стамбула...»	227
345. <i>Erriq si tuove!</i>	227
346. «Очень грозен горизонта...»	229
347. «Для грозной силы неприятно...»	231
348. «О свободе громких фраз...»	231
349. Свой идеал (Размышления одного из «недовольных» по прочтении «Вести»)	232
350. «Орел французский встарь виосил...»	234
351. «Плантаторам рабов отдали напоследках...»	234
352. Три сына	235
353. (Э. Шнейдеру). («У вас в Крезе теперь волненья...»)	235

354. «У министров буржуазных...»	236
355. Мы — особь статья! (Иеремиада одного из последних могикаи на всероссийской почве)	236
356. <Диалог версальского и парижского хора>	238
357. <А. Тьеру>. («Развивать он бойко стал...»)	240

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

<i>Вступительная заметка</i>	243
358. Послание к Н. Л. Гнуту (Подражание Языкову с четырьмя благоприобретенными у него стихами)	249
359. Дурные вести	249
360. Дева и жрецы (Фантастическая сцена времен доистори- ческих)	250
361. Утешение в разлуке (Дуэт на голос: «Пловцы»)	253
362—363. Парижские оды	
1. Ода на «Него»	255
2. Ода на современное состояние Франции	256
364. В ресторане (В прошлом году)	257
365. «Честным я прожил певцом...»	258
366. Некрасов	259

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Тарас Шевченко

367. К музе	260
-----------------------	-----

Джузеппе Джусти

368. Ископаемый человек	261
-----------------------------------	-----

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

<i>Вступительная заметка</i>	265
369. «Ах ты, плут-мальчишка...»	269
370—371. Современные песни	
1. «Перед стройною девицей...»	270
2. «Меня зовут Амур... Не тот, что в дни былые...»	271
372. «Он был титулярный советник...»	272
373. На Невском проспекте	272
374. Негордый человек	273
375. Тростник и спина. <i>Басня для детей</i>	274
376. <Песня сумасшедшего акционера>. («Вы знавали ль Колиньона?...»)	275

377. Элегия (Один из современных вопросов с поэтической точки зрения)	277
378. Колыбельная песня	277
379. Взгляд на природу (Русская мелодия)	278
380. Веселая песенка	279
381. Стрекоза и Муравей (В новом роде)	280
382. Утешение	281
383. Мишура	282
384. Экстренный случай	284
385. Доктрина	285
386. «Бесконечной пеленою...»	287

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Вильям Шекспир

387. <Монолог Отелло из 1-го действия трагедии>. «Ее отец любил меня и часто...»	289
--	-----

ГАВРИИЛ ЖУЛЕВ

<i>Вступительная заметка</i>	293
388. У кухни	297
389. Карьера	298
390. Литературные старожилы. <i>Баллада</i>	300
391. Товарищу	302
392. Чижик	303
393. Петрушка	305
394. «Лира моя, лира...»	306

ВИКТОР БУРЕНИН

<i>Вступительная заметка</i>	309
395—397. Парижский альбом. (Посвящается А. Н. Майкову)	
1. «В русской церкви за обедней...»	314
2. «Я любил за чашкой кофе...»	315
3. «Diable m'empporte! Гулять я вышел...»	315
398—399. Драматические сцены по поводу выхода «Современника»	
1. В Москве	316
2. В Петербурге	318
400. После первого чтения г. Юркевича по «философии»	319
401. Главы из «Благонамеренной поэмы». Песнь первая	320
402. <Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского>. («Это было печальное утро: туман...»)	327
403. Из поэмы «Прерванные главы». Глава 4.	328

404. Песнь о Педифиле и Педемахе	331
405. Общественное мнение	334

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Огюст Барбье

406. Собачий пир	336
----------------------------	-----

НИКОЛАЙ ЛОМАН

<i>Вступительная заметка</i>	341
407. Перед Милютиними лавками	344
408. Утешение	344
409. На кладбище	345
410. Коварство и любовь	346
411. «Давно любовь в обоих нас остыла...»	348
412. «Вот и жду не дожусь, чтобы глянула ночь...»	351
413. «Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливо...»	351
414. «Появилась головка в окне...»	352
415. Résumé весенних стихотворений г. Крестовского	352
416. (г. Пр. Преображенскому). «Вы не поверите, что мне недавно приснилось!»	353
417. «Душе становится легко хоть на мгновенье...»	353
418—420. Стихотворения в гейневском духе	
1. (С саркастическим оттенком)	354
2. (С оттенком иронии)	354
3. (Ординарное)	354
421. «В самом деле, шли бы вы на взморье...»	354
422. «Ох, время тяжкое настало!...»	355

АЛЕКСЕЙ СНИТКИН

<i>Вступительная заметка</i>	359
423—426. Антологические стихотворения	
1. Непонятый вопрос	363
2. Подражание XIV идиллии Биона	363
3. Наше время	363
4. Поездка в Парголово	364
427—429. Элегии	
1. Воспоминание	365
2. В Павловске	365
3. «Я всё еще ее, безумный, не забыл!...»	365
430—431. Мелодии	
1. «Я мрачно сидел за бутылкой...»	366
2. «И ветер и дождик шумели...»	366
432. Подражание Гейне («Расскажи, моя малютка...»)	366
433. Солиечный свет	367
434. Угнетенная невинность, или Новая Одиссея (Невольное подражание Гомеру)	368

435. Для многих	369
Примечания	371
Список стихотворных сборников поэтов, произведения которых включены в настоящее издание	425
Указатель имен и периодических изданий к 1-му и 2-му томам	429
К иллюстрациям	454

Поэты «Искры»: Сборник: Т. 2/Вступ. заметки, П 67 сост., подг. текста и примеч. И. Г. Ямпольского.— Л.: Сов. писатель, 1987.— 464 с. 16 ил. (Б-ка поэта. Большая серия).

Во втором томе представлены ведущие поэты «Искры»: Д. Минаев, В. Богданов, Н. Курочкин, П. Вейнберг, Н. Ломан, А. Сиятский, чьи стихи, эпиграммы, статьи, фельетоны вместе с произведениями В. Курочкина сделали «Искру» наиболее ярким и значительным сатирическим журналом 1860-х годов.

П $\frac{4702010100-132}{083(02)-87}$ 423—87

ББК 84. Р 1

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

Том 2

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987, 464 стр.

План выпуска 1987 г. № 423

Художник В. В. Еремин

Худож. редактор Б. А. Комаров

Техн. редактор Л. П. Полякова

Корректоры Е. Я. Лапинь и Е. Д. Шнитникова

ИБ № 6098

Сдано в набор 05.12.86. Подписано к печати 19.06.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага ки.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 24,94. Тираж 75 000 экз. Заказ № 687. Цена 2 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.